

Семь искусств 8/2016

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

8/2016

Журнал

**«Семь искусств»
№ 8 (77) 2016**

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Семь искусств
Ганновер 2020

Журнал «Семь искусств» № 8 (77) /2016 — Ганновер:
Семь искусств. 2020. — 320 с., 22,0 а.л.

«Семь свободных искусств – основа воспитания, которое надлежит
давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно
свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».
Аристотель. "Политика".

Семь искусств
Ганновер 2020

Оглавление

<i>Евгений Беркович</i> Альберт Эйнштейн без определенного местожительства	5
<i>Борис Болотовский</i> Гурген Ашотович Аскарьян (1928-1997) Краткий очерк жизни и деятельности	19
<i>Виталий Шрайбер</i> Глобальное потепление: история в лицах и фактах	70
<i>Василий Демидович</i> Интервью с Е.А. Морозовой	95
<i>Александр Пустовит</i> Пушкин и западноевропейская философская традиция	116
<i>Эдуард Бормашенко</i> Алкиона. Главы из новой книги	143
<i>Евгений Майбурд</i> Сказание о налогах и о ненасытном чудовище Главы из новой книги	145
<i>Борис Тененбаум</i> Линкольн (главы из новой книги)	163
<i>Игорь Юдович</i> Калифорнийские древности – 1	179
<i>Борис Родоман</i> Вдохновляющие заречья	186
<i>Юрий Моор-Мурадов</i> Драма – великая обманщица	196
<i>Валерий Черешня</i> Область говорения	209
<i>Виталий Чельшев</i> Сигаретный дым нашей юности Предисловие Сергея Баймухаметова	215
<i>Леонид Гиршович</i> Два океана	226
<i>Марина Ясинская</i> Дом 302а на Большой Садовой	266
<i>Александр Левинтов</i> Стрелок. Из серии "Судьбы"	274

<i>Владимир Матлин</i>	
Эвридика, жена поэта	277
<i>Изабелла Мизрахи</i>	
Шеймас Хини и Дерек Уолкотт в переводах Изабеллы Мизрахи	283
<i>Владимир Фромер</i>	
Толя	291
<i>Ася Лapidус</i>	
Что с возу упало – то пропало. Упущенная глава	310

Евгений Беркович

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОЖИТЕЛЬСТВА

(продолжение. Начало в №7/2016)

«У меня больше профессорских мест, чем разумных мыслей»

Фредерик Линдемман, как и Оливер Локер-Лэмпсон, мечтало постоянной профессорской должности для Эйнштейна в Оксфорде. С этим нужно было торопиться, так как подобных предложений Эйнштейном получал множество. Редко какой университет мира не хотел бы заполучить в свой штат признанного лидера среди физиков-теоретиков, нобелевского лауреата и автора основополагающих работ новой физики. Не следует забывать, что Эйнштейн был связан обязательством проводить несколько месяцев в году в Институте перспективных исследований в Принстоне, и Абрахам Флекснер, основавший в 1930 году этот институт и бывший его первым директором, тоже горел желанием сделать Альберта постоянным сотрудником.

К удивлению многих, Эйнштейн нередко принимал новые предложения, о чем с восторгом писали газеты, но потом, по зрелому размышлению, брал свое согласие назад. Многие университеты, предлагая Эйнштейну место профессора, так выражали свой протест против волны увольнений еврейских ученых в Германии. Альберт понимал эту подоплеку, и ему трудно было отказать приглашавшим. Об этом он писал в Париж другу Ланжевену 5 мая 1933 года:

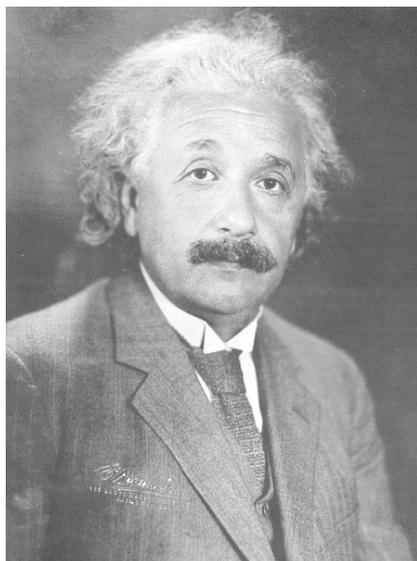
«Вы будете теперь думать, что я должен был как испанские, так и французские предложения вежливо отклонить, так как то, что я действительно могу делать, не вяжется с тем, чего от меня ждут. Однако такой отказ при современных обстоятельствах был бы неправильно понят, так как оба приглашения носили, хотя бы отчасти, характер политической манифестации, чей успех поначалу важнее всего» [Einstein, 2004 стр. 237].

Альберт охотно согласился прочитать несколько лекций в Брюсселе, Париже и Оксфорде. Скоро предложений стало так много, что он жаловался в апреле 1933 года другу молодости Соловину: «у меня больше профессорских мест, чем разумных мыслей в голове» [Fölsing, 1995 стр. 752].

Поначалу Эйнштейн принял очень заманчивое приглашение Мадридского университета и собирался с лета 1934 года насовсем перебраться в Испанию. Особенно важно для него было устроить на постоянную должность своего ассистента Вальтера Майера, на помощь которого очень рассчитывал при решении сложных математических проблем.

Вальтер был математиком, специалистом по интегральным уравнениям, дифференциальной геометрии и топологии. Обе докторские диссертации он защитил в Венском университете, где в 1926 году стал приват-доцентом, однако дальнейшему карьерному росту там мешал сильный академический антисемитизм – Майер был австрийским евреем. По рекомендации знаменитого Рихарда фон Мизеса (Richard von Mises, 1883-1953) Вальтер в 1929 году стал личным ассистентом Эйнштейна, вместе

они трудились над неподдающейся единой теорией поля. За четыре года Альберт так привык к помощи Майера, что с трудом представлял себе дальнейшую работу без своего ассистента. Кроме того, великий физик чувствовал личную ответственность за его судьбу. Испанцы обещали предоставить должность профессора математики и Майеру, что и склонило Эйнштейна принять предложение Мадрида.

Эйнштейн в Берлине

О гарантиях для сорокапятилетнего доктора Майера Эйнштейн беспокоился еще в 1931 году, вскоре после возвращения из Калифорнии. Там он получил для себя весьма заманчивое предложение занять должность профессора с окладом 35 тысяч долларов в год. В разговоре с чиновником министерства науки и образования Эйнштейн просил для своего ассистента должность экстраординарного профессора в Берлине, угрожая в случае отказа переехать в Пасадену, где доктору Майеру обещали эту должность без каких-либо трудностей [Kirsten, и др., 1979 стр. 139-140].

Теперь возможность поторговаться за место ассистенту предоставил Мадрид.

О возможном переезде ученого в испанскую столицу писала газета «Нью-Йорк Таймс» 11 апреля 1933 года: «Испанский министр заявил, что физик согласился занять место профессора» [Айзексон, 2016 стр. 513].

Подобные сообщения, безусловно, нервировали Абрахама Флекснера, который рвался заполучить Эйнштейна к себе в Принстон. Альберт воспользовался этим, чтобы и здесь добиться каких-то гарантий для своего ассистента. В письме Флекснеру в том же апреле физик прозрачно намекает:

«Из газет Вы уже знаете, что я согласился занять место в Мадридском университете. Испанское правительство гарантировало мне право рекомендовать им математика, который станет полным профессором. Его отсутствие может создать мне затруднения для моей собственной работы» [Айзексон, 2016 стр. 513].

Флекснер вынужден был уступить и обещать Вальтеру Майеру пусть не профессорское, но постоянное место в штате Института перспективных исследований. Это и предопределило, в конце концов, окончательное решение Эйнштейна.

Надо сказать, что Флекснер в письме от 26 апреля 1933 года предостерегал Эйнштейна от чрезмерной привязанности к ассистенту, приводил примеры, к чему это может привести. Физик тогда не прислушался к этим советам, а зря. Оказалось, что Флекснер был прав. Через три года совместной работы в Принстоне Майер прекратил работу с Эйнштейном и занялся своими собственными исследованиями.

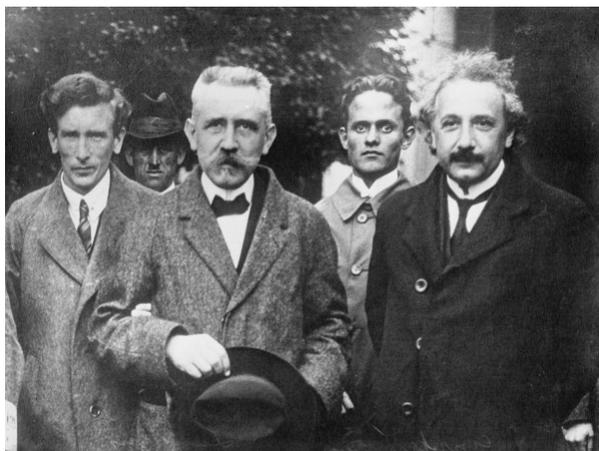
Из мадридского предложения ничего не вышло. Какие-то женские и католические организации Испании начали публично протестовать против назначения Эйнштейна, и тот, в конце концов, отказался от переезда на Пиренейский полуостров [Clark, 1974 стр. 339].

Вопрос с постоянным местом работы и жительства оставался открытым. Предложение Флекснера переехать в Принстон насовсем Эйнштейн не торопился принять. У него были основания скептически относиться к Америке, к атмосфере, царившей в ее научных и учебных заведениях.

В апреле 1932 года Эйнштейн предостерегает лейденского друга Эренфеста, просившего найти ему работу в Америке:

«Должен сказать откровенно, в долгосрочной перспективе я предпочел бы жить в Голландии, а не в Америке. Не принимая в расчет горстку действительно прекрасных ученых, это скучное и пустое общество, способное вскоре заставить тебя содрогнуться» [Айзексон, 2016 стр. 495].

Отношение Эйнштейна к Америке было противоречивым. Ему нравилась страна, которая, как и он сам, высоко ценила свободу и права личности. В то же время истинному европейцу, каким всегда считал себя Альберт, были не по душе излишняя простота нравов, доходившая до грубости, и постоянное стремление к материальной выгоде. Была бы его воля и подходящие условия для работы в Европе, он бы не стремился перебраться через океан.

Поль Ланжевен и Альберт Эйнштейн, 1923 г.

Друзья во Франции, прежде всего, Поль Ланжевен (Paul Langevin, 1872-1946), попытались добиться от правительства новой ставки профессора математической

физики в Коллеж де Франс (Collège de France) в Париже. И это предложение Эйнштейн вначале принял, но, поразмыслив, отказался.

В упомянутом письме Ланжевену от 5 мая 1933 года Эйнштейн высказался по поводу приглашения в Париж:

«Меня очень порадовало чудесное отношение ко мне французского правительства и участвовавших в этом коллег. Я не мог официально поблагодарить, так как никакого сообщения о выборе Коллеж де Франс еще не получил.

Трудности, которые я испытываю, прямо противоположны тем, что выпали на долю моих соплеменников, изгнанных из Германии. А именно, я должен всю зиму (5-6 месяцев) работать в исследовательском институте Абрахама Флекнера в Принстоне. Далее, я приглашен ежегодно в течение пяти лет месяц проводить в Крайст-Чёрч коллеже в Оксфорде. Кроме того, Испания предложила, чтобы я преподавал (тоже в должности профессора) в университете Мадрида, и я обещал, что в следующем апреле туда приеду. Я согласился на это еще до того, как получил французское предложение» [Einstein, 2004 стр. 236].

Только сейчас он по-настоящему оценил преимущества своей берлинской работы – профессор Прусской академии наук не должен был читать обязательных лекций студентам, а в Париже, Мадриде и других университетских центрах это стало бы главной обязанностью профессора. В письме Ланжевену от 4 июля 1933 года Эйнштейн именно этим обосновал свой отказ:

«...я не подхожу для того, чтобы читать большое число лекций, которые могли бы быть полезными молодым людям» [Fölsing, 1995 стр. 753].

И чтобы отказ не обидел друга, Альберт рисует свой портрет исследователя:

«Я довольно много работал, правда, большинство снова выбросил, и я еще не знаю, оправдает ли себя то, что я сохранил. Я никакой не знаток, я только искатель. Но то, что я нашел, и то, что себя оправдало, знает каждый нормальный студент, и было бы смешно, если бы я ему это докладывал. Я кажеусь себе старым котом, которого впрягли в маленький красивый вагончик, в то время, как он ничего другого не может, как ловить мышшей. Или представляю себя цыганом-скрипачом, который не может прочесть ни одной ноты, но должен стать первой скрипкой в симфоническом оркестре» [Fölsing, 1995 стр. 753].

Жертвы двух диктатур

Об одном экзотическом приглашении Эйнштейна на работу, поступившем летом 1933 года, рассказал мне Борис Шайн, американский математик, работавший до 1979 года в Саратовском государственном университете [Беркович, и др., 2009]. Речь идет о предложении великому физиком стать профессором этого учебного заведения. Приглашение исходило от Гавриила Константиновича Хворостина, влиятельного человека в городе и имевшего, как говорят, высокопоставленного покровителя в Москве. В 30-е годы Хворостин стал ректором (директором) Саратовского университета. Надо сказать, что Саратов не был Эйнштейну совсем незнакомым городом – здесь жил и работал профессор Милош Мариц, с 1930 года заведующий университетской кафедрой гистологии, брат Милевы, первой жены Альберта Эйнштейна.

По словам Бориса Шайна, Эйнштейн ответил, что ему никогда не выучить русский язык. Тогда Хворостин придумал хитрый план: создать Академию наук автономной республики немцев Поволжья, сделать Эйнштейна ее президентом с хорошей зарплатой, а жить и работать физик будет в Саратове. Хворостину было, конечно, известно, что Академии наук автономным республикам не положены, они существовали только в союзных республиках, но он надеялся этот вопрос уладить с помощью своего покровителя в ЦК ВКП(б).

Из этого плана ничего не вышло, но сама идея приглашения в СССР ученых евреев из Германии, искавших спасения от преследования нацистов, была не нова. Только в Томском государственном университете им. Куйбышева работали математики из Германии Фриц Нётер (Fritz Noether, 1884-1941), Штефан Бергман (Stefan Bergmann, 1895-1977) и другие. Им удалось за два года осуществить уникальное по тем временам в Сибири издание *«Известий НИИ математики и механики»* на немецком языке, в котором печатался даже Альберт Эйнштейн [Кликушин, и др., 1992].

Всего из Германии в Советский Союз эмигрировало в тридцатые и сороковые годы двадцатого века около трех тысяч немецких граждан. Большинство из них были коммунисты, спасавшиеся от репрессий гитлеровцев. Среди эмигрантов из Германии немалую часть составляли и евреи.

Регина и Фриц Нётер, Эмма Нётер, Герберти Лотта Хайзиг, 1933 г.

Судьба большинства из них сложилась трагически. Бежав от одной диктатуры, они пали жертвами другой. Показательна история Фрица Нётера, брата знаменитой Эммы Нётер, создательницы современной алгебры. Потеряв из-за еврейского происхождения должность профессора Технического университета Бреслау, Фриц в 1934 году принял предложение переехать с семьей в Томск. Но уже в 1937 году был арестован. Судебный процесс проходил в Новосибирске. Нётер был признан виновным в том, что, будучи членом террористической шпионской организации, основанной в Советском Союзе немецкими разведывательными службами, он по их заданию с 1934 года занимался шпионажем в пользу гитлеровской Германии и организацией актов саботажа на оборонных предприятиях СССР. В числе обви-

нений фигурировали и совсем фантастические: Фриц, якобы, должен был помочь немецким подводным лодкам пройти через устье Оби! Никого не озадачило, что Нётер – еврей, считающийся на родине злейшим врагом национал-социализма. Признавая под давлением следствия свою вину в подобных нелепых обвинениях, Фриц надеялся, что суд увидит всю их несурзность. Но этим надеждам не суждено было реализоваться.

Следствие продолжалось почти год: приговор был зачитан 23 октября 1938 года. Основанием для осуждения названы параграфы 6, 7, 8 и 11 знаменитой пятьдесят восьмой статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, находящиеся в главе «Преступления против государства» в разделе «Контрреволюционная деятельность».

Приговор оказался суров: 25 лет заключения с конфискацией имущества. Жена Фрица умерла еще в 1935 году. Оставшихся без родителей сыновей Фрица – Германа и Готфрида Нётер – в марте 1938 года просто выслали из СССР. То, что им невозможно вернуться в Германию, где они вместе с отцом в том же году были лишены немецкого гражданства, никого не волновало. К счастью, у Германа и Готфрида нашлись родственники в Швеции, откуда молодых людей удалось переправить в США. Оба получили хорошее образование и стали в Америке известными учеными. Но то, что судьба сыновей Нётер сложится благополучно, никто тогда не мог знать.

Альберт Эйнштейн, обеспокоенный известием об аресте профессора Нётера, не преминул похотатайствовать и о его детях. В 1994 году опубликован русский перевод письма великого физика наркому иностранных дел М.М. Литвинову. Письмо написано в апреле 1938 года, когда подследственный Фриц ждал вынесения приговора:

*Господину Народному Комиссару
Литвинову
Москва, СССР
28 апреля 1938 г.*

Глубокоуважаемый господин Литвинов!

Обращаясь к Вам с этим письмом, я выполняю тем самым свой долг человека в попытке спасти драгоценную человеческую жизнь. Речь идет о математике, профессоре Фрице Нетере, который в 1934 г. был назначен профессором Томского университета. 22 ноября 1937 г. он был арестован и препровожден в Новосибирск в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии. Два его сына были 20 марта 1938 г. высланы из России.

Я очень хорошо знаю Фрица Нетера как прекрасного математика и безукоризненного человека, не способного на какое-либо двурушничество. По моему убеждению, выдвинутое против него обвинение не может иметь под собой оснований. Моя просьба состоит в том, чтобы Правительство особенно обстоятельно расследовало его дело, дабы предотвратить несправедливость по отношению к исключительно достойному человеку, который посвятил всю свою жизнь напряженной и успешной работе. Если его невиновность подтвердится, я прошу Вас поспособствовать тому, чтобы и оба его сына смогли вернуться в Россию, чего они хотят более всего. Эти люди заслуживают особого к ним внимания.

*С глубоким уважением
профессор А. Эйнштейн [Эйнштейн, 1994]*

Как и следовало ожидать, просьба великого физика осталась без внимания.

Фактических доказательств вины Фрица перед советской властью не было и не могло быть. В приговоре есть ссылка на показания самого обвиняемого, сделанные на предварительном следствии, а также протоколы очных ставок с другим обвиняемым, бывшим директором института Львом Александровичем Вишневым. Когда пятьдесят лет спустя Пленум Верховного суда СССР вновь исследовал материалы дела, то было установлено, что все указанные протоколы подделаны. Не было на самом деле ни признания Фрица Нётера, ни показаний против него со стороны Вишневого. Допросы бывших сотрудников Фрица, выступавших в качестве свидетелей, однозначно говорят о лояльности Нётера советской власти, никаких антисоветских высказываний от него никто не слышал. Косвенным подтверждением этого служит и тот факт, что Фриц готовился принять советское гражданство.

Кроме того, и почвы для шпионажа у немецкого профессора не было: в Институте математики и механики Томского университета не велись работы по развитию каких-либо современных систем вооружения. К единственному баллистическому отделу, в котором исследовались какие-то военные задачи, хоть и не связанные ни с каким секретным оружием, Нётер никого отношения не имел. К секретным работам допуска у профессора не было, ни в какие военные тайны его не посвящали.

Говорят, хотя это и не подтверждено имеющимися в распоряжении историков документами, что имя профессора стояло в утвержденном руководителем Имперского управления безопасности Рейнхардом Гейдрихом списке лиц, подлежащих немедленному аресту после захвата Германией территории СССР.

Но арестовать математика, отбывавшего наказание в знаменитом Орловском центре, гитлеровцы не успели – он раньше пал жертвой советской карательной системы. По новому приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 сентября 1941 года, вынесенного без всякого дополнительного судебного или досудебного расследования, он был в числе 157 заключённых расстрелян и тайно похоронен в орловском лесу. В глазах руководителей СССР математик, которого гитлеровцы считали предателем Третьего Рейха, принадлежал также к опаснейшим врагам Советского Союза. Так несчастный Фриц Нётер оказался врагом, а точнее, жертвой, двух могущественных диктатур: сталинской и гитлеровской [Беркович, 2009].

Не исключено, что и Эйнштейну грозила подобная судьба, прими он предложение переехать в Саратов.

«Большевики мне больше по вкусу»

Трудности с русским языком были не единственной причиной, по которой Эйнштейн отказался переехать в Советский Союз. Из-за его левых взглядов, пацифистских настроений, неприятия нацизма многие считали его убежденным коммунистом, сторонником Коминтерна. Во время поездки в Америку он не раз сталкивался с протестами против его якобы сталинистских пристрастий. На самом деле, любая диктатура, будь то сталинская или гитлеровская, одинаково были для ученого неприемлемыми, хотя он не ставил между ними знак равенства.

Собираясь в сентябре 1933 года в Америку, Эйнштейн дал интервью газете «*Нью-Йорк Ворлд Телеграм*» (The New York World Telegram), в котором подчеркнул:

«Я убежденный демократ и именно поэтому я не еду в Россию, хотя получил очень радужное приглашение. Мой визит в Москву наверняка был бы использован советскими правителями в политических целях. Сейчас я та-

кой же противник большевизма, как и фашизма. Я выступаю против любых диктатур» [Einstein, 2004 S. 234].

В том же месяце в другом интервью, опубликованном одновременно в двух газетах – «Таймс оф Лондон» (The Times of London) и в «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times) – Эйнштейн признался, что «иногда бывал одурочен организациями, представлявшимися чисто пацифистскими или гуманитарными, а на самом деле занимавшимися не чем иным, как закамуфлированной пропагандой на службе русского деспотизма» [Айзексон, 2016 стр. 523].

И далее еще откровенней: «Я никогда не одобрял коммунизм, не одобряю его и сейчас». Ученый подчеркнул, что он против любой власти, «порабощающей личность с помощью террора и насилия, проявляются ли они под флагом фашизма или коммунизма» [Айзексон, 2016 стр. 523].

Однако отношение Эйнштейна к большевистской диктатуре вовсе не было столь же последовательным и бескомпромиссным, как к диктатуре Гитлера. Свои симпатии к идеям равенства и отсутствия эксплуатации Эйнштейн никогда не скрывал. Он был членом пацифистской организации «Союз нового отечества» (Bund neues Vaterland), которая после Первой мировой войны ставила перед собой задачу улучшения немецко-российских отношений. Осенью 1919 года три члена Союза – Альберт Эйнштейн, лауреат нобелевской премии мира Альфред Фрид (Alfred Hermann Fried, 1864–1921) и граф Гарри Кесслер (Harry Graf Kessler, 1868–1937) – выступили с протестом против экономической блокады Советской России, объявленной странами Антанты в октябре 1919 года.

В январе 1920 года Альберт пишет Максу Борну:

«Я должен тебе вообще-то признаться, что большевики мне больше по вкусу, чем их смешные теории. Было бы чертовски интересно на эти вещи посмотреть разок вблизи. Во всяком случае, движущая сила их лозунгов велика, так как военная машина Антанты, которая перемолола немецкие армии, растаяла в России как снега мартовском солнце. У них в руководстве сидят толковые люди. Я читал недавно одну брошюру Радека – полное уважение, он свое дело понимает!» [Einstein-Born, 1969 стр. 43–44].

Борн так прокомментировал письмо своего старшего товарища:

«Политические взгляды Эйнштейна в этом письме особенно красноречивы. Он тогда, как и многие, верил, что большевистская революция принесет истинное освобождение от пороков нашего времени: милитаризма, бюрократического насилия, плутократии, и он надеялся на улучшение состояния коммунистами – как бы ни были смешны их теории... Во всяком случае, его надежда на русскую революцию покоилась больше на ненависти к господствовавшим на Западе властям, чем на рациональном рассмотрении правильности коммунистических идей» [Einstein-Born, 1969 стр. 46–47].

По своему общественному темпераменту Эйнштейн не отказывался от самых диковинных предложений войти в некий комитет, возглавить какое-нибудь общество или подписать петицию против чего-то или в защиту кого-то. Для него было важно помочь слабым, преследуемым и угнетенным, поддержать борьбу с насилием, нарушением прав человека, разжиганием новой войны. Так он оказался членом, а то и почетным председателем нескольких десятков обществ, комитетов, советов...

С 1918 года Эйнштейн входил в Наблюдательный совет «Международного союза молодежи», основанного Леонардом Нельсоном (Leonard Nelson, 1882–1927).

Без колебаний великий физик присоединился к Международному комитету рабочей помощи (Межрабпом) голодающим в России, созданному по призыву Ленина от второго августа 1921 года [Ленин, 1960а стр. 250]. Деятельность Межрабпомом координировалась Коминтерном. Секретарем Комитета рабочей помощи был коммунист Вилли Мюнценберг (Willi Münzenberg, 1889-1940), известный в Берлине издатель, глава отдела пропаганды Коминтерна. Эйнштейн поддерживал с Мюнценбергом близкие отношения вплоть до своего окончательного отъезда из Германии.

Многие историки называют Мюнценберга самым эффективным пропагандистом первой половины XX века, гением дезинформации. Вилли был знаком с Лениным еще по Швейцарии и пользовался его безграничным доверием. В 1920 году Мюнценберг становится членом Коминтерна, фактически ответственным за ведение коммунистической пропаганды на Западе. Несмотря на голод в России, Мюнценбергу выделялись огромные средства на создание благоприятного для Советов политического климата в Европе. Чтобы заинтересовать либералов идеями большевизма, он создавал многочисленные организации, которые чаще всего маскировались под благотворительные фонды. В «сети» Мюнценберга попало множество европейских интеллектуалов, которых Ленин называл «полезными идиотами» [Gross, 1991]. Не избежал подобной участи и великий физик. В июне 1923 года Эйнштейн вошел в состав Центрального комитета «Общества друзей новой России», основанного Вилли Мюнценбергом. Журнал этого Общества «Новая Россия» (Das neue Russland), выходивший в Берлине на немецком языке, регулярно высылался физику на дом [Goenner, 2005 стр. 303]. К этому обществу принадлежали также писатели Томас Манн и Альфред Дёблин (Alfred Döblin, 1878-1957).

Вилли Мюнценберг

Еще одно общество, в руководство которого пригласили Эйнштейна, было создано по инициативе российского Народного комиссариата просвещения. Учредительное собрание общества «Культура и техника» состоялось в Доме ученых в Москве 8 марта 1924 года. Сам великий физик на собрании не присутствовал, но прислал приветствие, в котором описал задачи вновь создаваемого общества. С со-

ветской стороны его возглавил торгпред России в Берлине Борис Спиридонович Стомоныков (1882-1940), впоследствии заместитель наркома иностранных дел СССР. Эйнштейн был избран почетным председателем общества, под эгидой которого, но без его непосредственного участия прошла в Москве 8-15 января 1929 года «Неделя германской техники», устроенная обществом «Культура и техника».

Общество активно развивалось, в 1926 году оно насчитывало 56 членов (из них 6 — коллективных), а в 1932 году — уже 176 членов, представителей научно-технической интеллигенции двух стран. С приходом нацистов к власти деятельность общества «Культура и техника» стала приходить в упадок, и в 1937 году Общество было ликвидировано [Райхцаум, 2007].

К участию в перечисленных организациях можно добавить почетное президентство с 1922 года в «Доме отдыха выздоравливающих ученых и художников в Бад Эмсе», почетное членство с 1926 года в Профсоюзе немецких работников умственного труда и с 1927 года членство в Попечительном совете «Фонда Вальтера Ратенау» [Goepfer, 2005 стр. 301]. В том же году Эйнштейн вместе с французским писателем-коммунистом Анри Барбусом (Henri Barbusse, 1873-1935) становятся почетными президентами «Лиги против империализма и за национальную независимость». К этой же лиге принадлежал ганноверский философ и публицист, приват-доцент (экстраординарный профессор) Высшей технической школы (Технического университета) Теодор Лессинг (Theodor Lessing, 1872-1933), прославившийся пророческим предвидением прихода Гитлера к власти во время президентских выборов в Германии в 1925 году. Нам еще предстоит встретиться с Теодором Лессингом на этих страницах.

Осенью 1923 года в берлинских изданиях появились сообщения, что создатель теории относительности несколько дней провел в Москве и Петрограде. Об этом сообщали, например, газеты «Дойче Альгемайне Цайтунг» (Deutsche Allgemeine Zeitung) 15 сентября 1923 года или «Фоссише Цайтунг» (Vossische Zeitung) № 359 [Fölsing, 1995 стр. 620]. На самом деле, Эйнштейн ни тогда, ни потом в СССР не приезжал ни на день. За коммунистическим экспериментом он предпочитал наблюдать и высказывать свои симпатии, находясь от границ Советского Союза на безопасном расстоянии. Макс Борн подчеркивает:

«Тема русской революции возникает в его последующих письмах довольно часто. Однако когда Эйнштейн должен был покинуть Германию, он поехал в Америку, а не в Россию. Насколько мне известно, Россию он никогда не посещал» [Einstein-Born, 1969 стр. 47].

В 1930 году в СССР состоялось несколько показательных процессов против «врагителей» и других «врагов народа». Наиболее известно «дело» так называемой Промпартии. Но был еще один судебный процесс — против «организаторов голода». Ведь надо было найти виноватых в том, что в результате сталинской коллективизации миллионы советских людей голодали, многие умирали от голода.

Об этом процессе писал А.И. Солженицын во втором томе своего исследования «Двести лет вместе»:

«Кто помнит, в сентябре 1930, молниеносный расстрел сорока восьми специалистов-птицеводов — „организаторов голода“ (то есть вместо Сталина), „врагителей“ в мясном, рыбном, консервном, овощном делах? Среди этих несчастных и евреев не менее десяти» [Солженицын, 2002 стр. 276].

Как всегда, компанию в прессе начала газета «Правда» – 22 сентября она вышла с броским заголовком:

«"Раскрыта контрреволюционная организация вредителей рабочего снабжения", — огромными буквами и затем несколько мельче, но все еще крупным шрифтом: "ОГПУ раскрыта контрреволюционная, шпионская и вредительская организация в снабжении населения важнейшими продуктами питания (мясо, рыба, консервы, овощи), имевшая целью создать в стране голод и вызвать недовольство среди широких рабочих масс и этим содействовать свержению диктатуры пролетариата. Вредительством были охвачены: "Союзмясо", "Союзрыба", "Союзплодоовощ" и соответствующие звенья аппарата Наркомторга» [Чернавин, 1999 стр. 64].

Известный экономист и общественный деятель Борис Давыдович Бруцкус (1874-1938), высланный из Советской России в 1922 году, попытался поднять голоса протеста западных интеллектуалов ^[1]. Письмо против «красного террора» подписали Арнольд Цвейг и Альберт Эйнштейн. Ромен Роллан письмо не подписал.

В абсурдном обвинении сорока восьми специалистов народного хозяйства в организации голода создатель теории относительности увидел *«либо отчаяние загнанного в угол режима, либо массовый психоз, либо смесь и того и другого... Очень печально, что развитие СССР, на которое мы смотрели с надеждой, ведет к таким ужасным вещам»* [Fölsing, 1995 стр. 727].

Однако подпись Эйнштейна под письмом протеста продержалась недолго. В его круге общения было немало советских людей и немецких коммунистов, которые по своей инициативе или по заданию соответствующих органов, оправдывали действия Сталина. И ученый, независимый от чужого мнения и уверенный в себе в вопросах физики, в области политики легко поверил их доводам.

Об уверенности физика в правоте своих научных построений красноречиво говорит такой эпизод. В 1921 году, будучи в первой поездке по США, Эйнштейн столкнулся с неприятным известием: во время одного торжественного приема в честь автора теории относительности по залу прошел слух, что физик Дейтон Миллер (Dayton Clarence Miller, 1866-1941) из Кливленда повторил опыт Майкельсона-Морли установив существование эфира, что опровергло теорию Эйнштейна. Ни секунды не сомневаясь в правильности своего открытия, Эйнштейн сказал фразу, которую потом, через десять лет, выбьют в камне над камином в институте математики и физики в Принстоне: *«Господь изощрен, но не злонамерен»*. Эксперимент Мюллера впоследствии был признан ошибочным.

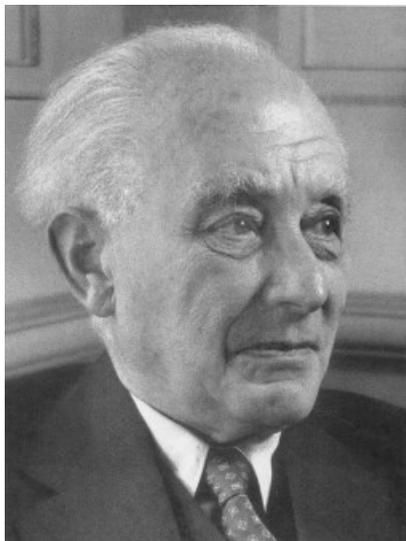
В отношении к сталинской диктатуре такой твердости Эйнштейн не показал. Уже через год после суда над «организаторами голода» оценка Эйнштейна этого процесса радикально изменилась. Теперь он поверил в законность и оправданность сталинских чисток и уполномочил своего друга профессора высшей математики Ленинградского университета Германа Мюнинца (Hermann Mueninz, 1884-1956) опубликовать в журнале *«Новая Россия»* опровержение своего первоначального мнения. В заметке приводились слова Эйнштейна:

«После долгих колебаний я поставил в тот раз мою подпись, так как доверял компетентности и честности тех людей, которые обратились ко мне, и, кроме того, потому что считал психологически невозможным, чтобы люди, которые несли полную ответственность за функционирование важной технической установки, намеренно вредили тем целям, которым должны были служить. Сегодня я глубоко сожалею, что я поставил

тогда свою подпись, так как я больше не верю в правильность моих давешних взглядов. Тогда мне не приходило в голову, что при особом положении Советского Союза там может быть что-то, что не вписывается в привычный для меня порядок вещей» [Grundmann, 2004 стр. 411].

Далее следовало замечание профессора Мюнинца о том, что Эйнштейн, будучи членом «Общества друзей новой России», внимательно следит за успешным ходом социалистического строительства в Советском Союзе. «*Западная Европа, – заявил Эйнштейн – будет вам скоро завидовать»* [Grundmann, 2004 стр. 411].

Кто именно переубедил Эйнштейна и заставил поверить сталинской пропаганде, сказать трудно. Возможно, это был Дмитрий Марьянов, русский журналист, приписанный к советскому посольству в Берлине, ставший в 1930 году мужем младшей приемной дочери Эйнштейна Марго. Не исключено, что влияние на великого физика оказал Вилли Мюнценберг, с которым Альберт поддерживал тесные отношения.

Макс Борн

Свое новое мнение о сталинских чистках Эйнштейн не изменил и в последующие годы. Когда Большой террор в 1937 году набрал гигантские обороты, он писал другу Максу Борну из Принстона:

«Множатся признаки того, что русские процессы представляют собой никакое не мошенничество, на самом деле речь идет о заговоре, в глазах которого Сталин – тупой реакционер, который предал идею революции. Правда, нам в это трудно поверить, но лучшие знатоки России придерживаются такого же мнения. Вначале я был твердо убежден, что тут речь идет о лжи и махинациях при обычных властных интригах диктатора, но это было заблуждение» [Einstein-Born, 1969 стр. 179].

Вот как далеко завели великого физика «лучшие знатоки России» – до оправдания сталинского Большого террора!

В том же письме Макс Борну Эйнштейн рассказывает про свою жизнь в Принстоне и как бы мимоходом упоминает о смерти жены: *«прекрасно обжился, живу как медведь в берлоге и чувствую себя больше дома, чем за всю свою переменчивую жизнь. Это чувство медвежьего одиночества только возросло после смерти подруги, которая связывала меня со многими людьми»* [Einstein-Born, 1969 стр. 177-178].

Макс Борн, словно пытаясь оправдать друга, замечает:

«Довольно удивительно, как Эйнштейн в коротком описании своей медвежьей жизни, в которой он себя чувствует дома, вскользь извещает о смерти жены. При всей доброте, отзывчивости и любви к людям был он независим от своего окружения и от близких людей» [Einstein-Born, 1969 стр. 180].

Такого же мнения была Фрида, жена Густава Баки (Gustav Peter Bucky, 1880-1963), американского врача и изобретателя, работавшего в Берлине. Он был лечащим врачом дочерей Эйнштейнов Ильзу и Марго, кроме того, вместе с Альбертом работал над созданием автоматического фотоаппарата. Фрида познакомилась с семьей Эйнштейнов в Капуте, где те проводили летние месяцы. По ее словам, *«своего рода тонкая воздушная прослойка отделяла Эйнштейна от самых близких друзей и даже от членов его семьи – прослойка, за которой он в полете своего воображения создал собственный малый мир»* [Брайен, 2000 стр. 372-373].

Находясь в этом *«собственном малом мире»*, ученый прекрасно разбирался в сложнейших физических процессах, но иногда ошибался в оценке человеческих отношений и социальных явлений.

(продолжение следует)

Литература

- Clark, Ronald W. 1974. *Albert Einstein. Eine Biographie*. Esslingen: Bechtle Verlag, 1974.
- Einstein, Albert. 2004. *Über den Frieden. Weltordnung oder Weltuntergang? Hrsg. von Otto Nathan und Heinz Norden*. Neu Isenburg: Abraham Melzer Verlag, 2004.
- Einstein-Born, Albert Einstein – Hedwig und Max Born. 1969. *Briefwechsel 1916-1955*. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1969.
- Fölsing, Albrecht. 1995. *Albert Einstein. Eine Biographie*. Ulm: Suhrkamp., 1995.
- Goenner, Hubert. 2005. *Einstein in Berlin*. München: Verlag C. H. Beck, 2005.
- Gross, Babette. 1991. Willi Münzenberg: Eine politische Biographie. Leipzig: Forum Verlag, 1991.
- Grundmann, Siegfried. 2004. *Einsteins Akte. Wissenschaft und Politik – Einsteins Berliner Zeit*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2004.
- Kirsten, Christe und Treder, Hans-Jürgen. 1979. *Albert Einstein in Berlin_ 1913*. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.
- Айзексон, Уолтер. 2016. *Альберт Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная*. М.: Издательство Аст, 2016.
- Беркович, Евгений и Шайн, Борис. 2009. Одиссея Фрица Нётера. Послесловие. *Заметки по еврейской истории, № 11(114)*. 2009.
- Беркович, Евгений. 2009. Одиссея одной династии. *Еврейская Старина*. 2009.
- Брайен, Дэнис. 2000. *Альберт Эйнштейн*. Минск: Попурри, 2000.

Кликушин, М.В. и Красильников, С.А. 1992. Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «Лузинщина» в Сибири. *Советская история: проблемы и уроки*. Новосибирск: с.п., 1992.

Ленин, В.И. 1960а. Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И. Ленина к международному пролетариату. *Документы внешней политики СССР. Том 4*. М.: Госполитздат, 1960а.

Райхцаум, Александр. 2007. Как Германия и СССР дружили «культурой и техникой». *Московская немецкая газета, 16 сентября*. 2007.

Солженицын, А.И. 2002. *Двести лет вместе, часть II*. М.: Русский путь, 2002.

Чернавин, В. В. 1999. Записки "вредителя". Владимир и Татьяна Чернавины. *Записки "вредителя"; Побег из ГУЛАГа*. СПб.: Канон, 1999.

Эйнштейн, Альберт. 1994. Письмо Альберта Эйнштейна М.М. Литвинову в защиту проф. Ф. Нетера. 28 апреля 1938. Публ. и пред. В.Я. Френкеля. Пер. Л.В. Славгородской и В.Я. Френкеля. *Звезда, 1994, №12, с.187-193*. 1994.

Примечание

[1] В книге [Goenner, 2005 стр. 304] вместо Бориса Бруцкуса ошибочно указан его брат Юлий, литовский министр, историк и публицист.

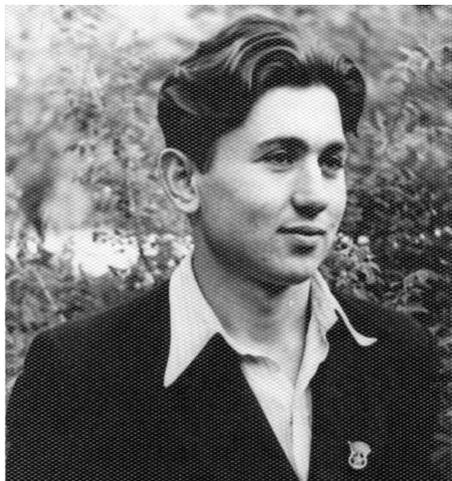
Борис Болотовский

ГУРГЕН АШОТОВИЧ АСКАРЬЯН (1928-1997)

Краткий очерк жизни и деятельности

Всю свою жизнь Гурген Ашотович Аскарьян провел в Москве. Он говорил о себе: «Я – армянин московского разлива». Он очень редко выезжал из Москвы, и если выезжал, то всегда на короткий срок – несколько дней, не больше недели. Он так и не побывал в Армении, несмотря на многочисленные приглашения своих друзей и коллег – физиков из Еревана, которые, как и все физики, высоко ценили выдающиеся научные достижения Г.А. Аскарьяна и контакты с ним – научные и чисто человеческие.

Он родился 14 декабря 1928 года в семье московских врачей. Отец – Ашот Богданович Аскарьян был известным московским врачом-терапевтом. Мать – Астрика Михайловна – была зубным врачом. Это была интеллигентная семья. Родители Г.А. Аскарьяна были широко образованными людьми, знатоками и ценителями живописи, музыки и художественной литературы, и Гурген унаследовал эти качества.

Гурген Аскарьян

В семье было двое детей – Гурген и его сестра, которая была на два года старше. Сестру по метрике назвали Викторией, но в семье ее звали армянским именем Гоар. Так нередко бывает в армянских семьях – одно имя употребляется в официальных документах, а другое – в родственном и дружеском общении. Со временем вместо армянского имени Гоар девочку стали называть русским именем Галя. Астрику Михайловну тоже называли близким по звучанию русским именем – Ася Михайловна.

С малых лет дети обучались музыке: Гоар – фортепиано, а Гурген – скрипичной игре. Дети занимались с охотой. Нередко, обучая детей музыке, родители не собираются сделать их музыкантами, а рассматривают музыкальное образование как часть общей культуры. Так первоначально обстояло дело и в семье Аскарьянов. Но дети все без увлечения занимались. Гоар решила стать пианисткой, а маленький Гурген увлекся скрипичной игрой. Дети готовились стать музыкантами, и родителям казалось, что будущее их сына и дочери определено. Если говорить о Гоар, то надежды родителей оправдались. Она закончила музыкальную школу, а затем и Музыкальный Педагогический Институт имени Гнесиных. Что же касается Гургена, то из него музыканта не получилось, хотя он проучился музыке в общей сложности 15 лет – сначала в музыкальной школе, а потом в техникуме.

Дети рано остались без отца – Ашот Богданович умер в 1940 году, когда Гургену было 12 лет. Перед смертью отец просил Гургена, как старшего после себя мужчину в семье, помогать матери и сестре, заботиться о них. Гурген обещал и обещание свое самоотверженно выполнил. Всю жизнь он был заботливым сыном и заботливым братом. Но все же, пока он не вырос, все заботы о семье легли на плечи матери. Ей пришлось нелегко. Надо было и работать и поднимать детей Астрика Михайловна справлялась со всеми трудностями, хотя это было на пределе ее сил. Она одна вырастила детей.

На следующий год после смерти отца началась война. В первые месяцы войны немецкая авиация бомбила Москву. Началась массовая эвакуация детей из столицы. Семья Аскарьянов осталась в городе. Гурген был свидетелем массового бегства из Москвы в октябре 1941 года, когда передовые немецкие части уже доходили до пригородов Москвы. Он пережил трудную зиму 1941-1942 года, не прекращая учебы в школе.

Учеба давалась Гургену с легкостью, в свободное от занятий время он много читал, зачитывался научной фантастикой. Особенно он любил фантастический роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Когда Гурген читал эту книгу, он понимал, что там все выдумка, что устройство, созданное инженером Гариным в том виде, как его описал Алексей Толстой, на самом деле не может дать тонкий световой луч, прожигающий все на своем пути. И прочитав эту книгу, он мечтал изобрести настоящие, «взаправдошные» лучи смерти и с помощью этих лучей уничтожать силы зла, защищать мирных людей, искоренить войны на Земле.

Кроме научной фантастики Г.А. Аскарьян увлекался научно-популярной литературой, в частности прочитал все замечательные книги Я.И. Перельмана. Он читал также и книги по естественным наукам – физике и математике, – содержание которых выходило за пределы школьного обучения. Одновременно он продолжал учиться игре на скрипке, имея намерение стать профессиональным музыкантом. Однако, когда Г.А. Аскарьян был близок к окончанию средней школы, произошло событие, которое изменило его планы. В Советский Союз на гастроли приехал великий скрипач Иегуди Менухин. Гурген, как будущий скрипач, получил возможность присутствовать на репетиции Иегуди Менухина. Игра Иегуди Менухина потрясла Гургена. Это была только репетиция, но Гурген уже достаточно разобрался в скрипичной игре, чтобы понять, что перед ним гениальный мастер. Одновременно он понял также, что никогда не сможет приблизиться по уровню к игре Иегуди Менухина. На этой репетиции он решил отказаться от карьеры скрипача.

Школу Гурген окончил в 1946 году с золотой медалью. Это был первый послевоенный год. В то время медалисты имели право поступления в любое высшее

учебное заведение без вступительных экзаменов. Аскарьян подал документы на физический факультет Московского Государственного Университета. Этот выбор не был неожиданным, – в школьные годы Г. Аскарьян особо интересовался физикой и математикой, прекрасно успевал по этим предметам и знания его далеко выходили за пределы школьной программы. Но он столь же успешно занимался и музыкой. Выбор дался ему нелегко. Заявление он подал втайне от матери, которая до последнего момента была уверена, что ее сын будет продолжать музыкальное образование.

Он был зачислен студентом первого курса Физического факультета. В послевоенные годы набор на Физический факультет был значительно расширен. Страна нуждалась в специалистах по новой технике – атомной энергетике, радиолокации, ракетной технике. На первом курсе училось около трехсот студентов. Аскарьян в этом большом коллективе занял свое особое место. Он был приметной фигурой по нескольким причинам. Во-первых, он много знал и много занимался, не удовлетворяясь только знаниями, полученными на лекциях. Он с легкостью отвечал на вопросы, которые возникали у его товарищей. Во-вторых, он вел себя очень независимо и его высказывания по поводу событий, происходивших на курсе и на факультете (и не только на факультете) нередко расходились с мнением влиятельных на курсе людей или даже с мнением факультетского руководства. При этом его высказывания по форме нередко были довольно язвительны (хотя по существу и правильны). По этим причинам некоторые студенты и преподаватели относились к нему недоброжелательно, хотя (или потому, что) признавали справедливость его высказываний.

Когда пришло время специализации, Аскарьян выбрал отделение строения вещества. Это отделение готовило специалистов по физике атомного ядра. Заведовал отделением академик Дмитрий Владимирович Скобельцын.

Попасть на отделение строения вещества для Гургена оказалось непростым делом. Он не состоял в комсомоле, и это послужило препятствием, поскольку на отделение строения вещества зачислялись наиболее сознательные студенты, а раз ты не комсомолец, то какой же ты сознательный студент? Гургена первоначально зачислили на отделение радиофизики. Отделением заведовал профессор Самсон Давыдович Гвоздовер. Он Аскарьяна знал и был рад, что того зачислили именно к нему. Но сам Гурген при всем уважении к Самсону Давыдовичу хотел все-таки учиться на отделении строения вещества. Гвоздовер уговаривал Аскарьяна остаться. Однажды он сказал Аскарьяну: «Я вам буду как родной отец!». Гурген ответил: «Мама будет не согласна». С.Г. Гвоздовер не обиделся – он ценил остроумие. Старания Гургена увенчались успехом и он был в конце концов зачислен на отделение строения вещества.

Лекции и лабораторные занятия для студентов отделения проводились в отдельном здании, специально выделенном для этого. Здание располагалось в одном из пустынных и незастроенных тогда проездов недалеко от станции метро «Сокол». Это было типовое школьное здание, переоборудованное под научно-исследовательский институт. Здание охранялось, вход туда был по пропускам, все, что было связано с этим зданием – и научная работа, которая там проводилась, и содержание лекций для студентов, и даже адрес – все было засекречено. Гурген вспоминал, что когда студенты в первый раз отправились туда, им не сообщили адрес, а дали провожатого – одного из преподавателей – и студенты должны были следовать за ним, не отставая, но держась несколько поодаль, чтобы не навести вражеских резидентов на этот секретный центр. Им только сказали, что этот секретный объект находится поблизости от общественной столовой.

Гурген опоздал. Когда он приехал на «Сокол» и вышел из метро, студенты уже ушли. Тогда он стал спрашивать у прохожих, не знают ли они, где здесь столовая. Одна старушка радостно сказала ему: «А, столовая! Это рядом с секретным институтом», и объяснила, как туда пройти. Он пришел раньше всех, потому что преподаватель, который вел студентов, по дороге петлял, чтобы сбить с толку возможных вражеских лазутчиков.

Научно-исследовательский институт назывался НИФИ-2. В лабораториях этого института студенты проходили физический практикум – знакомились с приборами и методами исследования в ядерной физике – а также слушали лекции по различным разделам физики атомного ядра. Состав преподавателей и лекторов был первокурсный. Лекции читали И.М. Франк, В.И. Векслер, Л.В. Грошев, Ф.Л. Шапиро, М.А. Марков, И.Я. Померанчук, Д.И. Блохинцев и другие выдающиеся физики.

Обстановка в этом закрытом институте была либеральной и гораздо более мягкой, чем вовне. В то время (конец сороковых годов) в Советском Союзе в самом разгаре было гонение на космополитов, борьба с низкопоклонством перед Западом и перед западной наукой. Я помню, в те годы вышел учебник Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица «Статистическая физика». Так вот, авторов упрекали в том, что в этом учебнике нет ссылок на М.В. Ломоносова. Дальше – больше. Невежественные и горластые авторы шумно громили в печати научные теории, составляющие основу современной физики – теорию относительности, квантовую механику. Немало можно привести примеров, самых анекдотичных. Вся эта деятельность носила уродливые формы и могла дать только один результат – еще большую изоляцию Советского Союза, в том числе и изоляцию советской науки от мировой. В это самое время в стенгазете НИФИ-2 появилась заметка, написанная профессором Ильей Михайловичем Франком (будущим академиком и будущим лауреатом Нобелевской премии по физике). Франк писал, что советская наука есть неотъемлемая часть мировой науки, нельзя их разделять, что всякая попытка изолировать советскую науку может привести только к гибельным последствиям. Нужно было немалое мужество, чтобы высказать свое мнение, столь явно противоречившее официальной точке зрения.

Своей заметкой И.М. Франк мог нажить себе большие неприятности. Но в тот раз все обошлось. По крайней мере, никаких явных неприятностей, связанных с заметкой, у И.М. Франка не было. Гурген полагал, что взаимопонимание, терпимость и порядочность, которые были характерны для отношений между сотрудниками НИФИ-2, были заложены Д.В. Скобельцыным, директором этого института. Конечно, так оно и было, но и остальные сотрудники оказались на высоте.

Г. Аскаръян учился с увлечением и проявил несомненные способности к научной работе, к научному творчеству. Будучи студентом третьего курса, он высказал очень важную идею, обещающую новые возможности регистрации заряженных частиц. Идея заключалась в следующем. Когда быстрая заряженная частица движется через вещество, она теряет энергию на взаимодействие с атомами вещества. Эта энергия выделяется в областях, лежащих вдоль пути заряженной частицы. Представим себе теперь, что заряженная частица движется в перегретой жидкости. Жидкость нагрета до такой степени, что она вот-вот должна закипеть. Для того чтобы жидкость закипела, требуется затратить совсем немного энергии. Пусть через перегретую жидкость движется заряженная частица. Она теряет энергию на ионизацию и возбуждение атомов жидкости. Энергия эта невелика, но она достаточна для того, чтобы перегретая жидкость на пути частицы закипела. И тогда вдоль пути частицы появится цепочка из пузырьков пара. След частицы в жидкости можно будет увидеть.

Г. Аскарьян провел несложные предварительные расчеты и пришел к выводу, что такое устройство вполне можно осуществить. Но он не нашел поддержки, и его замысел так и не был осуществлен. У Г. Аскарьяна не было никакого опыта научной работы. Он не опубликовал свое предложение и ограничился тем, что обсудил его с несколькими физиками. Но прошло несколько лет, и устройство, которое он предлагал осуществить, было создано. Американский физик Дональд Артур Глезер независимо пришел к такой же идее и осуществил ее в 1952 году. Созданное им устройство использовало перегретую жидкость и позволяло наблюдать следы заряженных частиц. Это устройство было названо пузырьковой камерой.

Пузырьковая камера существенно расширила возможности наблюдения в физике элементарных частиц. За ее создание Д.А. Глезер получил Нобелевскую премию по физике за 1960 год.

Этот случай с одной стороны вызвал у Гургена чувство досады, связанное с тем, что он, хотя и высказал правильную идею, но не смог ее воплотить и даже не опубликовал. С другой стороны, он после этого случая уверовал в свои силы.

Дипломную работу Г. Аскарьян выполнял на кафедре И.М. Франка под научным руководством И.С. Шапиро. В дипломной работе был предложен новый способ регистрации заряженных частиц, который давал возможность не только зарегистрировать прохождение заряженной частицы, но и получить изображение ее трека в измерительном устройстве. В устройство, рассмотренное Г. Аскарьяном, входила прозрачная люминесцирующая среда, в которой проходящая частица оставляет за собой светящийся след. Изображение этого следа с помощью оптической системы подавалось на фотокатод многосеточной электронно-оптической трубки. Свет от следа выбивал электроны с фотокатода, и этот поток, проходя через трубку, возрастал лавинообразно. Поток электронов нес с собой изображение следа заряженной частицы. В конце усиления поток электронов еще дополнительно ускорялся и выпускался на флюоресцирующий экран, на котором воспроизводилось изображение трека.

Предложение было оценено положительно, но оно так и осталось предложением. Попыток к реализации своего проекта Г. Аскарьян не делал и не пытался что-либо сделать, потому что время, отпущенное на выполнение дипломной работы, ушло на разработку проекта, а после успешной защиты и окончания университета ему предстояло распределение на работу, и было неясно, куда, в конце концов, его направят и что ему придется делать на новом месте. Тем не менее, идея, изложенная в проекте, вызвала одобрение и была высоко оценена специалистами. Идея дипломной работы вместе с несостоявшимся проектом пузырьковой камеры в какой-то мере определила уже тогда репутацию Г. Аскарьяна как незаурядного физика.

Через несколько лет после окончания университета Г. Аскарьян опубликовал в Журнале Экспериментальной и Теоретической Физики (ЖЭТФ) краткое изложение своей дипломной работы.

В декабре 1951 года Г. Аскарьян окончил университет и был направлен по распределению в распоряжение Отдела кадров Академии Наук СССР. Оттуда его должны были направить в один из институтов Академии наук для работы или для продолжения учебы. Но распределение задержалось на год. Аскарьян взял длительный отпуск по состоянию здоровья.

В эти годы он выглядел так: среднего роста, смуглый, правильные черты лица, большие внимательные глаза, взгляд прямой. Одет в черный потрепанный костюм. Под пиджаком – темная ковбойка. На шее в несколько оборотов – серый

пуховый шерстяной шарф, концы которого доходят до пояса. Шарф свой он никогда не снимал, и эта деталь его одежды служила предметом неисчерпаемых шуток со стороны его друзей. Он не оставался в долгу и охотно вступал в шутивную перепалку, из которой почти всегда выходил победителем.

В октябре 1952 года Г.А. Аскарьян был зачислен в аспирантуру Института Химической Физики Академии Наук. Его научным руководителем стал один из выдающихся физиков современности академик Яков Борисович Зельдович. Зельдович охотно взял Аскарьяна в аспирантуру и позволил ему самому выбирать направление исследований. В предварительных разговорах Г. Аскарьян рассказал ему о своем проекте пузырьковой камеры. Я.Б. Зельдович довольно скептически отнесся к идее и сказал, что на этом пути вряд ли можно ожидать успеха.

Через несколько дней после того, как Г. Аскарьян договорился с Я.Б. Зельдовичем о поступлении в аспирантуру, его (Аскарьяна) разжал академик Евгений Константинович Завойский, прекрасный экспериментатор, ученый, обладавший тончайшей физической интуицией и автор поразительных открытий. Е.К. Завойский узнал об Аскарьяне от И.М. Франка. Дело было так. Завойский создал детектор заряженных частиц на многокаскадных фотоэлектронных преобразователях. О своей установке он сделал доклад на одном из семинаров. После Завойского выступил с докладом И.М. Франк, который, в частности, рассказал и о схеме регистрации заряженных частиц, предложенной в дипломной работе Г. Аскарьяна. Завойского очень заинтересовал проект Аскарьяна, имевший много общего с идеей его установки, и он решил подробнее расспросить автора. После непродолжительной беседы Завойский предложил Аскарьяну место в своей лаборатории. Это было очень лестное предложение, но Гурген вынужден был отказаться, так как уже договорился с Я.Б. Зельдовичем. Узнав причину отказа, Е.К. Завойский одобрил намерение Г. Аскарьяна.

Но аспирантом у Зельдовича Аскарьян пробыл недолго. Вскоре Зельдович вынужден был уйти из Института Химической Физики. Аскарьян оказался аспирантом без руководителя. Хуже того, с уходом Я.Б. Зельдовича упразднилось и место для его аспиранта.

В 1953 году Г.А. Аскарьян был переведен в аспирантуру Физического Института имени П.Н. Лебедева Академии Наук СССР (сокращенно – ФИАН). Его руководителем был утвержден Матвей Самсонович Рабинович, кандидат физико-математических наук. Вскоре Рабинович защитил докторскую диссертацию, которая была готова задолго до защиты. В то время работы М.С. Рабиновича были засекречены, а когда секретность была снята и работы стало можно публиковать, тогда все узнали то, что до этого было известно лишь немногим – что М.С. Рабинович – один из крупнейших ученых мира в области физики ускорителей. Позднее его работы по физике плазмы также принесли ему международную известность.

Гурген, придя в ФИАН, попал в лабораторию, которую возглавлял член-корреспондент Академии Наук Владимир Иосифович Векслер. В лаборатории проектировались и строились ускорители заряженных частиц. Это было новое и быстро развивавшееся направление в физике. В 1945 году В.И. Векслер выдвинул новый принцип ускорения заряженных частиц – принцип автофазировки. Использование этого принципа позволяло разгонять заряженные частицы до очень высоких энергий. В космических лучах, приходящих на Землю из глубин Галактики тоже попадают частицы высоких энергий, но их число очень невелико. Между тем, физика элементарных частиц достигла такой стадии развития, когда стало необходимо изучать

взаимодействия между частицами при высоких энергиях. Ускорители позволяли получать такие частицы с энергиями, которые до этого встречались только в космических лучах, но с интенсивностью намного большей, что значительно облегчало измерение. После открытия принципа автофазировки началось строительство ускорителей, рассчитанных на все большие и большие энергии ускоренных частиц. В лаборатории, которую возглавлял В.И. Векслер, как раз и велось проектирование и строительство ускорителей. Но создание ускорителей не было самоцелью – на полученных пучках частиц высокой энергии в лаборатории велись исследования, имевшие большое значение для физики элементарных частиц. В те годы вся деятельность лаборатории была засекречена. Даже название ее – Эталонная лаборатория – было таким, чтобы никто не догадался, чем в этой лаборатории занимаются.

Эталонная лаборатория быстро росла и скоро стала одной из самых больших в ФИАНе. В ней было несколько действующих ускорителей, и разрабатывался проект самого большого в мире протонного ускорителя – синхрофазотрона. Впоследствии этот ускоритель был построен в Дубне.

М.С. Рабинович, научный руководитель Г.А. Аскарьяна, в то время был заместителем заведующего Эталонной лабораторией. Он предоставил Г.А. Аскарьяну свободу в выборе темы для исследования и правильно сделал. Рабинович сразу понял, что Аскарьян – яркая научная индивидуальность с большой тягой к самостоятельности, его невозможно было заставить заниматься тем, что было для него неинтересно. С другой стороны, предоставив ему самому выбирать темы для исследования, можно было с полным основанием ждать хороших результатов.

И все же, хотя Гурген получил полную свободу в своей научной работе, и несмотря на то, что тематика лаборатории – физика ускорителей – была довольно далека от тех научных интересов, с которыми он пришел в Эталонную лабораторию – несмотря на все это, он через небольшое время после своего появления активно включился в научные исследования, которые в то время велись в лаборатории. И нет никакого сомнения в том, что это произошло под влиянием тогдашнего «завлаба» – Владимира Иосифовича Векслера. Векслер обладал удивительным качеством – если его начинала интересовать какая-либо физическая проблема, то эта проблема становилась важной и интересной для всех его сотрудников. Трудно сказать, в чем была причина такого воздействия. Никакого принуждения тут не было. Может быть, причина заключалась в том, что физические проблемы, которые интересовали В.И. Векслера, были сами по себе интересны и становились еще ярче и интереснее, когда он о них рассказывал. И он не жалел времени на обсуждение новых идей, и эти обсуждения много давали его собеседникам. Энтузиазм Векслера действовал заражающе.

В то время, когда Г. Аскарьян пришел в Эталонную лабораторию, там уже работало несколько электронных ускорителей, и разрабатывался проект протонного ускорителя на 10 миллиардов электрон-вольт. Позднее этот ускоритель был построен в Дубне, и на момент запуска это был ускоритель, который разгонял протоны до рекордной энергии (хотя довольно скоро рекорд этот был перекрыт – вошли в строй зарубежные ускорители на еще более высокие энергии). Все эти ускорители были основаны на применении высказанного В.И. Векслером в 1945 году принципа автофазировки (через год этот принцип был независимо высказан американским физиком Э. МакМилланом). Принцип заключался в том, что при определенных условиях ускоряемая частица «сама» подстраивается к переменному ускоряющему напряжению и удерживается в режиме ускорения.

Одновременно В.И. Векслер искал новые, более эффективные способы ускорения заряженных частиц. Он выискивал и рассматривал такие физические явления, в которых возникают сильные электрические поля, с тем, чтобы эти поля использовать для ускорения. В.И. Векслер указал на целый ряд таких процессов – столкновение быстрых заряженных частиц, столкновение заряженной частицы со сгустком, содержащим много заряженных частиц, столкновение сгустка со сгустком, взаимодействие сгустка заряженных частиц с электронной плазмой или с сильной электромагнитной волной. Качественно было ясно, что во всех этих процессах возможно создать такие условия, что одна какая-нибудь частица или группа частиц будет набирать энергию. Но каждое такое предложение надо было исследовать детально. Качественных соображений в таких вопросах было недостаточно.

Г.А. Аскарьян заинтересовался тем комплексом проблем, который был связан с поисками В.И. Векслера. Его увлекли перспективность проблемы, ее важность для физики высоких энергий, яркая физическая фантазия и в то же время профессиональный инженерный подход В.И. Векслера. Начались оживленные обсуждения, количественные оценки, выбор наиболее обещающих вариантов. Г.А. Аскарьян с большой охотой и интересом обсуждал с В.И. Векслером различные возможности. В.И. Векслер сразу же признал в нем равного, и это тоже способствовало их совместной работе – другого отношения к себе Аскарьян не признавал, и если, скажем, Векслер был бы менее открытым и более высокомерным человеком, то никакого сотрудничества между ним и Г. Аскарьяном не получилось бы. С другой стороны, Г. Аскарьян относился к В.И. Векслеру с большим уважением и даже восхищением, отдавая дань его большим познаниям, научной смелости и демократизму. Немалую роль играло и то обстоятельство, что В.И. Векслер был, как и сам Гурген, человеком острым на язык и неутомимым отчаянным спорщиком. Дискуссия с таким человеком, даже независимо от научной ценности, была интересна и сама по себе. Кроме того, довольно быстро выяснилось, что оба они – и Векслер и Аскарьян – были любителями и знатоками изобразительного искусства.

Несколько раз в неделю В.И. Векслер приходил к Г.А. Аскарьяну и они с увлечением обсуждали различные новые возможности в проблеме ускорения заряженных частиц. Один из вариантов состоял в ускорении электронных и плазменных сгустков в поле сильной электромагнитной волны. Успех в этом деле обеспечил бы, в частности, получение достаточно быстрых и достаточно мощных плазменных потоков. Однако, в этом варианте возникло множество проблем, даже на стадии обсуждения. Дело в том, что сильная электромагнитная волна не только ускоряла сгусток, но и меняла его форму и размеры и даже могла вызвать смещение сгустка как целого в нежелательном направлении. В результате сгусток мог еще до окончания процесса ускорения «сесть на стенку» ускорительной камеры и погибнуть. Все эти вопросы следовало выяснить не только на качественном уровне, но и количественно.

На этом этапе к рассмотрению подключился профессор Михаил Львович Левин, работавший в Радиотехническом институте Академии Наук. Это был человек редкого обаяния и огромных знаний, причем не только в области физических наук, а и в истории, литературе, искусстве, короче говоря, М.Л. Левин был выдающимся представителем человеческой культуры. Наука, можно сказать, является одной из сторон человеческой культуры. Культура же М.Л. Левина была всесторонней. К тому же, он был веселым человеком, много шутил, и общение с ним было тем самым человеческим общением, о котором Антуан де Сент-Экзюпери сказал, что оно – самая большая роскошь на свете. Кстати говоря, всякое общение с Гур-

геном тоже воспринималось как самая большая роскошь. Несмотря на разницу в возрасте (М.Л. Левин был старше на семь лет) и на различие темпераментов (М.Л. Левин был мягче характером, не было у него в поведении такой резкости, какая бывала иногда у Гургена), между Г.А. Аскарьяном и М.Л. Левиным быстро возникли дружеские отношения, которые сохранились на всем протяжении их дальнейшей жизни.

Как известно, с помощью статических электрических полей нельзя зафиксировать заряженную частицу в определенном положении, таком, что если какой-то внешней силой вывести частицу из этого положения, то она снова туда вернется. Это утверждение составляет содержание так называемой теоремы Ирншоу, и из него (из утверждения) следует, что невозможно с помощью статических полей создать такие условия, при которых покоящийся сгусток заряженных частиц не будет распыляться. В проблемах, связанных с радиационным ускорением, сгустки были не покоящиеся, а движущиеся, и поля были не статические, а переменные. Первые прикидки приводили к тому же пессимистическому результату, что и статическом случае. Получалось, что в полях простой конфигурации (основные и близкие к основным моды волновода) сгусток распыляется и уходит на стенку. Надо было искать такую конфигурацию сгустка и такую комбинацию мод в ускоряющей волне, чтобы сгусток не распылялся и прижимался к оси. Этим и занялся Г.А. Аскарьян.

Попутно Гурген подал в Комитет по делам изобретений и открытий заявку, которая стала поводом для многих шуток. В заявке он предложил способ, позволяющий сохранить тело умершего человека от разложения. Способ этот заключался в том, что тело подвергалось воздействию определенной дозы радиоактивного излучения. После этого бактерии, вызывающие разложение, уже не могли существовать.

Трудно сказать, что натолкнуло Г. Аскарьяна на такое предложение. Возможно, что толчком послужило событие, которое произошло в Эталонной лаборатории незадолго до этого. В этой лаборатории работал электронный ускоритель на энергию 250 миллионов электрон-вольт. Во время работы магнит ускорителя охлаждался потоком воздуха. Воздух сразу же становился радиоактивным и потом выбрасывался в атмосферу через высокую трубу, похожую на заводские трубы. Зимой на край трубы садились птицы и грелись в потоке теплого воздуха. Бывало, что некоторые птицы умирали – это могло быть в силу естественных причин, но и радиоактивный воздух, идущий из трубы, тоже не прибавлял им здоровья. Мертвые птицы падали на дно трубы. Когда стали чистить магистраль, по которой выбрасывался теплый радиоактивный воздух, обнаружили тельца этих погибших птичек, которые прекрасно сохранились, они даже не были затронуты разложением.

Возможно, что была какая-то другая причина, которая побудила Г.А. Аскарьяна выдвинуть свое предложение. Сам он на вопрос, как он пришел к своей заявке, ответил, что его тетя была патологоанатомом, и его идея возникла в результате разговоров с ней. Действительно, для патологической анатомии, для криминалистики и не только для этих двух областей возможность предотвратить разложение тела после смерти, хотя бы на сравнительно небольшое время, может оказаться очень полезной. Так или иначе, он подал свою заявку, и началось длительное хождение его самого и прохождение его заявки по всем необходимым инстанциям. В конце концов, он получил свидетельство об изобретении, но на это ушло года два.

Вот эта заявка, в течение тех двух лет, что Гурген ее оформлял, и послужила поводом для многих шуток.

Я предложил назвать процесс, предлагаемый в заявке, гургенизацией. Лев Коврижных усовершенствовал это название, предложив называть процесс холодной гургенизацией. Потом я составил список сотрудников Эталонной лаборатории, желающих подвергнуться холодной гургенизации после смерти. Мы тогда все были молодые и не упустили случая повалять дурака. Список оказался довольно большой, человек десять лабораторной молодежи. Мы все отправились к Гургену, и я вручил ему список, выразив при этом надежду, что поддержка общественного мнения в нашем лице, несомненно, поможет ему пробить заявку. Я выразил уверенность в том, что со временем холодная гургенизация станет поголовной. Г.А. Аскарьян внимательно выслушал мою речь, поблагодарил за сочувствие, взял из моих рук список, тут же проглядел его и попросил меня взять список обратно. Он сказал, что предлагаемый им метод направлен на сохранение тел выдающихся людей, а среди подписавшихся он таких не видит. Скорее наоборот, он считает всех нас... и он сказал, кем (или чем) он нас считает, употребив для этой цели несколько кратких, но энергичных слов, которые я теперь, много лет спустя, в точности не помню, и это к лучшему. Мы должны были признать, что Гурген подготовился к поединку лучше нас. Получилось так, что мы пошли по шерсть, а вернулись стриженые.

Исследование устойчивости плазменных ступков в поле ускоряющей волны тем временем продолжалось, и оно вышло за рамки ускорительной физики. Г.А. Аскарьян предложил и рассмотрел возможные применения быстрых электронных и плазменных ступков. Одно из применений представляло интерес для широко проводимых в то время исследований по физике управляемых термоядерных реакций. Дело в том, что предложенные Г.А. Аскарьяном методы локализации позволяли проводить интенсивный нагрев ступков с сохранением их удержания. Использование эффективных методов локализации облегчало предварительный нагрев электронной плазмы. Второе предложенное Г.А. Аскарьяном применение быстрых локализованных плазменных ступков заключалось в использовании этих ступков для генерации мощного коротковолнового электромагнитного излучения. Г.А. Аскарьян рассмотрел несколько вариантов такой генерации. Один из вариантов состоял в том, что на пути ускоренного ступка помещалась мишень. Попадая на мишень, ступок давал импульс переходного излучения. Это было, по-видимому, первое предложение об использовании переходного излучения для генерации миллиметровых электромагнитных волн.

Среди задач, рассмотренных в то время Г. Аскарьяном, одна мне очень понравилась и запомнилась. Он рассчитал излучение, возникающее при подлете заряженной частицы к идеально проводящему шару. Сама частица движется равномерно и поэтому не излучает – как известно, равномерно движущийся в вакууме заряд не дает излучения. Но на поверхности шара наводятся переменные токи и заряды, и они являются источниками излучения. Определение этих токов и зарядов – дело сложное. Г. Аскарьян не стал вычислять наведенные токи и заряды. Он выбрал простой и красивый путь, пригодный, правда, только при малых скоростях заряда, точнее говоря, при скоростях малых в сравнении со скоростью света. За основу он взял решение классической задачи о поле покоящегося заряда, расположенного вблизи от проводящего шара. Как известно, в этом случае поле вне шара можно представить как поле двух зарядов – исходного заряда и некоторого фиктивного заряда, который называется изображением, причем существуют простые правила, позволяющие определить и величину и местоположение заряда-изображения. При этом получается статическое решение, пригод-

ное для покоящегося заряда. Аскарьян предположил (с полным основанием), что если заряд достаточно медленно перемещается, то его изображение также будет медленно перемещаться, и сумма полей заряда и изображения будет достаточно точно описывать возникающее при этом поле. Если заряд, налетающий на шар, движется равномерно, то его изображение движется ускоренно, следовательно, оно должно стать источником излучения. Работу свою, опубликованную в Журнале Экспериментальной и теоретической Физики, Г.А. Аскарьян так и назвал: «Об излучении ускоренно движущегося электрического изображения равномерно движущегося заряда». В ней было подсчитано излучение заряда-изображения при подлете заряженной частицы к проводящему шару. Этот красивый подход был позднее использован другими авторами для решения близких задач, скажем, задачи об излучении заряженной частицы, пролетающей над гофрированной металлической поверхностью.

В эти годы Г. Аскарьян также выполнил несколько работ, посвященных взаимодействию быстрых заряженных частиц с веществом. Если можно так сказать, его интересовали видимые эффекты, сопровождающие такое взаимодействие. Например, если частица движется в пересыщенном паре, то ее след содержит много ионизированных атомов, и эти атомы служат центрами конденсации пара. След частицы становится видимым – ниточка тумана в прозрачной среде. Явление конденсации пара на ионах лежит в основе действия камеры Вильсона. Если частица движется в перегретой жидкости, то энергия, теряемая ею на ионизацию, при определенных условиях может вызвать вскипание жидкости, и тогда след частицы становится видим – вдоль следа образуются пузырьки пара. Это явление используется в работе пузырьковой камеры. Выше уже было сказано, что Г. Аскарьян пришел к идее пузырьковой камеры еще на студенческой скамье, но не смог ее осуществить и даже не подумал о том, что следовало бы опубликовать самую идею. Однако, его продолжали интересовать детали работы пузырьковой камеры, такие как механизм вскипания под действием ионизирующего излучения, плотность пузырьков вдоль трека ионизирующей частицы и т. д. Интересовал его и процесс зарождения пузырьков пара.

В 1957 году Г. Аскарьян опубликовал работу, посвященную взаимодействию быстрых частиц с веществом. Работа содержала рассмотрение нового эффекта и основанного на этом эффекте нового способа регистрации быстрых заряженных частиц. Гурген показал, что прохождение быстрой заряженной частицы через вещество – стабильное вещество, а не перегретое, конденсированная среда, а не пересыщенный пар – прохождение частицы через стабильное конденсированное вещество сопровождается генерацией звука, звуковых волн. Частица на своем пути тормозится, теряет энергию, эта энергия, в конечном счете, переходит в тепло и идет на нагрев той части среды, которая прилегает к треку частицы. Нагрев, в свою очередь, вызывает тепловое расширение, и от трека частицы идет звуковая волна. Звук может быть также связан с образованием пузырьков (достаточно вспомнить, как шумит на огне закипающий чайник). В работе было отмечено, что при определенных условиях (если, скажем, переход энергии, затраченной на ионизацию, в тепло происходит достаточно быстро) энергия звуковых волн может составить значительную долю полных потерь на ионизацию. Даже и в этом оптимальном случае отдельная заряженная частица создает достаточно слабую звуковую волну, и такую волну трудно зарегистрировать, но это уже вопрос технический. Главное состояло в том, что путь частицы в веществе стало возможно сделать не только видимым, но и слышимым. В дальнейшем эта работа о генерации звука при прохождении быст-

рой заряженной частицы через вещество получила важное развитие в физике высоких энергий. Об этом будет сказано ниже.

Работы Г. Аскарьяна о возбуждении звуковых волн в конденсированной среде (в стабильной конденсированной среде – не перегретой, не переохлажденной, далекой от всех возможных фазовых переходов) получили важные применения в физике высоких энергий. Об этих применениях мы еще скажем. Пока же отметим, что эти работы способствовали созданию нового и важного направления в физике – радиационной акустики. Недавно (в 1996 году) в издательстве Физматлит вышла книга Л.М. Лямшева «Радиационная акустика», из которой читатель может узнать подробнее об истории вопроса и о роли Г. Аскарьяна в развитии этой области и ее применений.

Интересно отметить, что короткая статья Г. Аскарьяна, в которой рассматривалась генерация звука при прохождении ионизирующей частицы через вещество, была отвергнута редакциями нескольких журналов. В конце концов статья попала в журнал «Атомная энергия» и была направлена на рецензию Евгению Константиновичу Завойскому, который дал на статью вполне положительный отзыв, отметив, что идея, высказанная в статье, открывает много новых возможностей. Статья была опубликована.

Спустя 20 лет, в 1957 году, Г. Аскарьян и Б.А. Долгошеин в совместной статье предложили регистрировать нейтрино высоких энергий в толще океанской воды с помощью приемников звука – гидрофонов.

При взаимодействии нейтрино с атомными ядрами рождаются мюоны (μ -мезоны). Если энергия нейтрино достаточно велика, то и мюон может иметь большую энергию. В этом случае мюон порождает электронно-фотонную лавину в глубине океана. Энергия мюона переходит в энергию большого числа ионизирующих частиц и в конечном счете происходит быстрое выделение тепловой энергии вдоль ствола лавины. Происходит резкое тепловое расширение и порождается звук. При достаточно большой энергии первичного нейтрино этот звук вполне поддается регистрации. Нейтрино взаимодействует с ядрами намного слабее, чем остальные элементарные частицы. Поэтому регистрация звукового импульса на большой глубине говорит о том, что этот импульс порожден именно нейтрино – другие частицы, например протоны, входящие в состав космических лучей, если и порождают лавину, то вблизи от поверхности воды.

Акустическая регистрация удобна тем, что акустический датчик регистрирует звук, порожденный в довольно большом объеме окружающего пространства. Принятый в настоящее время способ регистрации по свечению Вавилова-Черенкова, требует установки многих черенковских счетчиков там, где хватило бы нескольких гирлянд гидрофонов. В этом отношении акустическая регистрация значительно проще. Но есть свои проблемы и методе акустической регистрации. Одна из них – шумы постороннего происхождения, которые всегда присутствуют в морской воде. Тем не менее, сейчас в программе глубоководной регистрации мюонов и нейтрино (программа DUMAND) предполагается использовать и методы акустической регистрации.

В первой половине 50-х годов Владимир Иосифович Векслер стал уделять все больше внимания десятиллиардному синхрофазотрону в Дубне – сначала строительству, потом запуску, а потом физическим измерениям на пучке уско-

ренных протонов. В конце концов он сложил с себя обязанности заведующего Эталонной лабораторией в ФИАНе. Вскоре после этого Эталонная лаборатория прекратила свое существование. Она была разделена на пять лабораторий, меньших по размеру. Заведующим одной из них – лабораторией плазменных явлений – стал Матвей Самсонович Рабинович, научный руководитель Аскарьяна по пребыванию в аспирантуре. Гурген стал сотрудником той же лаборатории. Рабинович неоднократно требовал от Г. Аскарьяна, чтобы тот подготовил, наконец, кандидатскую диссертацию – результатов для этого было более чем достаточно. Но Гурген все тянул и тянул. Кончилось тем, что М.С. Рабинович, как говорится, сел верхом на Аскарьяна и не слезал с него до тех пор, пока тот не написал кандидатскую диссертацию.

В основу своей кандидатской диссертации, которую он успешно защитил в первой половине 1961 года, Г. Аскарьян положил исследования по ускорению плазменных сгустков и по использованию ускоренных сгустков. Работы по динамике образования пузырьков и по генерации звука также составляли достаточный материал для диссертации. Он мог бы стать кандидатом физико-математических наук значительно раньше. С момента его зачисления в аспирантуру ФИАН и до защиты диссертации прошло 8 лет. Обычно аспиранту средних способностей для этого достаточно трех лет или около того. Гурген по своему научному уровню был много выше среднего. Почему же он не уложился в три года? Потому что он не придавал никакого значения ни степеням, ни званиям. В науке для него, конечно, были критерии, по которым он оценивал свои достижения и достижения других исследователей, но эти критерии совершенно не учитывали достигнутых степеней и званий. Главное было – красота замысла, важность результата. И столь же высоки были его нравственные критерии оценки. Он не молчал, сталкиваясь со случаями не порядочного поведения, любого отклонения от порядочности – доноса, предательства, незаслуженного восхваления или незаслуженного поругания, карьеризма. И он боролся против тех действий, которые он считал не порядочными, не обращая внимания на то, каково положение людей, совершающих эти действия, кто эти люди – кандидаты наук, доктора наук или члены Академии. Он не придавал никакого значения своему продвижению по лестнице степеней и званий.

Я тогда был сотрудником Теоретического отдела ФИАН. М.С. Рабинович попросил меня ознакомиться с диссертацией Г.А. Аскарьяна и высказать свое мнение о ней на Ученом совете лаборатории, где диссертацию предполагалось обсудить и представить к защите. Для меня эта просьба явилась своего рода потрясением – я считал, что Гурген – давно уже кандидат физико-математических наук.

Нередко так бывает, что после защиты диссертации человек в течение некоторого времени не способен ни продолжать свое исследование, ни приступить к работам по новой теме. Это, как правило, случается тогда, когда защита диссертации становится для человека важной целью, и эта цель заслоняет чисто научное содержание работы, становится, по крайней мере, на некоторое время, важнее научной работы. Для Г. Аскарьяна, наоборот, защита была досадным отвлечением, помехой в работе.

В год защиты кандидатской диссертации Г. Аскарьян выполнил одно исследование, которое в диссертацию не вошло. Оно было опубликовано в ЖЭТФ и привело к возникновению нового направления в физике космических лучей. Работа

называлась «Избыточный отрицательный заряд электронно-фотонного ливня и когерентное радиоизлучение от него».

В электронно-фотонной лавине заряженные частицы рождаются парами, вместе с электроном рождается позитрон, поэтому лавина в целом считалась электрически нейтральной. Г. Аскарьян показал, что развитие лавины происходит таким образом, что возникает избыток отрицательного заряда. Этот избыток может достигать десяти процентов от полного числа частиц в ливне (т. е. число электронов в ливне может на десять процентов превосходить число позитронов). Таким образом, лавина с точки зрения электромагнитной теории представляет собой кратковременный ток, направленный снизу вверх (поскольку электроны имеют отрицательный заряд и движутся сверху вниз). Такой переменный ток является источником излучения радиоволн, причем волны, длина которых сравнима с размерами ливня или превосходит эти размеры, излучаются когерентно. Ливень становится как бы гигантской передающей антенной. Следовательно, регистрировать ливень можно с помощью должным образом настроенной приемной радиостанции, находящейся на значительном расстоянии от ствола ливня. Ливень как бы сообщает по радио о своем появлении.

Идея регистрации ливня по его радиоизлучению обсуждалась и раньше. Однако, представление о нейтральности ливня в целом приводило к очень малой интенсивности излучения и не позволяло надеяться на сколько-нибудь успешную регистрацию. Расчеты Г. Аскарьяна показали, что сигнал от ливня имеет такую напряженность поля, которая во много раз превосходит уровень собственных шумов обычного приемника.

Эта работа дала начало целому ряду экспериментальных исследований по регистрации электронно-фотонных ливней и определению некоторых их параметров по радиоизлучению.

Одним из важнейших достижений физики в середине пятидесятых годов было создание квантовых генераторов. Эти замечательные устройства были созданы примерно в одно и то же время в Советском Союзе и в Соединенных Штатах Америки. В Советском Союзе первый квантовый генератор был запущен в ФИАНе, в лаборатории колебаний, Николаем Геннадиевичем Басовым и Александром Михайловичем Прохоровым. В США первый квантовый генератор был в том же году (1954) создан профессором Колумбийского Университета Чарльзом Хардом Таунсом. Вскоре появились оптические квантовые генераторы. С их помощью стало возможно получать когерентные световые пучки невиданной доселе мощности.

Здесь уместно сказать, что у Басова, Прохорова и Таунса был предшественник - профессор Валентин Александрович Фабрикант. В 1939 году он показал возможность усиления света за счет вынужденного испускания в среде с инверсной заселенностью уровней. Развитие этой работы могло бы также привести к созданию квантовых генераторов. Но работа В.А. Фабриканта в то время не привлекла внимания.

В 1964 году Н.Г. Басову, А.М. Прохорову и Ч.Х. Таунсу была присуждена Нобелевская премия за создание квантовых генераторов. Но значительно раньше, во второй половине 50-х годов, надежды, связанные с развитием лазерной техники, для многих физиков выглядели очень привлекательно. В частности, возникли надежды на то, что сильные лазерные поля смогут быть использованы для ускорения заряженных частиц. С согласия и благословения В.И. Векслера и М.С. Рабино-

вича, Г. Аскарьян занялся этой проблемой – ускорением частиц в лазерных полях. Довольно скоро он вышел за первоначально поставленные сравнительно узкие рамки и занялся более общей и не менее важной проблемой – он стал изучать взаимодействие лазерного излучения с веществом. Разобраться в этом было совершенно необходимо. Лазерная техника непрерывно развивалась, создавались лазеры, рассчитанные на все большую и большую мощность излучения, а на вопросы о том, что будет, если это мощное излучение будет воздействовать на среду – на газ, твердое тело или жидкость – ответы еще предстояло найти.

Г. Аскарьян заинтересовался лазерной физикой и ее проблемами примерно в то же время, как появилась сама эта лазерная физика. Довольно быстро он стал одним из мировых авторитетов в области взаимодействия лазерного излучения с веществом. В декабре 1961 года, через несколько месяцев после защиты кандидатской диссертации, он послал в печать работу по этой проблеме, посвященную воздействию лазерного излучения на среду. В этой работе содержалось предсказание замечательного явления, которое ярко показывало то новое, что появлялось при воздействии сильных полей на вещество.

Рассмотрим заряженную частицу в переменном электрическом поле. Пусть, например, это поле создается конденсатором с двумя плоскими параллельными пластинами, к которым приложено быстропеременное напряжение. Для простоты предположим, что напряжение зависит от времени по закону синуса. Тогда электрическое поле, создаваемое конденсатором, тоже меняется во времени по закону синуса с той же частотой и с некоторым сдвигом фаз относительно напряжения. При этом амплитуда поля в пространстве между пластинами конденсатора относительно велика, а по мере удаления от конденсатора становится все слабее и слабее. Если в таком поле находится заряженная частица, на нее действует переменная сила. Казалось бы, что под действием такой силы частица будет совершать колебания вблизи от некоторой точки. Но такое заключение было бы неправильно. Оказывается, что на заряженную частицу, помещенную в быстропеременное поле, действует систематическая сила, которая стремится «вытолкнуть» частицу из области более сильного поля в область, где поле слабее. По величине эта сила пропорциональна градиенту от средней по времени плотности энергии электрического поля (т.е. градиенту от среднего квадрата электрического поля). Таким образом, средняя по времени плотность энергии электрического поля играет роль потенциальной энергии для заряженной частицы.

Силу, действующую на заряженную частицу в неоднородном высокочастотном электрическом поле Г. Аскарьян называл силой Гапонова и Миллера, по имени двух выдающихся физиков, рассмотревших действие этой силы на примерах, имеющих важное прикладное значение. Иногда он также называл эту силу градиентной, так как она выражается через градиент от средней плотности энергии.

В нескольких ранее опубликованных работах, в том числе и работе самого Г. Аскарьяна, рассматривалось обусловленное этими силами накопление частиц в узлах высокочастотного поля, а также ускорение частиц. Уже из этих результатов можно было сделать вывод, что в неоднородном высокочастотном электрическом поле электронная плазма также становится неоднородной – концентрация электронов возрастает там, где поле слабее. Но в работе 1961 года Г. Аскарьян рассмотрел очень важный и красивый эффект. Эффект этот сам по себе был очень важен – и для понимания того нового, что появилось в физике вместе с сильными лазерными полями, и для приложений.

В работе было рассмотрено воздействие на среду интенсивного электромагнитного луча.

Предположим, что в плазме распространяется электромагнитный луч достаточно большой интенсивности. Предположим также, что в поперечном сечении луча амплитуда поля меняется слабо вплоть до периферии, а затем быстро падает по мере удаления от оси пучка. Тогда и средняя по времени электромагнитная энергия мало меняется по сечению пучка и быстро падает на периферии. Это означает, что на боковой поверхности пучка действует сила (градиентная сила), выталкивающая электроны из области пространства, занятой пучком. Вслед за электронами под действием образовавшегося пространственного заряда пойдут и ионы. Плотность плазмы в объеме пучка понизится и станет меньше, чем плотность плазмы вне пучка.

Как известно, показатель преломления плазмы для волн достаточно высокой частоты всегда меньше единицы. При этом, для волны фиксированной частоты показатель преломления электронной плазмы тем ближе к единице, чем меньше плотность плазмы. В пределе, при плотности плазмы, стремящейся к нулю, показатель преломления стремится к единице, как это и должно быть: при нулевой плотности и получается вакуум, показатель преломления которого равен единице.

Поскольку плотность плазмы в пучке меньше, чем вне пучка, показатель преломления среды внутри пучка оказывается больше, чем снаружи. Это обстоятельство коренным образом меняет законы распространения света в среде, которые были справедливы для распространения света малой (до-лазерной) интенсивности.

Световые пучки в однородной среде и в вакууме обладают одной важной и неустраимой особенностью: всякий световой пучок расходится, т. е. размеры его поперечного сечения растут по мере распространения. Эту особенность можно сформулировать и в виде запрета: в однородной среде не существует таких пучков света, которые бы не расходились. При этом минимальное значение угла расходимости по порядку величины равно отношению длины световой волны к характерному размеру, определяющему поперечное сечение пучка. Скажем, если поперечное сечение светового пучка представляет собой круг диаметром в 1 см и длина волны излучения приходится на видимый диапазон, то угол расходимости такого пучка не может быть меньше, чем одна стотысячная доля радиана. Эта величина достаточно мала, но даже в этом идеальном случае диаметр пучка через один километр удвоится, а площадь поперечного сечения возрастет в четыре раза.

Эффект, рассмотренный Г. Аскаръяном – выталкивание плазмы из области, занятой пучком – уменьшает расходимость пучка и может ее вовсе устранить. Сильный световой пучок, проходя через первоначально однородную плазму, делает ее неоднородной – показатель преломления среды в объеме пучка становится больше, чем показатель преломления вне пучка. При этом разность показателей преломления внутри и вне пучка определяется плотностью энергии в пучке. В такой среде луч, выходящий из пучка, при определенной плотности энергии может быть отклонен и возвращен обратно в пучок. Если граница пучка достаточно резкая, то и граница между двумя средами – внутри и вне пучка – также достаточно резкая, и можно говорить о полном внутреннем отражении, при этом световая волна не может выйти из объема пучка. Свет, проходя через среду, сам себя фокусирует.

В конце своей статьи Г. Аскаръян, подводя итоги обсуждения, писал: «Интересно отметить, что ионизирующее, тепловое и разделяющее воздействие луча интенсивной радиации на среду может быть настолько сильным, что создается перепад

свойств среды в луче и вне луча, что вызовет волноводное распространение луча и устранил геометрическую и дифракционную расходимость – это интересное явление можно назвать *самофокусировкой* электромагнитного луча».

Так это слово «самофокусировка» и закрепилось за тем явлением, которое открыл Г. Аскарьян.

Открытие Г. Аскарьяном эффекта самофокусировки положило начало большому числу исследований в этой новой области нелинейной оптики. Изучалось как само явление самофокусировки так и его применения. Г. Аскарьян в дальнейшем показал, что явление самофокусировки не ограничивается только областью электродинамики, а представляет собой общее свойство волновых процессов и, в частности, имеет место в акустике: мощная звуковая волна меняет свойства среды, в которой распространяется, и это изменение может привести к самофокусировке. В последующие годы он опубликовал несколько десятков работ, посвященных разным сторонам явления самофокусировки.

В настоящее время это открытие Г. Аскарьяна включено в учебники по оптике, нелинейной электродинамике, акустике и вообще по нелинейной волновой физике. При этом каждый раз упоминается и фамилия первооткрывателя, Г. Аскарьяна. Но так было далеко не всегда.

В течение двух лет после появления статья Г. Аскарьяна с предсказанием эффекта самофокусировки не привлекала большого внимания. Затем, однако, положение резко изменилось. В 1964 году в журнале *Physical Review Letters* была опубликована работа Ч. Таунса с сотрудниками, в которой также был рассмотрен эффект самофокусировки. В этой работе не рассматривался конкретный механизм, ответственный за образование волноводного канала в среде. Авторы предположили, что под действием сильного поля в выражении для диэлектрической постоянной появляется слагаемое, пропорциональное квадрату электрического поля. Такое слагаемое характерно для так называемой Керровской нелинейности, которая была хорошо известна ранее. В этом случае также показатель преломления среды в области сильного светового пучка и вне ее имел различные значения. При определенной мощности пучка расхождение его прекращалось и переходило в волноводное распространение.

Имя Нобелевского лауреата Ч. Таунса было хорошо известно, к его работам относились с повышенным вниманием, поэтому и работа по самофокусировке не прошла мимо внимания читателей и вызвала всеобщий интерес. Г. Аскарьян вспоминал, что В.И. Векслер прибежал в лабораторию со свежим номером *Phys. Rev. Letters* в руках и с порога заявил: «Вот вы трупы консервируете, а тут Таунс открыл поразительный эффект самофокусировки...». Гурген тут же показал В.И. Векслеру свою статью.

По мнению Гургена, после этого случая отношение к нему В.И. Векслера резко переменялось в лучшую сторону. Мне же кажется, что В.И. Векслер и раньше высоко ценил Г. Аскарьяна, а после открытия самофокусировки убедился в том, что его первоначальная оценка оказалась правильной.

Таунс не знал работы Г. Аскарьяна, когда посылал свою статью в печать. В дальнейшем, узнав о работе Аскарьяна, он всегда на нее ссылался.

Но не все авторы признали приоритет Г. Аскарьяна в открытии самофокусировки. Ему пришлось выдержать тяжелую борьбу с превосходящими силами противника (как писалось в сводках с театра военных действий), прежде чем его приоритет в открытии самофокусировки был, если можно так сказать, официально

признан. Здесь следует отметить, что Гурген сам всегда ссылался на предшественников и непримиримо относился ко всем случаям, когда, по его мнению, замалчивался или отрицался его приоритет, когда либо не ссылались на его работы, либо подвергали их несправедливой критике. В каждом таком случае он объявлял войну противнику и на ведение этой войны (а точнее говоря – войн) потратил много душевных сил. В этом отношении борьба за признание своего приоритета в открытии самофокусировки – лишь один из немалого числа случаев. Трудно сказать, в чем заключался источник такой непримиримости. Возможно, причина заключалась в том, что упустив приоритет в деле создания пузырьковой камеры, Г. Аскарьян решил в дальнейшем вести себя в приоритетных делах более активно. Возможно также, что эти приоритетные бои никак не были связаны с пузырьковой камерой, а были просто следствием его темперамента – он органически не переносил отступлений от научной этики. Так или иначе, Г. Аскарьян подал заявку на открытие эффекта самофокусировки.

Последняя фраза нуждается в пояснениях. Несколько десятков лет назад Комитет по делам изобретений и открытий ввел практику официального признания открытий. Было даже принято определение – что считать открытием. Определение я точно не помню, оно звучало приблизительно так: открытием считается обнаружение неизвестной ранее объективной закономерности, коренным образом меняющее наши представления. За точность определения не ручаюсь, да это в данном случае и несущественно. Не следует думать, что если человек подал заявку на открытие, а Комитет по делам изобретений и открытий эту заявку удовлетворил и выдал заявителю диплом на открытие – не следует думать, что заявитель действительно обнаружил нечто, что коренным образом меняет наши представления. Заявитель всего лишь получил диплом на открытие, и не более того. Решение о выдаче диплома принимает не научное сообщество (для которого сама эта идея – диплом на открытие – является чуждой и никак не заменяет научного признания), а Комитет по делам изобретений и открытий – административный орган, поставленный над изобретениями и открытиями. По поводу одной заявки на открытие мне довелось услышать от уважаемого физика такие слова: «Не следует серьезно разбирать эту заявку. Ее надо поддержать. Теперь модно иметь диплом на открытие».

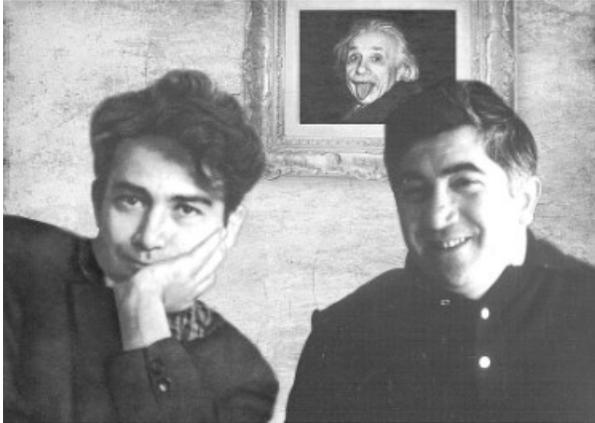
И все же, при всех сделанных оговорках, намерение Г. Аскарьяна получить диплом на открытие явления самофокусировки было вполне оправданно. Открытие самофокусировки действительно было выдающимся достижением, и официальная регистрация только зафиксировала бы этот факт.

Ученый Совет ФИАН рассмотрел заявку Г. Аскарьяна на открытие и поддержал ее. Казалось бы, этого было достаточно для успешного прохождения заявки. В составе Ученого Совета ФИАН было немало физиков с мировым именем, и обычно мнение Ученого Совета никем не оспаривалось. Однако, на этот раз получилось иначе, и Г. Аскарьяну пришлось бороться за свой приоритет. Об этом пойдет речь ниже.

За несколько лет, прошедших после предсказания самофокусировки, Г. Аскарьян также получил ряд новых результатов, относящихся к взаимодействию сильного светового излучения с веществом.

Как уже было сказано выше, показатель преломления плазмы в объеме мощного светового пучка возрастает, и это обстоятельство приводит к режиму самофокусировки. Однако, для ряда веществ прохождение мощного светового пучка сопровождается не увеличением, а уменьшением показателя преломления в области

сильного поля. В таких средах имеет место не самофокусировка пучка, а его ускоренное распыливание, самодефокусировка. Г. Аскарьян придумал остроумный способ, позволяющий и в такой среде фокусировать излучение. Рассмотрим мощный пучок излучения, обладающий следующим распределением мощности по сечению: в центральной области сечения интенсивность мала или равна нулю, по мере удаления от центральной области интенсивность нарастает до высоких значений, а затем падает до нуля. Такой пучок излучения можно назвать полым. Если теперь вдоль полого пучка распространяется другой пучок, он будет фокусироваться на том профиле показателя преломления, который создан полым пучком. Точнее говоря, та часть второго пучка, которая попадает внутрь полого пучка, будет фокусироваться, а внешняя часть второго пучка рассеется, будет содрана. Г. Аскарьян назвал этот способ «банановой фокусировкой», имея в виду, что полый пучок обдирает внешнюю часть второго пучка как кожуру с банана. Этот метод фокусировки имеет свои особенности, которые были исследованы Г. Аскарьяном – он возглавлял небольшую группу физиков, как теоретиков, так и экспериментаторов, и эта группа активно занималась не только теоретическими, но также экспериментальными исследованиями.

Гурген Ашотович Аскарьян (слева) и Анри Амросьевич Рухадзе

Исследуя градиентные силы, Г. Аскарьян указал на красивый физический эффект – излучение Вавилова-Черенкова от световых импульсов, распространяющихся в среде. Предположим, что через среду проходит короткий световой импульс сильного поля – «световой сгусток». У этого «сгустка» имеется «поверхность» – внутри этой «поверхности» плотность электромагнитной энергии велика, вблизи от поверхности падает, и снаружи быстро обращается в нуль. Вблизи от поверхности градиент интенсивности имеет большие значения. Под действием градиентных сил электроны выталкиваются на внешнюю сторону поверхности, а на внутренней стороне поверхности возникает избыток положительного электрического заряда. Таким образом, вместе со световым импульсом через среду движется сопровождающая система зарядов, нечто вроде двойного слоя. Если в среде могут распространяться электромагнитные волны, фазовая скорость которых меньше, чем скорость светового импульса, то система зарядов, сопровождающая этот импульс, будет излучать такие волны, причем направление их распространения будет

составлять со скоростью густка характерный черенковский угол. При этом световой импульс может состоять из волн с одной несущей частотой, а его излучение Вавилова-Черенкова может происходить в довольно широкой частотной области непрерывного спектра. Впоследствии это предсказанное Аскарьяном нелинейное явление было обнаружено на опыте.

Вернемся теперь к истории получения Г. Аскарьяном диплома на открытие самофокусировки.

К тому времени, когда Г. Аскарьян подал заявку на открытие, явлением самофокусировки заинтересовались многие физики. Число публикаций, посвященных тем или иным деталям самофокусировки, непрерывно росло. В числе ученых, занимавшихся этой проблемой, кроме уже упомянутого Ч. Таунса, был и еще один из создателей квантовой электроники, академик Александр Михайлович Прохоров. Вместе со своими сотрудниками (А.Л. Дышко и В.Н. Луговым) он опубликовал несколько работ, в которых были исследованы важные процессы, характерные для самофокусировки. Кроме предсказанного Г. Аскарьяном волноводного режима (когда световой пучок сам себе изготовляет в среде волновод и распространяется без уширения), в работах И.Н. Лугового и А.М. Прохорова был обнаружен и исследован еще один режим – образование фокуса. Под воздействием сильного поля среда, первоначально однородная, изменяет свой показатель преломления таким образом, что превращается в некоторое подобие линзы. При этом различными областям в поперечном сечении пучка могут соответствовать различные значения фокусного расстояния, так что получается многофокусный режим. Были выяснены также и некоторые другие стороны явления. Не перечисляя здесь всего сделанного, отметим только, что интерес к эффекту самофокусировки был вполне оправдан, это явление заняло важное место в нелинейной оптике, важное как для понимания происходящих нелинейных процессов, так и для приложений.

Группа А.М. Прохорова в своих публикациях поставила под сомнение приоритет Г. Аскарьяна в открытии самофокусировки. В частности, в одной из публикаций Дышко, Лугового и Прохорова было указано, что эффект самофокусировки за несколько лет до Г. Аскарьяна был предсказан Т.Ф. Волковым в работе, посвященной взаимодействию плоской электромагнитной волны с электронной плазмой. У группы А.М. Прохорова были также возражения против рассмотренной Г. Аскарьяном волноводной картины самофокусировки. Именно, они полагали, что рассмотренная в их работах многофокусная картина не оставляет места для волноводной модели самофокусировки, которая была рассмотрена в статье Г. Аскарьяна.

Свои возражения А.М. Прохоров изложил в письме, направленном в Комитет по делам изобретений и открытий. Аскарьян попал в тяжелое положение, и дело было даже не только в судьбе заявки. А.М. Прохоров является академиком, известнейшим ученым, одним из создателей квантовой электроники, Нобелевским лауреатом – это все свидетельствует о его высоком научном авторитете. Кроме того, он занимал в то время высокое административное положение – был заместителем директора ФИАН. И такой человек высказал сомнение в справедливости претензий Г. Аскарьяна (а тем самым – сомнение и в справедливости его научных результатов и в его добром имени). А кто такой был Гурген Ашотович Аскарьян? Рядовой кандидат наук в том же ФИАНе, защитивший кандидатскую диссертацию в 1961 году, назначенный на должность старшего научного сотрудника в 1964 году (в том самом году, когда А.М. Прохоров получил Нобелевскую премию), он, почти наверняка, был обречен на поражение. Это была, по мнению многих, игра в одни ворота.

Но Гурген, убежденный в своей правоте, вступил в неравную борьбу. Письмо А.М. Прохорова, направленное в Комитет по делам изобретений и открытий, было напечатано на бланке ФИАН. Поскольку А.М. Прохоров был заместителем директора ФИАН, письмо могло создать впечатление, что институт, первоначально поддержавший заявку Г. Аскарьяна, теперь изменил свое мнение. Г. Аскарьян обратился в дирекцию ФИАН с просьбой рассмотреть возникшее положение на Ученом Совете ФИАН.

Председателем Ученого Совета ФИАН по положению был директор института академик Дмитрий Владимирович Скобельцын. Он затребовал все относящиеся к делу публикации Г. Аскарьяна и его оппонентов и посвятил две недели их изучению. Сначала он ознакомился с работами самостоятельно, затем начал вызывать ведущих оптиков ФИАН для обсуждения разных сторон проблемы. Ознакомившись с их мнением и с существом дела, Д.В. Скобельцын пришел к выводу, что решение Ученого Совета ФИАН, принятое ранее в поддержку Г. Аскарьяна и его заявки, было справедливым. На ближайшем заседании Ученого Совета ФИАН создавшееся положение было обсуждено с участием «спорящих сторон» – А.М. Прохорова (он входил в состав Ученого Совета) и Г.А. Аскарьяна (который был специально приглашен на заседание). Заседание вел Д.В. Скобельцын. Г. Аскарьяну было дано 10 минут для изложения своей точки зрения и ответа на возражения. «После этого, – вспоминал Гурген, – Дмитрий Владимирович подошел ко мне и мягко сказал, что я должен удалиться на время из зала из «педагогических соображений», дабы не присутствовать при экзекуции виновных. Я вышел из зала и сразу побежал в будку киномеханика, откуда было все видно и слышно.

Дмитрий Владимирович изложил суть дела и отмел противопоставления как не относящиеся к моим работам, т. к. мне приписывают то, чего я не утверждал и спор ведется не по существу. На заявления противников волноводного режима, что они забирают назад свои заявления, Д.В. авторитетно заявил – не вы забираете, а Ученый совет и я властью директора аннулируем их и подтверждаем свое решение о поддержке открытия Аскарьяна».

Это все происходило в 1971 году. В том же году Г. Аскарьян получил диплом на открытие эффекта самофокусировки. И в том же году А.М. Прохоров и В.Н. Луговой получили диплом на открытие многофокусной структуры.

В установлении и защите авторских прав Г. Аскарьяна решающую роль, наряду с Д.В. Скобельцыным, сыграл также замечательный физик и замечательный человек академик Михаил Александрович Леонтович. Выше было сказано, что А.М. Прохоров с сотрудниками отрицали приоритет Аскарьяна в открытии самофокусировки. По их мнению, этот эффект был предсказан Е.Ф. Волковым за несколько лет до Г. Аскарьяна. Статья Т.Ф. Волкова была помещена в одном из выпусков знаменитого сборника «Физика плазмы». М.А. Леонтович был научным редактором этого сборника. Он написал письмо в Комитет по делам изобретений и открытий. В письме он писал, в частности:

«Работа Т.Ф. Волкова “О стационарном распределении плазмы в магнитном поле”, опубликованная в книге “Физика плазмы”, т. 3, 1958 г. мне известна и была выполнена по моему предложению и под моим руководством. В ней решается одномерная задача о удержании плазмы плоской электромагнитной волной. Таким образом, как бы ни понимать понятие “самофокусировка”, эта работа к фокусировке луча средой никакого отношения не

имеет, поскольку при постановке... вопрос о изменении расходимости лучей не ставился и рассмотрен не был (лазеров тогда не существовало)».

М.А. Леонтович добавил, что считает порочной практику выдачи патентов на открытия: «...я считаю вообще, что таковые свидетельства не должны выдаваться ни за какие работы, поскольку каждая доброкачественная научная работа должна содержать новые факты или указание на их возможность, и, таким образом, невозможно найти грань, где начинается “открытие”. Это относится к заявкам независимо от того, сделаны они Нобелевскими лауреатами, академиками или рядовыми научными работниками». В то же время он отметил, что, насколько ему известно, Аскарьян первый высказал идею самофокусировки.

Несколько лет заняла борьба за получение диплома на открытие, и эта борьба, хотя она и окончилась победой, совершенно измотала Г. Аскарьяна. Многие из тех, на чьих глазах эта борьба происходила, не сомневались в правоте Г. Аскарьяна, но также не сомневались в победе А.М. Прохорова, в том, что Г. Аскарьян диплом на открытие самофокусировки не получит, а получают его А.М. Прохоров с сотрудниками.

На этом дело не закончилось. В конце 1982 года в издательстве «Советская Энциклопедия» вышел из печати том-справочник «СССР (1982)». В этом сборнике в статье «Физические науки» на стр. 310 упоминалось явление самофокусировки и утверждалось, что это явление открыто советскими учеными С.А. Ахмановым, Р.В. Хохловым и В.И. Талановым. Своей фамилии в этом разделе Г. Аскарьян не нашел. Работы С.А. Ахманова, Р.В. Хохлова, В.И. Таланова, Н.Ф. Пилюпецкого, В.Е. Захарова внесли важный вклад в исследование самофокусировки, но все эти авторы в своих работах ссылались на Г. Аскарьяна как на первооткрывателя. Автором статьи в сборнике «СССР (1982)» был Виктор Яковлевич Френкель, физик из Ленинграда, известный также своими работами по истории физики. Г. Аскарьян связался с ним, желая узнать, почему В.Я. Френкель не упомянул о нем в своей статье. Для В.Я. Френкеля вопрос Г. Аскарьяна явился полнейшей неожиданностью и поводом для огорчения. Выяснилось, что в текст статьи без ведома автора были внесены изменения. Кто дал указание на это, Г. Аскарьян понял сразу же. Дело в том, что главным редактором издательства «Советская энциклопедия» с 1969 года был академик А.М. Прохоров.

Г. Аскарьян написал протестующие письма в издательство «Советская энциклопедия», в Президиум Академии Наук, в Комитет по делам изобретений и открытий. Он также написал письмо в отдел науки «Литературной газеты». Из энциклопедии и из госкомитета пришли ответы, более или менее формальные. В них, конечно, ничего не было сказано о том, кто несет ответственность за изменения, внесенные в статью В.Я. Френкеля без ведома автора. Однако, в письме из энциклопедии было обещано впредь упоминать в соответствующих местах о том, что идея самофокусировки принадлежит Г. Аскарьяну.

Отдел науки в «Литературной газете» тогда возглавлял Олег Павлович Мороз, с которым я поддерживал хорошие отношения. Получив письмо Г. Аскарьяна, он прежде всего обратился к Д.В. Скобельцыну с просьбой высказать его мнение по поводу происходящего. После этого он поговорил о том же с А.М. Прохоровым. Оба высказались, причем оказалось, что точка зрения одного из них находится в противоречии с точкой зрения другого. Читателю эти точки зрения известны из предыдущего, поэтому не буду их здесь приводить еще раз. О.П. Мороз оказался в затруднении. Он стал опрашивать других физиков, в их число попал и я. Олег Пав-

лович позвонил мне и спросил, какого я мнения о Гургене Ашотовиче Аскарьяне. Я Гургена любил как человека и восхищался им как физиком, но в разговоре с Олегом Павловичем сказал только, что считаю Г. Аскарьяна выдающимся физиком.

— А вот, академик Прохоров говорит, что Аскарьян ничего собой не представляет, — сказал Мороз.

Академик Прохоров с сотрудниками. Слева Аскарьян

Я на это только повторил, что считаю Г. Аскарьяна выдающимся физиком и добавил, что Прохоров его недооценивает. Поговорили мы еще на разные темы, как обычно говорим при редких контактах, и попрощались. А через некоторое время в «Литературной газете» было опубликовано письмо Г. Аскарьяна, в котором он выражал свое возмущение по поводу искажений, допущенных в томе «СССР (1982)». Фамилия А.М. Прохорова в этом письме не упоминалась. Вслед за письмом была напечатана выдержка из высказываний Д.В. Скобельцына по тому же поводу:

«Лет пятнадцать тому назад по просьбе председателя Государственного комитета по делам изобретений и открытий Ученый совет Физического института имени П.Н. Лебедева АН СССР рассмотрел вопрос о приоритете Г.А. Аскарьяна в открытии эффекта самофокусировки лазерных лучей. Обсуждение потребовалось вследствие возникшей конфликтной ситуации. Мне, как председателю Совета, пришлось знакомиться с обстоятельствами этого дела. Обсуждение показало, что вопрос о приоритете Г. Аскарьяна достаточно ясен, что и было затем удостоверено в установленном порядке. Допущенное редакцией Большой Советской Энциклопедии искажение высказывания по данному вопросу автора статьи в энциклопедическом справочнике представляется мне недопустимым, особенно в связи с той конфликтной ситуацией, о которой говорилось выше».

И в этом высказывании, хотя речь шла о конфликте между Прохоровым и Аскарьяном, фамилия Прохорова тоже не упоминалась.

Заключало эту подборку короткое редакционное замечание, в котором говорилось: «...несоблюдение авторского права, умышленное или неумышленное, в конечном счете, неблагоприятно отражается на научно-техническом потенциале страны».

И здесь Прохоров не был упомянут.

Кстати говоря, в 1983 году вышел вторым изданием биографический справочник «Физики», составленный Ю.А. Храмовым. Справочник в целом полезен и содержит много информации. Аскарьяна в этом справочнике нет, а открытие самофокусировки приписано Ч. Таунсу.

Но все же для справедливости следует отметить, что в ряде справочных и учебных изданий того времени вклад Гургена в нелинейную оптику был должным образом отмечен. В 1979 году в Варшаве вышел из печати учебник «Введение в физику лазеров», написанный проф. Ф. Качмарек. Через два года перевод этого учебника на русский язык был издан в СССР. Учебник этот отличается тем, что изложение каждого раздела лазерной физики сопровождается кратким историческим введением. Глава 24 – «Явление автоколлимации и самофокусировка света» – открывается портретом Г. Аскарьяна. Портрет снабжен подписью: «Д-р Г.А. Аскарьян из Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР. Первым обратил внимание на возможность самофокусировки электромагнитного излучения в плазме. Автор многих интересных работ в области квантовой электроники и нелинейной оптики». В тексте же отмечается, что плазменный механизм самофокусировки, рассмотренный Г. Аскарьяном, по-видимому, играет универсальную роль и имеет место также и в твердом теле, поскольку мощный лазерный пучок создает в твердом теле состояние ионизации.

Учебник Ф. Качмарека был одним из первых, в котором упоминались результаты, полученные Г. Аскарьяном. С тех пор прошло много времени, и теперь невозможно представить себе руководство по нелинейной электродинамике или по оптике мощных световых пучков, в котором не было бы ссылок на работы Г. Аскарьяна. Эти работы во многом определяют современное состояние науки о взаимодействии мощного излучения с веществом.

С появлением лазеров стало возможно получать световые пучки такой интенсивности, о которой до этого нельзя было и мечтать. Излучение даже не очень мощных лазеров, падая на металлическую пластинку, могло прожечь в ней дырку. Для физиков-лазерщиков одно время прожигание дырок в бритвенных лезвиях стало чем-то вроде забавы. Мало кто удержался от этого искушения. Г. Аскарьян тоже отдал дань этому увлечению. Рассматривая прожженные в металле отверстия, Гурген обратил внимание на то, что эти отверстия для разных условий опыта выглядят по-разному. У одних отверстий края были ровные, оплавленные, их внешний вид говорил, что отверстие проплавлено в металле. У других отверстий края были неровные, рваные, как будто отверстие было не проплавлено, а пробито. При этом отверстия с ровными оплавленными краями получались в опытах с лазерами относительно небольшой мощности, а отверстия с рваными краями получались в опытах с более мощными лазерами.

Можно было попытаться объяснить различия тем, что относительно слабый световой пучок оказывал только тепловое действие, а более мощный пучок оказывал столь сильное световое давление, что оно пробивало металлическую пластинку. Однако, простые оценки опровергали такое объяснение. Световое давление в луче даже сравнительно мощного лазера из тех, что имелись в группе Гургена, было недостаточно для того, чтобы пробить тонкую металлическую пластинку.

Объяснение было найдено в работе Г.А. Аскарьяна и Е.М. Мороза, опубликованной в 1962 году в «Журнале экспериментальной и теоретической физики»

(ЖЭТФ). Как было отмечено в этой работе, большие потоки энергии, сконцентрированные на малых площадях, способны вызвать столь интенсивное испарение, что оказывается необходимым при оценке давления на поверхность учитывать большое давление отдачи при испарении вещества. Приведенные в работе оценки показывают, что давление отдачи при испарении вещества в луче лазера может на несколько порядков (в десятки и сотни тысяч раз) превосходить световое давление. Были проведены также оценки для случая, когда на поверхность вещества падает не лазерный луч, а пучок быстрых электронов. В этом случае давление отдачи, возникающее из-за нагрева и последующего испарения вещества с поверхности, также оказывалось на несколько порядков выше, чем давление пучка.

В статье отмечалось, что давление отдачи при испарении может быть использовано для ускорения частичек вещества в концентрированном луче лазера до скоростей порядка сотен километров в секунду. В дальнейшем Гурген с сотрудниками провел эксперименты, которые подтвердили первоначальные расчеты.

Давление отдачи, возникающее при интенсивном испарении с поверхности под действием лазерного луча, Г.А. Аскарьян и Е.М. Мороз предложили также использовать для генерации звука в твердом теле. Действительно, если на поверхность твердого тела воздействует достаточно интенсивный сфокусированный лазерный луч, модулированный по времени, то в области воздействия луча на границе тела образуется область значительного переменного давления с частотой, равной частоте модуляции луча. При соответствующем выборе частоты в объеме тела возникают интенсивные ультра- и гиперзвуковые колебания, и это обстоятельство может оказаться полезным при обработке тел с помощью лазерного излучения, так как способствует дробящему и режущему действию луча.

Явление, рассмотренное Г.А. Аскарьяном и Е.М. Морозом – давление отдачи при интенсивном испарении в луче лазера – получило в дальнейшем название светоабляционного давления.

Мощное лазерное излучение может быть использовано для одновременного сжатия, разогрева и ионизации вещества. Эксперименты, проводимые в настоящее время в лабораториях ряда стран, направлены на получение с помощью лазеров плотной горячей плазмы с такими значениями плотности, температуры и давления, при которых становятся возможными процессы управляемого термоядерного синтеза с выделением энергии. В подготовке такого состояния, в котором начинается реакция синтеза, световая абляция играет существенную роль.

Г. Аскарьян рассмотрел также прохождение мощных звуковых пучков через среду и показал, что сильный звук меняет свойства среды, через которую он проходит, и меняет таким образом, что и для пучка звуковых волн может возникнуть явление самофокусировки. Свойства среды в объеме сильного звукового пучка волн меняются – пучок нагревает среду, а это меняет скорость распространения звуковых волн. Кроме того, в поле сильной звуковой волны возможны и другие процессы, меняющие свойства среды – например, образование малых пузырьков при перепаде звукового давления. Это приводит к тому, что из однородной вначале среды получаются две среды с разными значениями скорости звука: одна среда в объеме пучка звуковых волн, другая – вне пучка. Достаточно мощный звуковой пучок может сам себе создать в среде такие условия, при которых его расходимость уменьшится или прекратится. Нелинейная акустика обогатилась новым красивым

эффектом, одинаково важным и для понимания тех особенностей, которые характерны для нелинейных процессов, и для приложений.

Исследования Г. Аскарьяна далеко продвинули вперед еще одну главу нелинейной физики – светоакустику. Так называется сравнительно новый раздел физики, в котором рассматривается взаимное воздействие звуковых и электромагнитных волн в среде. По существу, работы Г. Аскарьяна и соавторов, наряду с работами других авторов, заложили основы светоакустики.

По-видимому, человеческий ум так устроен, что при изучении какого-то нового явления старается представить и описать это явление в предельно простой постановке, отбрасывая все то, что поначалу кажется несущественным, и оставляя только то, что при первом рассмотрении представляется главным. Так, при рассмотрении электромагнитных волн в среде молчаливо предполагалось, что среда обладает только электромагнитными свойствами – диэлектрической проницаемостью ϵ и магнитной проницаемостью μ . Упругие свойства среды не принимались в расчет. Точно так же, при рассмотрении звуковых волн в среде принимались во внимание только упругие свойства среды и отбрасывались ее электромагнитные характеристики. При таком рассмотрении звуковые волны в среде никак не взаимодействуют с электромагнитными волнами, состояние звукового поля никак не связано с состоянием электромагнитного, а, в свою очередь, электромагнитное поле никак не связано со звуковым. Возникает представление, характерное для физики линейных явлений, что эти два поля совершенно независимы, и это представление настолько укореняется, что утверждение о возможной связи между звуковым и электромагнитным полем поначалу воспринимается как нечто беспочвенное. Сила Г. Аскарьяна заключалась в том, что он такую связь видел, и это понимание приводило к остроумным идеям, красивым экспериментам и к важным приложениям.

Академик Петр Петрович Лазарев, ученик Петра Николаевича Лебедева и в свою очередь учитель многих выдающихся физиков, в том числе и академика Сергея Ивановича Вавилова, отличался широтой своих научных интересов. Он, в частности, занимался физиологией органов чувств. Его коллеги с большим подозрением относились к этим исследованиям. Терпение скептиков подошло к концу, когда П.П. Лазарев сделал доклад под названием “Влияние пения на зрение”. В Академии была создана комиссия для проверки того, чем занимался П.П. Лазарев. Председателем комиссии был назначен академик А.Н. Бах, в состав комиссии были включены академики С.И. Вавилов, А.Н. Крылов, Л.А. Орбели, А.А. Рихтер. Сохранился очень интересный отзыв А.Н. Крылова на спорные работы П.П. Лазарева. У А.Н. Крылова тема исследований, избранная П.П. Лазаревым, не вызывает никаких возражений, но он считает, что П.П. Лазареву следовало иначе озаглавить свой доклад, тогда бы научное сообщество не имело никаких возражений. Он пишет: «...доклад “Влияние пения на зрение” следовало озаглавить “Влияние раздражения мозгового центра слуха на мозговой центр зрения”, – причем для точности следовало указать и латинские анатомические названия того и другого центра, тогда заглавие доклада не могло бы вызвать никаких недоразумений».

Работы Г.А. Аскарьяна и соавторов по светоакустике можно было бы озаглавить “Влияние света на звук”.

Выше уже говорилось о том, что мощный световой пучок, падая на среду, порождает звуковые волны. Но взаимодействие света со звуком этим примером не исчерпывается. Г. Аскарьян рассмотрел и другие важные примеры такого взаимодействия. Одним из них является светофокусировка звука.

Уже говорилось о том, что мощный звуковой пучок в среде меняет ее свойства – нагревает среду или создает в ней пузырьки, а это меняет сжимаемость среды и в конечном счете скорость звука в области сильного звукового поля. На этом основана самофокусировка звука.

Но для того, чтобы звуковая волна изменила свойства среды, требуется время, воздействие сильного звука на среду должно быть достаточно длительным. В 1987 году была опубликована работа Г.А. Аскарьяна и А.В. Юркина, в которой канал для волноводного прохождения звука создавался световым лучом. Лазерный луч нагревал жидкость или вызывал образование в ней пузырьков. Создавался волноводный канал для звука. Нагрев также приводил к тому, что вязкость жидкости в объеме лазерного пучка падала, а это уменьшало затухание звука, который распространялся по волноводному каналу, созданному световым лучом. Световой луч устранял расхождение звукового луча и уменьшал затухание звука.

Взаимодействие звука со светом многообразно. Например, звуковая волна будет отражаться, преломляться или рассеиваться, падая на мощный световой пучок в среде. Действительно, свойства среды в объеме светового пучка и вне его различны, и это приводит к трансформации звуковой волны на границе области, занятой световым пучком.

В работах Г. Аскарьяна с соавторами были заложены основы светоакустики, во многом определяющие ее нынешнее состояние и дальнейшее развитие.

* * *

Несколько лет заняла борьба за получение диплома на открытие самофокусировки, и эта борьба, хотя она и окончилась победой, совершенно измотала Г. Аскарьяна.

Уже значительно позже, в 1994 году вышел из печати сборник воспоминаний об академике Евгении Константиновиче Завойском. В этом сборнике есть и воспоминания Г. Аскарьяна. По мнению Г. Аскарьяна, Е.Л. Завойский подал в отставку в расцвете своих сил и преждевременно умер, затравленный нетерпимыми и недоброжелательными людьми, видевшими в нем своего конкурента. Гурген заключил свои воспоминания словами:

“Да, наука так же безжалостна, как война, в ней есть и пропавшие без вести, и разведчики, и мародеры, и слава победы, и горечь поражения. Но на войне у обеих сторон есть оружие в руках. В науке часто оружие имеет только находящийся на большом посту, у него бронезилет номенклатурной непогрешимости и собственное войско соратников-прихлебателей. И противостоит им, как правило, одиночка, человек редкого творческого ума, души, и очень ранимый – так уж устроена душа творца, открывающего новое. Эта борьба – всегда дуэль не по правилам”.

В этих словах звучит горькое сожаление по поводу трагедии Е.Л. Завойского, но, несомненно, в них чувствуется и личный опыт Г. Аскарьяна, вынесенный из неравной борьбы за право на открытие. Трудно ему было. Тем больше был он благодарен тем, кто поддержал его в этой борьбе – академиком Д.В. Скобельцину и А.М. Леонтовичу.

В 1988 году за открытие и исследование самофокусировки Г. Аскарьяну была присуждена Ленинская премия – высшая в то время научная премия в Советском

Союзе. Явление самофокусировки вошло в учебники по физике и оптике, в энциклопедические справочники.

Здесь следует сказать, что битва за самофокусировку – это, может быть, самый яркий, но не единственный пример такого рода событий в жизни Г. Аскарьяна. Гурген неоднократно вступал в борьбу за свой приоритет. Мы не будем здесь перечислять все эти случаи, ограничимся только тем что отметим две характерные особенности, которые присутствовали почти во всех случаях, когда Гурген вел приоритетную борьбу. Во-первых, он практически всегда был прав. Во-вторых, эти бои за правильное цитирование, против замалчивания его результатов – эти бои отнимали у него много сил и времени. Несколько раз я пытался его отговорить от этой борьбы. Я говорил ему: “Гурген, зачем ты тратишь силы и время на доказательство своего приоритета? Любой человек может взять твои работы, сравнить их с работами тех, против кого ты выступаешь, и рано или поздно все станет ясно”.

Несколько раз он слушал меня и ничего не отвечал. Но однажды его прорвало. Он сказал:

– Вот я умру, а какой-нибудь засранец вроде тебя напишет обо мне книгу, как ты написал о Хевисайде, и восстановит справедливость. Мне это будет уже безразлично, как и тем жуликам, которые приписали себе мои результаты и процветали при жизни.

Оливер Хевисайд – знаменитый английский математик и физик. Он сделал очень много за свою жизнь, но многие его замечательные открытия не были признаны, были быстро забыты и затем переоткрывались другими исследователями. Я написал книгу о нем и о его работах. Гургену книга очень понравилась, Хевисайд оказался близок ему по особенностям характера и творчества, а также по трудной жизни.

После столь резкой отповеди я больше не заводил разговоров на тему о приоритете.

В лаборатории плазмы Гурген занимал особое место. Его положение определялось не занимаемой должностью (он был старший научный сотрудник и руководил небольшой экспериментальной группой), а выдающимися научными и человеческими качествами. О его научной деятельности много было сказано выше и еще будет сказано. Если же говорить о его человеческих качествах, то он привлекал к себе независимостью суждений (правда, это его качество некоторых не привлекало, а отвращало – в частности, люди авторитарные, самовлюбленные, а также карьеристы недолюбливали Аскарьяна). Еще одним его качеством было совершенно удивительное остроумие. Он любил шутки, байки, анекдоты, был прекрасным рассказчиком. По части анекдотов у меня с ним было негласное соперничество. Гурген обычно при встрече рассказывал анекдот, почти всегда это был анекдот новый или, во всяком случае, неизвестный мне ранее. Плохих анекдотов он не рассказывал, в этом деле у нас с ним были общие вкусы – что нравилось ему, то нравилось и мне. Но когда я ему рассказывал анекдот, он, большей частью, выслушав, делал недовольное скучающее лицо и говорил:

– Старо! Нет ли чего-нибудь поновее?

Иногда он не выдерживал – смеялся. Но потом снова с недовольным лицом говорил:

– Старо!

Это он говорил, чтобы я не очень зазнавался.

В институте мы с ним были известны как любители и рассказчики анекдотов. В этом виде деятельности мы с ним были конкуренты. Гурген решил подорвать мою известность как рассказчика анекдотов. С этой целью он стал рассказывать всем знакомым плохие анекдоты – либо очень глупые, либо крайне неприличные (и тоже глупые). Слушатели и слушательницы, выслушав его, громко возмущались. Тогда Гурген говорил:

– Этот анекдот я только что слышал от Болотовского.

Довольно скоро я узнал об этой хитрой атаке. Никакой обиды я не почувствовал, скорее пришел в восхищение от такой изобретательности. Стал я готовить ответный ход, но ничего достойного не придумал и махнул рукой. Не видя реакции с моей стороны, Гурген прекратил свою очернительскую деятельность – ему стало неинтересно.

Он был великий мастер на разного рода проделки. Равного ему я в жизни не встречал. Расскажу здесь только некоторые из них.

Заведующий лабораторией плазмы Матвей Самсонович Рабинович приходил на работу с большим, пузатым и тяжелым портфелем. Г. Аскарьян высказал предположение, что Рабинович только таскает свой портфель из дома на работу и обратно, и никогда не раскрывает его. Гурген побился об заклад, что он положит Рабиновичу в портфель кирпич, и что Рабинович будет таскать этот кирпич в течение месяца. Когда Матвей Самсонович однажды обходил лабораторию, Гурген проник в его кабинет и вложил в портфель Рабиновича кирпич, завернутый в газету. Матвей Самсонович носил этот кирпич ровно месяц, а потом Гурген при свидетелях этот кирпич извлек.

Сам по себе факт, что человек носит тяжелый портфель из дома на работу, с работы домой, и в течение долгого времени даже не открывает этот портфель – сам по себе этот факт ничего странного собой не представляет. По своему опыту знаю: выходя из дома на работу, кладешь в портфель книгу, или журнал, или рукопись, которую нужно прочитать и выправить. Думаешь при этом, что выдастся свободная минута, и можно будет поработать над захваченным материалом. Но вот кончается рабочий день, и выясняется, что свободной минутки так и не оказалось. И за весь день так и не пришлось открыть портфель, и весь материал, сложенный в портфеле, совершает обратный путь – с работы домой. И это может тянуться неделями.

В лаборатории работал Петр Федорович Леман, заместитель М.С. Рабиновича по хозяйственной части. Когда ему исполнилось пятьдесят лет, в лаборатории решили отпраздновать это событие. После работы накрыли столы, поздравили Петра Федоровича с днем рождения, вручили ему подарок – фотоаппарат – и сели выпивать и закусывать. Пока шло застолье, Гурген открепил от стула инвентарный номерок – овальный жестяной медальончик с учетным номером, затем прикрепил этот инвентарный номерок к подаренному фотоаппарату и позвонил на проходную. Он сказал:

– Когда будет выходить Леман, проверьте его. Он будет выносить казенный фотоаппарат. Запишите инвентарный номер.

И он продиктовал номер. Леману пришлось перенести несколько неприятных минут.

Удивительно, что никто из тех, над кем Гурген подшучивал, обиды на него не держали. Но справедливость требует отметить, что я знаю нескольких достойных и уважаемых мною людей, которые были обижены неоправданно резкими, по их мнению, высказываниями Г. Аскарьяна, и не только по их адресу. Причем, эти люди полностью отдавали Г. Аскарьяну должное как выдающемуся физико.

Одно время Аскарьян сидел в одной комнате с Игорем Данилкиным. Однажды, когда Игорь ушел на обед, Гурген проделал следующее. Он отвернул от письменного стола, за которым сидел Данилкин, все три ручки – ручку от центрального ящика и две ручки от боковых дверец. Затем он повернул стол передней частью к стене, а на заднюю стенку стола привинтил ручки. После этой переделки стол полностью сохранил свой внешний вид. Когда Данилкин вернулся с обеда, он обнаружил, что центральный ящик письменного стола не выдвигается, а дверцы не открываются. Он некоторое время пытался открыть стол с той стороны, с которой открыть его было невозможно, прежде чем догадался обо всем.

Когда я заболел и попал в больницу, Гурген регулярно навещал меня, причем довольно часто он приходил в неположенное время – в тихий час или во время обхода. В вестибюле больницы сидел дежурный, который в неположенное время никого не пропускал. Но Гурген проходил. Идя ко мне, он покупал яблочный сок в трехлитровом стеклянном баллоне и с этим баллоном в сетке-авоське входил в вестибюль больницы и шел мимо дежурного. Тот, пытаясь остановить Гургена, говорил:

– Гражданин, вы куда?

Гурген в ответ высоко поднимал баллон с яблочным соком. Баллон светился янтарным светом, а Гурген спрашивал официальным голосом:

– Анализы здесь сдают?

Дежурный терял дар речи, и Гурген проходил. Так он прошел несколько раз, а потом его перестали останавливать.

Однажды после работы мы с Гургеном шли домой по Ленинскому проспекту. Дело было летом, ближе к вечеру. Солнце светило нам в спину. Было жарко. Шли мы не спеша. Около транспортного агентства на тротуаре стоял большой ларь, сваренный из толстых железных прутьев. Ларь был набит арбузами. Рядом стоял столик с весами, а около столика маялся продавец. Покупателей не было.

– Не умеешь торговать, – сказал Гурген, – давай, я тебе помогу.

Он встал за столик и стал громким голосом возглашать:

– Лечебные арбузы! Лечебные арбузы! Покупайте лечебные арбузы!

Почти сразу появился покупатель, потом другой, потом возникла небольшая очередь.

– Действуй! – сказал Гурген продавцу и повернулся, чтобы уйти. Продавец сказал спасибо, а один из стоявших в очереди спросил:

- Это что значит – лечебные арбузы? От какой болезни?
- От диабета, – сказал Гурген, и мы пошли дальше. Когда мы немного отошли, я спросил его:
- Гурген, чем они помогают от диабета, эти арбузы?
- В них сахара нет, – ответил он.

В семидесятых годах столовая в нашем институте была не очень хорошая. Про нее было придумано много шуток. Одной из самых удачных была шутка Семена Конштейна. Он спрашивал, чем кормят в нашей столовой, и отвечал: инвариантами желудочно-кишечных преобразований.

Гурген эту мысль выразил иначе. Он соотнес нашу столовую с окружающей жизнью.

Однажды он встретил меня на выходе из ФИАНа. Он шел в институт, я – из института.

– Куда ты? – спросил Гурген.

Я шел в столовую ВЦСПС. Она была лучше нашей институтской и расположена неподалеку. Иногда я ходил туда обедать.

Узнав, куда я иду, Гурген укоризненно покачал головой и сказал:

– Нехорошо! Обедать надо в ФИАНской столовой. Нарушаешь принцип гармонического существования.

– А что это за принцип? – спросил я.

– Жить надо гармонически. Все стороны жизни должны соответствовать друг другу. В дерьме живешь – дерьмом питайся.

Вряд ли, говоря эти слова, он имел в виду обстановку в ФИАНе. По крайней мере, я тешу себя этой мыслью.

Сам он сравнительно редко обедал на работе. Во второй половине шестидесятых годов серьезно заболела его мать, Астрика Михайловна. Сестра же его Гоарик еще раньше стала нетрудоспособной. Заботы о доме легли на плечи Гургена. Обычно в середине рабочего дня он уезжал домой, чтобы накормить обедом мать и сестру, потом возвращался на работу и уходил из ФИАНа затемно. Поэтому в столовой ФИАН он появлялся редко. Несколько раз мы с ним вместе ходили обедать, но, как правило, если уж он обедал в институте, то появлялся в столовой вместе со своим другом Германом Батановым. В другие столовые кроме фианской он не ходил. По-видимому, этого требовал принцип гармонического существования.

Была и еще одна причина, по которой он должен был в середине каждого рабочего дня ездить домой. Он держал собаку – большого бульдога. Надо было с бульдогом гулять, и кроме Гургена в семье никто не мог это делать. Накормив обедом сестру и мать, Гурген еще успевал вывести бульдога минут на двадцать погулять. Он гулял с собакой (точнее говоря, выгуливал ее) еще и рано утром до работы, и поздно вечером, закончив дневные дела. Во время рабочей недели прогулки эти были довольно кратковременные. В свободные дни он выводил своего бульдога на более длительное время. Собака занимала заметное место в его жизни, он много рассказывал о том, как встречные люди, а также встречные собаки и кошки относились к нему самому и к его бульдогу, а также и об отношении бульдога к встречным людям, кошкам и собакам.

Когда бульдог умер, Гурген не стал заводить новую собаку – уже не хватало сил на уход за ней. В доме появились кошки.

А вот еще одно воспоминание о проделках Гургена. Это было где-то в конце 60-х годов. Я тогда был секретарем семинара по теоретической физике, который вел академик В.Л. Гинзбург. Среди моих обязанностей была и такая: надо было перед каждым семинаром выписывать пропуска тем участникам, которые не посещали семинар постоянно, а ходили от случая к случаю. И вот, за день до семинара сижу я в своей комнате и выписываю пропуска по заранее составленному списку гостей, в который на этот раз входит человек десять. Только я начал, приходит Гурген и зовет меня обедать. Я говорю:

– Подожди немного. Сейчас выпишу пропуска и пойдем.

– Не теряй время, – говорит Гурген. – Я тебе сейчас все оформлю.

Он берет у меня список гостей, задирает голову кверху поворачивается лицом к вентиляционной решетке и говорит четко, громко и неторопливо:

– Николай Николаевич! Прошу Вас оформить пропуска на завтра следующим лицам для участия в семинаре академика Гинзбурга:

И он так же четко, громко и неторопливо зачитал список, а потом сказал:

– Ну, пошли обедать.

Николай Николаевич Иванов был в нашем институте заместителем директора по режиму.

– Гурген, пошутил и хватит, – сказал я. – Не будет Николай Николаевич за меня делать мою работу. Дай, допишу и пойдем.

Выписал я все пропуска и пошли мы с Гургеном в столовую. Идем по двору ФИАН, попадается нам навстречу Николай Николаевич Иванов. Увидел он Гургена, и лицо его приняло сердитое выражение, даже покраснело. Он с нами поздоровался, а потом повернулся к Гургену и гневно сказал:

– Гурген! Ты эти штуки брось!

Я похолодел. Я решил, что Николай Николаевич слышал, как Гурген над ним подшучивал. Я вполне допускал, что наши разговоры подслушиваются. За несколько лет до этого случая Теоретический отдел получил новые помещение и переселился из центральной части здания в крыло. Все наши телефонные номера за нами были сохранены. Я сам слушал, как Николай Николаевич Иванов говорил начальнику телефонной станции:

– Василий Васильевич! Значит, договорились, теоретиков включаем по старой схеме.

Эти слова, конечно, не означали обязательно, что наши телефоны прослушиваются, но могли быть истолкованы и таким образом. И вот теперь я убеждаюсь, что наши разговоры действительно прослушиваются!

Но оказалось, что дело было не в этом. Николай Николаевич был в обиде на Гургена за другое. Группа режима, которой руководил Николай Николаевич, располагалась на первом этаже, на низком первом этаже. Если смотреть со двора, то подоконники были немного выше пояса. Было видно через оконное стекло, что на подоконниках стояли блюдечки, в блюдечки была налита вода и положен слой ваты, а на вате лежали семена – это девочки из группы режима проращивали семена цветов, чтобы высадить их весной в клумбы. И вот Гурген водил экскурсии к этим подоконникам и стоя перед окнами группы режима, объяснял:

– Здесь хранятся анализы лиц, выезжающих за границу.

К тому же времени относится и еще один случай. Идем мы с Гургеном по двору ФИАНа и встречаемся с Анатолием Неофитовичем Георгобиани – физиком из лаборатории полупроводников. Я поздоровался с Толей, мы пожали друг другу руки, и Толя повернулся с протянутой рукой к Гургену, Но Гурген своей руки не протянул и, обращаясь к Толе, произнес загадочные для меня слова:

– У Христа было двенадцать апостолов. Двенадцатый был Иуда. Он Христа и предал.

Сказав эти слова, Гурген отвернулся от Толи Георгобиани и пошел. Я его догнал и спросил, что произошло, чем его обидел Толя. Гурген мне рассказал, что он несколько дней назад звонил мне по внутреннему телефону, но по ошибке набрал номер Георгобиани, с которым у него были вполне хорошие отношения. Георгобиани снял трубку. Гурген попросил к телефону Болотовского. Толя не узнал Гургена по голосу и сказал, что у Болотовского другой номер. Тогда Гурген пошел на розыгрыш. Он спросил:

– А с кем я говорю?

– Это Георгобиани, – сказал Толя.

– Товарищ Георгобиани, вы-то мне и нужны, сказал Гурген. – С вами говорит Иванов, заместитель директора по режиму.

Толя сказал:

– Здравствуйте, Николай Николаевич!

– Товарищ Георгобиани, у меня есть информация о том, что вы рассказываете антисоветские анекдоты.

Толя – остроумный человек, он любил слушать анекдоты и любил их рассказывать. Почти на всех банкетах, на которых он присутствовал, его выбирали тамадой. И он был прекрасный тамада. Однако, я не помню, чтобы он рассказывал анекдоты, направленные против властей предрежащих или произносил тосты, которые могли бы быть истолкованы в таком же смысле. Тем не менее, услышав столь серьезные обвинения в свой адрес, и от кого – от человека, которого Министерство государственной безопасности уполномочило следить за режимом в институте, Толя почувствовал себя крайне неудобно. Он сказал:

– Николай Николаевич, вы можете спросить кого хотите, вам любой скажет, что я никогда не рассказывал антисоветских анекдотов.

«Николай Николаевич» сказал:

– Да? Ну, я проверю. Кроме того, говорят, что вы на банкетах произносите безыдейные невыдержанные тосты.

Толя и это опроверг. Тогда «Николай Николаевич» выдвинул последнее обвинение:

– И друзья у вас какие-то сомнительные.

– Кого вы имеете в виду? – спросил Георгобиани.

– Ну, например, Аскарьяна.

– Какой он мне друг, здравствуй и прощай, – сказал Толя.

Тут Гурген не выдержал, обругал Толю и повесил трубку. С тех пор Гурген с ним не здоровался. Через несколько дней после того, как Гурген рассказал мне эту историю, я встретил Толю Георгобиани и расспросил его. Он все подтвердил и добавил:

– Ты понимаешь, когда говорит со мной заместитель директора по режиму и выдвигает такие обвинения, я теряю чувство юмора, у меня даже и мысли не было, что это розыгрыш.

Хотя я и не одобрял столь легкого отречения от друга, в одном отношении я Голе посочувствовал. Гурген затеял довольно безжалостный по тем временам розыгрыш. Я так и не знаю, наладились ли у них в конце концов отношения.

Идет семинар В.Л. Гинзбурга. Докладчик рассказывает об излучении атомов. И в своем докладе употребляет поэтический образ – струение энергии. Атом излучает, значит, говоря общепринятым каноническим языком, возникает поток энергии. Поток энергии – это общепринятый термин, а докладчик говорит: «струение». Струится энергия, отсюда – струение. Гурген слушает, и ему не нравится слово струение. Он говорит:

– Что это за слово – струение! Есть более подходящий термин. Его и надо использовать.

– Какой термин? – спрашиваю я.

– Струйня! – говорит Гурген.

Два-три раза в год в институте проводился субботник, коммунистический субботник. Это была традиция, возникшая еще в первые годы Советской власти. В одном из первых коммунистических субботниках участвовал Владимир Ильич Ленин. Сохранилась фотография, на которой шесть участников субботника, включая Ленина, переносят тяжелое толстое бревно.

В назначенную субботу сотрудники приходили в институт и в свой свободный день бесплатно выполняли нужные работы. Проводилась уборка двора, наводился порядок в лабораторных помещениях, а некоторые сотрудники просто продолжали в этот день свою научную работу.

На одном из субботников Гурген отыскал во дворе подходящее бревно. Он позвал на помощь теоретика Юрия Мироновича Алиева, известного своими работами по теории электронной плазмы, и они подняли бревно на плечи и понесли в здание института. Войдя в здание ФИАН, они, с бревном на плечах, отправились в комнату, где помещался партком Института. Там в это время находилось несколько человек – штаб субботника. Гурген и Юра Алиев внесли бревно в комнату, обнесли его вокруг длинного стола для заседаний, вынесли во двор и положили на старое место.

Однажды Гурген позвонил мне на исходе рабочего дня. Не помню в точности, о чем мы говорили, но помню, что разговор в конце концов перешел на такие темы, о которых в то время говорить по телефону было опасно. По-видимому, все-таки, телефоны Теоретического отдела прослушивались. Незадолго до этого разговора мне сказали, что в ФИАНе создан Отдел борьбы с утечкой информации. В задачи этого отдела входило прослушивание и запись телефонных разговоров с тем, чтобы пресекать обсуждение по телефону проблем, составляющих государственную тайну. Если такой отдел действительно существовал, то он, конечно, следил не только за соблюдением секретности, но и за политической благонадежностью сотрудников.

В тот раз Гурген стал весьма критически высказываться в адрес самого высокого нашего начальства. А было это не то в последние годы правления Л.И. Бреж-

нева, не то уже при Ю.В. Андропове. Желая остановить Гургена, я рассказал ему про Отдел борьбы с утечкой информации и про то, что наш разговор, скорее всего, записывается.

– Я знаю, – ответил Гурген. – Но ты пока не беспокойся. Они набрали полный штат для записи телефонных разговоров, а на расшифровку у них никого нет – им еще не дали штатных единиц.

Когда мне исполнилось 40 лет, Гурген подарил мне модель памятника. На постаменте из флюорита был укреплен пластмассовый конь, вставший на дыбы – вроде того коня, на котором сидит Петр Первый перед Исаакиевским собором. На большой пластине из нержавеющей стали, прикрепленной к постаменту, были лазером проплавлены слова: «В честь 40-летия воссоединения Б.М. Болотовского с армянским народом». В то время я сотрудничал со многими физиками из Ереванского физического института. Они приезжали ко мне в Москву, я часто ездил к ним в Ереван. В Армении среди физиков Г. Аскарьян был человеком из легенды. Его шутки переходили из уст в уста, тематика его исследований была для многих интересна. Каждый армянский физик, встречаясь с Гургеном, считал своим долгом пригласить его в Ереван. Он так и не смог выбраться на свою историческую родину. Когда я приезжал в Ереван, меня многие спрашивали, над чем работает сейчас Аскарьян, как его здоровье, какие шутки он отмолил, когда, наконец, придет. У него было много друзей в Ереване, и каждый просил передать ему привет. В Армянской Энциклопедии была специальная статья, посвященная Г. Аскарьяну. Когда вышел из печати том с этой статьей, Гурген был еще кандидатом физико-математических наук. И он был единственным кандидатом наук, удостоенным персональной статьи в Армянской энциклопедии.

В молодые годы мы нередко собирались в дружеской компании у кого-нибудь дома – у Стасика Столярова (теперь он не Стасик, а Станислав Николаевич – доктор физико-математических наук, профессор Физико-технического института), или у Жоры (Георгия Викторовича) Воскресенского (тоже доктора и профессора впоследствии), или у Энрика Мергеляна в аспирантском общежитии (для нас он и теперь Энрик, а для студентов Оганес Сергеевич, и тоже доктор и профессор), или у меня дома. Главным в таких встречах была не выпивка и не закуска, а замечательная дружеская обстановка и застольные разговоры обо всем – о науке, о жизни, о том, что интересовало каждого из нас в отдельности и всех вместе. Присутствие Гургена придавало таким вечерам дополнительную прелесть. Если же его не было, то неизменно кто-нибудь из собравшихся в самом начале выражал всеобщее желание:

– Гургена надо позвать.

И мы тут же звонили Гургену. Он был легок на подъем и вскоре появлялся, ко всеобщей радости. Улыбаясь, он садился за стол и первое время молчал, прислушиваясь к общему разговору. Он как бы готовился к прыжку. В подходящий момент он вступал в разговор, и тогда все остальные замолкали и заслушивались, как, наверное, заслушивался привязанный к мачте Одиссей, когда проплывал мимо острова, с которого доносилось пение сирен. Гурген рассказывал интереснейшие истории. Говорил он о реальных событиях, но столь красочно, что даже появлялось

сомнение в их реальности. И у слушателей возникало ни с чем не сравнимое состояние релаксации – полного и блаженного расслабления.

У меня это состояние релаксации возникало всякий раз при встрече с Гургеном. Радостно было его видеть, и ни разу не случилось, что какое-нибудь его слово или дело нарушили эту радость.

Вот одна из баек, рассказанных Г. Аскарьяном. Но сначала необходимо сказать несколько слов о том фоне, на котором происходила рассказанная им история.

В семидесятые годы, если в Москву приезжали с визитом руководители иностранных государств, то московское население должно было оказывать им восторженный прием. Для этого сотрудникам тех предприятий, которые были расположены на пути от Внуковского аэродрома до Кремля, предписывалось выходить на улицу для встречи высоких гостей. ФИАН как раз находится на Ленинском проспекте, на магистрали, по которой гости едут из Внукова в Кремль. Поэтому всех сотрудников выгоняли за ворота, и был приказ никого не пускать обратно, пока гости не проедут. Каждый визит высоких гостей в СССР означал для ФИАНа потерю двух рабочих дней – один день уходил на встречу прибывающих гостей, а другой день на проводы.

После этих необходимых пояснений приведу один из рассказов Г. Аскарьяна (может быть, точнее было бы сказать – одну из многих его баек).

– Вот стоим мы за воротами, ждем, когда проедет высокий гость. А он все не едет и не едет. Отдельные представители встречающих начинают громко выражать свое недовольство. Кто-то даже допускает непозволительные высказывания в адрес родителей высокого гостя, преимущественно по материнской линии. В подавляющем своем большинстве встречающие не одобряют эти высказывания, но видно, что всем уже надоело это стояние вместо работы.

В это время входит с Ленинского проспекта в проходную академик Александр Михайлович Прохоров, лауреат Нобелевской премии, академик-секретарь отделения общей физики и астрономии. Он хочет пройти в институт, но дежурный его не пропускает, ссылаясь на приказ директора:

– Пока гости не проедут, никого пускать не велено.

Прохоров говорит:

– Я – академик!

– Никого не велено пускать, – говорит охранник.

Стоит А.М. Прохоров и думает, как ему быть. В это время входит в проходную Сима, Серафима Яковлевна Рылова – референт директора ФИАН академика Н.Г. Басова. Она здороваётся с Александром Михайловичем и спокойно проходит мимо охранника, тот ее пропускает, даже не потребовав пропуска.

Прохоров спрашивает:

– Если никого пускать не велено, почему вы ее пропустили?

– Так она же секретарша директора, – объясняет охранник, – мы ее обязаны пропустить.

– А я тоже секретарь, – говорит А.М. Прохоров.

– Неправда, вы академик, вы сами сказали.

– Я – и академик, и секретарь!

– Так не бывает, – говорит охранник.

Тогда Прохоров показывает ему свое удостоверение академика-секретаря. Вахтер долго изучает это удостоверение. Там, действительно, говорится, что А.М. Прохоров – и академик и секретарь. Вахтер возвращает удостоверение и говорит:

– Проходите! Так бы сразу и сказали.

Вот видите, в сочетании «академик-секретарь» второе слово оказалось важнее первого!

А вот еще одна его байка. Но, как и в предыдущем случае, требуются некоторые пояснения для того, чтобы читатель оценил слова Гургена.

Начиная с середины 60-х годов и до конца 80-х в СССР, издавался «Эйнштейновский сборник». Это было периодическое издание, выходившее раз в год, иногда реже, чем раз в год. В «Эйнштейновском сборнике» публиковались статьи советских и зарубежных авторов – как исторические, посвященные различным сторонам жизни и научного творчества Альберта Эйнштейна, так и обзорные статьи, посвященные развитию и современному состоянию эйнштейновского научного наследия. К сожалению, в настоящее время «Эйнштейновский сборник» не издается.

В семидесятые годы мы с моим другом и сотрудником Станиславом Николаевичем Столяровым занимались электродинамикой движущихся сред. Эта проблема тесно связана со специальной теорией относительности, и даже знаменитая работа Эйнштейна, в которой сформулированы основы этой теории, носит заглавие «К электродинамике движущихся тел». В нескольких выпусках «Эйнштейновского сборника» мы со Столяровым опубликовали обзорные статьи, посвященные современному состоянию электродинамики движущихся сред. В свете этого объяснения станет понятен для читателя рассказ Гургена Аскарьяна, который приводится ниже.

– Видел я такой сон. Иду я по улице, а навстречу мне идет Альберт Эйнштейн. Я обрадовался, говорю: «Здравствуй, Альберт!». А он мне очень печально отвечает: «Добрый день!». Я его спрашиваю: «Ты почему такой печальный?». Он отвечает: «Нигде меня не печатают». Я удивился, говорю: «Не может этого быть». А он так мрачно говорит: «В какой журнал ни пошлю статью, отовсюду возвращают. Рецензенты дают отрицательные отзывы». Я ему посочувствовал, а потом мне пришла в голову идея, я ему говорю: «Альберт, а ты пошли свою статью в Эйнштейновский сборник, где-где, а уж там-то тебя обязательно опубликуют. Этого не может быть, чтобы Эйнштейна не опубликовали в Эйнштейновском сборнике». А он с грустью говорит: «Посылал и в Эйнштейновский сборник, оттуда тоже вернули. Они там печатают только Болотовского и Столярова».

Доклады Гургена на физических семинарах и конференциях были очень интересны, всегда содержали много нового материала и надолго запоминались. Критические его замечания бывали по форме довольно резкими, хотя по существу они были справедливы. Бывал и он неправ, и свою неправоту в таких случаях признавал.

На юбилейных собраниях и семинарах все с нетерпением ждали выступления Гургена. Он выходил к доске, и тождественная часть на этом кончалась. Начиналась часть художественная, даже высокохудожественная, со множеством глубоких мыслей, облеченных нередко в парадоксальную форму, веселых шуток, вызывавших дружный смех, а также довольно ядовитых, хотя и замаскированных замечаний по

адресу «отдельных товарищей» и отдельных событий. Многие его высказывания запоминались надолго и разносились слушателями по всему физическому сообществу.

В самом начале 1989 года началась кампания по выборам на съезд народных депутатов. Согласно положению о выборах, Академии Наук СССР было предоставлено право выбрать на съезд 25 своих представителей.

В институтах Академии прошли собрания, на которых коллективы выдвигали своих кандидатов. Первое место по числу выдвижений занял Андрей Дмитриевич Сахаров, за которого дружно проголосовали около сотни институтов Академии Наук. Потом на заседании Президиума Академии Наук состоялось голосование по всем выдвинутым кандидатурам. В результате этого голосования А.Д. Сахаров был забаллотирован, не прошел в народные депутаты. Я был так потрясен этой явной несправедливостью, что написал протестующее письмо в журнал «Огонек» – этот еженедельный журнал тогда был неслыханно популярен, все его читали. Письмо мое напечатали, и многие мои друзья, прочитав письмо, звонили мне и соглашались с тем, что было сказано в письме. Но однажды, когда зазвонил телефон и я снял трубку, хрипый голос сказал мне: «Сволочь! С тобой говорит общество “Память”. Дай срок, мы тебя поставим к стенке. Дни твои сочтены». И что-то еще в этом роде.

Поначалу я был ошарашен, но довольно быстро узнал Гургена – то ли по голосу, то ли по интонации. Когда он замолчал, я сказал: «Привет, Гурген, давно ли ты вступил в “Память”»? Он был, как ни странно, доволен тем, что его розыгрыш не получился. Мы с ним еще несколько минут поговорили, и он сказал, что согласен с моим письмом в «Огоньке». Я был очень рад его одобрению.

В 1979 году умерла мать Гургена, Ася Михайловна. До этого она около десяти лет болела, а последние несколько лет была прикована к постели. Гурген сообщил на работе о том, что у него умерла мать, и сказал также, на какой день и час назначены похороны. Он никого специально не позвал на похороны матери.

За день до похорон мне домой позвонил Олег Федянин, работавший с Гургеном в одной лаборатории. Он хотел прийти на похороны, но поскольку Гурген никого не звал, Олег не знал, следует ли ему приходить. Мы поговорили и решили, что надо прийти – во-первых, он наш друг, и надо быть с ним в это тяжелое для него время, а во-вторых, если мы не придем, то кто ему поможет вынести гроб?

Утром в день похорон в квартире Гургена собрались четыре человека: Герман Батанов, Стас Гребенников, Олег Федянин и я. Больше никто не пришел.

В маленькой дальней комнате квартиры стоял гроб с телом Аси Михайловны. В комнате стоял едва уловимый сладковатый запах тления. По квартире бродила неряшливо одетая Гоар, сестра Гургена, и время от времени говорила что-то бесвязное. Гурген был непривычно тих.

Квартира была в запущенном состоянии – обшарпанные стены, запачканные полы, старая ободранная мебель. Квартира нуждалась в ремонте, но Гургена на все не хватало, его силы поглощал уход за матерью и сестрой.

Когда пришел похоронный автобус, мы подняли гроб с телом покойницы и перенесли его в автобус. Гурген вышел с нами. Сестра его осталась дома, он не взял ее с собой.

После похорон мы проводили его до дома, и перед подъездом он с нами распрощался. Он хотел побыть с сестрой в этот день.

Во второй половине 80-х годов Г.А. Аскарьян заинтересовался вопросами экологии или, если использовать терминологию А.Д. Сахарова из его знаменитой работы «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», вопросами геоигиены. К великому сожалению, человечество за время своего развития на планете Земля наряду с великими достижениями породило не менее великие и трудно разрешимые проблемы. Одной из этих проблем является загрязнение среды обитания, которое достигло таких устрашающих размеров, что уже и название «среда обитания» можно употреблять с натяжкой, а точнее было бы сказать «среда вымирания». Гургена эта проблема интересовала давно. Какую-то роль в том, что он не терял интерес к вопросам экологии, сыграл семинар П.Л. Капицы, который регулярно проходил дважды в месяц по средам в Институте Физических Проблем. Время от времени на заседаниях семинара обсуждались вопросы экологии. Определенное воздействие на Г. Аскарьяна оказала и позиция А.Д. Сахарова, который неоднократно подчеркивал большое значение борьбы за сохранение среды обитания.

В 1973 году Г.А. Аскарьян с сотрудниками (Е.К. Карлова, Р.П. Петров, В.Б. Студенов) исследовали действие мощного лазерного луча на поверхность воды, покрытую тонкой пленкой загрязнений (керосин, нефть, масло). В этой работе исследовалась возможность уничтожать (выжигать, испарять или разбрызгивать) загрязнения с помощью мощного инфракрасного излучения. В качестве источника излучения предлагалось использовать инфракрасный лазер на CO_2 с длиной волны 10 мкм. Такие лазеры давали достаточно мощное излучение в такой области спектра, где оно сильно поглощалось. Таким образом, излучение сильно нагревало поверхностный слой воды с плавающей на нем пленкой загрязнений. Проведенные авторами эксперименты показали, что можно добиться селективного испарения и возгорания слоя загрязняющей жидкости на поверхности воды. Был исследован также и другой способ удаления загрязняющей жидкости с поверхности воды. Мощное излучение нагревало воду под слоем жидкости, резкое испарение воды подбрасывало загрязняющий слой вверх на довольно большую высоту, и это упрощало сбор загрязнений.

Свои результаты авторы изложили в краткой статье, направленной в журнал «Письма в ЖЭТФ». В статье было с благодарностью отмечено, что тема исследования возникла под влиянием П.Л. Капицы, который своим докладом на семинаре привлек внимание физиков к проблемам борьбы с глобальными загрязнениями среды.

Любопытно отметить, что редакция «Писем в ЖЭТФ», куда авторы направили свою статью, не хотела эту статью принять, и причиной такого отказа оказались не претензии к качеству статьи, а претензии к одному из авторов – Гургену Аскарьяну. Сотрудники редакции объяснили Гургену, что он часто публикует свои работы в «Письмах в ЖЭТФ», и это вызывает нарекания со стороны тех авторов, статьи которых отвергаются. В конце концов, статья была опубликована по прямому указанию П.Л. Капицы, главного редактора ЖЭТФ.

В дальнейшем Г.А. Аскарьян и Е.Н. Карлова исследовали также возможности применения лазеров для очистки твердых покрытий (автодорожных и аэродром-

ных) от пятен масла, топлива и воды. Лазерное выжигание пятен масла и топлива может применяться на сравнительно небольших площадях дорожного покрытия (скажем, на крутых поворотах), и это приводит к повышению безопасности движения.

Эти работы по выжиганию загрязнений с помощью лазера, если и не были полным воплощением детской мечты Г. Аскарьяна – принести людям добро с помощью всемогущих световых лучей – все же оказались полезными, дав новый способ борьбы с одним из главных врагов жизни на Земле – загрязнением окружающей среды.

В 1988 году Г. Аскарьян заинтересовался тем, как влияет на состояние атмосферы разряд, возбуждаемый мощными пучками сверхвысокочастотных радиоволн. Его интересовало, как влияют эти высокочастотные разряды на состояние озонового слоя. Он провел теоретическое рассмотрение проблемы, а затем и экспериментальные исследования в содружестве с Г.М. Батановым, И.А. Коссым, А.Ю. Костинским и др.

Идея возбуждения СВЧ-разряда в стратосфере была высказана А.В. Гуревичем. Он же рассмотрел детальную теорию этого явления. Искусственный сверхвысокочастотный разряд (СВЧ-разряд) в стратосфере можно получить, нацелив в выбранный область как в фокус несколько мощных направленных потоков радиоизлучения от нескольких радиостанций, расположенных в разных точках земной поверхности. Мощное СВЧ-излучение разогреет атмосферу в области скрещения лучей и приведет к ионизации газа в этой области. Таким образом, с Земли будет создана на большой высоте область, заполненная проводящей средой – плазмой. В зависимости от размеров и формы, эта область будет отражать или рассеивать падающие на нее радиоволны. Тем самым появляется возможность связи на большие расстояния в диапазоне метровых радиоволн. Как известно, прием телевизионного вещания возможен только в зоне прямой видимости телебашни. Но если высоко над телебашней зажечь СВЧ-разряд, то радиоволны, излучаемые телебашней, будут рассеиваться на области, в которой происходит разряд, или отражаться от нее и возвращаться к Земле. Прием телевизионных передач станет возможным в зоне прямой видимости СВЧ-разряда, т.е. зона приема увеличится во много раз. Область СВЧ-разряда является ретранслятором телевизионных передач. Это обстоятельство вызвало большой интерес к возможности создать область искусственной ионизации на больших высотах в атмосфере. Исследования, проведенные в Советском Союзе и за рубежом, подтвердили, что СВЧ-разряд действительно обеспечивает дальнюю связь на волнах метрового диапазона. Например, в эксперименте, проведенном в США, СВЧ-разряд был создан на высоте в несколько сот километров примерно на равном расстоянии от тихоокеанского и атлантического побережья. И сразу же стало возможно принимать в Нью-Йорке переговоры, которые вели между собой по радиотелефону таксисты в Сан Франциско. Ободряющие результаты привели к тому, что стали разрабатываться планы создания достаточно длительного СВЧ-разряда в скрещенных полях на высоте 30-60 км с целью обеспечить сильное отражение волн метрового диапазона.

Аскарьян обратил внимание на то, что как раз на тех высотах, на которых предполагалось создать СВЧ-разряд, расположена существенная часть озонового слоя. Озон – это газ, состоящий из молекул O_3 . Озоновый слой поглощает идущее от Солнца ультрафиолетовое излучение, которое губительно действует на живые организмы. Оно, в частности, вызывает рак кожи, вызывает мутации и приводит к другим вредным последствиям.

У озонного слоя много врагов. Это выбросы промышленных предприятий, содержащие такие вещества (оксиды азота, хлор, фтор), которые разрушают молекулы озона. Это также фреоны – соединения, содержащие хлор и применяемые, в частности, в бытовых холодильниках. Врагами озонного слоя являются также выбросы реактивных двигателей от ракет и самолетов.

Исследования Г.А. Аскарьяна и соавторов показали, что при длительном подержании СВЧ-разряда на высоте в несколько десятков километров, объем, где происходит разряд, является источником оксидов азота (NO , NO_2 , NO_3), губительно действующих на озонный слой вблизи от СВЧ-разряда.

Авторы пришли к выводу, что длительные СВЧ-разряды в стратосфере недопустимы, как и фреонная бытовая химия и полеты реактивных лайнеров в стратосфере.

Эти опыты у некоторых физиков вызвали возражения. Дело в том, что опыты проводились в лабораторных условиях, не в стратосфере. Использовалась некоторая модель стратосферы, в чем-то отличная от природных условий. В частности, объем “искусственной стратосферы” был достаточно мал (или недостаточно велик), условия теплопередачи также отличались от тех, которые имеют место в природе. Поэтому еще можно надеяться на то, что существуют варианты СВЧ-разряда в атмосфере на больших высотах, такие, что они не несут угрозы озонному слою. Но, во всяком случае, Г. Аскарьян и его соавторы впервые указали на возможные губительные экологические последствия СВЧ-разряда в стратосфере.

Через несколько лет Г. Аскарьян с соавторами до некоторой степени реабилитировали СВЧ-разряд. Они показали, что если этот разряд зажечь на высоте 5-10 км (а не ~100 км), то в зоне разряда происходит уничтожение попадающих туда молекул фреона. Таким образом, молекулы фреона разрушаются раньше, чем они попадают в озонный слой. Что же касается окислов азота, которые образуются в таком разряде, то следует иметь в виду, что область разряда находится много ниже озонного слоя, поэтому окислы азота, как и продукты распада фреонов, на пути к озонному слою вымываются осадками и попадают на землю.

В 1982 году несколько лабораторий выделились из ФИАН и образовали новый институт – Институт Общей Физики Академии Наук (ИОФАН). Директором ИОФАН стал академик А.М. Прохоров. В числе лабораторий, составивших ИОФАН, была и лаборатория физики плазмы, в которой работал Г.А Аскарьян.

Надо отдать должное А.М. Прохорову – он не злопамятный человек. Конфликт по поводу открытия самофокусировки мало повлиял или совсем не повлиял на отношения между А.М. Прохоровым как директором и Г.А. Аскарьяном как сотрудником. Во всяком случае, Прохоров Аскарьяна не притеснял.

Интерес к живописи был унаследован Г. Аскарьяном от родителей. Он старался не пропустить ни одной выставки, будь то в Музее изобразительных искусств, Третьяковской галерее или на пустыре возле станции метро Беляево. Он лично был знаком со многими российскими художниками. Отделение теоретической физики ФИАН обязано Г. Аскарьяну тем, что он привел в Отделение художника Михаила Шапиро, и тот написал прекрасный портрет академика Игоря Евгеньевича

Тамма, нашего первого заведующего, замечательного физика, лауреата Нобелевской премии по физике, и не менее замечательного человека, учителя А.Д. Сахарова. Этот портрет теперь украшает конференц-зал нашего отделения.

Он успевал читать газеты и журналы. Я от него всегда узнавал об интересных публикациях в таких газетах и журналах, которые я обычно не читал. А он очень много периодики читал (или, по крайней мере, просматривал) регулярно.

Не знаю, как ему на все хватало времени, но он был еще совершенно выдающимся книголюбом. Он регулярнейшим образом совершал обходы по многим книжным и букинистическим магазинам. Казалось, что все свои деньги он тратит на приобретение интересовавших его книг. А интересовало его все – физика, история культуры, воспоминания выдающихся людей о своем времени, воспоминания о выдающихся людях и многое, многое другое. Недалеко от нашего института, на углу улицы Вавилова и улицы Дмитрия Ульянова находится книжный магазин Академической книги. По крайней мере, так этот магазин назывался до недавнего времени. Гурген был там завсегдатаем, знал всех продавцов и администраторов, и они его знали. Он приходил в книжный магазин не просто для того, чтобы купить книгу, он любил поговорить с продавцами, рассказать им что-то для них интересное и узнать то, что его интересовало. Продавцы его любили. Мне рассказал Александр Михайлович Леонтович, что как-то он видел Гургена в большом книжном магазине, расположенном напротив Моссовета. Гурген, с благосклонной улыбкой, стоя перед прилавком в одном из отделов магазина, что-то рассказывал молоденьким продавщицам. По другую сторону прилавка стояло шесть или семь девушек – продавщицы из соседних отделов. Они слушали Гургена как замороженные. Покупатели терпеливо ждали окончания этой беседы.

Новые книги развозят по книжным магазинам в пачках. В зависимости от размера книги, в пачке может быть разное их число. Каждая пачка обернута в плотную бумагу и перевязана бечевкой. Обычный вес пачки – несколько килограмм. Так вот, Гурген почти всегда покупал новые книги не поодиночке, а пачками. Обычная картина: идет Гурген по двору ФИАНа и несет пачку книг, которую он только что купил. И было непонятно, зачем он покупает книгу не в одном экземпляре, а в пачке, которая содержит пять, или десять, или двенадцать книг. Он не объяснял своих действий, и такой удивительный способ приобретения книг до сих пор остается для меня загадкой. Возможно, он покупал книги с запасом, имея в виду, что потом можно будет нужные ему книги добывать путем обмена. Но возможно и другое объяснение. После смерти Гургена было обнаружено написанное его рукой завещание. У него было несколько картин кисти известных российских мастеров. Он завещал передать их в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. А книги завещал передать в детские дома. Возможно, поэтому он и покупал по несколько одинаковых книг.

Г. Аскарьян как-то рассказал Александру Григорьевичу Молчанову, что возникающие у него (у Аскарьяна) вопросы он заносит в тетрадку, которую завел еще в студенческие годы. Эта тетрадка дает ему материал для размышлений (и определяет направление исследований). Интересно, где эта тетрадь сейчас находится? Там, наверное, содержится много интересного.

В 1992 году Г.А. Аскарьян защитил докторскую диссертацию. В истории с защитой докторской диссертации его отношение к степеням и званиям проявилось даже более явно, чем при защите кандидатской диссертации. Он был физик с мировым именем, число его опубликованных работ приближалось к двум сотням, и эти работы содержали много общепризнанных достижений. В 1988 году за свои работы по самофокусировке он получил Ленинскую премию – высшую научную награду Советского Союза. Четырьмя годами ранее ему была присуждена Государственная премия Украинской ССР. В 1989 году была учреждена Российская Академия Естественных Наук (РАЕН). Г. Аскарьян был одним из ее учредителей.

Ему было бы очень легко стать доктором наук, пожелай он этого. Но он не хотел тратить времени на подготовку и защиту диссертации. Он считал, что лучше сделать одно новое исследование, чем тратить время на подготовку диссертации по материалам многих уже выполненных работ. Его часто уговаривали написать докторскую диссертацию. В числе уговаривающих был и я. В ответ на уговоры стать доктором он либо отмалчивался, либо отвечал: “Вон их сколько развелось. И так инфляция”.

Но все же, когда в уговоры включилась Наташа Ирисова, Гурген не устоял. Наталья Александровна Ирисова, известный радиофизик, была Ученым секретарем Совета по защитах в Институте Общей Физики (ИОФАН). Председателем Совета был Анри Амвросиевич Рухадзе, теоретик по физике плазмы, физике пучков, автор многих хороших статей и книг. Он со своей стороны всячески поддерживал усилия Ирисовой. Он говорил Гургену: “Напиши что угодно, напечатай на машинке, на первой странице пусть будет написано, что это диссертация на соискание ученой степени доктора физико-математических наук, переплети и подай на защиту, мы тебе присудим докторскую степень”. Но Г. Аскарьян не хотел тратить время написание диссертации. Тогда А.А. Рухадзе и Н.А. Ирисова от имени Ученого Совета ИОФАН обратились в Высшую Аттестационную Комиссию с просьбой разрешить Г.А. Аскарьяну подать на защиту не диссертацию а доклад о проведенной научной работе. Такое разрешение было получено. Но Гурген был не очень расположен писать даже научный доклад, хотя по размеру доклад составлял примерно одну десятую часть от объема диссертации. А.А. Рухадзе вспоминал о том, как он и Н.А. Ирисова уговаривали Г. Аскарьяна: “Мы его непрерывно понукали, чуть ли не пришлось за него писать доклад”.

В конце концов доклад был написан. Он был основан на семидесяти двух опубликованных работах Г. Аскарьяна из общего числа около двухсот его опубликованных работ. Аскарьян писал, что выбрал эти семьдесят две работы “не потому, что остальные хуже, а потому, что на сегодняшний день они автору больше нравятся: он с ними пережил больше радостей и горестей”. Все эти работы включены в сборник “Памяти Г.А. Аскарьяна”, выпущенный его друзьями.

В докладе Г.А. Аскарьяна чувствуется темперамент бойца. Касаясь предсказанных им новых физических эффектов, он пишет во введении: “Важность и масштабность эффектов подтверждается дальнейшим развитием их исследований и применений, направлениями, ими открываемыми, и обилием заимствований, посягательств и самоприписываний другими авторства открытий этих эффектов. Автор ставил основную задачу принести максимальный приоритет России в открытиях этих эффектов и не рассчитывал на такую активность эпигонов”. Казалось бы, читая докторский доклад, можно думать, что мы имеем дело с прежним Аскарьяном, неутомимым ис-

следователем и неустрашимым борцом против нарушителей научной этики. Но вот мы дочитываем доклад до последней страницы и видим, что заключительным разделом доклада является совершенно необычное для научной работы по физике четверостишие, написанное Г.А. Аскарьяном, которое он озаглавил словом «эпитафия». Эпитафия – это надгробная надпись. В конце своего докторского доклада Гурген поместил надгробную надпись – не своему докладу, а самому себе:

«Мир оставляю вам, а мне покой над миром,
Вдали от суеты, позора и страстей.
Мир – ярмарка, а бог – владелец тира,
В котором гении – мишени для людей...»

Он всю жизнь был лишен нормального отдыха, разрываясь между напряженной научной работой и изнурительными домашними заботами, не видел, как при жизни выбраться из этого круга, и начинал помышлять о кончине. Четверостишие взято из его статьи «Гении, власть и цивилизация», написанной примерно в то же время, что и докторский доклад, и опубликованной в виде препринта в ФИАНе в 1993 году. В статье говорится о трагической судьбе многих выдающихся людей России:

«Радищев, Пушкин, Лермонтов, Столыпин, Гумилев, Есенин, Цветаева, Клюев, Мандельштам, Маяковский, Михоэлс, Мейерхольд, Вавилов и плеяда биологов-генетиков, Кедрин, Богатырев, Рубцов, Высоцкий, Галич, Сахаров, Тальков... Как смяло их время, как истерзали их временщики и сколько они недодали народу, Родине, цивилизации! О чем они думали в последний год, час, минуту, секунду, ощущая приближение убийцы, петлю на шее, ствол у затылка, пулю в теле, решетку или колючую проволоку на небе?»

И в уме складываются слова в эпитафию, которую могли признать, написать, выкрикнуть, прошептать любой из них...»

И дальше следует уже приведенное выше четверостишие, причем по поводу последней строчки «...гении – мишени для людей» Г. Аскарьян замечает, что «...рифма упорно просит слово “властей”, потому что гении в большинстве противоречат власти, особенно временщиковой, бескультурной, грубой и негуманной».

В этой своей статье Г. Аскарьян обращает внимание на то, что гениальные люди – достояние всего человечества, и они нуждаются в международной защите; он предлагает взять таких людей под особую защиту Организации Объединенных Наций. Что касается последней строчки четверостишия, то, я думаю, когда Гурген писал статью о судьбе гениев в России, он писал не о себе, не причислял себя к гениям и эту строчку к себе не относил. По крайней мере, никаких даже намеков никогда я не слышал от него на его выделенность по сравнению с другими. Но ему не давала покоя судьба многих гениев в родной стране. Однако, поместив это четверостишие в своей диссертации, Г. Аскарьян дал повод думать, что слова «...гении – мишени для людей» имеют отношение и к нему самому, что он тоже является до какой-то степени и гением и мишенью.

Почему же Г. Аскарьян позаимствовал и поместил в конце своего докторского доклада эпитафию из своей же статьи о судьбе гениев? По-видимому, объяснение заключается в том, что жизнь взвалила на его плечи нагрузку, которая была на пределе его сил – напряженная научная работа, забота о больной матери и больной сестре. Он мечтал о покое и понимал, что покой в этой жизни вряд ли будет для него достижим.

В августе 1992 года умер Михаил Львович Левин, выдающийся физик, с которым Гурген дружил и сотрудничал в течение многих лет. На похоронах Гурген выступил, в немногих словах отдал дань памяти Левина и закончил свою речь словами: «До скорого свидания!». Это было через пару месяцев после того, как он защитил докторскую диссертацию.

Однако, Г. Аскарьян в это время был по-прежнему продуктивен и вел напряженную научную работу. В 1994 году в журнале «Письма в ЖЭТФ» была опубликована работа Г.А. Аскарьяна, С.В. Буланова, Ф. Пегораро и А.М. Пухова, в которой было предсказано и рассмотрено удивительное явление – взаимное притяжение двух сильных параллельных сфокусированных световых лучей в среде. В линейной электродинамике два пересекающихся световых пучка проходят друг сквозь друга, и каждый пучок распространяется так, как если бы другой пучок вообще не существовал. Но с ростом амплитуды электрического поля возникают нелинейные явления, и то явление, о котором идет речь – взаимодействие параллельных световых пучков – возникает при очень больших значениях электрического поля, когда электрон в волне за время, сравнимое с периодом волны, может получить энергию, превышающую его энергию покоя mc^2 . Такие световые пучки, как было показано Г. Аскарьяном и его соавторами, притягиваются друг к другу и могут слиться в один сверхмощный пучок, если направление распространения света в обоих пучках параллельно. Если же направление распространения света в одном из пучков противоположно направлению распространения в другом, то такие пучки отталкиваются. Более того, оказалось, что на такие сильные световые пучки можно воздействовать с помощью наложенного внешнего магнитного поля – оно отклоняет световой пучок.

В связи с этим исследованием напомним, что еще Фарадей проводил опыты по воздействию внешнего магнитного поля на световой пучок. Фарадей надеялся вызвать таким путем отклонение света, но его опыты не оправдали этих надежд, и теперь ясно, почему: интенсивность света была недостаточна. Правда, не следует забывать, что эти опыты Фарадея увенчались открытием магнитного вращения плоскости поляризации (эффект Фарадея).

Физической причиной взаимодействия световых пучков в среде, как и их взаимодействия с наложенным магнитным полем, является возникновение токов в канале самофокусировки.

Возможно, Гургену было бы намного легче жить на свете, если бы он женился. Женская забота – это то, чего ему не доставало. Но он прожил свою жизнь неженатым.

Он был неравнодушен к женской красоте. Часто, увидев красивую женщину, он вслух восхищался, говоря: «Какая красивая женщина!», или «Какое лицо!», или «Какая фигура!». Он приветливо раскланивался со многими приметными женщинами ФИАНа, и они в свою очередь приветливо улыбались ему. Нередко, проходя по коридорам института или по двору, я видел Гургена, увлеченного разговором с одной из сотрудниц, причем по их виду было ясно, что тема разговора далека от научных проблем. Я такие картины наблюдал не без зависти.

Однажды у Энрика Мергеляна, нашего общего с Гургеном друга, спросили про нашего другого общего знакомого, пользуется ли тот успехом у женщин. Мергелян ответил: «Имеет успех, но не пользуется». Гурген, по-видимому, имел успех и пользовался, и были серьезные увлечения, но до женитьбы, к сожалению, дело не доходило. Причины, как мне кажется, лежат и в женской психологии, и в отношении самого Гургена к женитьбе. Всякой женщине, согласившейся выйти замуж за Гургена, предстояло примириться с тем, что он никогда не оставит большую мать и большую сестру и будет тратить на уход за ними столько времени, сколько будет необходимо. Остальное время будет поделено между женой и наукой, и сколько достанется на долю жены, трудно сказать, но ясно, что не очень много. Не нашлось такой самоотверженной женщины среди увлечений Гургена, которая бы на это пошла.

Была и у Гургена причина, которая удерживала его от того, чтобы завести семью. Дело в том, у его мамы Аси Михайловны в последние годы жизни случались периоды неадекватного поведения, а сестра Галя заболела душевным расстройством еще в молодом возрасте. Гурген опасался, что если он женится, и в семье появятся дети, на них может сказаться дурная наследственность. Мне об этом сказал Анри Рухадзе, с которым Гурген поделился своими страхами.

Электромагнитное излучение в некоторых областях спектра оказывает на живые клетки и ткани организма лечебное воздействие. Например, облучение инфракрасным светом усиливает восстановительные и иммунные процессы в клетках и тканях и таким образом способствует заживлению пролежней и вообще трофических язв, ускоряет заживление ран, дает благотворные результаты при лечении стоматитов, полиневритов и других патологических процессов. Общим свойством всех этих патологических процессов является то, что они все происходят в наружных тканях организма, “на поверхности”. Инфракрасное излучение сильно поглощается в живой ткани и не проникает на сколько-нибудь существенную глубину.

Ультрафиолетовые лучи также применяются в медицине – они обладают сильным бактерицидным действием. Но они, как и инфракрасные лучи, воздействуют только на покровы организма и не проникают в глубину.

Г. Аскарьян стал искать способы, позволяющие увеличить глубину проникновения инфракрасного (и ультрафиолетового) излучения в живую ткань. Уже первые эксперименты, проведенные в конце 1981 – начале 1982 года, дали обещающие результаты и вызвали интерес во всем мире. Первую статью о своих результатах Г. Аскарьян опубликовал в советском журнале «Квантовая электроника», в седьмом выпуске за 1982 год. Результаты эти оказались настолько интересны, что сообщения о них появились через некоторое время во многих газетах. Ниже приводятся отрывки из большой статьи, озаглавленной «Автографы невидимок» и опубликованной в газете «Социалистическая индустрия» 20 января 1983 года. Статью написал журналист А. Валентинов. В скобках по ходу текста приводятся наши добавления, выделенные курсивом.

«Когда мы вошли в лабораторию, лазер уже работал, пронизывая полумрак красным лучом изумительной чистоты (*Это был гелий-неоновый лазер, излучение которого имеет длину волны 0,63 микрон. Мощность лазера, применявшегося в опытах Г. Аскарьяна, составляла несколько сотых долей ватта*). Я подставил ладонь, и багряный кружок мягко лег на нее, лаская кожу (*В опытах Г. Аскарьяна лазерный луч весь поглощался в толще ладони. До тыльной сторон ладони луч не доходил*).

– А теперь смотрите, – сказал Гурген Аскарьян и слегка нажал стеклянной палочкой на тыльную сторону ладони.

И хотя я заранее знал, что должно произойти, все же невольно вздрогнул – часть ладони «провалилась» образовалась дыра. Рука будто стала стеклянной, и лазерный луч беспрепятственно пронизывал ее (*никакой дыры в ладони, конечно, не образовалось. Нажатие на тыльную сторону ладони привело к тому, что ладонь стала пропускать свет*).

– Передвиньте ладонь чуть влево, – попросил Гурген Ашотович.

Я передвинул, и в центре красного пятна отчетливо проступили разветвления вен. Еще движение – и на крохотном «экране» появилась проекция кости.

– Чем не рентгеновский аппарат? – улыбнулся Аскарьян. – С той лишь разницей, что лазерный луч не только совершенно безвреден, но и оказывает целительное действие...

Науке отнюдь не чужды случайности. И открытия порой совершаются не в виде финального этапа целенаправленного поиска, а в результате ряда, казалось бы, не относящихся к делу обстоятельств.

Так произошло и в лаборатории физики плазмы Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук СССР. Мало ли сотрудников подставляло руки под красный луч гелий-неонового лазера. Просто так, чтобы испытать приятное ощущение. Но только один из них – руководитель группы, кандидат физико-математических наук, лауреат Государственной премии Украинской ССР Г.А. Аскарьян почему-то нажал при этом на тыльную сторону ладони стеклянной палочкой. Почему? Он и сам не может объяснить» (*по-видимому, побудительной причиной, толкнувшей Г. Аскарьяна на эти исследования, стала тяжелая болезнь академика М.А. Леонтовича. Гурген хотел ему помочь и с этой целью занялся усовершенствованием инфракрасной терапии*).

Г. Аскарьян показал, что при надавливании на живую ткань глубина проникновения инфракрасного излучения возрастает с нескольких миллиметров до нескольких сантиметров. Это означало, что во много раз расширялась зона лечебного воздействия. Надавливание осуществлялось различными способами. Один из них описан в приведенном отрывке – это нажатие стеклянной палочкой. Другой способ заключался в том, что цилиндр, сделанный из стекла, прижимался торцом к поверхности тела в выбранном месте, а по оси цилиндра пропускался лазерный луч.

Г. Аскарьян также предложил способ, позволяющий подвести инфракрасное излучение к той точке в организме, где требуется облучение, не облучая окружающих тканей. Это может быть достигнуто с помощью иглы с каналом внутри, вроде иглы от медицинского шприца. По каналу пропускается свет лазера (можно в канал вставить световодную нить). Таким же способом можно провести в выбранную точку и ультрафиолетовое излучение.

Эти работы Г. Аскарьяна вызвали большой интерес у медиков. В частности, он получил несколько писем из-за рубежа с предложениями о сотрудничестве от медицинских научно-исследовательских институтов. Одно из писем пришло из США, кажется от Института здоровья. Гургену предлагалось сотрудничество в исследованиях по применению его методов к диагностике и лечению рака молочной железы. Гургена приглашали в США для выработки планов совместных исследований. Но он не мог уехать из Москвы для участия в работе конференций даже в пределах СССР, не то что в США. Он не мог оставить большую сестру. Было возможно поместить сестру на время отъезда в лечебное учреждение, но он и слушать не хотел об этом.

– Ладно, – сказал он мне, – я им пошлю письмо такого содержания: согласен сотрудничать, приехать не могу, высылайте сиски.

Так или иначе, работы Г. Аскарьяна по распространению излучения в биологических средах вызвали целый поток исследований.

Здесь уместно сделать небольшое отступление.

В 1724 году по указанию Петра Первого был составлен проект положения об учреждении Академии наук и художеств. Петр обсудил этот проект в Сенате и подписал его. На рукописи проекта имеются пометки, сделанные рукою Петра. В этом проекте есть один раздел, который, мне кажется, прямо касается таких людей, как Г. Аскарьян:

“Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычно мало думают на собственное свое содержание, того ради потребно есть, чтоб Академии кураторы непременно определены были, которые бы на оную смотрели, о благосостоянии их и надобном приуготовлении старались, нужду их императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели”.

Петр Первый понимал, что науку делают люди, и забота о них есть постоянная и важная часть заботы о науке.

1982 год был для Аскарьяна сравнительно благополучным. Это был конец Брежневского застоя. Приближалось время развала СССР, время болезненной ломки и кризиса во всех областях, в том числе и в науке. Когда это время настало, научные работники оказались на грани нищеты, многие из них уехали за границу, многие из тех, кто остались, ушли из науки в торговлю, в сферу обслуживания – туда, где можно было заработать достаточно, чтобы прокормить себя и семью. Гургену предстояли, как и всем нам, тяжелые годы. Но жизнь его была трудной и в 1982 году. Был быв Академии «непременный куратор», о котором говорится в Петровском проекте, Гургену было бы полегче жить на свете. И наука от этого много бы выиграла.

Но куратор куратором, а меня не покидает чувство вины. Я мог ему помочь и не сделал этого.

Если говорить о качествах Г. Аскарьяна как ученого, то, по-видимому, главное его качество заключалось в том, что он, как говорят, видел физические эффекты там, где их никто кроме него не видел. Для него физика была единым организмом, он не признавал перегородок между механикой, акустикой, оптикой, физикой элементарных частиц, электродинамикой и другими разделами физической науки. Среднего уровня учебник по физике делится на главы, никак не связанные одна с другой. Но сама физика не делится на главы, это люди ее разделили из-за ограниченности своих познавательных способностей – отдельные части изучать легче, чем целое. Однако, при таком способе изучения, при изучении по частям, утрачивается представление о физике в целом. Гурген не утратил такого представления. Это одна из причин, объясняющих, почему он так много сделал.

С середины 90-х годов здоровье Г. Аскарьяна стало заметно сдавать. У него болело сердце, отекали ноги. Одновременно ухудшилось состояние сестры Гали. У

нее чаще стали возникать обострения ее психического заболевания, в такие периоды она становилась агрессивной и крайне враждебной по отношению к брату – единственному человеку, который о ней самоотверженно заботился. Здоровье ее также ухудшилось. Гурген вызывал врачей на дом, возил сестру к консультантам. Ему было очень трудно – он любил сестру и хотел ей помочь, но он и сам был в плохом состоянии. Друзья уговаривали его поместить сестру в больницу, хотя бы на время, с тем, чтобы он сам мог отдохнуть и подлечиться. Гурген и слышать не хотел о том, чтобы отправить сестру в больницу. Он говорил: «Это невозможно – ее там погубят».

У Анри Амвросиевича Рухадзе в то время состоялся разговор с директором Института общей физики А.М. Прохоровым. Разговор был посвящен тяжелому положению, в котором находился Г.А. Аскарьян. Прохоров выразил готовность помочь. Поскольку Гурген не хотел отправлять сестру в больницу, Прохоров предложил такой вариант: положить Гургена в хорошую клинику для необходимого лечения, причем стоимость лечения будет оплачена Институтом, сестру же его оставить дома, и для ухода за ней нанять квалифицированную няню на то время, пока Гурген будет в больнице. Оплачивать няню Прохоров также обещал за счет Института. Рухадзе отправился к Гургену, рассказал о договоренности с Прохоровым и уговаривал Гургена воспользоваться этой возможностью. Однако, Г. Аскарьян твердо отказался. Анри сказал ему: «Пойми, если не будешь лечиться, ты умрешь. Что тогда будет с твоей сестрой?» Гурген ответил: «Может быть, тогда она поймет, кого потеряла».

Отказ Гургена от помощи вовсе не означал плохого отношения к А.М. Прохорову. К тому времени бывшие распри уже улеглись. Когда Прохоров отмечал свое 80-летие, сотрудники плазменной лаборатории, где работал Г.А. Аскарьян, решили подарить юбиляру какую-нибудь редкостную книгу. Когда Гурген узнал об этом, он взялся сам подобрать книгу, потому что, как он сказал, никто не мог сделать это лучше, чем он. От помощи в лечении Г. Аскарьян отказался не потому, что не хотел принимать помощь именно от А.М. Прохорова. Он не принял бы ее ни от кого другого. Такая помощь была несовместима с его представлением о независимости.

Весной 1996 года мне позвонил старейший и уважаемый сотрудник ФИАН Евгений Львович Фейнберг. Гурген нередко обсуждал с ним свои работы. Евгений Львович был встревожен тем, что Гурген плохо выглядел и плохо себя чувствовал. «Уговорите Гургена поменять свою квартиру на другую, ближе к ФИАНу, – говорил Евгений Львович. – Ему тогда станет легче. Ведь ему приходится дважды в день ездить на работу и с работы. Это ему не по силам». Я попробовал уговорить Гургена, но мне это не удалось, как и Евгению Львовичу.

Он по-прежнему много времени проводил в лаборатории, продолжал обходить книжные магазины, но это давалось ему со все большим и большим трудом. Он все реже и реже посещал семинар В.Л. Гинзбурга, практически перестал ходить на заседания семинара. На вопрос: «Как живешь?» он теперь отвечал: «Плохо».

В начале февраля 1997 года Г. Аскарьян несколько дней не появлялся на работе. По ФИАНу и по ИОФАНу разнесся слух о его смерти. В связи с этим слухом Герману Батанову одна за другой позвонили Лидия Митрофановна (референт А.М. Прохорова, директора ИОФАН) и Людмила Ивановна (референт О.Н. Крохина, директора ФИАН). На их вопросы Герман ответил, что Г. Аскарьян жив и исправно ходит на работу.

Действительно, дня через два Г. Аскаръян пришел в институт. Он плохо выглядел и плохо себя чувствовал, не мог даже прямо держать голову. Он сел на стул, откидываясь на спинку и только в таком положении мог поднять голову и смотреть в лицо собеседнику.

На следующей неделе Г. Аскаръян опять не вышел на работу. Его не было в понедельник и во вторник. Это вызывало тревогу сотрудников, которые знали, что Г. Аскаръян серьезно болен. В среду 12 февраля к нему поехал Игорь Соколов, сотрудник той же лаборатории. Приехав, И. Соколов в течение примерно часа звонил, стучался, но никто ему не открыл. Соколов даже вышел из подъезда на улицу и бросил несколько снежков в окно квартиры Г. Аскаръяна. Все было напрасно. Тогда Игорь Соколов позвонил Г. Батанову и спросил, что делать. Решили, что через небольшое время Игорь повторит свои попытки достучаться до Г. Аскаръяна.

У Гургена был в квартире телефон, но последние несколько лет телефон не работал. Когда я несколько раз не смог к нему дозвониться и сказал ему об этом, он объяснил, что сестра часто разбивает телефонный аппарат, и поэтому телефон выключен (он говорил: «телефон заблокирован»).

Игорь погулял около часа, вернулся и снова долго и безуспешно стучал. Он опять позвонил Г. Батанову. Договорились, что Игорь придет в ИОФАН, и там все вместе обсудят, что предпринять. Было около пяти часов вечера.

Когда Игорь вернулся в институт, он застал там Г. Аскаръяна, очень рассерженного. Гурген возмущенно говорил: «Зачем вы беспокоите меня и сестру?». Он требовал, чтобы такие непрошенные визиты больше не повторялись. Друзья просили его включить телефон, но он поднял их на смех.

В пятницу 14 февраля Г. Аскаръян пришел в лабораторию. Чувствовал он себя плохо и плохо выглядел. Он попросил Александра Владимировича Юркина купить лекарства – мазь и что-то еще – и записал на клочке бумаги названия. Юркин сразу же отправился в аптеку. Он также требовал оставить его в покое хотя бы на неделю, говорил, что всю неделю будет лечиться, не выходя из дома.

По-видимому, в один из этих дней, 12 или 14 февраля, он мне позвонил домой из кабинета Г. Батанова. Я в то время болел. Он расспросил меня о самочувствии, пожелал скорее поправиться и спросил: «Деньги нужны?». Такого вопроса за всю мою жизнь никто мне не задавал, возможно, потому, что ответ был ясен заранее – нужны. Но Гургену я ответил: «Спасибо, обходимся», а про себя подумал, что ему деньги нужнее, чем мне. Спросил его, как он поживает, и он ответил: «плохо».

В понедельник 17 февраля начиналась ежегодная звенигородская конференция по физике плазмы. Г. Батанов, И. Соколов и другие уехали в Звенигородский пансионат Академии Наук, где проводилась конференция. В конце недели все вернулись в Москву. Г. Аскаръяна никто не тревожил, помня его категорические требования.

В понедельник 24 февраля Г. Аскаръян в институт не пришел, во вторник и в среду его также не было. К Г. Аскаръяну домой поехал А.В. Юркин. Он не достучался. Дело было вечером, в комнате сестры горел свет.

В течение следующих дней многие сотрудники – Г.М. Батанов, Г.А. Рябенко, И. Соколов, А.В. Юркин – по много раз безуспешно старались достучаться до Г. Аскаръяна. Г. Батанов оставлял записки в почтовом ящике на двери в квартиру и в другом почтовом ящике, в общем блоке на стене в подъезде. Записки эти никто не забирал.

7 марта с утра несколько сотрудников во главе с Г.М. Батановым, в сопровождении участкового милиционера проникли в квартиру Г.А. Аскарьяна. Хозяина квартиры они нашли на кухне, мертвого. Он сидел на стопке из книг, а письменным столом ему служила другая стопка. Он работал до последнего часа. Одна горелка на плите была зажжена.

В своей комнате на кровати лежала мертвая Гоарик. По заключению экспертизы, брат и сестра умерли в один день, 2 марта, и от одной причины: от ишемической болезни сердца. Квартиру наполнял удушливый запах разложения.

На кухне была обнаружена батарея коньячных бутылок с положенной на них запиской: «это мне на поминки».

Гурген знал, что умирает и ждал наступления смерти. Он устал от непосильной нагрузки и не хотел жить. Примерно за месяц до кончины он сказал Гале Рябенко, работавшей в той же лаборатории, что и он: «Я посвятил свою жизнь физике, но все кончается. Я устал жить».

На траурную церемонию собралось много физиков из ФИАна и ИОФАна. Соратников Гургена по ФИАНу было гораздо больше, чем сотрудников ИОФАна, института, где Гурген работал последние 15 лет своей жизни. Родственников Гургена на траурной церемонии вообще не было. В Москве у Гургена не было родных, престарелые дядя и тетки жили в Харькове. Их известили о дне похорон, но они не смогли приехать – не было денег на дорогу.

Урны с прахом Г. Аскарьяна и его сестры захоронены на Новодевичьем кладбище в могиле, где покоятся их родители. Бедная эта могила расположена рядом с могилой Шаляпина. На могильном камне имена родителей: «Врач Ашот Богданович Аскарьян (1881-1940)» и «Врач Ася Михайловна Аскарьян (1893-1979)». Имена Гургена и Гали еще не выбиты. Об этом придется позаботиться нам, оставшимся в живых.

Гурген столько нового сделал в физике, что невозможно в статье такого размера, как эта, дать сколько-нибудь полное представление о его работах. Частично этот недостаток восполняется его статьями, собранными в сборнике «Памяти Г.А. Аскарьяна» (Москва, издательство «Знак», 1998). Однако, следует иметь в виду, что и статьи, помещенные в этом сборнике, составляют лишь часть, примерно треть, от полного числа опубликованных Г. Аскарьяном работ.

Автор благодарен многим людям за помощь, которую он получил, работая над этой статьей, помощь советами, материалами, воспоминаниями. Особо хочу поблагодарить Г. Батанова, Ю. Вавилова, С.С. Герштейна, И. Данилкина, И. Железных, Н. Ирисову, М. Казаряна, А. Леонговича, Г. Мерзона, В. Погосяна, А. Рухадзе, Г. Рябенко, И. Соколова Е. Фейнберга. Они не несут ответственности за возможные допущенные мной неточности.

Виталий Шрайбер

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ФАКТАХ

Предисловие

Ни одна климатическая или экологическая теория, не вызывала в последние годы столь повышенного общественного интереса, столько дискуссий и разногласий, сколько концепция так называемого “глобального потепления” (global warming – GW)^[1] или, более точно, концепция повышения средней температуры поверхности Земли из-за антропогенной эмиссии парниковых газов, в первую очередь углекислого газа. С одной стороны, ряд лет уже действуют международные соглашения о снижении эмиссии двуоксида углерода, в частности, Киотский протокол, ратифицированный подавляющим большинством стран; с другой – сохраняются сомнения в целесообразности борьбы с этой эмиссией и продолжают появляться довольно многочисленные публикации в средствах массовой информации и на Интернет-сайтах, где утверждается, что повышение содержания углекислого газа в атмосфере практически не оказывает влияния на климат. В полемике сторонников и противников концепции антропогенного потепления чисто научные вопросы все чаще отступают на второй план, а на первый выдвигаются политические, экономические и даже моральные аспекты. Страсти накаляются до такой степени, что время от времени то одна, то другая сторона апеллируют к властям предержащим или грозят оппонентам судебным преследованием.

Признаюсь, что я – не климатолог, не эколог и профессионально проблемой влияния человеческой деятельности на климат никогда раньше не занимался. Я и не журналист, набивший руку в освещении сенсационных и скандальных ситуаций. Стараясь составить свое собственное мнение, я потратил немало времени, изучая публикации по проблеме GW. Однако несмотря на неплохое образование и приличный стаж работы в науке, а может быть именно поэтому, я не смог прийти к твердому и окончательному мнению о том, кто прав, а кто неправ в споре сторонников и противников концепции GW и, если неправ, то в чем именно и насколько. Поэтому данная публикация не является попыткой убедить кого-то в том, что глобальное потепление действительно имеет место и вызвано человеческой деятельностью, или, наоборот, в том, что все это выдумки.

Что я хочу сделать – это рассказать историю событий, связанных с возникновением и формированием концепции GW и постепенной ее политизацией. История эта, на мой взгляд, любопытна и драматична, а некоторые ее персонажи – люди незаурядные. Однако их имена мало знакомы или вовсе неизвестны российскому читателю, да и русскоязычному американскому тоже. Отчасти это, видимо, связано с некоторой разницей между тем как указанная проблема освещалась в англоязычных и русскоязычных средствах массовой информации.

Число англоязычных публикаций очень велико, и американский или британский читатель, заинтересовавшийся этой проблемой, при желании может найти и сравнить публикации как сторонников, так и противников концепции GW, узнать мнение как специалистов-профессионалов, так и журналистов, политиков, государ-

ственных деятелей. В России интерес к этой проблеме никогда не был таким значительным как в США, соответственно, число публикаций в СМИ значительно меньше. При этом и в российских, и в русскоязычных американских СМИ доминирует скептическое отношение и к самому факту GW, и к идее о возможности влияния человеческой деятельности на климат, и уж совсем негативное отношение к Киотскому протоколу и сторонникам его ратификации [2]. Этот протокол, как и другие международные соглашения, требующие уменьшить объем сжигания углеводородных топлив с целью снижения эмиссии двуоксида углерода, вызывают естественные опасения, что выполнение этих требований нанесет значительный вред экономике. И именно это во многих случаях является подошкой негативного отношения или недоверия не только к Киотскому протоколу, но и к научной части концепции GW.

Что до меня, то я старался занять по возможности нейтральную позицию. Но при этом мне хотелось отделить «зерна от плевел» и «агнцев от козлиц», то есть науку от политики и, соответственно, ученых от политиков. Хотелось также проследить, как получилось, что интересная и, казалось бы, нормальная научная работа привела к расколу в научном сообществе, возбуждению страстей и даже скандалам. Насколько мне известно, в русскоязычном варианте подобных публикаций не было.

На английском языке написан ряд книг и обзоров, например, [2 – 5] [3]. Но я не собираюсь предложить читателям их русскоязычную компиляцию.

Во-первых, излагая физическую суть проблем, я попытаюсь, по возможности, заполнить разрыв между статьями специалистов с одной стороны и публикациями, авторы которых вникнуть в эту самую суть не очень старались, с другой.

Во-вторых, мне хотелось бы, наряду с "научно-исследовательской частью" истории, осветить историю, если можно так выразиться, человеческую, историю в лицах.

Наконец, в-третьих, мне хотелось бы, уделить по возможности, больше внимания вкладу представителей России в эту историю и вообще приблизить свой рассказ к русскоязычному читателю.

Как я заинтересовался проблемой всемирного потепления

Мой интерес к проблеме GW возник после нескольких случайных разговоров со знакомыми из числа русскоязычных эмигрантов немолодого, как и я, возраста. Дело было в 2008 году. Поскольку раньше этой проблемой я не интересовался, я пропустил время, когда широко рекламировались книга и фильм Альберта Гора "An Inconvenient Truth" (Неудобная правда) и когда, судя по рассказам, в средствах массовой информации доминировали публикации "алармистов" глобального потепления. В 2008 году президентом уже был Буш – младший, и большинство газетных и журнальных публикаций и комментариев в Интернете скорее выражали скептическое или негативное отношение к концепции GW и Киотскому протоколу. Америка отвергла ратификацию этого протокола, а стало быть и не очень-то «пострадала» от активности Гора и других "алармистов". Правда в 2007 году Гор получил Нобелевскую премию, что на его оппонентов подействовало как красная тряпка на быка.

Вот и мои собеседники отрицали реальность изменения климата, не говоря уж об антропогенном происхождении этих изменений, и ругали Гора нехорошими

словами. Я же высказался в том духе, что бог с ним с Гором, а также другими политиками и журналистами – они ведь не специалисты; важно узнать, что считают ученые. Оказалось, однако, что кое-кто из моих собеседников относится к ученым немногим лучше, чем к Гору. Ученые, мол, руководствуются материальной выгодой, а вовсе не стремлением к истине, и, если им хорошо заплатить, выделить гранты, то, в зависимости от заказчика, они откроют потепление, охлаждение или что угодно еще.

Такой поворот беседы мне, честно говоря, не очень понравился. Как-никак, всю сознательную жизнь я провел среди людей, занимающихся научными исследованиями, сам был одним из них, хотя и не называл себя никогда громким словом "ученый", и соглашаться с тем, что все известные мне, а также и неизвестные коллеги продажны и жуликоваты, мне не хотелось. Не то чтобы я считал, что труженики науки являются безкорыстными образцами высокой морали и нравственности. В конце концов, ученые – обычные люди, и ничто человеческое, включая грехи и пороки, им не чуждо. И все же большинство тех, с кем мне довелось работать бок о бок, были добросовестными людьми, а случаи не порядочного поведения были скорее исключением, чем правилом. Хотя стремление получить финансирование иной раз подталкивало автора заявки на грант приукрасить актуальность и значимость предлагаемого проекта, явного вранья, как правило, никто не писал. С сознательной подтасовкой научных данных в корыстных целях за много лет работы я не встретился ни разу. И уж, тем более, не мог себе представить, чтобы подобными манипуляциями занимались одновременно много исследователей в разных странах.

К тому же в тот момент мне было непонятно, кто и почему готов платить за пропаганду GW и сокращение промышленных выбросов углекислого газа^[4]. Легче было представить себе, кто заинтересован в отсутствии любых ограничений такого рода. По крайней мере, российская действительность, которую я знал лучше, давала примеры того, что организации и ведомства, имеющие деньги – государственные и частные промышленные предприятия, различные министерства, военные ведомства и т.п. – обычно выступали в качестве оппонентов по отношению к экологам или «зеленым», требующим запретить или ограничить выброс каких-либо производственных отходов в окружающую среду, отменить решение о строительстве опасных или сомнительных с экологической точки зрения объектов. Естественно, о том, чтобы эти ведомства финансировали экологов, не могло быть и речи. Шансы получить деньги имели, наоборот, эксперты, нанятые этими ведомствами для того чтобы доказывать безвредность выбросов, безопасность объектов.

О чем сообщали средства массовой информации

Решив в этом разобраться, но не имея еще намерения заниматься проблемой GW всерьез, я полез в Интернет. Количество публикаций и сообщений, высыпавшихся в ответ на мои запросы, повергло меня в ужас. В ряде случаев даже при беглом просмотре бросались в глаза поверхностность и явно ощущаемая предвзятость. Оказалось, что многие публицисты, пишущие о проблеме глобального потепления, руководствуются не столько специальными знаниями и реальным пониманием проблемы, сколько политическими симпатиями и антипатиями. В Америке, например, если некто симпатизирует демократам, то он безоговорочно готов мобилизовать все силы на борьбу с этим бедствием. А если он, наоборот, сторонник республиканцев, то ему совершенно ясно, что никакого глобального потепления нет и быть не может.

Тогда я отыскал на сайтах российских средств массовой информации материалы авторов, имена которых были мне знакомы по прежней российской жизни и внушали некое уважение. Общей чертой большинства найденных статей оказалось остро критическое, негативное отношение к концепции GW, к ее сторонникам и создателям. Вместе с тем, обращала на себя внимание безымянность этих создателей и сторонников. Авторы статей клеймили их, не стесняясь в выражениях, но не называли их имен. Вот характерные примеры.

Андрей Илларионов – известный российский экономист, аналитик и публицист, в недалеком прошлом советник президента Путина по экономике, говорит о создании **мифа** небольшой группой, своего рода **сектой** "сторонников климатического алармизма". Секта пытается запугать мир грядущим GW, вызываемым **якобы** деятельностью человека, с целью установить контроль над экономикой всей планеты. И этой «секте удалось обратить в свою веру руководство большинства европейских государств, Японии, Канады» [5]. Имена алармистов (членов секты) не названы.

Юлия Латынина – талантливая российская журналистка с острым и бойким пером – разразилась серией статей под общим названием «Климатократия». Она пишет: "Мы имеем дело с первым в мире научным открытием, совершенным бюрократами из Организации Объединенных Наций. Глобальное потепление придумала глобальная бюрократия". Здесь, по крайней мере, ясно, что это камень в огород IPCC (Intergovernmental Panel on Climate Change) – межправительственной комиссии при ООН по контролю за изменениями климата. Ряд политиков, а также чиновники и эксперты ООН, действительно играли определяющую роль в истории разработки и принятия Киотского протокола. Но и они в статьях Юлии Латыниной безымянны. Мысль о том, что к концепции GW имеют отношение какие-либо нормальные честные ученые, Латынина, судя по всему, не допускает.

В обоих случаях, как и во многих других, ничего не говорилось о парниковом эффекте, о том как, почему и у кого возникла идея о потеплении, вызванном усилением парникового эффекта за счет антропогенных факторов. Соответственно, не приводились и доказательства ошибочности этой идеи. В качестве аргумента против антропогенного происхождения потепления выдвигается тот факт, что на протяжении всей истории Земли, т. е. в доиндустриальную эпоху, когда, естественно, не было эмиссии парниковых газов из-за человеческой деятельности, неоднократно возникали и чередовались периоды похолодания и потепления. И значит – делается вывод! – нынешнее потепление, если оно и есть, тоже не связано с человеческой деятельностью.

Однако логически этот вывод не безупречен. Существование изменений климата, не связанных с человеческой деятельностью и обусловленных иными причинами, скажем, флуктуациями потока солнечного излучения, само по себе не является доказательством того, что климат **не может** меняться из-за человеческой деятельности. Нет такого закона природы, который запрещал бы появление новых факторов, влияющих на климат, вдобавок к уже имеющимся. На чем основана уверенность критиков, что человеческая цивилизация на определенном этапе развития не может стать таким фактором? Вопрос риторический. А практический вопрос в том, насколько убедительно возможность антропогенного усиления атмосферного парникового эффекта обоснована в работах авторов этой идеи и можно ли на основании имеющихся данных отличить действие одних природных механизмов от других. Но как раз об этом в упомянутых статьях ничего не говорилось.

Уверенный, можно даже сказать, безапелляционный тон критических публикаций Илларионова, Латыгиной и ряда других авторов показывает, что никаких сомнений в правильности своих оценок у них нет. Они искренне убеждены, что концепция усиления парникового эффекта из-за человеческой деятельности – афера. Но тогда возникает естественный вопрос: почему руководители более, чем 190 стран – в большинстве своем люди вменяемые и к тому же имеющие штат помощников, консультантов и экспертов – сочли нужным подписать и ратифицировать Киотский протокол. Были у них какие-то для этого основания или вообще никаких?

И другой вопрос: если все же это афера, то кто является ее автором (авторами)? Кто выдумал это глобальное потепление с целью нагреть на нем руки? Хотелось воскликнуть, перефразируя известное Грибоедовское выражение: «А обвиняемые кто?». Пусть политики, представители бизнеса и чиновники ООН сыграли каждый свою роль в этой афере. Но придумали-то GW все-таки не они. Как политикам или чиновникам могла придти в голову такая безумная идея – выдумать GW? Не с неба же, не из тропосферы, она свалилась прямо в их офисы.

Между тем, единственное конкретное имя, которое встретилось в большинстве критических статей – это бывший вице-президент США Альберт Гор. В Америке, действительно, многие убеждены, что это Альберт Гор. Надо отдать должное этому джентльмену: он немало потрудился, чтобы такое впечатление возникло. Тут вам и фильм, и книги, и Нобелевская премия. Но мне казалось очевидным, что бывший вице-президент не мог быть ни первооткрывателем явления GW, если таковое существует, ни автором научной концепции (или даже псевдонаучной, даже антинаучной), а лишь пропагандистом [6].

Невольно закрадывалось подозрение: а может быть вышеназванные авторы, как и большинство других, пишущих для СМИ, не являются специалистами, а потому не знают или не понимают ни механизма парникового эффекта, ни того, почему рост концентрации двуокиси углерода может стать причиной его усиления? Да и зачем им разбираться в физике или истории исследований парникового эффекта, если они убеждены, что речь идет не о научной теории, описывающей реальное природное явление, а об афере, о политической, финансовой или экономической интриге?

Однако наряду со статьями непрофессионалов встретились мне и публикации ученых, причем весьма известных. Так, например, очень активным критиком концепции GW оказался Александр Городницкий, доктор геолого-минералогических наук, член РАЕН, а также поэт, бард и вообще человек очень уважаемый многими (и мною в том числе). Количество интервью, статей и выступлений Городницкого, полностью или частично посвященных критике этой концепции, чрезвычайно велико, и даже песня о глобальном потеплении им тоже написана.

Единственной реальной причиной, способной вызывать изменение глобальной температуры Земли, по мнению Городницкого, может быть только изменение величины потока солнечной радиации. Подробнее о такой точке зрения, которой придерживается не только Городницкий, но и некоторые другие специалисты, и об их аргументации, я расскажу в одном из следующих разделов, который будет полностью посвящен изложению и сравнению взглядов сторонников и противников концепции антропогенного происхождения нынешних климатических изменений. Здесь отмечу лишь, что Городницкий, подобно Илларионову и Латыгиной, полагает, что идея потепления, вызванного антропогенной эмиссией углекислого газа, не имеет научного обоснования и является в чистом виде выдумкой, более того

выдумкой злонамеренной, затеянной с неблагоприятными целями, то есть аферой. В ряде статей он высказывает предположение, что кто-то заработал на этой афере миллиарды, что "на этом одни компании разорвались – скажем, угледобывающие, а другие нажились".

Впрочем, кто конкретно разорился, кто заработал и сколько именно, Александру Городничкому, судя по всему, тоже неизвестно. Возможно поэтому в других публикациях он, подобно многим, ответственность за выдумку возлагает на Альберта Гора. Он пишет: "Начало весьма популярному в наше время мифу о глобальном потеплении было положено американским вице-президентом Альбертом Гором, выпустившим в 2007 году книгу под интригующим названием «Неудобная правда» и документальный фильм с аналогичным названием". Городничкий сетует, что за эту безграмотную и вредную книгу и фильм Гору присудили "престижную международную Нобелевскую премию без какого бы то ни было научного обоснования".

Нельзя не согласиться: весьма странная Нобелевская премия. Справедливости ради, однако, следует учесть некоторые существенные обстоятельства. Во-первых, речь идет не о премии по физике или химии, а о Нобелевской премии мира, которая, как известно, дается не за науку, а за политику. В данном случае премия была присуждена с формулировкой "for efforts to build up and disseminate greater knowledge about man-made climate change, and to lay the foundations for the measures that are needed to counteract such change", из чего следует, что премия присуждена фактически за пропаганду и что Нобелевский комитет не считает Гора **автором** концепции GW. Во-вторых, ясно, что без ученых это дело не обошлось. У Гора наверняка были научные консультанты, и, главное, Гор получил премию не единолично, а совместно с группой экспертов уже упомянутой IPCC. Среди экспертов был ряд ученых из разных стран, в том числе, российский академик Юрий Израэль – в недалеком прошлом председатель комитета по гидрометеорологии СССР. Выяснить эти обстоятельства не составило труда, и мне показалось странным, что Городничкий этого не упоминает.

Еще более странно было прочесть в одном из его многочисленных интервью, что "до начала XXI века вообще не существовало никакой научной теории парникового эффекта и влияния парниковых газов на тепловые режимы атмосферы". Я, хоть и не склонен был в тот момент преувеличивать свою осведомленность об истории вопроса, все же знал, что явление парникового эффекта было объяснено еще в девятнадцатом веке и что исследования в этом русле, как бы ни относиться к их результатам, продолжались в течение всего двадцатого века.

Кроме публикаций Александра Городничкого при беглом просмотре Интернета мне встретились публикации еще двух ученых. Один из них – также личность очень известная и бесспорно уважаемая. Это профессор-географ, член-корреспондент РАН Андрей Капица. Другой – доктор физико-математических наук профессор Игорь Ларин, председатель комиссии по химии атмосферы межведомственного геофизического комитета при президиуме Российской Академии Наук. Точка зрения Андрея Капицы очень близка к точке зрения Городничкого. Он также считает, что изменения климата Земли, как в историческом прошлом, так и ныне, происходят исключительно под влиянием циклических изменений мощности потока солнечного излучения, а теорию влияния антропогенной эмиссии CO₂ на температуру Земли называет псевдонаучным мифом.

Точка зрения Игоря Ларина диаметрально противоположна точке зрения Капицы и Городничкого. По его мнению, именно выброс в атмосферу антропогенных

парниковых газов, начавшийся примерно с 1860 года, т.е. с начала индустриальной эпохи, стал причиной нынешнего потепления. Ларин отстаивает надежность данных, представленных экспертами IPCC, а Латынину, Илларионова и даже Андрея Капицу обвинил в некомпетентности. При этом заметил, что географу это простительно, «поскольку от географии до атмосферных процессов, в которых А.П. Капица не профессионал, а любитель, как от земли до неба».

Я понял, что единства мнений среди специалистов нет. Впрочем, кого можно считать специалистом, а кого нет – тоже не вполне ясно. Так или иначе, стало очевидно, что быстрых ответов на свои вопросы я не получу, что нет смысла тратить время на изучение публикаций в СМИ, что нужно добираться до первоисточников и что это занятие не на день-два и даже не на месяц. Но я уже увлекся. История зарождения и развития концепции, ставшей предметом столь острых разногласий, меня заинтересовала, и я решил попробовать в ней разобраться. Я сказал себе, что даже если вся эта история представляет собой цепь ошибок и заблуждений, даже если она отягощена чьими-то неблагоприятными действиями, она стоит того, чтобы ее изучить, а затем судить о ней и излагать ее объективно и непредвзято, причем как и любую историю вообще.

Что я знал до того ...

Что знал я об этой проблеме, до того как ею заинтересовался? Немного. В общих чертах я представлял себе, что такое парниковый эффект земной атмосферы и помнил, что это явление было открыто еще в девятнадцатом веке. Поскольку моей специальностью является молекулярная спектроскопия и мне много приходилось иметь дело со спектрами поглощения различных молекул в инфракрасной области, понять, какие именно газы и почему рассматриваются в качестве парниковых, было несложно. Моя эрудиция в вопросах, касающихся физики и химии атмосферы, могла бы быть и побольше, так как на физическом факультете Санкт-Петербургского университета, где я работал много лет, существует довольно сильная кафедра физики атмосферы [7], и некоторые мои коллеги по кафедре молекулярной спектроскопии сотрудничали с атмосферщиками [8]. Но мои научные интересы в те годы концентрировались в иной области. О том, может ли парниковый эффект измениться под влиянием человеческой активности, я никогда не задумывался.

Вместе с тем, когда в последние лет двадцать до моего отъезда в Америку, то есть, начиная примерно с 1985 года, мне случалось иной раз слышать разговоры об изменении климата в сторону потепления, я, основываясь на чисто житейских впечатлениях, склонен был считать, что эти разговоры имеют под собой реальную почву. Было такое ощущение, что в эти годы зимы в Санкт-Петербурге (Ленинграде) стали менее морозными, а лето более теплым и душным. В среднем, конечно. Примерно то же самое я слышал от знакомых в Польше и Германии, где в 90-х годах бывал неоднократно и подолгу.

В конце 90-х и в начале 2000 годов в Восточной Европе по весне стали часто происходить наводнения. Об одном из них – в польском городе Вроцлаве – я знал не понаслышке. Я, к счастью, уехал оттуда примерно за пару недель до наводнения, а вот мой друг и коллега из-за наводнения не смог уехать и застрял там. Его приютили друзья, жившие в отдаленной, более высокой части города. Причиной наводнения было обильное таяние снегов в горах и переполнение реки Одры (по-немецки Одер). В принципе, наводнения в этих краях ранее уже случались, и предусмотрительные

немцы в свое время (когда это был ещё не Вроцлав, а Бреслау) построили специальные защитные сооружения. Но наводнение 1997-го года было сильнее, чем никогда до этого, и сооружения не спасли. Ущерб городу был очень значительным. В последующие годы наводнения были в Чехии, Германии, Австрии; во Франции и Италии летом – небывалая жара. Затем появились сообщения о проблемах с европейскими горнолыжными курортами и об ускоренном таянии льдов в Арктике.

Попав в 2004 году в Америку, я неоднократно слышал, как в качестве причины учащения и усиления ураганов, обрушивающихся на побережье Атлантики, называлось повышение температуры поверхностных слоев океана; во время путешествия в Rocky Mountains в Западной Канаде нас возили на ледник Athabasca и рассказывали как ежегодно уменьшается его площадь ^[9].

Все эти факты воспринимались мной как проявления некоего общего процесса потепления – без анализа, а просто по-житейски. Не помню при этом, чтобы кто-либо из моих знакомых высказывал мысль о том, что потепление – результат человеческой деятельности. Мне самому такое в голову тоже не приходило. Я, как и многие, считал переменчивость земного климата его естественной характеристикой и о причинах не задумывался. Вместе с тем, должен признаться, что когда позднее впервые узнал о том, что кто-то считает потепление результатом антропогенного загрязнения атмосферы, эта мысль дикой мне не показалась. Опять-таки из общих соображений. Ведь если люди ухитрились уже основательно загрязнить огромные территории на земле, а также озера, реки, моря и океаны – а уж в этом сомневаться не приходится, и всем нам известна масса таких фактов (включая, кстати говоря, и локальные изменения климата), то почему бы мне не поверить в то, что можно загрязнить и атмосферу? Я в этом смысле оптимист, верю в человека и его возможности.

Оказалось, однако, что мой "оптимизм" разделяют далеко не все. Очень многие уверены в том, что возможности человека ничтожно малы по сравнению с могущественными силами природы, и уж на климат, во всяком случае, человек повлиять ну никак не может. На чем эта уверенность основана, я так и не понял. Разве что на религиозном сознании или подсознании: уж как заведено творцом всего сущего, так и будет во веки веков.

И все же, даже и сто лет назад, когда общественное сознание было проникнуто религиозностью, вероятно, в большей степени, чем в нынешнее время, когда не случилось еще ни Хиросимы, ни Чернобыля, ни гигантских разливов нефти в океане, когда еще не обсуждался на полном серьезе проект переброски в Азию сибирских рек, уже и тогда находились люди, допускавшие мысль, что человек может повлиять на климат Земли.

ЧАСТЬ 1. РАННЯЯ ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАРНИКОВОГО ЭФФЕКТА ЗЕМНОЙ АТМОСФЕРЫ (1824-1960)

Глава 1. Добрые старые времена

Открытие парникового эффекта. Жозеф Фурье и Джон Тиндаль

Попытки понять взаимосвязь температуры Земли с составом её атмосферы, имеют долгую историю. За точку отсчёта мы примем статью знаменитого французского математика и физика Жана Батиста Жозефа Фурье, опубликованную в 1824

году в журнале *Annales de Chimie et de Physique*. Статья называлась "*Remarques Générales Sur Les Températures Du Globe Terrestre Et Des Espaces Planétaires*" [7]. В этой статье впервые была сформулирована идея парникового эффекта, создаваемого земной атмосферой.

Jean Baptiste Joseph Fourier (1768-1830)

Фурье больше известен своим вкладом в математику. Любой человек, имевший хоть какое-то отношение к точным наукам, слышал о рядах Фурье, о преобразовании Фурье, об уравнении Фурье и т.д. Как физик Фурье интересовался вопросами теплопроводности и теплообмена. Размышляя о том, чем определяется температура Земли, Фурье пришел к выводу, что Земля, нагретая излучением Солнца, также излучает тепло в пространство, и температура Земли определяется балансом приходящего и излучаемого потоков. Фурье еще не использовал термин "инфракрасное излучение", хотя оно уже было открыто Вильямом Гершелем в 1800 году, и называл излучение Земли "*chaleur obscure*" ("невидимое тепло").

Вместе с тем, из расчетов Фурье следовало, что небесное тело, не имеющее атмосферы и находящееся на таком расстоянии от Солнца как Земля, должно иметь значительно более низкую температуру, чем реальная температура Земли. Фурье пришел к выводу, что более высокая температура Земли объясняется тем, что земная атмосфера, которая пропускает излучение Солнца, поглощает часть "*chaleur obscure*", тем самым задерживая его и повышая температуру Земли. Этот эффект повышения температуры поверхности планеты благодаря наличию атмосферы был назван "парниковым эффектом" (*greenhouse effect* в англоязычной литературе), исходя из аналогии с обычным парником, повышение температуры в котором обеспечивается наличием крыши, сделанной из стекла или полимерной пленки, прозрачной для солнечных лучей, но задерживающей тепло. Иными словами, Фурье сообщил нам, что все мы живем в гигантском парнике, своеобразной крышей которого является атмосфера Земли.

Характерной особенностью почти всех открытий и достижений Фурье является их широкое практическое применение в современной науке и технике. Вот

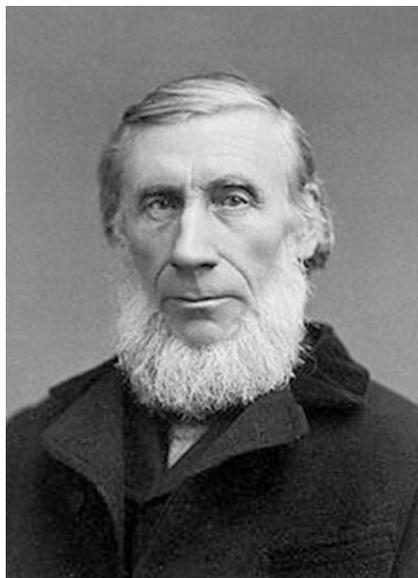
пример: лучшие современные приборы для получения инфракрасных спектров поглощения и испускания называются Фурье-спектрометрами. Название связано с тем, что основным узлом такого прибора является интерферометр Майкельсона, а спектр получается путем Фурье-преобразования интерферограммы. Повсеместный переход от классических приборов с призмой или дифракционной решеткой к Фурье-спектрометрам произошел во второй половине двадцатого века и многократно расширил возможности и увеличил эффективность спектроскопии как метода. Есть нечто символичное в том, что именно Фурье-спектрометры используются сейчас для исследования инфракрасных спектров атмосферных, в том числе парниковых газов.

Однако в 1824 году Фурье еще не знал, какие именно газы в составе атмосферы поглощают инфракрасное излучение. Спустя четверть века – в 1859 году – это выяснил Джон Тиндаль.

Ирландец по происхождению, большую часть жизни он провел в Англии, где с 1853 по 1887 г. занимал должность профессора физики в Королевском Институте. В 1867 году он сменил Фарадея на посту директора этого Института и оставался в этой должности до 1887 года. В эти годы Джон Тиндаль был весьма популярной личностью. Он считался одним из лучших физиков-экспериментаторов своего времени. Он изобрел, разработал и усовершенствовал целый ряд измерительных приборов и выполнил множество экспериментальных работ в различных областях физики, в том числе исследования магнетизма и теплового (инфракрасного) излучения. Наибольшую известность получили его исследования рассеяния света в мутных средах – коллоидных растворах, эмульсиях, суспензиях (Тиндалевское рассеяние). Тиндаль был первым, кто объяснил голубой цвет неба. Однако не в меньшей степени он прославился как блестящий лектор, педагог и просветитель. На его лекциях в Королевском Институте аудитория обычно была переполнена. То же самое происходило и во время его поездки с лекциями по Америке. Он написал ряд книг по различным разделам физики, получивших высокую оценку таких выдающихся современников как Максвелл и Гельмгольц.

Свидетельством известности, далеко выходящей за пределы Соединенного Королевства, является упоминание Тиндаля в романе Льва Николаевича Толстого Анна Каренина^[10]. Один из героев романа – Левин, увлеченно занимающийся хозяйством в своем имении, читает в то же время книгу Тиндаля о теплоте. Он вспоминает «весь ход своих мыслей, возбужденных чтением», и «свои осуждения Тиндалю за его самодовольство в ловкости производства опытов и за то, что ему недостаёт философского взгляда». «Ход мыслей» Левина о книге прерывается сначала услышанным разговором о том, что некий Прохор «на те деньги, что ему подарил Левин, чтобы лошадь купить, пьет без просыпу и жену избил до смерти», затем радостной мыслью, что через два года у него в стаде будут «две голландки ... и двенадцать молодых Беркутовых дочерей», но затем возвращается к Тиндалю: "Ну хорошо, электричество и теплота одно и то же, но возможно ли в уравнении для решения вопроса поставить одну величину вместо другой? Нет. Ну так что же? Связь между всеми силами природы и так чувствуется инстинктом.»

Похоже, что Левину, то бишь Толстому, в отличие от Максвелла и Гельмгольца, как-то не импонирует «ловкость Тиндаля в производстве опытов». Он подзревает Тиндаля в самодовольстве, недостатке философского взгляда и инстинктивного чувства связи между всеми силами природы. Мне это чем-то напоминает претензии критиков теории GW к ее авторам.

John Tyndall (1820-1893)

Между тем, как и многие естествоиспытатели того времени, Тиндаль был человеком разносторонним и любознательным. Помимо физики, он интересовался геологией, был прекрасным альпинистом, совершил несколько рекордных восхождений в Альпах и вел наблюдения за состоянием ледников [11]. У него появилась идея, что возникновение ледникового периода миллионы лет назад, а затем таяние огромных масс льда 10000 лет назад было связано с изменениями парникового эффекта, а следовательно и температуры, из-за изменения содержания углекислого газа в атмосфере. Правда, мысль о том, что увеличение концентрации CO_2 из-за сжигания углеродного топлива в человеческих жилищах и промышленных предприятиях того времени может вызвать существенное потепление, ему в голову не приходила. Первым, кто публично высказал такую мысль, был шведский ученый Сванте Аррениус.

Гипотеза Сванте Аррениуса

Сванте Аррениус – один из основоположников современной физической химии. Особенно велик его вклад в теорию электролитической диссоциации и в исследование химических реакций в растворах электролитов. Эти работы принесли ему Нобелевскую премию по химии за 1903 год. Аррениус был, по-видимому, первым, кто ввел в химию чрезвычайно важное представление об энергии активации химической реакции. Соответственно, формулу, описывающую экспоненциальную зависимость константы скорости реакции от температуры с энергией активации в показателе экспоненты, называют обычно уравнением Аррениуса.

Научная деятельность Аррениуса одной лишь химией не ограничивалась. Впрочем, неизвестно, кем он считал себя в большей степени – химиком или физиком. Биографы Аррениуса отмечают, что он с детства отличался блестящими способностями к физике и математике, а использование математических вычислений

в работе доставляло ему наслаждение. Диапазон его интересов был чрезвычайно широк: от астрофизики и космогонии до химии токсинов и иммунохимии.

Svante Arrhenius (1859-1927)

В 1896 году в журнале *Philosophical Magazine* Аррениус опубликовал работу "On the Influence of Carbonic Acid in the Air upon the Temperature of the Ground" [9]. В этой работе, задавшись простой стационарной и равновесной моделью системы (Земля + атмосфера), он выполнил расчет вариации температуры Земли на различных широтах при вариации содержания углекислоты в атмосфере. Слова "простая модель" не должны вводить в заблуждение. Для работы вручную это были трудные и громоздкие расчеты. Аррениус разбил поверхность Земли от 70° северной широты до 60° южной широты на малые сегменты и для каждого такого сегмента рассчитывал падающий и испускаемый поток излучения для дневного и ночного времени, для четырех сезонов и четырех различных концентраций углекислого газа.

Для расчетов нужны были данные об оптическом пропускании атмосферы, об инфракрасном излучении Земли, о распределении среднемесячных температур по широтам, о доле радиации, отражаемой земной поверхностью и т.д. Аррениус постарался использовать новейшие для того времени данные, однако впоследствии, разумеется, выяснилось, что часть этих данных неточна. Критики его работы отмечали также, что он не принял во внимание ряд важных факторов. Например, в его модель было заложено, что при увеличении концентрации углекислого газа и соответствующем небольшом повышении температуры, происходит увеличение испарения воды, что, в свою очередь, приводит к еще большему повышению температуры. Фактически это положительная обратная связь, которая обеспечивает значительное усиление эффекта. Однако критики возражали, что Аррениус не учел, что при повышении влажности пары воды конденсируются, образуются облака, а это увеличивает рассеяние солнечного света и ведет к снижению температуры.

В статье Аррениус пишет, что причиной, побудившей его взяться за столь трудоемкие расчеты, были дискуссии на заседании Физического Общества Стокгольма о природе Ледникового Периода. То есть мотив, по сути, тот же, что и у

Тиндалля, – выяснить, может ли изменение состава атмосферы быть причиной образования или таяния ледников. Из расчетов следовало, что при уменьшении концентрации CO_2 в два раза средняя температура Европы снизится на $4 - 5^\circ\text{C}$ и, наоборот, удвоение содержания углекислого газа может вызвать повышение температуры примерно на такую же величину. Изменения температуры такого порядка уже достаточно, чтобы вызывать гигантские изменения ледового покрова. При этом расчеты предсказывали более значительные изменения в северном полушарии.

Чтобы прояснить вопрос о принципиальной возможности значительных изменений концентрации углекислого газа в атмосфере, Аррениус привлек к участию в работе профессора Арвида Хогбома, который считался специалистом по геохимии углерода. Из расчетов Хогбома следовало, что общее количество углекислоты, запасенной в известняке и других осадочных породах Земли, в десятки тысяч раз превосходит ее содержание в атмосфере. А потому предположение, что содержание CO_2 в атмосфере могло время от времени существенно изменяться, казалось вполне реальным. Более того, Хогбом полагал, что подобные изменения уже неоднократно происходили в истории Земли. Анализируя различные естественные геохимические процессы, которые могли приводить к поступлению углекислоты в атмосферу, они пришли к выводу, что наибольшую роль играли извержения вулканов, сгорание углеродсодержащих метеоритов в верхних слоях атмосферы и процессы образования карбонатов из силикатов при выветривании.

В процессе обсуждений Арвиду Хогбому пришла в голову экстравагантная идея: оценить количество двуокси углерода, выбрасываемой в атмосферу при сжигании угля и другого топлива на промышленных предприятиях того времени. Он получил величину, сопоставимую с теми, которые поглощаются или испускаются при естественных геологических процессах. Она составляла примерно одну тысячную часть от количества, уже содержащегося в атмосфере. Так что они с Аррениусом пришли к заключению, что лет эдак через 3000, это может привести к повышению температуры Земли на те же самые 5°C , о чем Аррениус и написал в статье.

Аррениус, по-видимому, отдавал себе отчет в грубо-приблизительном характере расчетов и рассматривал результаты не как доказательство реальной опасности, грозящей человечеству, а скорее как любопытный теоретический факт. И все же в 1908 году, обнаружив, что за прошедшие десять лет объем промышленных выбросов углекислого газа значительно возрос, он в очередной статье и в книге "Worlds in the Making: The Evolution of the Universe" указывал возможность заметных изменений климата уже не через три тысячи, а через несколько сот лет. Эти предполагаемые изменения он склонен был рассматривать как положительное явление, способное предотвратить или отодвинуть наступление очередного ледникового периода.

Первые сторонники и оппоненты. Разочарование и забвение

Гипотезу Аррениуса и Хогбома поддержал их стокгольмский коллега – метеоролог Нильс Эххольм, известный работами по изучению движения облаков, возглавлявший шведскую геофизическую экспедицию на Шпицберген, а в дальнейшем избранный директором Центрального Метеорологического Бюро Стокгольма. В 1901 году он оптимистично писал [10], что в будущем, меняя количество сжигаемого угля и регулируя рост растений, человек сможет целенаправленно влиять на содержание углекислоты в атмосфере, устанавливать желательный температурный режим планеты и избежать наступления новых ледниковых периодов.

Идея влияния концентрации углекислоты на процессы формирования и таяния ледников всерьез заинтересовала также именитого американского геолога и гляциолога Томаса Чемберлина (T.C. Chamberlin).

Thomas C. Chamberlin (1843-1928)

Он возглавлял геологическое отделение Чикагского университета, был основателем Американского Журнала Геологии, автором ряда учебников и монографий, а также составителем детальной карты расположения ледников на территории Северной Америки [11]. Кроме ледников, его волновали проблемы происхождения Земли и Луны и формирования атмосферы, смена геологических эпох, история появления гор и океанов, причины колебания температуры и влажности. Чемберлин был убежден, что все эти явления взаимосвязаны. Гипотеза Аррениуса, предлагавшая принципиально новое объяснение смены ледниковых и теплых эпох – как следствие изменения состава атмосферы, естественно встраивалась в систему его взглядов. Он включил ее в курсы своих лекций и, по существу, стал ее пропагандистом.

Между тем довольно скоро после публикации Аррениуса – в 1900 году – появилась статья, в которой утверждалось, что выводы Аррениуса о влиянии углекислого газа на климат Земли, ошибочны. Автором статьи был другой шведский ученый – профессор Кнут Ангстрем (Knut Angström) [12] из университета города Упсала. Ангстрем занимался измерением поглощения инфракрасного излучения в кювете, заполненной смесью паров воды и углекислого газа [12]. Выводы, сделанные им на основе этих измерений, оказались весьма неутешительными для Аррениуса. Во-первых, Ангстрем обнаружил, что вода и углекислый газ поглощают практически в одной и той же спектральной области; а поскольку концентрация воды больше, то прибавка небольшого количества углекислого газа мало что изменит [13]. А во-вторых, что еще более важно, пересчитав свои результаты на условия, соответствующие атмосферным, т.е. на толщину слоя атмосферы и концентрации в ней воды и CO_2 , он пришел к заключению, что в области полос поглощения этих

газов всё проходящее излучение полностью поглощается уже при нынешнем их содержании в атмосфере. Причем поглощается полностью даже в слое значительно меньшем, чем высота атмосферного столба. Ну а коль скоро и так поглощается 100%, то добавление еще какого-то количества углекислого газа вообще ничего уже не изменит. Иными словами, Ангстрем пришел к заключению, что парниковый эффект при нынешнем составе атмосферы является *насыщенным*. Следовательно, колебания количества углекислоты не могут привести к заметному изменению парникового эффекта и температуры планеты, а следовательно не могут быть причиной наступления ледниковой эры или, наоборот, ее окончания.

Когда Чемберлин узнал о выводах Ангстрема, он был страшно разочарован и горько сожалел о том, что доверился авторитету Аррениуса. До конца жизни – он умер в 1928 году – Чемберлин считал себя жертвой аррениусовской ошибки. Он писал об этом в письмах друзьям и коллегам. Постепенно и другие ученые отвернулись от работы Аррениуса.

Однако, я не случайно назвал эпоху Фурье, Тиндаля и Аррениуса "Старыми добрыми временами". Это не только дань сентиментальным и ностальгическим чувствам. Я имел в виду и нечто конкретное. А именно: каковы бы ни были плоды деятельности этих исследователей, никаких сомнений в их честности не возникало и не могло возникнуть в то время. Даже если результаты или выводы их работ вызвали сомнения или возражения современников, даже если бы они действительно оказались ошибочными, в девятнадцатом веке никому и в голову не пришло бы объяснять это чем-то иным, чем честными заблуждениями. Даже Чемберлин, разгневанный Аррениусом, вряд ли имел к нему претензии морального свойства. А в принципе, честные заблуждения настоящих ученых бесполезны и в конечном счете тоже вносят свой вклад в процесс познания. Ибо, как сказал Луи де Бройль, «полезно поразмыслить над ошибками, сделанными великими умами, поскольку они часто имели серьезное основание, чтобы их сделать».

Другая важная черта той эпохи – академический характер исследований. Политики и средства массовой информации значительно меньше, чем ныне, интересовались тем, что происходит на университетских кафедрах и в научных лабораториях. Теоретические работы о парниковом эффекте, о роли тех или иных парниковых газов были известны лишь очень узкому кругу лиц. Начавшиеся вскоре бурные события – первая мировая война, революции в России и Германии, Великая Депрессия в Америке и вовсе отодвинули науку на периферию общественного внимания. Казалось, что интерес к проблеме влияния углекислого газа на климат Земли окончательно утрачен, а идея Аррениуса тихо упокоилась на библиотечной полке.

Эффект Каллендера

Однако в конце 30-х годов идея вновь заявила о себе, можно сказать, возродилась как птица Феникс, только не из пепла, а из библиотечной пыли. Произошло это благодаря усилиям английского инженера и исследователя по имени Гай Стюарт Каллендер (Gay Stewart Callendar) [13].

В отличие от своих маститых и знаменитых, увенчанных академическими лаврами предшественников – Тиндаля, Аррениуса, Чемберлина, Гай Каллендер был более скромной, хотя и нетривиальной личностью. Происходил он, впрочем, тоже из профессорской семьи. Его отец – Хью Каллендер – возглавлял кафедру физики сначала в Мак-Гилл университете в Монреале, где прославился созданием первой в Канаде рентгеновской установки и получением первых рентгеновских

снимков, а также другими техническими изобретениями. Популярность его в Монреальских научных кругах была настолько велика, что когда он покинул Канаду, чтобы занять должность профессора в университетском колледже в Лондоне, сменивший его в Монреале молодой Эрнст Резерфорд писал домой, как трудно ему завоевывать авторитет после столь успешного предшественника.

Gay Stewart Callender (1897-1964)

Каллендер-младший начал свою деятельность с того, что ассистировал отцу в лаборатории. Затем волонтером участвовал в Первой Мировой войне (несмотря на то, что был слеп на левый глаз – результат несчастного случая в детстве), и даже служил во флоте в качестве специалиста по акустическому обнаружению подводных лодок. После войны и завершения образования, Каллендер в течение ряда лет занимался исследованиями свойств водяного пара, был одним из составителей так называемых Steam Tables – таблиц, содержащих сведения о характеристиках водяного пара в широком диапазоне давлений и температур.

В начале тридцатых годов Каллендер познакомился с работами Тиндаля и Аррениуса. Идея Аррениуса произвела на него большое впечатление, и он задался целью ее проверить. Он оказался человеком чрезвычайно настойчивым и целеустремленным. Достаточно сказать, что в своем доме на собственные средства он устроил метеорологическую станцию и в течение многих лет регулярно вел и регистрировал наблюдения. Главное же, что он сделал, состояло в следующем:

Во-первых, он проанализировал имеющиеся данные об углеродном цикле и пришел к выводу, что содержание углекислого газа в атмосфере повысилось от 292 ppm в 1900 году до 310 ppm в 1936 году (т.е. ~ на 6%) и что эта разница близка к количеству CO₂, выделившегося при сгорании углеводородного топлива за этот же период. Кстати, по данным Каллендера, уже в 1938 году промышленные выбросы углекислого газа составили 4500 миллионов тонн, а за полвека с начала индустриальной эпохи – 150 000 миллионов тонн.

Во-вторых, он собрал и систематизировал данные измерений температуры на двухстах метеорологических станциях в различных районах Земли приблизительно за полвека (с 1900 по 1930 год) и пришел к заключению, что в течение этого периода температура Земли ежегодно повышалась в среднем на 0.005 градуса.

Однако, обнаружить одновременный рост температуры и концентрации углекислого газа – это полдела. Надо было еще доказать, что первое является следствием второго. Для этого Каллендеру пришлось обратиться к вопросу о поглощении и испускании инфракрасной радиации, тому самому, анализируя который Ангстрем подверг уничтожительной критике работу Аррениуса.

Выше мы отмечали, что у Ангстрема было два "убийственных" аргумента: 1) полосы паров воды и углекислого газа в инфракрасной области полностью перекрываются; 2) уже при нынешнем содержании этих газов в атмосфере имеет место полное поглощения ИК радиации, а потому прибавка углекислого газа ничего не прибавит. Каллендера это, однако, не смутило. Он не полемизирует напрямую со статьей Ангстрема, но, по существу, отвергает приговор, вынесенный Ангстремом работе Аррениуса.

Каллендер уже знал, что более точные измерения, выполненные на приборах с более высоким спектральным разрешением, показали, что в действительности полосы паров воды и углекислого газа полностью не перекрываются; и есть области спектра, где углекислый газ поглощает сильнее, чем вода. Кроме того, в районе от 8 до 12 микрон существует так называемое "окно прозрачности" атмосферы, где мало поглощение обоих газов [14].

Что же касается второго аргумента Ангстрема, то Каллендер его не то чтобы опроверг, но, можно сказать, обошел. Он избрал такую схему расчетов, при которой вычислял не количество тепла, поглощенное атмосферой, а так называемое "инфракрасное излучение неба" (sky radiation) [15]. При этом он мысленно разбивал атмосферу на слои и считал, что при прохождении потока излучения слой, поглотивший порцию излучения и нагретый этим излучением, становится источником излучения для следующего слоя и т.д. Позднее в работах других авторов с помощью более детально разработанного, но в принципе подобного подхода было показано, что благодаря наличию верхних разреженных слоев атмосферы добавка парникового газа должна приводить к увеличению суммарного поглощения атмосферы даже в области максимумов полос этого газа.

Используя свои данные о приросте содержания углекислого газа, Каллендер вычислил соответствующее этому приросту увеличение "инфракрасного излучения неба", а с помощью этой величины рассчитал прирост температуры, который оказался равным ~ 0.003°C в год, что находится в удивительно хорошем согласии с приведенной выше величиной 0.005. Однако точность измерений "излучения неба" вообще, а в то время в особенности, вряд ли могла быть высокой, как и точность использованных Каллендером значений коэффициентов поглощения углекислого газа. Так что указанное согласие представляется скорее случайным.

Все эти данные Каллендер изложил в статье "The artificial Production of Carbon Dioxide and Its Influence on Temperature", опубликованной в 1938 году в журнале *Quarterly Journal of Royal Meteorological Society* [8]. Эта работа стала первой, где утверждалось, что потепление климата, которое Аррениус лишь гипотетически допускал, уже реально происходит и что рост температуры коррелирует с ростом содержания углекислого газа. Вероятно, поэтому усиление парникового эффекта за счет антропогенного выброса CO₂ в атмосферу некоторые авторы стали называть

"эффектом Каллендера". Заметим, что это произошло за 10 лет до рождения Альберта Гора, за 7 лет до образования ООН и за 30 лет до образования ИРСС.

Сообщение Каллендера на заседании королевского метеорологического общества о результатах его работы было встречено весьма прохладно. Ему был задан ряд вопросов, ясно показавших недоумение и недоверие членов этого общества, большинство которых не понимало физических основ парникового эффекта, но зато лучше Каллендера владело конкретной климатологической информацией, хорошо понимало, насколько сложным объектом является атмосфера Земли и как много процессов, происходящих в ней, осталось за пределами чрезвычайно упрощенной схемы Каллендера, и потому не верило в точность приведенных в работе количественных оценок. Нелишне заметить, что одним из критиков был весьма уважаемый и влиятельный британский метеоролог Сэр Джордж Симпсон, занимавший в течение ряда лет пост директора метеорологического офиса Лондона, а позднее – пост президента Королевского метеорологического общества. Основной причиной климатических изменений на Земле Симпсон, как и некоторые другие метеорологи, считал циклические изменения расстояния от Земли до Солнца [16].

Каллендера это не остановило. В последующие годы он опубликовал еще несколько работ на ту же тему. В дальнейшем и эти работы подвергались сомнениям и критике. Характерно, что аргументы нынешних критиков теории GW (о них – см. далее) в значительной степени повторяют то, что Каллендер услышал семьдесят лет назад на заседании Метеорологического Общества Великобритании. Стороны остались на тех же позициях.

Джеймс Флеминг – автор книги о Каллендере – пишет, что, размышляя о причинах скептического отношения многих метеорологов к идее антропогенного изменения климата, Каллендер называет четыре причины:

1. Идея одного-единственного, легко объясняемого фактора, способного вызывать всемирное изменение климата, кажется невероятной тем, кто знаком со сложными силами, от которых зависит климат.

2. Мысль о том, что человеческая деятельность может существенно повлиять на столь сложную систему, для многих неприемлема.

3. Авторитетные метеорологи прошлого были настроены против этой идеи, главным образом, потому что пользовались неверными экспериментальными данными о спектре поглощения паров воды, а также потому что не изучили проблему до такой степени, которая требуется, чтобы о ней судить.

4. Подобная идея никогда не приходила в голову им самим.

Скепсис окружающих Каллендера не остановил. В 1939 году он публикует статью "The Composition of the Atmosphere through the Ages", в которой описывает цикл углерода в атмосфере на протяжении веков, исследуемых геологами. В 1941 году публикует обзор спектроскопических измерений парниковых газов – углекислого газа, воды, закиси азота и озона. В 1949 году появляется его статья с многозначительным вопросом в названии "Can Carbon Dioxide Influence Climate?" и, естественно, положительным ответом на этот вопрос.

Несмотря на твердую убежденность Каллендера в реальности корреляции между потеплением и увеличением антропогенной эмиссии углекислого газа, о нем нельзя, пользуясь нынешней терминологией, сказать, что он был "алармистом" [17]. Он не считал зарегистрированное им потепление вредным или опасным явлением. Наоборот, он полагал, что небольшое повышение температуры может улучшить климат северного полушария и способствовать расширению областей выращи-

ния овощей и фруктов. Более того, писал, что это потепление в будущем может задержать на неопределенное время наступление очередного ледникового периода, а это, конечно, тоже благо.

Длительное время Каллендер защищал свою позицию практически в одиночку. Кто-то из журналистов уже в наши дни сказал о Каллендере: "A lone voice in the greenhouse (одиноким голосом в парнике)".

По словам Дока Сноу, опубликовавшего биографический очерк о Каллендере, его герой был растерян и глубоко опечален, когда в начале 50-х годов отставшее им потепление неожиданно сменилось волной похолодания, между тем как эмиссия углекислого газа продолжала возрастать. Вскоре Каллендер умер.

Однако его работы сделали свое дело. Джин глобального потепления (я имею в виду не явление природы, а научную гипотезу) вырвался из бутылки. Спустя десяток лет он нашел приют в лабораториях нескольких американских университетов, при финансовой поддержке военно-морского ведомства США.

Некоторые сведения из физики парникового эффекта

Прежде чем продолжить наш экскурс в историю, уточним некоторые факты, необходимые для понимания физических основ простейшей версии парникового эффекта земной атмосферы, базирующейся на работах Фурье, Тиндаля и Аррениуса, и дополним ее лишь минимумом более современной информации.

Любое тело с температурой, отличной от абсолютного нуля, испускает электромагнитное излучение. Положение максимума интенсивности этого излучения зависит от температуры. Максимум излучения Солнца, яркостная температура поверхности которого приблизительно равна 5780°K , находится в видимой области спектра (длина волны ~ 0.5 микрона). В этой области атмосфера практически прозрачна, и значительная часть солнечных лучей достигает земной поверхности, поглощается ею и нагревает её^[18]. Земля, в свою очередь, также отдаёт энергию путём излучения; однако температура Земли в среднем всего около $+15^{\circ}\text{C}$ (или 288K), поэтому максимум её излучения смещен в инфракрасную область (длина волны ~ 15 микрон). И это излучение уже сильно поглощается атмосферой. По современным оценкам, не будь парникового эффекта, температура Земли была бы приблизительно $(-18)^{\circ}\text{C}$ (255K), то есть на $\sim 33^{\circ}$ ниже нынешней.

В настоящее время земная атмосфера в заметных количествах содержит следующие газы:

Азот	78.08 %
Кислород	20.95 %
Пары воды	1 ÷ 4 % (вблизи поверхности)
Аргон	0.93%
Углекислый газ	0.039%
Неон	0.0018%
Гелий	0.0005%
Метан	0.00018%
Водород	0.00005%
Окислы азота	0.00003%
Окись углерода (CO)	0.00001%
Озон	0.000007%

В еще меньших количествах присутствуют окислы серы и фторхлоруглероды (фреоны).

Вклад того или иного газа в парниковый эффект определяется не только его концентрацией, но и тем, способен ли он поглощать инфракрасное излучение Земли, а если способен, то насколько эффективно. Эффективность, в свою очередь, определяется интенсивностью полос поглощения газа и их расположением относительно максимума излучения Земли. Чтобы сравнить с этой точки зрения перечисленные газы, нужно знать, какова природа полос поглощения молекул в ИК области спектра. Подробное рассмотрение спектроскопического аспекта проблемы парникового эффекта не является задачей данной статьи. В принципе же этот вопрос очень важен, и, к сожалению, не во всех публикациях излагается корректно. Примером публикаций, где это сделано достаточно корректно, более полно и при этом на уровне, доступном большинству читателей, являются статьи [6,16]. Ниже петитом приводятся некоторые сведения из этих статей.

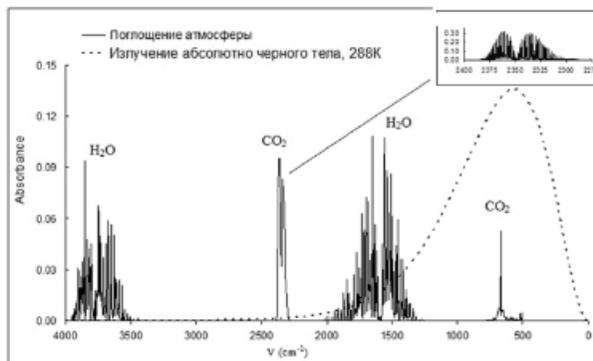
Поглощение энергии инфракрасного излучения молекулами газа происходит в тех случаях, когда под действием излучения возбуждаются либо колебания атомов в молекуле друг относительно друга, либо вращение молекулы как целого. На языке квантовой механики это означает, что происходят переходы на возбужденные колебательные или вращательные уровни энергии молекулы. Расстояния между соседними колебательными уровнями в шкале энергий намного больше, чем между вращательными. Соответственно, и частоты колебательных переходов (то есть величины колебательных квантов) намного больше частот вращательных. Поэтому полосы поглощения, соответствующие колебательным переходам, расположены в ближней и средней инфракрасной области спектра (длины волн от ~ 2 до 25 микрон), а полосы или, как обычно говорят, линии вращательных переходов – в дальней ИК области (длины волн от 25 микрон вплоть до микроволнового радиодиапазона).

Помимо возникновения чисто вращательного спектра, вращение молекул в газовой фазе приводит также к тому, что полосы поглощения, соответствующие молекулярным колебаниям, в газе состоят из большого числа линий, соответствующих комбинированным колебательно-вращательным переходам, то есть одновременному возбуждению колебания и вращения. Отсюда происходит термин колебательно-вращательные полосы. Расстояния между линиями вращательного спектра и колебательно-вращательных полос больше для легких молекул, чем для тяжелых.

Для иллюстрации на рисунке 6 приведен спектр поглощения атмосферного воздуха в слое около десяти сантиметров [19]. По оси абсцисс отложены принятые в молекулярной спектроскопии единицы – волновые числа ν , равные $1/\lambda$, где λ – длина волны. Пунктиром показан расчетный спектр излучения абсолютно черного тела при температуре 288 К (15°C), приблизительно представляющий ИК-излучение Земли. Хорошо видно, что полосы воды состоят из многих узких линий. Полоса CO₂ в районе 2350 см⁻¹ (4.25 микрон) выглядит как дублет из двух широких компонентов. Но это впечатление обманчивое. Просто расстояние между линиями полосы CO₂ меньше, чем полосы H₂O. Спектр, снятый с более высоким разрешением – 0.25 см⁻¹ – в правом верхнем углу рисунка – показывает, что на самом деле и в этом случае полоса состоит из отдельных узких линий.

Спектр в таком тонком слое, разумеется, не дает адекватного представления о величине реального поглощения многокилометрового слоя земной атмосферы. Но кое-что все же можно заметить. Например, то, что в условиях, когда

хорошо видны полосы паров воды и двуокиси углерода, никаких полос иных газов, относящихся к категории парниковых, не видно. Их поглощение настолько слабее, что увидеть его в таком слое без специальных ухищрений невозможно. Сплошь быть, их вклад в парниковый эффект меньше вклада не только паров воды, но и углекислого газа. Во-вторых, из рисунка видно, что Ангстрем был неправ, утверждая, что полосы паров воды и CO_2 поглощают в одной и той же области.

Спектр поглощения воздуха (разрешение 4 см^{-1})
и спектр излучения абсолютно черного тела при температуре 288 К

Необходимым условием поглощения (или испускания) ИК излучения при колебательном переходе является изменение электрического дипольного момента молекулы в процессе соответствующего колебания. Необходимым условием поглощения при чисто вращательном переходе является наличие у молекулы постоянного, не равного нулю дипольного момента (ориентация которого меняется при вращении). Дипольный момент симметричной двухатомной молекулы N_2 или O_2 равен нулю и остается равным нулю при колебании атомов. Следовательно, главные компоненты атмосферы — азот и кислород — практически не поглощают инфракрасное излучение. Соответственно, они не дают вклада в парниковый эффект. Это свойство всех симметричных двухатомных молекул, к числу которых относится также входящий в атмосферу в мизерных количествах водород H_2 . Поэтому говорят, что такие молекулы не активны в инфракрасном поглощении. Естественно, не поглощают ИК излучение и не дают вклада в парниковый эффект атомарные инертные газы. Активны только несимметричные двухатомные молекулы, а также молекулы, содержащие три и больше атомов. Из числа таких молекул в атмосфере наиболее высокой является концентрация молекул воды (водяного пара).

Вода — эффективный поглотитель инфракрасного излучения. Молекула H_2O имеет три колебательные степени свободы, которым соответствуют три нормальных колебания [20]. Все три колебания активны в инфракрасном спектре. Как видно из рисунка, в газовой фазе они обуславливают наличие интенсивных колебательно-вращательных полос поглощения в средней ИК области. Правда, лишь одна из трех полос попадает в область, где интенсивность земного излучения значительна ($\sim 5\text{-}8$ микрон или $2000 - 1250 \text{ см}^{-1}$); две другие перекрывающиеся полосы лежат в области "хвоста" ($2.5\text{-}3$ микрона или $4000 - 3300 \text{ см}^{-1}$). Молекула воды имеет постоянный дипольный момент и, соответственно, чисто вращательный

спектр; а поскольку H_2O – легкая молекула, ее чисто вращательный спектр охватывает область от 400 см^{-1} почти до нуля частот (на рисунке не показан). Эти спектральные свойства воды с учетом высокой концентрации ее паров делают ее главным парниковым газом.

Следующим по величине вклада в парниковый эффект идет углекислый газ (CO_2). Двуокись углерода – линейная центросимметричная молекула. Следовательно, у нее нет постоянного дипольного момента и, соответственно, нет чисто вращательного спектра. Поэтому углекислый газ не поглощает в далекой ИК области. Однако, в отличие от двухатомных азота и кислорода, имеющих только одно колебание, молекула CO_2 имеет три колебания, два из которых сопровождаются отклонением от симметрии и появлением дипольного момента. Этим колебаниям соответствуют две колебательно-вращательные полосы поглощения в средней ИК области, которые видны на рисунке, причем одна из них – сравнительно слабая полоса в районе 670 см^{-1} – точно попадает на максимум излучения Земли.

Вышеперечисленные полосы воды и углекислого газа в настоящее время практически полностью определяют поглощение земной атмосферы в средней и дальней ИК области – от 2.5 до 1000 микрон (от 4000 до 10 см^{-1}).

Из сказанного следует:

1) Главные компоненты атмосферы – азот и кислород – практически не поглощают инфракрасное излучение. Соответственно, они не дают вклада в парниковый эффект.

2) Спектральные свойства молекул воды с учетом высокой концентрации паров воды в атмосфере делают воду главным парниковым газом.

3) Следующим по величине вклада в парниковый эффект идет углекислый газ.

4) Ангстрем был неправ, утверждая, что полосы паров H_2O и CO_2 поглощают в одной и той же области. В следующем разделе мы покажем, что и его утверждение о насыщенности парникового эффекта атмосферы тоже оказалось неточным.

О спектральных и иных характеристиках других парниковых газов можно также прочесть, например, в [6]. Здесь мы лишь подчеркнем, что их вклад в нынешнее поглощение атмосферы и нынешний, уже существующий парниковый эффект незначителен по сравнению с водой и углекислым газом. Вместе с тем, поскольку концентрация метана^[21] и фреонов в последние десятилетия быстро растет, эти газы сейчас рассматриваются как потенциальные усилители парникового эффекта в будущем.

Поскольку гипотеза Аррениуса и последующие работы связывают возможность потепления в первую очередь с эмиссией углекислого газа, в то время как наибольший вклад в сегодняшний парниковый эффект дают пары воды, неоднократно поднимался вопрос о соотношении вкладов воды и углекислого газа. Иначе говоря, какова роль именно углекислого газа в парниковом эффекте? Она пренебрежимо мала по сравнению с ролью воды или же она, хоть и меньше, но все же сравнима и, во всяком случае, существенна? Полемика по этому вопросу между сторонниками антропогенной версии глобального потепления и их оппонентами не утихает по сей день. Количественные оценки соотношения вкладов воды и CO_2 , опубликованные разными авторами, противоречивы и колеблются в широких пределах. Поэтому ограничимся следующими замечаниями.

- 1) Содержание водяного пара в атмосфере не зависит от человеческой активности. Оно всецело определяется температурой океана (и локальных водоемов), быстро изменяется с изменением температуры, но в среднем остается постоянным. В то же время, содержание углекислого газа в атмосфере, как мы увидим дальше, в течение двадцатого века непрерывно и существенно увеличивалось. Прирост за 100 лет составил примерно 30 %. По мнению сторонников теории антропогенного усиления парникового эффекта, причиной этого роста являются выбросы промышленности и транспорта и сокращение площади лесов, а также то, что избыток углекислого газа, попавшего в атмосферу по тем или иным причинам, лишь частично поглощается океаном. Среднее время жизни молекул углекислого газа в атмосфере составляет сотни лет. В результате происходит их накопление в атмосфере.
- 2) Существуют такие области спектра, где поглощение CO_2 превышает поглощение воды.
- 3) Соотношение концентраций молекул воды и углекислого газа меняется с высотой. На больших высотах, в области низких температур концентрация паров воды по отношению к углекислому газу падает, и роль углекислого газа как поглотителя ИК излучения возрастает.
- 4) Важную роль во многих климатических теориях и моделях играет эффект положительной обратной связи (см. далее). Допустим, например, что произошло повышение содержания углекислого газа в атмосфере, которое вызвало некоторое потепление, пусть даже незначительное. Однако при этом повысится испарение воды с поверхности мирового океана, увеличится плотность паров воды в атмосфере, и это приведет к усилению парникового эффекта, к более значительному потеплению, к еще большему испарению и воды и углекислого газа, а значит к еще большему потеплению и т.д.

В заключение этого раздела следует сказать, что использование термина "парниковый эффект" применительно к атмосфере не должно вводить в заблуждение. На самом деле полного сходства между вышеописанным явлением и сохранением тепла в обычном парнике со стеклянной крышей нет. Хотя стеклянная крыша, как и атмосфера, прозрачна для видимых лучей и непрозрачна для инфракрасных, в обычном парнике этот фактор играет второстепенную роль. Главным является то, что крыша препятствует конвекции, не дает тепловому воздуху подниматься вверх и замещаться холодным. В случае земной атмосферы ничто не препятствует конвекции, и основным источником повышения температуры является поглощение тепловой радиации компонентами атмосферы. Поэтому первые исследователи атмосферного парникового эффекта вообще не включали конвекцию в рассмотрение. В современных моделях ей отводится достаточно важная роль.

Литература к Главе 1

1. Broecker W.S. Climatic change; are we on the brink of a pronounced global warming? // Science, 1975, v. 189, N 4201, p 460-463.
2. Mark Maslin, Global Warming: A Very Short Introduction.
3. Stephen H. Schneider. Global Warming.
4. Roy W. Spencer, Climate Confusion: How Global Warming Hysteria Leads to Bad Science.
5. Spencer R. Weart. The Discovery of Global Warming.
6. М.В. Тонков. Спектроскопия парникового эффекта// Соросовский образовательный журнал, 2001, т. 7, № 10, с. 52-58.

7. Joseph Fourier, "Remarques Générales Sur Les Températures Du Globe Terrestre Et Des Espaces Planétaires". *Annales de Chimie et de Physique*, 2nd ser., 27 (1824) 136-167.
8. John Tyndall. On the Absorption and Radiation of Heat by Gases and Vapors, and on the Physical Connection of Radiation, Absorption and Conduction. – *Philosophical Transactions*, February, 1861.
9. Swante Arrhenius. On the Influence of Carbonic Acid in the Air upon the Temperature of the Ground". *Philosophical Magazine* 41, 237 – 276 (1896).
10. Nils Ekholm. On the Variations of the Climate of the Geological and Historical Past and Their Causes. // *Quarterly J. Royal Meteorological Society*, 1901, 27: 1-61.
11. James R. Fleming. T. C. Chamberlin, Climate Change, and Cosmogony. *Stud. Hist. Phil. Mod. Phys.*, Vol. 31, No. 3, pp. 293 – 308, 2000
12. Knut Angstrom on Atmospheric Absorption. *Monthly Weather Review*, June, 1901.
13. James R. Fleming. The Callender Effect. (*The Life and Work of Guy Stewart Callender*). Published by American Meteorological Society, 2007.
14. G. S. Callender "The artificial Production of Carbon Dioxide and Its Influence on Temperature". – *Quarterly Journal of Royal Meteorological Society*, 64, 223-240.
15. G.S.Callender "Can Carbon Dioxide Influence Climate?" – *Weather* 4 (October) 310-314.
16. В.М. Шрайбер. Из истории исследований парникового эффекта земной атмосферы. – *Биосфера*, 2013, т.5, № 1, с. 37 – 46.

(продолжение следует)

Примечания

- [1] Термин «глобальное потепление» появился в семидесятых годах прошлого века с легкой руки американского исследователя Уоллеса Брокера (Wallace Smith Broecker) [1]. Термин не слишком удачный, так как потепление в принципе может быть вызвано различными процессами, в то время как сам Брокер подразумевал, что речь идет о потеплении именно антропогенного происхождения.
- [2] В самое последнее время можно отметить некоторое повышение интереса и, одновременно, изменение тональности публикаций в России от сугубо скептической к более заинтересованной
- [3] Больше других мне понравилась книга известного историка науки Спенсера Вирта (Spencer R. Weart) [5] и серия его же статей в Интернете.
- [4] Кое-какие соображения на этот счет появились у меня позднее. Но об этом в следующих частях.
- [5] Киотский Протокол ратифицировали 192 страны. Не ратифицировали США, Андорра, Афганистан, Ирак, Палестинская Автономия, Республика Западной Сахары, Сан Марино, Сомали и Ватикан.
- [6] Вопроса о роли и месте Альберта Гора в эпопее борьбы с глобальным потеплением мы еще не раз коснемся в дальнейшем.
- [7] В конце 60-х – начале 70-х годов кафедрой руководил академик Кирилл Яковлевич Кондратьев, одновременно занимавший пост ректора университета (тогда еще Ленинградского).
- [8] Один из них – профессор Михаил Васильевич Тонков – несомненно являлся лучшим или, во всяком случае, одним из лучших экспертов в области ИК спектроскопии атмосферных газов. К сожалению, Михаила Васильевича уже нет в живых. Однако его статья о спектроскопии парникового эффекта [6] является едва ли не единственной публикацией, где этот вопрос изложен достаточно полно и строго, и при этом на уровне, доступном большинству читателей.
- [9] В 2009 и 2010 годах мы вновь слышали и читали о тающих ледниках, о наводнениях в Польше, Чехии и Хорватии; видели по телевизору залитые водой улицы Варшавы и Загреба,

дым от лесных пожаров над Москвой и изнывающих от рекордной жары москвичей. Из Греции поступали панические сообщения о бушующих лесных пожарах, о том, что огонь подбирается все ближе к Афинам, что сгорели десятки домов и что на помощь Греции направляются отряды МЧС России.

[10] Цитата из романа, где упоминается Тиндаль, найдена и любезно предоставлена в мое распоряжение М.Д. Голубовским, за что я ему очень признателен.

[11] Его именем названы один из ледников в Чили и горные пики в Калифорнии и Тасмании.

[12] Этот Кнут Ангстрем доводился сыном тому Ангстрему, по имени которого была названа единица измерения длины волны в оптике.

[13] В действительности это не так. Полосы поглощения паров воды и углекислого газа полностью не перекрываются, просто спектральная аппаратура, которой располагал Ангстрем, не обладала достаточной разрешающей способностью.

[14] Поглощение в "окне прозрачности" обусловлено "далекими крыльями" полос обоих газов. Интенсивность крыльев возрастает при повышении концентрации.

[15] Под "излучением неба" Каллендер и некоторые другие исследователи понимали величину потока инфракрасной радиации, направленного вниз на Землю, в условиях, исключающих прямое и рассеянное излучение Солнца.

[16] Речь идет о так наз. циклах Миланковича – периодических изменениях параметров гелиоцентрической орбиты Земли, вследствие которых меняется величина потока падающего на Землю солнечного излучения (см. далее).

[17] Об этом термине мы еще поговорим дальше.

[18] Другая часть солнечного излучения рассеивается облаками, аэрозолями, пылью или отражается земной поверхностью (так наз. альбедо).

[19] Спектр получен автором на типовом Фурье-спектрометре Nicolet 6700 FTIR. Область работы прибора со стороны низких частот ограничена 400 см^{-1} ($\lambda = 25$ микрон). Поэтому вращательные полосы воды, расположенные ниже 400 см^{-1} , на рисунке отсутствуют.

[20] Число колебательных степеней свободы молекулы, состоящей из N атомов равно $3N-6$ (или $3N-5$ для линейных молекул, то есть таких, где все атомы расположены вдоль одной прямой).

[21] Значительное количество метана в виде гидратов и так наз. «клатратов» заморожено во льдах, в районах вечной мерзлоты и на дне северных морей. Есть точка зрения, что небольшое повышение глобальной температуры приведет к взрывному выбросу большого количества метана.

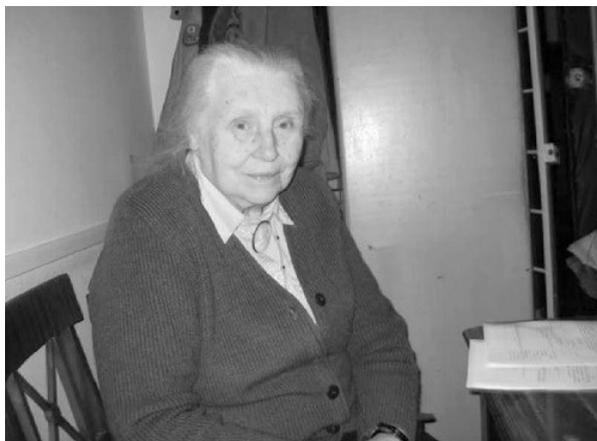
Василий Демидович

ИНТЕРВЬЮ с Е.А. МОРОЗОВОЙ

С доцентом кафедры высшей геометрии и топологии Мехмата МГУ Еленой Александровной Морозовой интервью провёл, ещё весной 2008-го года, доцент кафедры высшей алгебры Игорь Андреевич Чубаров. Но так получилось, что оно не было опубликовано. В связи с этим я предложил Игорю опубликовать его в данном выпуске серии «Мехматаые вспоминают». Игорь дал своё согласие. Елена Александровна также на это согласилась, но попросила показать переданный мне текст интервью для внесения в него возможных правок.

Ниже приводится текст этой беседы, согласованный с Еленой Александровной.

ИНТЕРВЬЮ С Е.А. МОРОЗОВОЙ

Е.А. Морозова

И.Ч.: Елена Александровна, очень бы хотелось сначала услышать от Вас немного о Ваших родителях, и о том, с чего началось Ваше увлечение математикой.

Е.М.: Я родилась в Москве, у подножия двух отрогов Таганского холма – Вшивого и Таганского, в Тетеринском переулке, в коммунальной квартире бывшего доходного дома.

Мой отец, Морозов Александр Никанорович (1904-1988) – инженер, хороший инженер, очень любил математику. Учился он в тульском реальном училище, а после закрытия училища поступил в тульский железнодорожный техникум, по окончании которого получил права машиниста и работал машинистом на участке Москва-Тула. В училище и техникуме он славился своими «решебниками» классических задачник. Потом отец закончил вечерний Московский машиностроительный институт и получил диплом инженера по кузнечно-прессовому оборудованию. Темой его дипломного проекта было проектирование куз-

нечного цеха на строившемся в Лианозове вагоностроительном заводе. Когда цех был построен, отец был назначен его начальником.

Мама — Зинаида Дмитриевна /в девичестве Васильчикова/ (1903-1974) — очень добрый, заботливый, обаятельный человек. Когда я родилась, она состояла на учёте на бирже труда. Затем она снялась с учёта и занялась моим воспитанием: ходила со мной в кино, театры, на концерты, в музеи; устраивала пешеходные прогулки по старой Москве; записала меня в детскую библиотеку и обсуждала со мной прочитанное.

В первые дни войны Моссоветом было принято решение вывезти всех детей из Москвы. Около сотни детей из нашей школы отправили в село Детчино, у железнодорожной станции Суходрев, что в 25 км от Малоярославца, и про нас забыли. Мама 22 июля 1941 года, едва добравшись до нас на подводе, так как поезда уже ходили только до Малоярославца, забрала меня и мою подругу оттуда. А затем она пошла в РОНО и объяснила ситуацию — оказалось, что они считали, что мы под Рязанью. И на следующий день, на грузовых машинах, всех детей срочно вывезли из Детчино.

Отец, когда я была маленькой, чтобы я не мешала ему заниматься, давал мне интересные задачки. А когда я была в четвёртом классе, он принёс из библиотеки «Занимательную арифметику» Перельмана. Так и возник мой интерес к математике.

В октябре 1942 года, когда начали работать московские школы, сдав экстерном экзамены за 6-ой класс, я поступила в 7-ой класс. У нас в классе оказалась замечательная учительница математики — Анастасия Григорьевна Юрьева, жена Ростислава Семёновича Черкасова, который известен как главный редактор журнала «Математики в школе». Он пришёл с войны из госпиталя инвалидом и работал учителем математики в соседней мужской школе. Своими запасами задач он делился с Анастасией Григорьевной. Кроме того, в нашей школе проходили практику студенты областного педагогического института имени Крупской под руководством профессора Ивана Космича Андропова.

С тех школьных годов мне особо запомнились две лекции о Лобачевском и его геометрии. Одну читал по радио профессор Мехмата МГУ Нил Александрович Глаголев. Это было замечательно — в войну читалась лекция о Лобачевском! Из всех громкоговорителей — тогда на всех улицах Москвы висели громкоговорители — по всей стране звучала эта лекция. Вторую лекцию читал также профессор Мехмата МГУ (тогда ещё не академик, а член-корреспондент АН СССР) Павел Сергеевич Александров в большой аудитории Политехнического музея. Аудитория была переполнена, сидели даже на всех ступеньках. Ассистировал Павлу Сергеевичу студент третьего курса Мехмата МГУ Олег Локушевский: он доходчиво демонстрировал нам геометрию Лобачевского на граммофонной трубе. От него же мы узнали, что в университете возобновились чтения воскресных лекций по математике для школьников и работы школьных математических кружков. Я пошла в кружок, который вели братья Ягломы (Исаак Моисеевич и Акива Моисеевич) и Ольга Александровна Ладыженская, будущая академик АН СССР. В кружке нам рассказывали о различных геометрических преобразованиях и элементах топологии. Там мы решали интересные задачи. С той поры я и полюбила геометрию.

И.Ч.: Это был кружок при Мехмате МГУ?

Е.М.: Да, это был мехматский кружок (один из многих) в старом здании университета. Так что то, что я буду поступать на Мехмат МГУ, мне было ясно класса с восьмого.

И.Ч.: Как проходило Ваше поступление на Мехмат МГУ и помните ли Вы, кто у Вас принимал вступительные экзамены по математике?

Е.М.: Поступление, конечно, было очень тяжелым, поскольку в том, 1946-ом, году происходила основная демобилизация из армии. К тому же, перед началом сдачи экзаменов я заболела и пропустила два экзамена по литературе – они были первыми. Я сдала остальные экзамены и после последнего экзамена пошла в приёмную комиссию выяснять, когда будет дополнительный экзамен. Мне сказали, что дополнительный экзамен уже был, но меня забыли предупредить. Больше экзаменов не будет – так сказал ректор Университета профессор Галкин.

(Примеч. В.Д.: Историк Илья Савич Галкин (1898–1990) был ректором МГУ с декабря 1943-го года по январь 1948-го года).

Мы с отцом пошли на приём к председателю приёмной комиссии Мехмата МГУ академику Андрею Николаевичу Колмогорову и чуть было его не пропустили: выбежал молодой человек с рюкзаком и уже хотел уходить. Секретарь приёмной комиссии сказала, что это и есть Андрей Николаевич. Принял он нас очень доброжелательно, повертел головой и заметил, что даже если добавить четыре – две двойки – то всё равно получится проходной балл, а ещё надо учесть похвальный отзыв на олимпиаде. Спросил, что у меня в аттестате по литературе, и, узнав, что четыре и пять, сказал, что пойдет к ректору и добьётся дополнительного экзамена. Экзамен состоялся, и я его благополучно сдала.

После зачисления отличников, демобилизованных и медалистов, осталось на конкурс всего шесть мест. Поэтому декан факультета генерал-майор авиации, член-корреспондент АН СССР Владимир Васильевич Голубев и председатель приёмной комиссии Андрей Николаевич Колмогоров добились в министерстве 45 дополнительных мест. Приём был объявлен на 150 человек, а они смогли добавить ещё 45 мест. Таким образом, появилось ещё полсотни мест, на которые уже можно было рассчитывать. Экзамены проходили по всем предметам – и по физике, и по химии, и по иностранному языку, и по двум письменным математикам (один по арифметике и алгебре, второй по геометрии), и по устной математике (устный экзамен я сдавала Олегу Николаевичу Головину), и по двум литературам (первый – сочинение, второй – по литературе и русскому языку устно).

И.Ч.: Мощно...

Е.М.: Очень мощно...

Прошло зачисление. У нас было пять групп: одна астрономическая, две «офицерские», в которых были и девушки (девочки занимались военным делом, мальчики были свободны от военного дела), две из демобилизованных «не офицеров» и молодых людей (выпускников школы), которые занимались военным делом. Девушки один день в неделю полностью занимались общевоинской подготовкой и медициной, которой нас обучали преподаватели первого медицинского института – из нас готовили медицинских сестер. Среди «мальчиков» было много демобилизованных, воевавших ещё в финскую войну, некоторые из которых были ранеными.

Я училась в одной группе с Логином Николаевичем Большевым, который после окончания летного училища летал на истребителе, а впоследствии стал членом-корреспондентом АН СССР. В этой же группе был и Евгений Фролович Мищенко, лейтенант – его война застала на пограничной заставе на Карельском фронте, демобилизовался он лишь в начале 1946 года, и впоследствии стал академиком АН СССР.

Многое можно рассказать и о других участниках войны, учившихся тогда на Мехмате МГУ. Моими однокурсниками, в частности, были Герой Советского Союза, артиллерист, Геннадий Иванович Барыков, воевавший с 1939-го по 1946-ой годы и закончивший войну в дальневосточном Хинганске – впоследствии заведующий кафедрой высшей математики (сначала в МАТИ, потом во Всесоюзном заочном политехническом институте), Глеб Яковлевич Галин, прошедший со своим стрелковым взводом от Сталинграда до Вены – впоследствии доцент кафедры гидромеханики, зенитчик Игорь Вячеславович Кеппен, участвовавший в Курской битве, в форсировании Днепра и других операциях – впоследствии доцент кафедры теории упругости, Виктор Борисович Лидский, окончивший в марте 1943-го года курсы разведчиков-переводчиков при Всесоюзном институте иностранных языков, затем воевавший под Курском и закончивший войну 8 мая 1945 года в Праге – впоследствии профессор МФТИ. Были среди нас и другие фронтовики, с боевыми орденами и медалями. Ясно, что после всего пережитого многое из элементарной математики для них было забыто, но было и огромное желание учиться. Девушки, как могли, помогали. Офицеры же выручали нас на семинарах по истории партии. Причём товарищеские отношения установились уже после первой контрольной работы.

А теперь расскажу, вкратце, как прошёл наш первый день учёбы на Мехмате МГУ – первого сентября 1946-го года – который мы все с нетерпением ожидали.

Первую лекцию в этот день нам прочёл член-корреспондент АН СССР Борис Николаевич Делоне.

Борис Николаевич – заслуженный мастер спорта по альпинизму – энергично вошёл в аудиторию, прошёлся по ней и поздравил нас всех с зачислением на Мехмат МГУ. Затем он сказал: «Доживу – посмотрим, сколько из вас станет академиками. Я думаю, что такие будут, судя по тому, что я знаю о вас по поступлению». А знал об этом он, видимо, от своей дочери Ани – она поступила на факультет вместе с нами.

Своей лекцией Борис Николаевич приступил к чтению для нас курса аналитической геометрии. Курс его был живым, чётким, с красивыми чертежами. Особенно запомнились мне его лекции про аффинные и проективные преобразования, которые он сопровождал своими замечательными рисунками. Спустя более шестидесяти лет мы с улыбкой их вспоминаем на ежегодных встречах курса.

Вторую лекцию в тот день нам прочёл профессор Александр Геннадьевич Курош. Ею Александр Геннадьевич открыл для нас курс высшей алгебры. Лекции он читал чётко, ясно и громко.

Третью лекцию в тот незабываемый день нам прочёл профессор Лев Абрамович Тумаркин. С неё открылся для нас его аккуратный и подробный двухгодичный курс математического анализа.

Так началась наша учёба на Мехмате МГУ.

Все лекции у нас проходили в 74-ой аудитории старого здания МГУ на Моховой. Это была одна из двух больших мехматских аудиторий – в другой, самой

большой, факультетской аудитории нам читались общественные дисциплины. А физику мы слушали на Физфаке МГУ.

Упражнения нам вели блестящие преподаватели.

Аналитическую геометрию в моей группе вёл профессор Сергей Владимирович Бахвалов. С большим уважением к нам, очень спокойно, он формулировал свои задачи, обсуждая с нами, как их можно решить. При этом часто предлагал красивые и неожиданные способы их решения. Многих из нас он привлёк к работе в своём просеминаре, переросшем в семинар по геометрии. Для многих, в том числе для меня, он стал научным руководителем. Я долго думала, к кому идти – к Андрею Николаевичу Колмогорову или к Сергею Владимировичу Бахвалову, и победил, скажем так, последний.

Семинары по математическому анализу нам вела, очень энергично и экспансивно, доцент Наталья Давыдовна Айзенштат.

Упражнения по высшей алгебре у нас проводил доцент Игорь Владимирович Проскуряков. Настолько чётко и контактно он их вёл, что мы порой не замечали, что он слепой.

Была у нас, также, астрономия, с упражнениями и ночными наблюдениями.

Теоретическая механика нам читалась два года.

Первую часть курса теоретической механики читал нам профессор Андрей Петрович Минаков. Он был актёр, к нему на лекции приходили старшекурсники и устраивали овации. Было ощущение, что мы присутствуем на спектакле в театре. Упражнения за ним вёл Григорий Иванович Двухшерстов.

Вторую часть курса теоретической механики, посвящённую уже аналитической механике, нам читал, очень строго и чётко, член-корреспондент АН СССР Николай Гурьевич Четаев. Упражнения за ним вёл доцент Пётр Вениаминович Мясников.

Курс физики, начиная со второго семестра, два с половиной года нам читал профессор Анатолий Болеславович Млодзеевский. Читал на Физфаке МГУ, в большой физической аудитории, с блестящими демонстрациями. Были по нему упражнения и физический практикум.

Моя группа на первом курсе была довольно большой, более 30 человек. Потом нас стало меньше. Дело в том, что после 1-ой сессии Елена Дионисовна Краснобаева, заместитель декана Мехмата МГУ по учебной работе, провела очень жёсткую «чистку», причём она не смотрела, участник или не участник войны тот, кого отчисляла. В общем, всех, кто получил две двойки – всего две! – она постаралась либо отчислить, либо перевести на другие факультеты МГУ, либо, даже, перевести в Геологоразведочный институт, находящийся по соседству со старым зданием МГУ. Так что к отчислению, после первой сессии, с нашего курса было представлено около 60 человек – треть курса.

(Примеч. В.Д.: Точные годы жизни Елены Дионисовны Краснобаевой – «легендарной» помощницы декана Мехмата МГУ Владимира Васильевича Голубева – мне установить не удалось.)

А какие у нас были отношения между собой? Сами понимаете, какие могут быть отношения, когда учатся вместе девочки восемнадцати лет, только что окончившие школу, и прошедшие фронт вполне взрослые мужчины. Хотя, конечно, некоторый житейский опыт и у нас уже был. Ведь в годы войны мы голодали, многие из нас работали, некоторые из нас были в оккупации, скрывались в погребках, в лесах. В общем, тоже все хлебнули горя. Кроме всего, было и деление на

«москвичей» и «немосквичей» – «москвичи», всё-таки, жили дома, где было что поесть, а «немосквичи» жили в общежитии на Стромынке, где поселялось по 10-12 человек в комнате (для участников войны – по 4-5 человек в комнате поменьше), где на всех был один стол.

И.Ч.: И надо было принаравливаться, привыкать друг к другу.

Е.М.: Конечно.

Да была ещё карточная система. Нельзя было пойти и просто что-то купить и приготовить. В столовой также кормили лишь по талонам ...

Всё было очень сложно. Разница в возрасте между нами была большая. В нашей группе был, скажем, молодой человек, который родился в 1917-ом году, то есть в 1946-ом году ему было уже почти 30 лет. Так в восприятии студентов он был старше некоторых наших преподавателей!

На нашем курсе были очень интересные люди. Например, Олег Сергеевич Ивашев-Мусатов поступил в Университет, уже окончив художественную школу при Суриковском институте. Несколько человек окончили военные спецшколы: Сергей Константинович Годунов, Юрий Александрович Веретенников, Александр Дмитриевич Соловьев. Астроном Михаил Сергеевич Яров-Яровой имел абсолютный слух и играл на виолончели. Были и ребята, окончившие техникумы.

Конечно, все, кто приехал в Москву, старались узнать её получше. В конце первого месяца мы уже ходили в консерваторию целыми группами, стояли ночами в кассе Большого театра в дни продаж билетов. В самом Университете читались различные публичные лекции, тоже очень интересные. То есть жизнь кипела. Только времени у нас на всё не хватало.

Не хватало и книг. Мы не могли заниматься дома, и нужно было идти в читальный зал, который работал до 23-х часов. Там были огромные столы – гораздо большие, чем те, которые вы видите сейчас. За одним столом умещалась группа. И на всю группу был один, максимум два, задачника Гюнтера и Кузьмина, из которого по анализу задавали с такого-то по такой-то только чётные или с такого-то по такой-то только нечётные номера. В общем, минимум полсотни задач, а то и больше. Так что с учебниками было тогда очень плохо.

Только потом, после нас, стали выходить учебники.

Учебник по алгебре Александра Геннадьевича Куроша вышел, когда мы были уже на втором курсе.

Двухтомник по аналитической геометрии Бориса Николаевича Делоне и Дмитрия Абрамовича Райкова появился после того, как мы всё прошли. И, по моему мнению, эта книга – самый интересный и глубокий учебник по этой науке, из всех, которые я знаю (не курс лекций, а именно учебник), прочитав который внимательно, особенно мелкий шрифт, «ликвидаторы» аналитической геометрии могли бы понять, как она пронизывает многие абстрактные курсы и помогает в них разобраться, особенно сейчас, когда геометрия в школе превратилась в жалкий набор фактов.

А очень чёткие лекции Льва Абрамовича Тумаркина по математическому анализу вообще так и не были опубликованы.

Но наша студенческая жизнь, с первого курса, была наполненной и интересной. А то, что мы были голодные, одетые в старое, ходили в подшитых валенках, казалось мелочами жизни, и никто сейчас этого не помнит.

На втором курсе профессор Виктор Владимирович Немыцкий читал нам обыкновенные дифференциальные уравнения. Упражнения за ним в нашей группе вёл молодой ученик Израила Моисеевича Гельфанда Александр Александрович Абрамов. Тогда же курс дифференциальной геометрии читался нам, одновременно двум потокам в разных аудиториях, Петром Константиновичем Рашевским и Сергеем Павловичем Финиковым, и можно было выбирать, к кому ходить его слушать, а потом сдавать экзамен. На втором курсе жизнь наша уже была поспокойнее.

После первого, второго, третьего и так далее курсов у нас не было никакой целины, зато были сельскохозяйственные работы. Так всё и текло.

Были популярны и однодневные походы. Например, Борис Николаевич Делоне собирал нас и просто объявлял, что готов вести нас в поход. И мы ходили с ним от одной железной дороги до другой, с привалами, с костром. Летом же, под руководством Бориса Николаевича, мы даже ездили в горы – на Кавказ и другие.

А его дочь, Аня Делоне, нередко приглашала нас к себе на Пятницкую, в большую родительскую квартиру (большая отдельная квартира была тогда редкостью). В ней стоял Блютнеровский рояль, совершенно замечательный, за которым часто занимался молодой ещё Святослав Рихтер. Приходил туда и Игорь Ростиславович Шафаревич – ученик Бориса Николаевича. Это были замечательные вечера, когда все слушали музыку, играли в шарady, а потом всё общество играло в жмурки. И главным начинщиком всех этих мероприятий был сам Борис Николаевич, которому это доставляло огромное удовольствие. Такие были времена...

У нас был прямой доступ в консерваторию, потому что с нами училась Мила Нейгауз, дочь Генриха Густавовича Нейгауза и сестра Станислава Нейгауза. Её в консерватории все знали. И когда собиралась большая группа, человек 17-20, она бодро шла вперёд, давала билетерам какую-то сумму – мы собирали по полтиннику, по рублю – и говорила: «Это со мной!». И мы все проходили.

Бывало, что у Станислава Нейгауза в квартире устраивались музыкальные вечера, на которых мы слушали симфонии Шостаковича и другие редкие записи. Так что, повторяю, жизнь была очень интересной.

На третьем курсе, когда мы поделились на математиков и механиков, у нас появился блестящий лектор – профессор Израиль Моисеевич Гельфанд, который читал нам Анализ-3. Эти лекции не были похожи ни на какие другие, потому что каждого могли вытянуть к доске или спросить с места в любой момент. Иногда бывало так, что к доске вызывали полкурса, пока Гельфанд не добивался нужного ответа. Это было даже весело... и очень полезно.

И.Ч.: Держало в форме, так сказать.

Е.М.: Да, держало в форме...

Импозантный профессор Алексей Иванович Маркушевич преподавал нам курс ТФКП. Он и лекции читал, и вёл упражнения по комплексным переменным.

Академик Иван Георгиевич Петровский, насколько я помню, появился во втором полугодии третьего курса. Он читал нам курс уравнений в частных производных. Хорошо и чётко читал, но не так живо, как Гельфанд.

И.Ч.: Курсовые работы тогда начинались со второго курса?

Е.М.: Нет-нет, курсовых работ у нас тогда вообще не было. Были только дипломы. Мы работали в семинарах, реферировали работы, пытались решать возникшие задачи, восполнять пробелы доказательств, рассказывали свои резуль-

таты. Вместо курсовых работ на третьем курсе Андрей Николаевич Колмогоров ввёл математический практикум. Например, давали задачи на исследование особых точек и построение интегральных кривых у дифференциальных уравнений с малым параметром при старшей производной. Считать приходилось на логарифмических линейках и арифмометрах. Десять арифмометров приобрели на выложенные Андреем Николаевичем три тысячи рублей. Интегральные кривые мы строили на большом листе миллиметровки, иногда приходилось их склеивать в огромные рулоны.

Потом Андрей Николаевич Колмогоров организовал для желающих специальный практикум-семинар по статистике и теории вероятностей. На семинар приходили специалисты-практики: телефонисты, инженеры ОТК с электролампового завода и прочие потребители статистического контроля. Обсуждалось, какая модель их устроит, что нам надо обчислить, и тут же нам Андрей Николаевич выдавал эти задачи на две недели. Должна сказать, это было, я думаю, даже побольше, чем курсовая работа на втором курсе. Сделаешь, а потом выяснится, что это не та модель. Или, например, шаговую телефонную станцию нужно сделать так, чтобы время ожидания соединений было бы минимальным, чтобы вовремя ликвидировались «отказы соединить» и так далее.

Андрей Николаевич с нашим курсом возился много. Он читал нам теорию вероятностей. Это было так. Вначале он читал, а контакта с аудиторией не возникало, потому что мы были не очень подготовлены к его изложению. Тогда он стал выдавать нам прямо на лекции конспекты следующей лекции и указывать параграфы в книге Гливенко «Теория вероятностей» по этой теме. И дело пошло. Упражнения по теории вероятностей вёл Евгений Борисович Дынкин.

Была у нас и теория чисел, которую читал член-корреспондент АН СССР Александр Осипович Гельфонд. Израиль Моисеевич Гельфанд, помимо анализа-3, читал нам семестровые курсы вариационного исчисления и интегральных уравнений (были такие отдельные курсы), а также вёл спецсеминар для нашего курса по задачам Штурма-Лиувилля. Спецкурсы нужно было сдавать, начиная с третьего курса. Можно было сдавать самостоятельно подготовленные спецкурсы. Я сдавала спецкурсы Александра Яковлевича Хинчина по статистической физике, Петра Константиновича Рашевского – по тензорному анализу и Сергея Павловича Финикова – по методу внешних форм Картана.

С третьего курса я стала ещё заниматься в семинаре Андрея Николаевича Колмогорова по случайным процессам. Получила от Андрея Николаевича задачу о распределении роста кристаллов, возникшую в институте кристаллографии. Пришлось изучать интегральную геометрию. Задача, поставленная в общем виде, у меня не получилась, и идти в дипломники к Андрею Николаевичу я струсил. Хотя Андрей Николаевич Колмогоров, Сергей Владимирович Бахвалов и Сергей Павлович Фиников выдвинули меня на стипендию имени Жуковского, которую мне и присудили.

Бывали очень любопытные и смешные вещи.

Например, читает нам Гельфанд лекцию по вариационному исчислению, открывается дверь, вкатывается гражданин с футляром от виолончели.

Вы не туда попали, – говорит Гельфанд.

Нет, нет!!!! Профессор Гельфанд, я к вам пришёл! – отвечает вошедший и открывает футляр. А он полон доказательств теоремы Ферма. Фамилия этого гражданина была то ли Добродеев, то ли Доброхотов, то ли Добрецов.

Я Гельфанд, а вам нужен Гельфонд! – пытается протестовать Израиль Моисеевич.

Что вы мне говорите?!?! Вот вы найдите у меня ошибку или признайте моё доказательство, – безапелляционно отвечает гражданин.

Мы замираем, время идёт. Потом гражданин понимает, что немного не туда попал, грузит свои листочки в этот футляр и удаляется ...

Много чего было. Но ни о каких перегрузках тогда и речи никогда не было. Каждый давил, как мог. И никто, собственно, не интересовался, что выдержат головы студентов.

Да-а, из анекдотичных вещей могу ещё рассказать, если вам это интересно, как лишился красного диплома Шапиро-Пятецкий, который, безусловно, был самым сильным математиком на нашем курсе, и у которого уже к пятому курсу были работы три опубликованных.

На пятом курсе нужно было сдать Госэкзамен по военному делу. Мы его, кстати, не сдавали, потому что у девочек его отменили – прямо перед Госэкзаменом девочки получили освобождение от военного дела и не стали медсёстрами запаса, а стали «вневоеннообязанными». Так вот, с Шапиро-Пятецким произошла такая смешная история.

Чтобы сдавать государственный экзамен, нужно было подать рапорт генералу. Подошла очередь Шапиро-Пятецкого. Он идёт и говорит: «Товарищ студент, генерал Шапиро-Пятецкий прибыл для сдачи государственного экзамена». Генерал, в некотором замешательстве, не понимает, издеваются над ним или это просто «мандраж». Он командует: «Отставить!» Шапиро-Пятецкий разворачивается и возвращается в строй. Годунов ему шепчет: «Запомни: ты студент, а он генерал». Шапиро-Пятецкий идёт снова к генералу, но история повторяется. И лишь в третий раз, сжав руки в кулаки и повторяя про себя: «Я студент, студент, студент, ...», наконец, он говорит: «Товарищ генерал, студент Шапиро-Пятецкий...» Облегченный вздох в строю. Но потом ему, всё равно, не повезло: на материальной части, «при разборке-сборке», у него остались «неиспользованным и» детали от пушки. Поэтому он получил трояк и, тем самым, не получил рекомендацию в аспирантуру. Огромными усилиями Павла Сергеевича Александрова, Андрея Николаевича Колмогорова, Александра Осиповича Гельфонда, Ивана Георгиевича Петровского ему, всё-таки, была предоставлена аспирантура, но не в МГУ, а в пединституте.

В качестве забавной вещи, расскажу, также, об одном смешном приказе, который висел на факультете и имел такое действие, что нашего заместителя декана по хозяйственной части, Федосеева, наконец-таки, уволили.

(Примеч. В.Д.: Никакой информации ни про его имя и отчество, ни про годы его жизни, мне никто сообщить не смог.)

В старое здание университета можно было входить без пропуска до шести часов вечера. В шесть часов выставлялась охрана, и при входе уже нужно было предъявлять удостоверение. На нашем курсе училась студентка Ира Буянов. И вот однажды она, опаздывая на спецкурс Рашевского, влетела внутрь мимо поста охранников. И вдруг её схватил за руку гражданин, как потом оказалось, наш заместитель декана Федосеев. Он выкрутил ей руку и говорит: «Студбилет!». Она: «Он у меня на продлении в деканате, я не могу его сейчас предъявить, и я опаздываю». Он выкручивает ей руку, забирает сумку. А она, недолго думая, кусает его за руку. Он взвизгивает, отпускает её, и Ира бежит до третьего этажа по до-

вольно крутой лестнице. На следующий день появился приказ: «Студентке пятого курса Буянова Ирине Семёновне объявить строгий выговор за недостойное поведение, выразившееся в покусании заместителя декана по хозяйственной части».

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения уже самого декана Мехмата МГУ, которым был тогда, по-моему, Юрий Николаевич Работнов. И Федосеев был уволен.

Федосеев и до этого был отмечен в подобных делах. Вот, например, ещё один эпизод из его «деятельности».

Весь Мехмат МГУ играл в шахматы, причём, удобно это было делать на подоконниках. Ведь подоконники в старых зданиях были роскошные, глубокие, длинные и широкие. Ну так вот, в МГУ на подоконниках часто играли в шахматы, а вокруг играющих обычно собирались люди. Но с шахматами на факультете боролся Александр Геннадьевич Курош. Поэтому на третьем (мехматском) этаже играло мало народу, а в основном, играли на первом этаже, рядом с кафедрой физкультуры. Но некоторые смельчаки, всё-таки, играли и на третьем этаже. И однажды там играли два наших старшекурсника, только что окончивших Мехмат МГУ и поступающих в аспирантуру: Володя Курочкин (он поступал в факультетскую аспирантуру) и Марат Евграфов (поступавший в аспирантуру «Стекловки»), Федосеев увидел, что они играют на мехматском подоконнике, и грубо скинул у них шахматную доску. Марат Евграфов, недолго думая, «выдал» ему за это, и, в результате, они втроем покатались вниз по лестнице. А мы как раз шли по этой лестнице вверх... В общем, были жертвы: кто-то свалился, кто-то сломал руку, кто-то сильно ударился о каменную стену ...

Да-а, Федосеев был, конечно, легендарной личностью... Просто подходил и смахивал шахматы. Ну и получил по заслугам.

Ну, пожалуй, смешного я больше ничего рассказать не могу.

Многие спецкурсы читались двум-трем студентам. Это было очень полезно, обсуждения возникали порой прямо на лекции. Вообще, можно сказать, подготовка специалистов была штучной.

С четвертого курса по просьбе научного руководителя, а с пятого курса всем, можно было заниматься в кабинете математики, где был свободный доступ к журналам и книгам, и где порой занимались с утра до позднего вечера. Кроме того, мы часто ходили на заседания Московского математического общества, в качестве «мебели» внимательно слушали доклады на большом семинаре Израйля Моисеевича Гельфанда. «Мебель» – это значит, что нас не могли вызвать к доске, но и мы не могли задавать вопросы. На этом семинаре Израиль Моисеевич вызывал к доске даже профессоров и докторов наук, и весьма часто схищничал над ними.

На пятом курсе у тридцати двух «чистых математиков» были ещё такие курсы: педагогика, психология, методика преподавания математики в средней школе, а также месячная педагогическая практика. Мы проходили практику в 57-ой школе у замечательного педагога Александра Степановича Доронина, отца нашей однокурсницы Татьяны Дорониной. Каждый должен был дать два урока с проведением на них разбора домашнего задания, опросом 3-х – 4-х человек, объяснением нового материала и решением нескольких оригинальных задач. Всё это нужно было успеть за урок в 45 минут. Руководил практикой доцент Антонин Иванович Фетисов, который читал нам курс методики преподавания математики. По окончании Мехмата МГУ, в дипломе мы получили запись: «Присвоена квали-

фикация математика – научного работника в области математических наук, преподавателя ВУЗ'а и звание учителя средней школы».

На работу распределяла нас комиссия Минвуза РСФСР. Очень жёстко распределяла, даже, я бы сказала, жестоко. Двадцать три математика, окончивших спецгруппу, были распределены в воинскую часть 43753, в различные «почтовые ящики», в ВУЗы по всему Союзу, в техникумы и даже в средние школы. Двадцать человек, по всем специальностям, были рекомендованы в аспирантуру.

Могу рассказать о поступлении в аспирантуру, если хотите.

И.Ч.: Может быть, сначала несколько слов о том, чему была посвящена ваша дипломная работа?

Е.М.: Да, конечно.

Я уже говорила о том, что не решилась писать диплом у Андрея Николаевича. В то время мы увлекались геометрией. Уже были работы Александра Даниловича Александрова по теории многогранников, докторская диссертация Алексея Васильевича Погорелова, в которой активно рассматривались вопросы геометрии в целом. И у меня была задача доказать теорему Клеро на поверхностях вращения со спрямляемыми меридианами. Я её сделала. Работа понравилась Андрею Николаевичу Колмогорову, и он её представил в ДАН СССР. Так что моя дипломная работа является и моей первой научной публикацией.

После пятого курса, после сдачи государственных экзаменов мы поступали в аспирантуру Научно-исследовательского института математики и механики. Здесь я хочу сказать два слова о том, как мы поступали.

В аспирантуру с нашего курса поступало человек двадцать. Экзамен длился три дня. Все поступавшие были разделены на эти дни – рекомендованные с Мехмата МГУ, из других университетов и педвузов, а также иностранцы из Болгарии, Китая, Польши, Румынии. Экзамен проходил в помещении Института математики и механики, директором которого был Андрей Николаевич Колмогоров. Экзаменаторами были Павел Сергеевич Александров, Андрей Николаевич Колмогоров, Иван Георгиевич Петровский, Лев Семёнович Понтрягин, Израиль Моисеевич Гельфанд, Александр Осипович Гельфонд, Дмитрий Евгеньевич Меньшов, Нина Карловна Бари, Самарий Александрович Гальперн, Сергей Павлович Фиников, Софья Александровна Яновская, Пётр Константинович Рашевский, Сергей Владимирович Бахвалов. В общем, заходишь в аудиторию, и становишься как-то нехорошо перед таким собранием. С тобой знакомились, как будто тебя принимали в своё сообщество – сотрудников Института математики и механики. Экзамен проходил спокойно и очень доброжелательно. Приглашали к доске и просили сначала рассказать, чем вообще интересуешься, что читал, какие книги, какие статьи, какие слушал спецкурсы, в каком работал семинаре, описать область интересов, свою дипломную работу. Потом начинали спрашивать. Вспомнила, ещё был Игорь Ростиславович Шафаревич, который задавал весьма въедливые вопросы. Павел Сергеевич предложил поставить мне четыре (он очень скептически относился к девушкам), но Андрей Николаевич написал своё особое мнение.

Так что экзамен по математике был очень серьёзным. Кроме того, были ещё экзамен по иностранному языку и экзамен по истории партии. Понимаете, мы учились в то время, когда нужно было изучить множество постановлений по самым разным вопросам. Мы даже за ними не поспевали. Было постановление по биологии, были постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», об опере Му-

радели, о Зощенко и Ахматовой, о языкознании. Подлежала обязательному изучению и статья в газете «Правда» под заголовком «Об ошибках товарищей Венжера и Саниной» в связи с их письмами к Сталину, содержащими предложения по улучшению жизни колхозников в нашей стране – после чего Санина, которая нам читала политэкономия, и которую мы полюбили, из МГУ «исчезла». Очень много было такого материала.

(Примеч. В.Д.: В 1951-1952 годы, в русле затеянной в стране самим Сталиным «экономической дискуссии», в связи с написанием в Советском Союзе учебника по политэкономии социализма, доцент Экономфака МГУ Александра Васильевна Санина (1903-1981) со своим мужем, научным сотрудником Института экономики АН СССР, Владимиром Григорьевичем Венжером (1899-1990), отправили прямиком к вождю несколько писем с предложениями по улучшению колхозной жизни в СССР (в частности, в них предлагалась продажа техники МТС колхозам). На эти письма Сталин дал им публичный ответ, опубликованный позднее в приложении к его книге «Экономические проблемы социализма» (вышедшей осенью 1952-го года), где содержалась не очень жёсткая, но, всё же, отповедь их идеям. В результате последовавшей «партийной проработки» Санина, отстранённая от преподавательской деятельности, была вынуждена уйти из МГУ, а Венжеру был вынесен строгий партийный выговор).

И.Ч.: Вы окончили Мехмат МГУ в 1951-ом году?

Е.М.: Да, и тогда же поступила в факультетскую аспирантуру ...
Что вам ещё рассказать?

И.Ч.: Ну, может быть, расскажете чуть-чуть о диссертации?

Е.М. Могу рассказать о кандидатском минимуме.

Кандидатский минимум лично утверждал Андрей Николаевич Колмогоров. Нам полагалось сдавать 3 экзамена и 3 отчета, не считая языка и философии. Причём каждый должен был выбрать один экзамен широкого «естественно-научного» содержания. Это могла быть гидромеханика, механика сплошной среды, теория упругости или какая-нибудь область физики. Я сдавала экзамены по функциональному анализу, по математической теории упругости (по толстой книге Лява и некоторым дополнительным статьям) и по дифференциальным уравнениям в частных производных. Отчёты я сдавала по топологии, по непрерывным группам (по книге Понтрягина) и по «геометрии в целом» (по работам Александра Даниловича Александрова и Алексея Васильевича Погорелова).

Готовя экзамен по теории упругости, слушая спецкурс Юрия Николаевича Работнова по теории оболочек, я стала изучать связь «безмоментной» теории оболочек с геометрической жёсткостью поверхностей. Андрей Николаевич Колмогоров, как директор Института математики и механики, утверждал темы диссертационных работ. Он меня благословил на эти исследования, и они составили содержание моей диссертации «Некоторые задачи равновесия тонких оболочек». Официальными оппонентами по ней были назначены Николай Владимирович Ефимов, Юрий Николаевич Работнов и Андрей Николаевич Колмогоров.

Аспирантская жизнь, конечно, проходила бурно. Мы устраивали диспуты, ходили в походы. Большими заводилами в походах были Алексей Фёдорович Филиппов, который учился на год раньше, и Пётр Лаврентьевич Ульянов. Из походов иногда не успевали вернуться до закрытия метро в Москву. Как-то раз мы

пришли пешком в деревню Витенево, а пароход нас не забрал. На плотину мы не пошли – там уже было закрыто. Пароход пришёл лишь, где-то, в два часа ночи.

Много было всяких весёлых историй, и не только с нами, но и с профессорами. Очень интересная история была с Дмитрием Евгеньевичем Меньшовым – может быть, вам уже кто-то рассказывал, как он потерялся. Не рассказывали?

И.Ч.: Нет.

Е.М.: Так я вам расскажу.

Дмитрий Евгеньевич жил в районе улицы Погодинки, в маленькой восьмиметровой комнатке коммунальной квартиры, при кухне. Спал он на сундуке с книгами. Любил ходить гулять. Но боялся, что на него могут напасть, и поэтому ходил в очень старой шапке. Очки у него были на шнурочке. Одевался он в калоши и в древнее бобриковое пальто.

Как-то раз он пошёл гулять. Гулял-гулял и не вернулся домой. На следующий день, утром, соседки позвонили в деканат и сказали, что Дмитрий Евгеньевич не вернулся. Нет, они позвонили в понедельник, а пропал он в субботу. Была паника, московский военный округ даже выслал вертолет для его поиска – искали по местам, где он мог бы быть.

Оказалось, вот что с ним произошло. Он шёл-шёл, и не заметил, что на каком-то дереве висит знак: «Проход воспрещён». Пошёл дальше. Его остановил человек с ружьем и сказал: «Стой, пошли в комендатуру». Его привели в военную комендатуру, стали спрашивать, кто он. «Я профессор» – отвечал он. Они засмеялись: «Может, ты ещё и членкор? Или ты вообще академик?» – «Нет, – говорит, – только членкор». Другой спрашивает: «Может, ты лауреат?» – «Да, лауреат» – «Ну... дед совсем сбрендил ...» Они поговорили, посмеялись, отправили его в какую-то каморку и забыли про него. А в понедельник, к высокому милицейскому начальству по Подмоскovie, пришли Нина Карловна Бари и Виктор Владимирович Немыцкий: «Пропал профессор МГУ, член-корреспондент АН СССР ...». Оттуда позвонили в военную комендатуру с запросом – дежурные молчат. Тогда начальник Московского военного округа грозно распорядился: «Разыскивайте с вертолётом! Прочесывайте весь лес!» Но потом тот, кто дежурил в комендатуре, вдруг вспомнил: «Так может, речь идёт о том дед? Профессор, член-корреспондент.... Может, мы его зазря держим? Ой, сильно нам попадёт...» В итоге начальник комендатуры лично посадил Дмитрия Евгеньевича на джип и повёз его в Москву. И как раз в то время, когда Юрий Николаевич Работнов, Нина Карловна Бари и милицейский начальник уже собирались, на всякий случай, вскрыть его комнату, у входа в дом затормозил джип с живым и невредимым Дмитрием Евгеньевичем.

Впоследствии Дмитрий Евгеньевич вспоминал, что под арестом его кормили очень вкусной пшённой кашей. Вот так было дело.

И.Ч.: Забавно...

Е.М.: Да, забавно и грустно, потому что вообще могли не найти...

И.Ч.: Елена Александровна, а когда Вы начали преподавать?

Е.М.: Я начала преподавать, ещё в старом здании МГУ, в 1951-ом году, когда заболел Александр Яковлевич Хинчин – заведующий кафедрой математического анализа. В распределении нагрузки на кафедре произошли тогда большие изменения. Мне поручили две группы 1-го курса на Химфаке МГУ. Лев Абрамо-

вич Тумаркин, который там тоже читал лекции, пригласил меня к себе домой и долго со мной беседовал, давал указания по распределению материала и его содержанию применительно к химикам.

На втором и третьем годах аспирантуры педагогическая нагрузка у меня была уже 16 часов в неделю – добавились две группы по аналитической геометрии на Мехмате МГУ. Мне помогли советами Сергей Владимирович Бахвалов и Алексей Серапионович Пархоменко. А Павел Сергеевич Александров, который читал курс, 25 апреля 1955 года, как я запомнила, даже пришёл на мои занятия.

Ежегодно мы принимали и вступительные экзамены, причём на всех факультетах, включая физиков. Всё это называлось педагогической практикой.

Мне запомнился приём 1952 года, когда приняли уже 400 человек, в предвкушении скорого открытия новых зданий МГУ. Иногородние студенты получили общежитие в районе поселка ЗИЛ на Каширке, в двадцати одной трамвайной остановке от Балчуга. Оттуда они бежали в МГУ через Москворецкий мост, Красную Площадь, Манежную площадь – расстояние порядочное. Занятия же тогда начинались в 8 часов утра – поэтому выходили они из общежитий в 6 часов утра. Жили в комнатах по 9 человек и больше. В общежитиях была только холодная вода. В общем, этот год был очень трудным для студентов. Но к каждой студенческой группе были прикреплены аспиранты-шефы.

В сентябре 1953 года учебный год начался уже в новых зданиях МГУ на Ленинских горах. Каждый студент получил комнату в 8 квадратных метров в двухкомнатном блоке, а аспирант – комнату в 12 квадратных метров с телефоном. Москвичи даже завидовали иногородним: тогда большинство москвичей жило в коммунальных квартирах, а некоторые – и с удобствами на улице. Как помню, зона Б была мужской, а зона В – женской.

Впрочем, это «общежитейское счастье» продлилось недолго – вскоре всех «потеснили».

А в Главном здании МГУ каждая кафедра получила комнату с телефоном, обставленную рижской мебелью. На большее у заведующих кафедрами не хватило фантазии: ведь в старом здании отдельных кафедральных помещений вообще не было, и всё кафедральное хозяйство помещалось в портфеле Учёного секретаря кафедры.

И.Ч.: Елена Александровна, после аспирантуры Вы сразу стали сотрудником Мехмата МГУ?

Е.М.: Да, после аспирантуры меня сразу распределили на Мехмат МГУ. Но это было совсем не тривиально. Дело в том, что вначале нас (рекомендованных к оставлению в МГУ) благополучно распределили на работу в Университет. Однако в министерстве все наши распределения зачеркнули и написали, кому в какую республику уезжать, кому в какой почтовый ящик идти, причём на работу в Университет – никому. А на нас уже была запланирована педнагрузка, потому что мы начали преподавать ещё с первого года обучения в аспирантуре. К тому же, всё это совпало с резким увеличением приёма поступающих в Университет, обусловленного переездом в новое здание МГУ.

Но, в конце концов, всё «утряслось», и с 1954-го года я официально стала работать в штате кафедры высшей геометрии и топологии Мехмата МГУ.

И.Ч.: Расскажите, пожалуйста, про Отделение математики.

Е.М.: Отделение математики возникло одновременно с переездом в новое здание. Научно-исследовательский институт математики и механики МГУ был ликвидирован. В структуре факультета возникли отделения: математики, механики и астрономии. Заведующим Отделением математики был назначен Андрей Николаевич Колмогоров, его заместителем – доцент Сергей Фёдорович Лидяев. При отделениях были созданы Ученые советы, в которых проходили защиты кандидатских диссертаций, утверждения планов и отчетов кафедр по темам научно-исследовательских работ, аттестации аспирантов, обсуждения учебных планов и программ для студентов.

В отделениях проводился приём в аспирантуру. Андрей Николаевич знал всех аспирантов Отделения математики, беседовал с каждым о его научных и учебных делах, обсуждал индивидуальные планы и темы диссертационных работ.

В сентябре 1954-го года Андрей Николаевич Колмогоров был избран деканом Мехмата МГУ: на этом посту он сменил уехавшего в Новосибирск Юрия Николаевича Работнова. Заведующим Отделением математики, взамен Андрею Николаевичу, был назначен Павел Сергеевич Александров, его заместителем стал уже Владимир Георгиевич Карманов. А в 1960-ом году меня назначили вторым заместителем Павла Сергеевича по Отделению математики. И исполняла я эти обязанности, пока Павел Сергеевич оставался заведующим Отделением математики, то есть вплоть до 1979-го года.

Работу в Отделении математики Павел Сергеевич организовал очень чётко. Ежедневно по пятницам, с 10 до 15 часов, было наше обязательное присутствие, во время которого мы рассматривали все текущие дела и принимали аспирантов. Приходили к нам и научные руководители аспирантов, а также студенты старших курсов.

Важнейшей заботой Мехмата МГУ, факультетского Отделения математики, и лично ректора Московского государственного университета Ивана Георгиевича Петровского, было отыскание талантливой молодежи: на конференциях, при чтении лекций и в пединститутах. Лучших студентов приглашали в МГУ. Так, были переведены на старшие курсы Мехмата МГУ Алексей Иванович Кострикин из Саратовского университета, впоследствии ставший членом-корреспондентом АН СССР и деканом Мехмата МГУ, Виктор Матвеевич Бухштабер и Василий Алексеевич Исковских из Ташкентского университета, впоследствии ставшие членами-корреспондентами РАН, Александр Сергеевич Мищенко – с Физтеха и Евгений Михайлович Никишин – с Физфака МГУ, впоследствии ставшие профессорами Мехмата МГУ. Евгений Прокопьевич Долженко, Александр Владимирович Зарелуа, Юрий Александрович Казьмин, Анатолий Гордеевич Костюченко поступили в аспирантуру после окончания других университетов и пединститутков, а впоследствии стали профессорами Мехмата МГУ. Пётр Лаврентьевич Ульянов, окончивший Саратовский университет, впоследствии стал заведующим кафедрой теории функций и функционального анализа Мехмата МГУ, академиком РАН. Анатолий Илларионович Ширшов, окончивший Луганский пединститут, впоследствии стал профессором Мехмата МГУ, а затем, переехав в Новосибирск, был избран членом-корреспондентом АН СССР по СО АН СССР.

Чтобы оставить выпускника на работу в МГУ, надо было получить разрешение на московскую прописку и обеспечить жильем, что давалось с большим трудом даже Ивану Георгиевичу Петровскому. Многие окончившие аспирантуру

и защитившие диссертации стали доцентами и профессорами своих университетов и пединститутов.

Яркой страницей в математической жизни был Международный математический конгресс, проходивший в августе 1966-го года в Москве. Председателем оргкомитета был Иван Георгиевич Петровский, генеральным секретарем – Владимир Георгиевич Карманов. В технической организации и проведении конгресса принимали участие все аспиранты и многие студенты старших курсов Отделения математики Мехмата МГУ. Было зарегистрировано более 4000 участников Конгресса. Его открытие состоялось во Дворце Съездов, где были вручены Филдсовские премии Майклу Атье, Полу Коэну, Стефену Смейлу и Александру Гротендику (правда, последний в Москву не приехал). Пленарные и секционные заседания конгресса проходили в МГУ. На механико-математическом и географическом факультетах МГУ были открыты аудитории для индивидуальных научных общений. Всё это способствовало установлению научных контактов и добрых человеческих отношений.

Московские математики, начиная с 1935-го года, много занимались со школьниками. Мехмат МГУ, Московское математическое общество, президентом которого долгое время был Павел Сергеевич Александров, и Мосгороно ежегодно проводили городские математические олимпиады. Правление математического общества назначало председателя оргкомитета олимпиады. Ими, например, были Павел Сергеевич Александров (1935), Нил Александрович Глаголев (1936), Андрей Николаевич Колмогоров (1937, 1963, 1975), Александр Геннадьевич Курош (1938), Лазарь Аронович Люстерник (1939), Лев Семёнович Понтрягин (1940), Александр Осипович Гельфонд (1941), Израиль Моисеевич Гельфанд (1945), Самарий Александрович Гальперн (1946), Иван Георгиевич Петровский (1947), Виктор Владимирович Немыцкий (1948, 1967), Алексей Иванович Маркушевич (1949), Михаил Александрович Крейнс (1950), Борис Николаевич Делоне (1951), Пётр Константинович Рашевский (1952), Дмитрий Евгеньевич Меньшов (1953), Сергей Владимирович Бахвалов (1954), Георгий Евгеньевич Шилов (1955), Ольга Арсеньевна Олейник (1957), Владимир Григорьевич Болтынский (1958), Евгений Михайлович Ландис (1959), Игорь Ростиславович Шафаревич (1960, 1964, 1971), Николай Владимирович Ефимов (1962, 1965), Борис Павлович Демидович (1972) и другие. Председатель оргкомитета, по завершении олимпиады, проводил разбор её задач и вручал награды победителям.

Многие из победителей Московских олимпиад, впоследствии, стали сотрудниками Мехмата МГУ. Среди них – академики РАН Владимир Игоревич Арнольд, Николай Сергеевич Бахвалов, Олег Борисович Лупанов, Яков Григорьевич Синай, профессора Владимир Михайлович Алексеев, Александр Александрович Кириллов, Николай Николаевич Ченцов, Владимир Андреевич Успенский и другие. Все они, в дальнейшем, большое внимание уделяли работе со школьниками, в частности, читали им лекции, публиковали для них популярную математическую литературу, проводили «выездные учёбы».

И.Ч.: Елена Александровна, поделитесь, пожалуйста, воспоминаниями о Павле Сергеевиче Александрове.

Е.М.: С удовольствием.

Как я уже говорила, четверть века, с 1954-го по 1979-ый годы, Павел Сергеевич Александров заведовал Отделением математики Мехмата МГУ. Он был че-

ловеком высочайшей культуры, выдающимся педагогом, одним из основателей мировой топологической школы. Человеком, который неизменно заботился не только о математической, но и об общей культуре учащейся молодёжи.

Павел Сергеевич представлял МГУ в договоре о дружбе Московского университета с Большим театром. В связи с этим он глубоко вникал в деятельность Дома культуры МГУ. Как председатель Попечительского Совета при Учёном Совете МГУ, он относился к этому исключительно ответственно.

Необычайно популярным в Москве был Студенческий театр МГУ. В нём ставили свои постановки такие известные режиссёры, как Роман Быков, Роман Виктюк, Марк Захаров, Марк Розовский, Пётр Фоменко. Павел Сергеевич посмотрел почти все их спектакли и часто участвовал в их обсуждении.

В Доме культуры МГУ с творческими вечерами выступали Сергей Образцов и Аркадий Райкин. В гости к нам приезжали артисты лучших театров нашей страны – Большого, Художественного, Малого, Современника, Ленинградского БДТ. И во многом это была заслуга Павла Сергеевича.

Особой страстью Павла Сергеевича была любовь к классической музыке. Он способствовал установлению традиции, когда победители Международного конкурса пианистов имени Чайковского приезжают в Университет и выступают у нас со своими концертами. Он сам проводил в гостиной Дома Студента свои знаменитые «Александровские вторники», на которых воспроизводились записи (тогда радиолой с пластинок) лучших музыкальных произведений, сопровождаемые его интересными музыкально-историческими комментариями. Отмечая заслуги Павла Сергеевича в этой его просветительской деятельности, профком Мехмата МГУ подарил ему, в один из дней его рождения, концертную радиолу «Эстония», проданную для этой цели Университету по личному указанию министра торговли.

С 1973-ий по 1980-ый годы Павел Сергеевич был Председателем Клуба Ученых МГУ.

Его часто просили возглавлять жюри конкурсов факультетской самодеятельности. Да всего, что он делал для духовного воспитания молодёжи, не жалея ни сил, ни времени, не перечислить!

Но не только о духовном воспитании учащихся заботился Павел Сергеевич – его волновало и их физическое развитие. Он способствовал введению для студентов 4-ёх часов в неделю занятий физкультуры, причём не до 2-го курса (как было), а до 4-го курса. Он регулярно приглашал молодёжь в походы – пешеходные, лодочные, лыжные. Он пытался ввести утреннюю зарядку во дворе Зоны Б, но это скоро заглохло. Он всячески поощрял увлечение футболом, волейболом, плаванием. Он сам часто появлялся на стадионе, даже университетскую квартиру выбрал в корпусе, ближайшем к стадиону.

Павел Сергеевич был противником перегрузки студентов младших курсов. Поэтому он возглавил комиссию по изучению и координации учебных планов и их осуществления, что привело к некоторой их разгрузке. По его инициативе Учёный совет Мехмата МГУ утвердил новые учебные планы, где указывалось время проведения и число контрольных работ, а также коллоквиумов, что дало возможность включить эти часы в нагрузку преподавателей.

Да, вот ещё. В 1959-ом году советская команда школьников неудачно выступила на 1-ой Международной математической олимпиаде (ММО) в Бухаресте. После этого к таким олимпиадам было привлечено особое внимание ректора МГУ

Ивана Георгиевича Петровского, а также ведущих академиков-математиков Мехмата МГУ Андрея Николаевича Колмогорова и Павла Сергеевича Александрова. В результате обсуждения ситуации Андрей Николаевич Колмогоров, вместе с академиками Петром Леонидовичем Капицей, Исааком Константиновичем Кикоиным, Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым и Сергеем Львовичем Соболевым, обратились в директивные органы с предложением о создании пяти физико-математических школ-интернатов (ФМШ). Министерство просвещения, после некоторых колебаний, согласилось с открытием таких школ и классов с математическим уклоном. Предложение долго ещё рассматривалось в различных инстанциях. Наконец, в 1963-ем году окончательное решение было принято, и интернаты были открыты. В налаживании работы Московской ФМШ, непосредственными организаторами которой стали Андрей Николаевич Колмогоров и Исаак Константинович Кикоин, большое участие приняли, конечно же, Павел Сергеевич Александров, а также профессор Яков Абрамович Смородинский. Отделению математики Мехмата МГУ и Физфаку МГУ, с участием МФТИ, было поручено проводить ежегодные наборы школьников в этот Интернат и сопутствующий ему летний лагерь. От Отделения математиков соответствующий Попечительский совет Московской ФМШ вошли Павел Сергеевич и я.

В 1962-ом году советские школьники снова приняли участие в Международной математической олимпиаде в Чешском городе Ческе-Будеёвице. Членом жюри ММО школьников и руководителем Советской делегации назначили меня. Выступили мы весьма успешно. Павел Сергеевич был очень рад.

И.Ч.: А можете ли Вы рассказать поподробнее про экспериментальный поток?

Е.М.: В весеннем семестре 1975-го года, по решению Учёного совета Мехмата МГУ (деканом факультета тогда был Пётр Матвеевич Огибалов, заместителем декана по учебной работе – Валерий Иванович Гаврилов, начальником 1-го курса – Тарас Павлович Лукашенко), группа 105 была объявлена экспериментальным потоком, руководителем которого был утверждён Сергей Петрович Новиков, ныне академик РАН. Из группы 105 можно было перейти в другие группы, но перейти в 105-ую группу было нельзя. Первоначально в ней было 20 человек, из которых лишь 14 окончили факультет.

На экспериментальном потоке стал «отрабатываться» новый учебный план для математиков. Там читались современные курсы по механике сплошной среды (Наиль Рахимович Сибгатуллин, Виктор Львович Бердичевский), по теоретической физике (Анатолий Иванович Ларкин, Игорь Ехильевич Дзялошинский, Владимир Чеславович Жуковский), по теории относительности (Сергей Петрович Новиков), по теории меры и интегралу Лебега (Евгений Михайлович Никишин), а также сильно переработанные курсы по дифференциальной геометрии и топологии (Сергей Петрович Новиков) и по теоретической механике (Николай Николаевич Колесников). Кроме того, на экспериментальном потоке был усилен цикл курсов по вычислительной математике и расширен список спецкурсов естественно-научного содержания.

И.Ч.: Теперь, если можно, расскажите немного о своей семье.

Е.М.: У меня был муж – Николай Николаевич Ченцов (1930– 992).

Отец его, Николай Гаврилович Ченцов (1882-1968), окончил в 1904-ом году математическое отделение физико-математического факультета МГУ – он был

учеником Николая Егоровича Жуковского. Впоследствии Николай Гаврилович стал профессором Высшего технического училища, Героем Труда. В круг его научных интересов входили теория упругости, теория композитов и газовая динамика. Помимо преподавательской деятельности он работал в ЦАГИ, с момента основания этого института в 1918-ом году вплоть до выхода на пенсию в 1958-ом году.

Мать моего мужа, Екатерина Ивановна /урождённая Дорофеева/ (1891-1960), с семи лет воспитывалась в семье писателя и инженера-путейца Николая Георгиевича Гарина-Михайловского (1852-1906). Она отучилась пять лет на Высших женских курсах, а затем, с наступлением Первой Мировой войны, работала медсестрой в военных госпиталях. После замужества она уже занималась лишь воспитанием детей.

Коля был старшим ребёнком в семье. Его интерес к математике (и к радиотехнике) проявился достаточно рано. Ещё восьмиклассником он начал заниматься в школьном математическом кружке при Мехмате МГУ, где его первыми учителями были Александр Семёнович Кронрод и Ольга Александровна Ладыженская. В 10-ом классе он уже перешёл в кружок Евгения Борисовича Дынкина, который впоследствии и стал его научным руководителем.

На X Московской математической олимпиаде Коля получил первую премию. В 1947-ом году, поступив на Мехмат МГУ, он и сам стал принимать активное участие в руководстве школьными кружками, в организации воскресных лекций, в проведении олимпиад. Здесь и пересеклись наши дороги – мы вместе стали вести школьные кружки.

В те годы в наших кружках занимались многие школьники (и школьницы), ставшие потом известными математиками и механиками. Среди них я могу, например, упомянуть Владимира Михайловича Алексева, Николая Сергеевича Бахвалова, Александра Дмитриевича Вентцеля, Эрнста Борисовича Винберга, Ирину Андреевну Виноградову, Леонида Романовича Волевича, Игоря Владимировича Гирсанова, Алексея Валерьевича Забродина, Владимира Михайловича Золотарёва, Бориса Владимировича Куксенко, Бориса Теодоровича Поляка, Юлиана Борисовича Радвогина, Клавдию Евгеньевну Шурову, Юрия Львовича Якимова. Приобретая в «кружковской» деятельности определённый опыт, Коля, ещё будучи студентом, стал соавтором книг для школьников серии «Избранные задачи и теоремы элементарной математики».

В 1952-ом году Коля с отличием окончил спецгруппу Мехмата МГУ и получил рекомендацию в факультетскую аспирантуру. Но, по распоряжению ректора Университета Ивана Георгиевича Петровского, он был направлен, вместе с Константином Владимировичем Брушлинским, в расчётное бюро Математического института имени В.А. Стеклова АН СССР. Там в то время проводились вычислительные работы в обеспечение атомной программы. Ранее туда уже были направлены Олег Вячеславович Локуциевский, Владимир Федотович Дьяченко, Сергей Константинович Годунов, а, чуть позже, и Виктор Соломонович Рябенский. Работами «в целом» там руководил Мстислав Всеволодович Келдыш. Коля им был определён в группу, возглавляемую Израилем Моисеевичем Гельфандом. С тех пор Коля, на протяжении более 35 лет, плодотворно работал с Израилем Моисеевичем. Расчётное же бюро потом превратилось в Отделение прикладной математики, а затем и в Институт прикладной математики имени М.В. Келдыша АН СССР.

Трудились в те годы в строгом режиме, с 8.30 до 17.30, иногда и ночью. В 1956-ом году Коля был награжден орденом «Трудового Красного Знамени», в

1972-ом году ему, в составе коллектива, была присуждена Государственная премия за работы в области вычислительной математики, а в 1979-ом году, в составе коллектива под руководством Гурия Ивановича Марчука, он был снова награждён Государственной премией «за большой вклад в развитие и применение методов моделирования».

В 1952-ом году Коля поступил в заочную аспирантуру МИАН'а (научный руководитель Николай Васильевич Смирнов) и стал вновь работать в семинаре Евгения Борисовича Дынкина. После защиты кандидатской диссертации он был приглашён Андреем Николаевичем Колмогоровым на кафедру теории вероятностей Мехмата МГУ, на полставки ассистента. Коля активно и с удовольствием включился в преподавание. Однако в 1961-ом году совместительства были, практически, запрещены, и ему пришлось оставить свою преподавательскую деятельность. Следующая попытка привлечь Колю к преподаванию была лишь в 1969-ом году, после успешной защиты им докторской диссертации «Общая теория статистического вывода». Он стал профессором кафедры теории вероятностей Мехмата МГУ, по совместительству на полставки. Но через два года Коля сам оставил эту деятельность, поскольку все силы решил отдать Институту, где проработал (без малого) 40 лет и прошёл путь от инженера до заведующего отделом. Тем не менее, в восьмидесятилетие он несколько раз был председателем ГЭК по математике на Мехмате МГУ.

В 1957-ом году у нас родилась дочь Наташа. Коля с радостью включился в её воспитание. Им устраивались регулярные совместные прогулки как по Москве (в театры и музеи), так и по Подмоскovie (зимой лыжные, летом на велосипедах), а также домашнее чтение художественной литературы и многое другое. Летом мы жили на дачах – в живописных местах, на берегах речек, вблизи лесов и полей ...

Наташа стала заниматься в школьном математическом кружке и вскоре перешла из английской спецшколы в математический класс 179-ой школы. Поступив на Мехмат МГУ, она училась на факультетском экспериментальном потоке.

Напомним, что после создания в нашем Университете, в 1970-ом году, факультета ВМиК МГУ, весь вычислительно-прикладной цикл на Мехмате МГУ был передан на кафедру общих проблем управления (ОПУ), которой заведовал академик Вадим Александрович Трапезников. На кафедру ОПУ были приглашены (совместителями) сотрудники Института прикладной математики АН СССР, профессора.

Константин Иванович Бабенко (впоследствии член-корреспондент АН СССР), Олег Вячеславович Локуциевский, Владимир Федотович Дьяченко и другие. Всё это, в некоторой степени, способствовало открытию на Мехмате МГУ и, уже упоминавшегося, экспериментального потока. Здесь мы лишь ещё раз подчеркнём, что к работе на этом потоке Сергей Петрович Новиков привлёк как уже широко известных специалистов (Владимира Игоревича Арнольда, Константина Ивановича Бабенко, Владимира Антоновича Зорича, Алексея Ивановича Кострикина, Анатолия Гордеевича Костюченко, Якова Григорьевича Синая), так и их молодых коллег (Виктора Львовича Бердичевского, Бориса Анатольевича Дубровина, Николая Николаевича Колесникова, Станислава Алексеевича Молчанова, Петра Петровича Мосолова, Анатолия Михайловича Стёпина, Михаила Александровича Шубина). А к концу эксперимента все курсы лекций (этого потока) были записаны, отредактированы лекторами и предъявлены комиссии по составлению новых учебных планов. Эксперимент был признан удачным.

Так вот, Наталия, на этом потоке, стала заниматься (под руководством Якова Григорьевича Синая) динамическими системами. Она с отличием окончила факультет, поступила в факультетскую аспирантуру и успешно защитила кандидатскую диссертацию. На работу она была распределена на кафедру вычислительной математики Мехмата МГУ, воссозданную на факультете (под руководством Николая Сергеевича Бахвалова) в 1982-ом году. В настоящее время она доцент этой кафедры.

И.Ч.: Значит, Ваша математическая династия на факультете продолжается. Дай Бог, чтоб она продолжалась и дальше.

Е.М.: Да...

И.Ч.: Ну что ж, спасибо Вам, Елена Александровна, за нашу беседу. Всё было очень интересно, хотя можно было бы ещё о многом Вас расспросить. Кстати, мне тоже посчастливилось у Вас немного поучиться...

Е.М.: Учился, учился, помню такого...

И.Ч.: На днях я видел, как Вас воспринимают студенты и сейчас. С большим энтузиазмом, не отходят, делятся своими впечатлениями, решениями...

Хочется пожелать, чтобы это ещё долго было так. Ну и чтобы было крепкое здоровье, был бы интерес к жизни. Мы Вас любим.

Е.М.: А я-то как люблю всех своих студентов.

И.Ч.: Спасибо Вам большое, и доброго Вам здоровья.

Е.М.: Спасибо и Вам...

Июль 2014 года

Александр Пустовит

ПУШКИН

И

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ

ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Светлой памяти моих наставников –
музыкантов Риты Семеновны Донской
и Андрея Иосифовича Корженевского

Мудрость – вот настоящих стихов исток и начало!

Гораций

Я легко мог бы показать, как под покровом вымыслов поэты выводят то истины естественной и нравственной философии, то исторические события, и подтвердилось бы то, что мне приходилось часто повторять: между делом поэта и делом историка и философа, будь то в нравственной или естественной философии, различие такое же, как между облачным и ясным небом, – за тем и другим стоит одинаковое сияние, только наблюдатели воспринимают его различно.

Петрарка

Много прекрасного существует в мире разрозненно, и это – задача нашего духа: обнаруживать связи...

Гёте

ВВЕДЕНИЕ

«Живой художественный университет европейской культуры»

*Обилие мыслей! Пушкин – мыслитель!
Можно ли было это ожидать?*

И.С. Тургенев. 1880 г.

Пушкин великий мыслитель, мудрец, — с этим, кажется, согласились бы немногие даже из самых пламенных и суеверных его поклонников. Все говорят о народности, о простоте и ясности Пушкина, но до сих пор никто, кроме Достоевского, не делал даже попытки найти в поэзии Пушкина стройное мирозерцание, великую мысль.

Д.С. Мережковский. 1896 г.

«Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль?»^[1], – пишет Пушкин в поздние, зрелые годы (Путешествие из Москвы в Петербург. 1833-1834 гг.) [СС, т. 6, с. 356].

Мыслитель Пушкин? Может быть, даже **философ** Пушкин? Автор очень хорошо знает, что эти формулировки могут вызвать возражения. Слишком многие, – начиная с Гоголя, – привыкли считать Пушкина поэтом и только поэтом: «поэт и ничего больше», «в существе своем поэт» – вот дословно гоголевские формулы, заверожившие целые поколения литературоведов.

Совсем недавно, в начале XXI века, О.А. Садакова в работе с красноречивым названием «Поэзия, разум и мудрость: мысль Александра Пушкина» сочувственно процитировала своего предшественника, С.Л. Франка, более полувека назад отметившего **полнейшую неизученность** Пушкина-мудреца, Пушкина-мыслителя и заметила: «...Ум в русской культуре не приветствуется ни начальством, ни обществом. Бытовое презрение к «умным» и уму поражает иностранцев, живущих в России» [Садакова О.А. Апология разума. 2-е изд., испр. – М.: Русский путь, 2013. – С. 55]. Показательно, что в прекрасной книге Л.Г. Фризмана «Семинарий по Пушкину» [Фризман Л. Семинарий по Пушкину. – Харьков, 1995] среди проблем пушкиноведения («Пушкин и русская литература», «Пушкин и мировая литература», «Пушкин и искусство», «Пушкин и религия», «Пушкин и наука его времени») проблема «Пушкин и философия» отсутствует.

Многие исследователи, однако, отмечали колоссальный **интеллектуальный** потенциал пушкинского наследия. В 1990 г. вышел сборник «Пушкин в русской философской критике», – работы выдающихся русских мыслителей «серебряного века». «Пушкин – не только величайший русский поэт, но и истинно великий мыслитель», – утверждает русский философ и пушкинист С.Л. Франк (1877-1950) [Франк С.Л. О задачах познания Пушкина. – Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. в. 527 с. – М., 1990, с. 426]. «...бессмертный Пушкин по объему ума стоит еще неизмеримо выше, нежели по силе вдохновения», – замечает В.В. Розанов [Пушкин в XXI веке. Сб. научн. работ. Сост. В.Г. Петров. – М., 2006, 356 с. – с. 76]. «Природа, кроме поэтического таланта, наградила его изумительной памятью и проницательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадала для него на целую жизнь. Его голова, как хранилище разнообразных сокровищ, полна была материалами для предприятий всякого рода», – вспоминает о Пушкине его близкий друг П.А. Плетнев [Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. – Языки русской культуры. – М., 2000. – 144 с. – С. 123-124].

«Изумительный эрудит-энциклопедист, думающий мозгом веков», – так пишет о Пушкине литературовед Д.П. Якубович [Якубович Д. Иностранные влияния, заимствования у Пушкина. – Путеводитель по Пушкину. – СПб., 1997, с.169]. Ю.М. Лотман указывает на глубину пушкинской мысли, «до сих пор позволяющую видеть в нем **не только гениального художника, но и величайшего мыслителя**» [Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. «Евгений Онегин». Комментарий. – СПб., 2005, с. 299]. «...никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли – бывало, забьет их совершенно», – вспоминает А.О. Смирнова-Россет [Пушкин в воспоминаниях современников. – Том второй. – СПб., 1998, с. 163]. «Пушкин был необыкновенно умен. Если он чего и не знал, то у него чутье было на все», – говорил Н.В. Гоголь В.Н. Репниной. «Человек свободной мысли, не принимающий схематизма, односторонности и идейного «пристрастия» (*«Истинное просвещение беспристрастно»*; XI, 33) Пушкин становится в глазах современников знаковой фигурой, символом русского интеллектуализма», – замечает Л.И. Вольперт [Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. Предисло-

вие Гречаной Е.П.. Издание второе, исправленное и дополненное. Интернет-публикация. – Тарту, 2010, с. 38].

Вполне понятно, что столь мощный интеллект не может быть чужд философии (напомню, что дословный перевод этого греческого слова – любовь к мудрости). Как бы часто ни цитировали знаменитый пассаж из письма Пушкина Дельвигу (март 1827 г.), – о немецкой метафизике («Бог видит, как я ненавижу и презираю ее»), – этот единичный отзыв все же не исчерпывает проблемы. К тому же болдинской осенью, всего три года спустя, Пушкин напишет о необходимости философии для писателя (точнее – для драматурга): «Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. Свобода» [СС, т. 6, с. 316]. Обратите внимание: философия – на первом месте!

«Все нити человеческой культуры стягиваются к тому пункту, где на одном и том же месте должны стоять и поэт, и философ... **Руководящая идея романтизма – полное слияние поэзии и философии**» [Виндельбанд В. От Канта до Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. – М., 1998, с. 270] – пишет об эпохе Пушкина и Гёте немецкий философ-кантланец В. Виндельбанд. В наиболее совершенных произведениях Пушкина этот синтез достигнут, поэтому так трудно, почти невозможно отделить в них философию от поэзии: «Замечательную особенность Пушкина составляет то, что у него нельзя рассмотреть, где кончается вдохновение и начинается анализ, где умолк поэт и говорит философ... У Пушкина не видно никаких швов и сшивок в его духовном образе. Слитность, монолитность – его особенность» [Розанов В.В. А.С. Пушкин. – Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. в. 527 с. – М., 1990, с. 171].

«Кто говорит «поэт», обязательно говорит в то же время «историк» и «философ». Гомер включает в себя Геродота и Фалеса. Шекспир – такой же человек о трех лицах», – пишет В. Гюго [Гюго В. Собр. соч. в 15 т. – т. 14, М., ГИХЛ, 1956, с. 262]. Все это верно и применительно к Пушкину.

Нет ничего более ошибочного, чем недооценка пушкинской философичности, его интеллектуальной силы. «Малерб ныне забыт подобно Ронсару, сии два таланта, истощившие силы свои в усовершенствовании стиха.... Такова участь, ожидающая писателей, которые некутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его....», – замечает сам Пушкин [СС, т. 6, с. 363]. Итак, истинная жизнь поэтического слова сосредоточена, по Пушкину, не в «наружных формах»; она зависит не столько от строфики, эвфонии, размера и тому подобного, сколько от МЫСЛИ поэта [2]. Неодобрительно отзывается он о гладких стихах без мысли в песне модной.

Пушкин написал о том, что поэзия должна быть глуповата, но не любил незрелых, неумных поэтов: «Моложавые мысли, как и молодежавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное». В.А. Жуковский писал о нем: «Когда ему было восемнадцать лет, он думал как тридцатилетний человек: ум его созрел гораздо раньше, чем его характер. Это часто поражало нас... еще в лицее» [цит. по: Евгений Винокуров. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М., 1976, с. 363]. Император Николай I назвал Пушкина умнейшим человеком России.

Искусство есть мышление в образах, – что если исследовать modus operandi поэта, рассмотреть, как именно он мыслит? К какой же именно философской системе наиболее близок склад пушкинского мышления? – Автор постарается доказать, что его зрелое творчество родственно классической немецкой философии, т.е.

системе, которая в первой трети XIX в. представляла собой венец и итог европейского философского развития. «В просвещении встать с веком наравне», – вот какова была цель Пушкина, вполне им достигнутая. Итак, центральная часть работы посвящена связям пушкинского наследия с классической немецкой философией, – Кантом, Шеллингом, Гегелем.

Зрелое творчество Пушкина – это художественное воссоздание **динамической картины мира**, заменившей статичный мир античности и средневековья. В области философии таким воссозданием является классическая немецкая философия, в частности – диалектика Гегеля [Панич А.О. История диалектики. Диалектика в западноевропейской культуре. – Донецк, 1998].

«Идея века, интуиция века доходит до большого художника даже в том случае, если он на дух не переносит философские книги», – пишет современный российский историк искусства А.К. Якимович [Якимович А.К. Магическая вселенная. Очерки по искусству, философии и литературе XX века. – М., 1995, с. 84]. Подобную этой мысль сформулировал некогда Гёте в разговоре с Эккерманом: «Кант и на вас повлиял, хотя вы его не читали. Теперь он вам уже не нужен, ибо то, что он мог вам дать, вы уже имеете» [Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – Ереван, 1988, с. 225-226].

Разумеется, не следует понимать дело таким образом, что Пушкин штудировал Канта или Гегеля, а потом облакал их философские построения плотью художественных произведений! Речь идет совсем о другом: о способе мыслить, о **принципах мышления, воплощенных в форме поэтического произведения** [Седякова О.А. Музыка. Стихи и проза. – М., 2006, с. 420]. **Сонатная форма**, воплощенная, в частности, в романе «Евгений Онегин», в трагедии «Моцарт и Сальери» и в поэме «Медный всадник», свидетельствует о **диалектическом** складе пушкинского мышления, который мог сформироваться имманентно, вне специальных философских штудий. Если выдающиеся музыковеды (Б.В. Асафьев, Т.В. Чередниченко) пишут о **философской** нагруженности **музыкальной** формы, то насколько актуальной должна быть эта проблематика в самом интеллектуальном из искусств – в искусстве слова! И эта **пушкинская** диалектика оказывается родственной **гегелевской** диалектике, – вопреки декларированным ненависти и презрению к *немецкой метафизике*.

Причем это диалектическое, – динамически сопрягающее противоположности, – мышление воплощается не только в шедеврах первого ранга, – «Моцарте и Сальери», «Медном всаднике», – но даже в краткой записи из записной книжки (1831 г.):

„Stabilité – premier condition du bonheur public.

Comment s'accommode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?

(Устойчивость – первое условие общественного благополучия.

Как она согласуется с непрерывным совершенствованием?)

[СС, т. 7, с. 301-302].

«**Пушкин был великим диалектиком** в творчестве и в теории искусства. С безошибочным тактом он умел синтезировать никем не предвиденную новизну реалистического содержания и формы с той верностью уже давно сложившимся формам, которая одинаково далека и от эстетического нигилизма, расплавляющего все формы в смутности новых замыслов, и от косного педантства, не понимающего, каким образом новое вино следует наливать в новые мехи», – пишет философ В.Ф. Асмус в работе «Пушкин и теория реализма» [Асмус В. Вопросы теории и истории эстетики. Сб. статей. – М., 1968, с. 359; курсив мой – А.П.].

«Мысль Пушкина «философски объемна» [Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992, Т. II, с. 407] и двуполярна, контрастна», – утверждает С.Г. Бочаров [Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. – М., 1999, с. 53].

В библиотеке поэта – 45(!) книг по философии, в том числе труды Платона, Фихте, Гоббса, Ларошфуко, Лейбница, Монтеня, Монтескье, Паскаля, Сенеки, Вико и наполовину разрезанная монография о системе Канта [Schon L.F. Philosophie transcendante, ou Systeme d'Emmanuel Kant. – Paris, 1831 (402 стр.)]. [Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. – СПб., 1910].

Гегель, утверждавший, что **истинное (das Wahre) – это целое (das Ganze)**, рассмотрел всю историю предшествовавшей ему философии как путь к своей собственной, глобальной и всеобъемлющей, системе. И в таком же отношении, как Гегель к предшествовавшей ему философии, – находятся Пушкин и Гете к предшествовавшей им европейской (и не только европейской) литературе.

В.В. Виноградов в своем классическом исследовании пушкинского стиля указывал, что «в творчестве Пушкина с начала двадцатых годов разнообразные стили мировой литературы представляли боевой арсенал освоенных поэтом художественных форм, служивших ему прекрасным орудием для реалистического воспроизведения разных эпох и разных сторон действительности. При посредстве их поэт воплощал, а иногда и пародировал сложнейшие темы и сюжеты. Художественное мышление Пушкина – это мышление литературными стилями, все многообразие которых было доступно поэту». Исследователь называет среди использованных Пушкиным стилей стили Библии, Корана, Байрона, Шенье, Горация, Овидия, Вордсворта, Шекспира, Мюссе, Беранже, Данте, Петрарки, Хафиза и заключает: «Пушкин доказал способность русского языка творчески освоить и самостоятельно, оригинально отразить всю накопленную многими веками словесно-художественную культуру Запада и Востока» [Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941, с. 484].

Родственную этой мысль формулирует Е.Г. Эткинд, сопоставляя творчество поэта и любимый им Петербург:

«Возникший на дикой почве финских болот и лесов Петербург – детище не только природы, но и культуры. Пушкин – в этом отношении похож на Петрову столицу: он пришел в поэзию после западноевропейской литературы, формировавшейся – если говорить только о новом времени – с конца XV по начало XIX века. Он строил свое искусство, как Петр Великий строил Петербург: из элементов всемирной, уже зрелой культуры» [Эткинд Е.Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – М., 1999, с. 97].

«**Строительство новых смыслов из чужого материала**», – так характеризуют творческий метод зрелого Пушкина А.Л. Осоват и Р.Д. Тименчик [Осоват А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальную повесть сохранить...» – М., 1985. – С. 284].

«Пушкин вырос из каждого поочередно владевшего им гения, – как бабочка вылетает из прежде живой и нужной и затем умирающей и более не нужной куколки», – замечает В. Розанов [Розанов В. А.С. Пушкин. – Пушкин в русской философской критике. – с. 167]. Вот что пишет сам Пушкин: «*Талант неволен и его подражание (гению) не есть постыдное похищение – признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство, в смиренности своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь*» [СС, т. 6, с. 135].

В письме П.Я. Чаадаеву (1836 г.) Пушкин характеризует деятельность Петра I: «... **Pierre le Grand qui à lui seul est une histoire universelle**» [СС, т. 10, с. 286] (Петр

Великий, который один есть всеобщая (дословно – универсальная, **вселенская**) история). Еще в конце позапрошлого века Д.С. Мережковский написал, что Пушкин – это ответ России на явление Петра I. Подобно тому, как Петр один есть всеобщая (universelle) история, великий поэт один есть всемирная литература.

Первая глава этой книги посвящена связям Пушкина с почвенным для него французским скептицизмом восемнадцатого века и эволюции его религиозно-философских воззрений в сторону немецкого идеализма. Вторая глава, – центральная часть исследования, – имеет целью показать соответствия пушкинской мысли воззрениям создателей классической немецкой философии Канта, Шеллинга и Гегеля. Третья глава посвящена некоторым аспектам обширной проблемы «Пушкин и Гете».

Синтезировав наивысшие достижения своего времени, «в просвещении встав с веком наравне», Пушкин (подобно Леонардо, Гёте, Моцарту) многое предвосхитил в будущем. Этим прозрениям посвящена Глава 5, а в Главе 4 сказано о связях пушкинского творчества с творчеством его современников, а также с наследием философов и писателей античности, средневековья, Возрождения и XVII-XVIII вв.

Внимательный читатель этой книги заметит, конечно, некоторое количество повторов. Они обусловлены тем, что книга сложилась из отдельных работ, написанных в разное время. Каждая из них имеет свою тему и композицию и может быть воспринята независимо от прочих. Одни и те же свидетельства и цитаты входят в различные смысловые контексты. Автор позволил себе повторы еще и потому, что помнил о желающих прочесть только некоторые разделы, – ведь не у каждого читателя есть возможность прочитать книгу целиком.

Автор считает приятным долгом выразить глубокую признательность своим учителям — пианистам Ольге Ароновне Ходорковской и Юрию Петровичу Глушенко, первым читателям рукописи — главному редактору журнала «Русский язык и литература в учебных заведениях» (в котором были опубликованы работы, впоследствии вошедшие в книгу), доктору филологических наук Владимиру Яновичу Звизняцковскому, Юлии Борисовне Борковской, Наталье Филипповне Измоденовой, Николаю Ивановичу Жарких, Вадиму Михайловичу Шаншейну, а также глубокоуважаемым рецензентам — кандидату философских наук, доценту Ларисе Наумовне Проскуликовой, академику АН Украины, доктору философских наук, профессору Мирославу Владимировичу Поповичу, доктору философских наук Алексею Константиновичу Шевченко и поблагодарить их за ценные советы и замечания.

Особая благодарность за ободрение и поддержку — выдающемуся поэту и замечательной пушкинистке Ольге Александровне Седаковой.

ГЛАВА 1.

«Ум ищет божества...»:

Эволюция религиозно-философских воззрений Пушкина от французского скептицизма к немецкому идеализму

Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют. Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. односторонность есть пагуба мысли.

А.С. Пушкин

Введение

Цель этого раздела – реконструкция философских воззрений Пушкина **в их развитии и становлении**.^[3] В продолжение его жизни эти воззрения изменялись очень сильно, – тем интереснее проследить движение мысли поэта!

Становление мировоззрения Пушкина связано с годами его отрочества. Поэт начал писать на французском языке; первыми его опытами были маленькие комедии в духе Мольера [Анненков, 1984: с. 42]. Общеизвестно, что французский язык был его вторым родным языком, а его библиотека состояла преимущественно из французских изданий. Франция упоминается в его сочинениях несколько тысяч раз, намного чаще любой другой страны [Вольперт, 2010: с. 13]. *«В начале 18-го столетия французская литература», – по собственным словам поэта, датированным 1834 годом, – «обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние»* [СС, т. 6, с. 362]. На самого Пушкина она, действительно, имела влияние *долгое и решительное*. В продолжение многих лет он читает и перечитывает Мольера, Расина, Монтеня, Лабрюйера, Паскаля. Кумир его юности – Вольтер [Томашевский, 1960: с. 123; Вольперт, 2010: с. 38]. Прежде, чем обратиться к проблеме «Пушкин и Вольтер», скажем несколько слов о влиянии идеи Эпикура на французских мыслителей XVIII в., внимательным и увлеченным читателем которых был юный поэт.

Эпикур в рецепции французов XVIII в. и Пушкин

В пушкинском «Современнике» в 1836 г. была опубликована статья «Французская Академия», содержащая перевод речи драматурга Скриба. Знаменитый комедиограф говорит о французском обществе XVIII в.: «Хотите ли узнать общество осмнадцатого столетия? Это общество щегольское и остроумное, рассудительное и скептическое, которое верило не в Бога, а в наслаждения...» [СС, т. 6, с. 112].

Один из французских лигеров XVIII века, Станислав де Буфлер, в некогда знаменитой философской сказке «Алина, королева Голконды» замечает: **счастье – это устоявшееся наслаждение**. «Удовольствие – объект, цель и долг всех разумных существ», – утверждает Вольтер. О любви французов XVIII в. к удовольствиям красноречиво пишет Пушкин в «Арапе Петра Великого»: *«По свидетельству всех исторических записок ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастью, не имели тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен. На ту пору явился Law; алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянностью; имения исчезали; нравственность гнила; французы смеялись и рассчитывали, и государство распалось под игривые припевы сатирических водевилей.*

Между тем общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, всё, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью» [СС, т. 5, с. 7-8].

Во Франции XVIII в. эпикурейские идеи приобретают широчайшее распространение. Яркий пример – сочинение Фонтенеля "О счастье". Вот как характеризует эту эпоху современный исследователь: «Глубокие изменения претерпевают постепенно представления о счастье и о нравственности. В литературе и философии намеренно сблизаются и связываются такие традиционные противоположности ригористического мировоззрения, как "добродетель" и "наслаждение", высказываются давно уже не слыханные мысли о том, что истинная добродетель не сурова, не жестока, но человечна, нежна и сочувственна, поскольку она полагает своей целью сделать человека счастливым и доставлять ему чистую и светлую радость жизни. Эти настроения высказал Сент-Эвремон, мыслитель и поэт конца XVII столетия: "Счастливый человек – это виртуоз, который не просто проживает свою жизнь, а создает ее, как художник создает произведение искусства"; "Нужно забыть времена, когда достаточно было быть суровым, чтобы быть добродетельным... люди деликатные называют удовольствием то, что люди грубые и неотесанные называли пороком". Приятие земного человеческого счастья, разумного, "просвещенного" наслаждения – это, пожалуй, основной тон и главный итог Предпросвещения. "Любовь к наслаждению невинна и естественна", – заявил Дюпой Лашапел в своих "Диалогах о наслаждениях и страстях" (1717), и эти слова могли бы стать девизом лучшей части французского образованного общества в первые десятилетия века [Якимович А.К. Об истоках и природе искусства Ватто. – Западноевропейская художественная культура XVIII века. Под ред. проф. А. Чегодаева. – М., 1980; сокращенный вариант текста см. Пустовит А.В. История европейской культуры. – К., 2004, с. 250-257; см. также Александр Якимович. Новое время. Искусство и культура XVII – XVIII веков. – СПб., Азбука-классика, 2004].

Эпикурейство юного Пушкина хорошо исследовано. Еще М.Г. Гофман отметил, что в его юношеских стихотворениях часто встречается красноречивая рифма счастье — сладострастье [Гофман М.Г. Пушкин. Психология творчества. – Париж, 1928. – 219 с. – С. 211]. В самом деле, она присутствует в стихотворениях "Фавн и пастушка" (1816), "Не спрашивай, зачем унылой думой..." (1817), "Жуковскому" (1818), "О. Массон" (1819) и в поэме "Кавказский пленник" (1820-1821). Отметим, что эта "эпикурейская" рифма присутствует и у одного из наиболее талантливых предшественников Пушкина — у высоко им ценимого К.Н. Батюшкова ("Мои пенаты" (1811-1812), "К Жуковскому" (1812), "К другу" (1815)).

Одно из "эпикурейских" стихотворений поэта написано в 1817 г. и обращено к Николаю Ивановичу Кривцову (1791-1841), офицеру, герою Бородине:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венки,
Лишний миг у верной лени,

Круговой нальем сосуд —
 И толпою наши тени
 К тихой Лете убегут.
 Смертный миг наш будет светел;
 И подруги шалунов
 Соберут их легкий пепел
 В урны праздные пиров.

[СС, т. 1, с. 50]

В. Ходасевич заметил (в статье о «Гавриилиаде», 1918) по поводу этого стихотворения: «Из лицейских стихов Пушкина во многих, посвященных вину и любви, чаще всего под конец, как изящная виньетка, является смерть. **По существу эти стихи опасней „Гавриилиады“: нужно было подлинное „безверие“, чтобы написать их; в них есть сознательный вызов,** — хотя бы, например, в стихотворении „Кривцову“» [Ходасевич В. Собрание сочинений в четырех томах. — М.: «Согласие». — 1996-1997. — Т. 2. — 1996. — 461 с. — С. 75].

Вызов — в эпикурейском (в философском смысле слова) отношении к смерти, описанном А.Ф. Лосевым (в его характеристике подлинного греческого эпикуреизма) как «удивительное бесстрашие перед смертью, даже, можно сказать, вызывающее бесстрашие, это эстетическое кокетство со смертью, какое-то гордое повертывание спиною и аристократическое презрение к этому вульгарному, уличному, бездарно-демократическому явлению» [Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. — М., 1979, с. 304]. Знаменитая мысль Эпикура о том, что смерть не имеет к нам отношения, потому что ее нет, пока мы есть, и наоборот (и, следовательно, абсурдно бояться того, с чем никогда не встретишься), — эта мысль является антихристианской, так как отрицает бессмертие души.

«**Необычная ситуация погребальной веселости,** — отмечает М.Ф. Мурьянов, — **наблюдается в целом цикле стихотворений юного Пушкина**» [Мурьянов М.Ф. Пушкинские эпитафии. — М., 1995, с. 60]. Например, в стихотворении 1815 г. «Мое завещание. Друзьям»:

Хочу я завтра умереть
 И в мир волшебный наслажденья,
 На тихой берег вод забвенья,
 Веселой тенью отлететь...
 Пускай веселье прибежит,
 Махая резвою гремушкой,
 И нас от сердца рассмешит
 За полной пенистою кружкой...
 В последний раз, томимый нежно,
 Не вспомню вечность и друзей;
 В последний раз на груди снежной
 Упьюсь отрадой юных дней!

.....
 На тихой праздник погребенья
 Я вас обязан пригласить;
 Веселость, друг уединенья,
 Билеты будет разносить ...
 Стекитесь резвою толпою,
 Главы в венках, рука с рукою,

И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет Юноша-Мудрец,
Питомец Нег и Аполлона».

[Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 тт.
– М., 1937—1949. – Т. 1. – 531 с. – С. 126-128].

В начале 1818 г. Н.И. Кривцов уезжал в Англию. Пушкин подарил ему на прощанье экземпляр поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» с надписью на книге: «Другу от друга» и в книгу вложил листок с посланием, в котором адресат прямо назван эпикурейцем (Гессен А. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. – М., 1965, с. 118-120):

Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!

[СС, т. 1, с. 56]

Отголоски эпикурейской доктрины слышны и в поздних произведениях Пушкина. В очень позднем пушкинском тексте (1835 г., «Мы проводили вечер на даче...») читаем: «Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастья купить? Посудите сами: первый шалун, которого я презираю, скажет обо мне слово, которое не может мне повредить никаким образом, и я подставляю лоб под его пулю, – я не имею права отказать в этом удовольствии первому забияке, которому вздумается испытать мое хладнокровие. И я стану трусить, когда дело идет о моем блаженстве? Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями! И что в ней, когда наслаждения ее истощены?» [СС, т. 5, с. 447].

В том же 1835 г. написана неоконченная повесть «Египетские ночи», в которую обычно включают стихотворный текст о Клеопатре «Чертог сиял...», датированный 1828 г. (СС., т. 5, с. 558-559). Один из любовников Клеопатры, Критон, – эпикуреец: «...Критон, молодой мудрец, рожденный в рощах Эпикура...» [СС, т. 5, с. 238].

Этот совершенно эпикурейский (смерть среди наслаждений) сюжет о любовниках Клеопатры, заплативших жизнью за ночь любви, очень интересовал поэта. Пушкин обдумывал его более десяти лет (1824-1835) и обращался к нему трижды (стихотворение 1824 г., стихотворение 1828 г., повесть «Египетские ночи» (1835 г.)) (см. в Гл. 4 «Философская проблематика “Тамлета”...).

Пушкин и Вольтер

Проблема «Пушкин и Вольтер» изучена глубоко и основательно [Заборов, 1978: с. 174-189. См. Также: Пушкин. Исследования и материалы. XVIII-XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – СПб., «Наука», 2004. – 445 с. Статья Б.В. Томашевского и Л.И. Вольперт “Вольтер” (с. 85-88)].

Литературу вопроса см. в монографии Ларисы Ильиничны Вольперт [Вольперт, 2010]. Кратко изложим то, что относится к философскому аспекту этой обширной проблемы. Уже в Лицее (1815 г.) поэт написал философский роман «Фатам» по образцу сказок Вольтера. Роман не сохранился. В 1817 г. Пушкин перевел стансы

Вольтера «*Si vous voulez que j'aime encore...*» (*Ты мне велишь пылать душою*) [СС: т. 1, с. 480-481], – прекрасный образец его философской лирики. Борис Владимирович Томашевский в классическом исследовании «Пушкин и Франция» пишет о восторженной оценке юным поэтом вольтеровского творчества, об увлечении его поэмой «Орлеанская девственница» [Томашевский, 1960: с. 123]. Л.И. Вольперт утверждает, что «Философские повести» Вольтера стали для юного Пушкина истинной школой мысли [Вольперт, 2010: с. 38]. В 1824 г. в письме к П.А. Вяземскому Пушкин пишет о вольтеровской философии истории: «... *Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории*» [СС, т. 9, с. 100].

Вольтер
Рисунок Пушкина ГЕССЕН, С. 121

П.А. Катенин в воспоминаниях о Пушкине пишет о том, что юный поэт «слишком жаловал» Вольтера: «По связям своей юности, слыша от всех близких одно и то же, он на веру повторял; но когда вступил в свет и начал ходить без помочей, на собственных ногах, встречая много людей, мыслящих каждый по-своему, он, как умный человек, тотчас сбросил или хоть скрыл односторонность чужих внушений и приметно старался, угождая каждому, со всеми уладить. Несмотря, однако, на врожденную ловкость, необходимо случилось ему впадать в противуречия с самим собою; я в шутках называл его за это *le jeune Mr. Arouet* [4]; сближение с Вольтером (как известно, Вольтер — псевдоним; настоящее имя писателя было Франсуа Мари Аруэ, Arouet — *А.П.*) и каламбур: *a rouer*, где бранное слово, как у нас *лихой, злодей* и тому подобное, принимается в смысле лъстивом, крайне тешили покойника, и он хохотал до упада» [Пушкин в воспоминаниях современников. – В двух томах. – Т. 1. – СПб. : Академический проект. – 1998 – 528 с. – С. 182].

Пушкин хорошо знал не только Вольтера, но и его предшественников, – так сказать, наследников и последователей Монтеня и Декарта, – Ларошфуко и Лабрюйера. Библиотека отца поэта состояла из французских писателей XVII-XVIII вв. Все это Пушкин, по свидетельству его младшего брата, прочитал в детстве, и, благодаря своей необыкновенной памяти, многое запомнил. Его лицейское прозвище, – Фран-

пуз, – дает понять, что превосходное знание французского языка и литературы выделяло его даже среди аристократических воспитанников привилегированного учебного заведения. **Вряд ли будет ошибкой предположить, что юношеский скептицизм Пушкина – результат внимательного изучения французских скептиков XVI–XVIII вв.** Впрочем, и к Монтеню, и к Лабрюйеру, и к Ларошфуко, и к Вольтеру поэт возвращался в более позднем возрасте. В его библиотеке были «Опыты» Монтеня в четырех томах (парижское издание 1828 г., Библиотека Пушкина № 1185), – все четыре тома разрезаны от начала до конца! В письме к жене (сентябрь 1835) он просит прислать ему эти книги в Михайловское (о проблеме “Пушкин и Монтень” см. также Гл. 4). Том сочинений Лабрюйера, Ларошфуко и Вовенарга (парижское издание 1826 г., Библиотека Пушкина №1057) тоже разрезан до конца [Модзалевский, 1910].

Скептицизм юного Пушкина: ирония, пародия, атеизм

Скептицизм юного Пушкина воплощается, в частности, в его склонности к пародии и в его иронии. И то, и другое ярко окрашивает и «Руслана и Людмилу», и «Гавриилиаду», и первую главу «Евгения Онегина»: «Будучи скептической по своей природе, ирония чужда литературам, ориентированным на неизблемую иерархию ценностей, как чужда она была и христианскому сознанию» [Литературный..., 1987: с. 132].

Почвенный для Пушкина литературный стиль – французский классицизм XVII–XVIII вв. с его строгой жанровой иерархией – разделением на высокий и низкий жанр, – предрасположен к пародии просто вследствие дуалистической структуры: один и тот же сюжет может быть воплощен как в высоком, так и в низком жанре. Например, ода принадлежит высокому жанру, а комическая пародия на высокое – низкому. Именно во французской литературе этой эпохи находим классические образцы таких иронически сниженных пародий, – «Вергилий наизнанку» Поля Скаррона (послуживший образцом для многих позднейших европейских поэтов, в частности, для украинца Ивана Котляревского), «Орлеанская девственница» Вольтера, «Война богов» Парни. **Литературный аналог скептического изостенни – пара ода-пародия.** Такие пары часто встречаются у Пушкина, – например, «Медный всадник» – «Сказка о рыбаке и рыбке» [Эпштейн, 1996], «Каменный гость» – «Гробовщик», «Моцарт и Сальери» – «Выстрел» [Пустовит, 2009, 2011a].

Особенность Просвещения – весьма противоречивое отношение к религии. Хотя большинство просветителей проповедовало лишь рационализацию и ограничение культовой практики, именно они открыли путь распространению атеизма [см., например, Ерофеева, 2010: с. 91-92]. Многие французские писатели XVIII в. отходят от традиционного христианского мировоззрения, склоняясь к деизму и даже к атеизму. Именно поэтому становятся возможными такие пародирующие Библию антикатолические сочинения, как упомянутые «Орлеанская девственница» Вольтера и «Война богов» Парни. Юный Пушкин, холодный скептик и вольтерьянец, пишет в 1821 г. «Гавриилиаду». Его наставник, образец и вдохновитель (впрочем, не атеист, а деист) Вольтер особенно резко нападает на религиозные догмы: он усматривает в них корень религиозной нетерпимости, несвободы, преследований и несправедливости.

Одно из свидетельств пушкинского юношеского скептицизма – знаменитое стихотворение «Демон» (1823 г.) [СС: т. 1, с. 212]. Мария Наумовна Виролайнен пишет о пушкинском «табу на самокомментирование» [Виролайнен, 2003: с. 443]. Однако этому стихотворению поэт придавал настолько большое значение, что два года спустя

прокомментировал его, – и в этом комментарии **описал механизм возникновения скептического сомнения** [СС: т. 6, с. 233]. Анна-Луиза де Сталь, по книге которой «О Германии» Пушкин знакомился с творчеством Гёте, замечает: «Мефистофель сам соглашается, что сомнение исходит из ада и что демоны – это те, которые отрицают». Мы вполне согласны с М. Виrolайнен, подчеркивавшей скептическую природу **богоборческого сюжета** в новоевропейской культуре [Виrolайнен, 2003: с. 381].

Директор Царскосельского лицея Егор Антонович Энгельгардт пишет в 1816 г. о семнадцатилетнем Пушкине: «...его ум, не имея ни пронизательности, ни глубины, совершенно поверхностный французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце» [Летопись жизни..., 1991: с. 108]. Текст тем более красноречивый, что это черновые, не предназначенные для постороннего взгляда, заметки. Когда скептицизм, вопреки завету Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых основоположений I, 22-24), распространяют на сферу **явлений, претерпеваний**, он не совместим ни с любовью, ни с верой. Любовь и вера предполагают **предпочтение** единственного объекта множеству других, скептик же, в силу равносильности (изостении) противоположного, может предпочесть **не выбирать** рационально. Если же **сомнение** понимается слишком расширительно, он может отказаться также и пассивно следовать явлению – любовной страсти, например. Потому «практический» скептицизм часто и предстает как бесчувственность (хотя классическая изостения касалась лишь «догм», а не «явлений»).

В 1823 г. (год написания «Демона») Пушкин начинает свое центральное произведение – роман в стихах «Евгений Онегин». Онегин первой главы – скептик: «В современных историко-литературных исследованиях справедливо подчеркивается, что движущей силой этого произведения является ирония романтизма, которая преподносит нам одну и ту же вещь с противоречивых точек зрения – то гротескно, то серьезно, то одновременно и гротескно и серьезно. Эта ирония есть отличительная черта проникнутого безнадежным скептицизмом героя...» [Якобсон, 1987: с. 220].

В заключительной, восьмой главе романа в стихах автор сам пишет о близости образа Онегина (еще не влюбленного) к Демону:

XII

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже Демоном моим.

«...*Метафизического языка у нас вовсе не существует*», – сетует Пушкин в заметке «О причинах, замедливших ход нашей словесности» [СС: т. 6, с. 230]. Тем заметнее то обстоятельство, что в его русских текстах слова «скептик», «скептицизм» и «скептический» встречаются чаще, чем какие бы то ни было другие философские термины [Словарь языка Пушкина, 1956-1961: т. 4, с. 138-139]! Он называет скептиками «Монтаня» (т.е. Монтезя), Вольтера, «Дидерота» (т.е. Дидро), Делорма, Радищева, «Бея» (т.е. Пьера Бейля). Все они (кроме Радищева) – французы.

Вообще говоря, последовательный скептик должен безразлично относиться к противоположным суждениям Бог есть – Бога нет (т.е. должен одинаково сомне-

ваться в обоих). Сомнение в существовании Бога есть первый шаг к атеизму. Особенность пушкинского словоупотребления состоит в том, что для него смысл слова «скептический» близок к смыслу слова «атеистический». Например, знаменитое стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» сам автор называет «скептические куплеты» (*couplets sceptiques*) (письмо к Елизавете Хитрово – январь 1830 г.) [СС: т. 9, с. 285, подлинник по-франц.]. Стихотворение можно рассматривать как манифест не только скептицизма (**сомневающийся** ум), но даже богоборчества (власть воззвавшего из ничтожества определяется как враждебная).

Богоборческую трагедию Байрона «Каин» Пушкин в 1827 г. аттестует как скептическую поэзию: «*“Каин” имеет одну токмо форму драмы, но его бессвязные сцены и отвлеченные рассуждения в самом деле относятся к роду скептической поэзии “Чильд-Гарольда”*» [СС: т. 6, с. 242]. О первой главе «Онегина» сам автор пишет, что образцом для нее послужила шуточная поэма мрачного Байрона («Бепю»). Что касается дальнейших глав пушкинского романа, то Онегин постоянно сопоставляется со скептиком Чайльд-Гарольдом, – этим первым звеном в цепи разочарованных байронических героев-индивидуалистов [Гуревич, 2011: с. 35-36]. К концу 1824 г. относится запись Пушкина «Воображаемый разговор с Александром Ю». Император обвиняет поэта в атеизме, Пушкин защищается [СС: т. 7, с. 298]. В тексте речь идет о письме, написанном весной 1824 г. из Одессы, предположительно Вильгельму Кюхельбекеру: «*...читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю – пишу пестрые строфы романтической поэмы – и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он испустил листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'etre intelligent Createur et regulateur (что не может быть разумного Творца и правителя – фр.) – мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная*» [СС: т. 9, с. 91]. Это письмо сыграло большую роль в жизни поэта, – он был за него сослан из Одессы в Михайловское под надзор полиции.

Итак, в то самое время, как он берет уроки чистого атеизма, он читает Библию; и хотя «*предпочитает Гете и Шекспира*», все же «Святой Дух» ему «иногда по сердцу». Первая глава «Онегина» всецело посвящена главному герою, – скептику и едва ли не атеисту, но уже во второй появляется антагонист Онегина – Татьяна, верующая в Бога и *успокаивающая молитвой тоску волнующей души*. В 1827 г. Пушкин создает стихотворение «Ангел» [СС: т. 2, с. 105], связанное с «Демоном» 1823 г.; но в первом – единственный герой (дух отрицанья и сомненья), а в более позднем двое – демон из адской бездны и противостоящий ему ангел эдема.

Подобное «двоение» мыслей совершенно естественно для скептика, однако уже во второй половине 1827 г. Пушкин пишет, следуя, может быть, Паскалю: «*...скептицизм, во всяком случае, есть только первый шаг умствования*» [СС: т. 6, с. 7] (впрочем, еще Аристотель заметил, что сомнение есть начало мудрости). Каков же второй? – Можно предположить, что *вторым шагом умствования* должен быть **выбор** между двумя противоположными истинами. Вполне скептиком человек может быть только в ранней юности, – когда вся жизнь и все судьбоносные выборы еще впереди. Прожитая жизнь как бы то ни было **воплощает его выбор**.

Ольга Александровна Седакова замечает, что «первая причина, побудившая Пушкина отстраниться от атеизма, – не «зов сердца» или «муки совести», а потребность ума» [Седакова, 2006: с. 420]. «Ум ищет божества, а сердце не находит», – пи-

шет поэт еще в юношеском стихотворении «Безверие» (1817). Атеизм представлялся ему неудовлетворительным прежде всего в умственном отношении. «Не допускать существования Бога значит быть нелепее народностей, думающих по крайней мере, что мир покоится на носороге», – пишет Пушкин в 1827-1828 гг. [СС: т. 7, с. 301; подлинник по-франц.]. И так, не допускать существования Бога – прежде всего абсурдно, глупо. 1830 годом датируют еще один французский текст Пушкина, в котором поэт называет атеизм отвратительным и отвергаемым человеком [СС: т. 7, с. 300].

Пушкин и Паскаль

Можно предположить, что этот поворот от скептицизма (и связанного с ним атеизма) к религиозности связан с влиянием Блеза Паскаля. Проблеме «Пушкин и Паскаль» посвящены исследования Бориса Николаевича Тарасова [Тарасов, 2004: с. 447-461] и Ирины Захаровны Сурат [Сурат, 2005: с. 168-183]. Известно, что в поздние годы Пушкин дважды назвал Паскаля в ряду «истинно-великих писателей». В составе библиотеки поэта имеется наполовину разрезанное издание «Мыслей» Паскаля (Париж, 1829 г.; Библиотека Пушкина № 1248) [Модзалевский, 1910]. В первый же раз Пушкин упоминает и цитирует Паскаля в 1827 г., в статье «Отрывки из писем, мысли и замечания» [СС: т. 6, с. 17]. Как известно, исходный пункт философии Паскаля – скептицизм (пирронизм): см. «Мысли», фр. 170, 619, 658 [Паскаль, 1995: с. 126, 259, 265].

В книге Паскаля есть фрагмент, очень похожий на прозаическое изложение пушкинского стихотворения «Дар напрасный, дар случайный»: «Я не знаю, ни по чьей воле я в этом мире, ни что такое мир, ни что такое я сам; обо всем этом я в ужасающем неведении; я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа... я не знаю, ни откуда пришел, ни куда иду...» («Мысли», фр. 427) [Паскаль, 1995: с. 192]. Но если скептицизм есть *первый шаг умствования*, то Паскаль делает *второй*, – он выбирает Бога (знаменитое *пари Паскаля*: «Мысли», фр. 418).

Поворот к христианству

«Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир... История новейшая есть история христианства», – пишет Пушкин осенью 1830 г., рецензируя «Историю русского народа» Николая Полевого [СС: т. 6, с. 283-284]. После 1830 г. явственно обозначаются глубокие изменения в характере пушкинского творчества. Семен Франк пишет: «С конца 20-х годов до конца жизни в Пушкине непрерывно идет созревание и углубление духовной умудренности и вместе с этим процессом – нарастание глубокого религиозного сознания» [Пушкин в русской философской критике, 1990: с. 389-390]. Автобиографическая запись Пушкина на листе, на котором написано стихотворение «Пора, мой друг, пора...» (1834 г.), гласит: «Скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтич. – семья, любовь etc. – религия, смерть». И так, своеобразная программа жизненного пути, начертанная поэтом для самого себя, завершается совершенно недвусмысленно: *религия, смерть*. Правда, программа эта осталась невоплощенной.

Не следует, однако, забывать о том, что христианское богословие опирается на **догматы!** В поздние годы Пушкин далеко отошел от скептицизма своей юности, но **догматиком** он не был никогда. Вспомним Михаила Михайловича Бахтина:

«Односторонне серьезны только догматические и авторитарные культуры. Насилие не знает смеха» [Бахтин, 1979: с. 338]. Пушкин никогда не отрекался от смеха и всегда чувствовал отвращение к насилию.

Поэт действительности, зрелый Пушкин воплощает реальность как процесс, он отнюдь не разделяет присущего догматизму представления о неподвижности, неизменности и односторонности истины. В письме Михаилу Погодину (сентябрь 1832 г.) есть удивительное место, – поэт резко отрицательно отзываясь о современных ему французских литераторах: *«Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Beranger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, то есть истины...»* [СС: т. 10, с. 101].

«Жизнь, то есть истина!» Какая прекрасная формула! Но следует вспомнить и о другой пушкинской формуле – **вечные противоречия сущности** (см. авторский комментарий к стихотворению «Демон»). **Жизнь, т. е. истина, всегда противоречива.** Если истины поэзии существуют, то они воплощают противоречие и, следовательно, антидогматичны (см. Гл. 2).

Можно предположить, что более всего Пушкина привлекала этическая доктрина христианства. В позднем его творчестве все громче звучит призыв к милосердию и прощению. Рецензию на книгу итальянца Сильвио Пеллико «*Dei doveri degli uomini*» (Об обязанностях человека, 1836 г.) Пушкин начинает удивительными словами о Евангелии, которое в письме к Чаадаеву (19. 10. 1836) называет *восхитительным* (admirable) [СС: т. 6, с. 172]. Вникая в *тайну прекрасной души, тайну человека-христианина Пушкин выражает восхищение кротостью духа, сладостью красноречия и младенческою простотою сердца* итальянского писателя.

В знаменитом финальном стихотворении *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»* (1836 г.) читаем: *«И долго буду тем любезен я народу, что ... милость к падшим призывал».* Об этом же написаны «Выстрел», «Анджело» и «Капитанская дочка», – эти поздние произведения представляют собою гимны к милости. Юный Пушкин отнюдь не склонен прощать врагам. В письме к Вяземскому (1822 г.) он пишет о мщении *как об одной из первых христианских добродетелей* [СС: т. 9, с. 43]. В позднем же его творчестве все громче звучит призыв к милосердию и прощению. Поэт выходит на последнюю дуэль как мститель, но умирает как христианин, прощая своего врага и завещая своему секунданту Данзасу не мстить за него.

Одна из трудностей изучения Пушкина состоит в том, что он быстро эволюционирует от одной противоположности к другой – от мстительного язычества к гуманному христианству: «Пушкин завещал нам трудный подвиг равновесия ума и сердца, ответственности и беспечности, преодоления греха раскаяньем. Как головокружительно быстро он рос, превращаясь из повесы в мудрого мужа, и в несколько часов, от дуэли до смерти, созревая от рабства страстям до христианской кончины» [Шаховская, 1990: с. 1]. В поздние годы Пушкин очень не любил, когда при нем вспоминали «Гавририаду». Он изменил свое отношение к пародии.

От классицизма к романтизму: по направлению к немецкой классической философии

В 1834 г. Пушкин считает французскую философию XVIII в. несовместимой с поэзией, противоположной ей: *«Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу*

господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная [СС: т. 6, с. 365].

Зрелый Пушкин слишком глубоко чувствует поэтичность религии, чтобы не восстать против *холодной иронии и площадных насмешек* французского материализма XVIII века! В поздние годы он отдает предпочтение немецкой философии. Одним из косвенных свидетельств пушкинского знакомства с нею служит пассаж памфлета «Детская книжка» (начало 1830 г.): «...когда учитель бранил его за вокабулы, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузенья, Геерена, Нибура. Шлегеля и проч.». Шеллинг, Фихте, Шлегель – звезды первой величины.

Позднее находим уже не просто упоминание, но доброе слово о немецкой философии: «...влияние ее было благотворно: оно спасло нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалило ее от упительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!» («Путешествие из Москвы в Петербург», 1833-1834 гг.) [СС: т. 6, с. 339].

В еще более позднем тексте (1836 г.) находим еще одно доброе слово о «германской» философии: «Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно» [СС: т. 6, с. 124-126].

Интерес к Вольтеру проходит через всю жизнь поэта, однако суждение Пушкина сильно изменяется, – от юношеской восторженности не остается и следа. Признавая масштаб явления (*великан*) и не отказывая кумиру своей юности ни в обаянии, ни в одаренности (*неимоверное влияние*), Пушкин в 1834 г. отзывается об «Орлеанской девственнице» (названной им в 1818 г. святой библией харит) так: «...наконец и он (Вольтер – А. П.), однажды в своей жизни, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана...» [СС: т. 6, с. 365]. В «Последнем из свойственников...» поэт (**наконец отпущенный демоном смеха и иронии, которому и сам он долго приносил жертвы**) предъявляет кумиру своей юности очень серьезные претензии: «*Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлеющие в пепле мученического костра, и как пьяный дикарь пляшет около своего потешного огня. Он как римский палач присовокупляет поругание к смертным мучениям девы*» [СС: т. 6, с. 201]. Впрочем, еще в 1823 г. в стихотворении «Демон» [СС: т. 1, с. 212] насмешливость фигурирует как атрибут inferнальный.

В статье «Вольтер» (1836 г.) Пушкин характеризует французского мыслителя вполне амбивалентно: «*Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Клевета, преследующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей*» [СС: т. 6, с. 134]. В работе «Гёте и Пушкин» С.С. Аверинцев пишет об от-

ношении обоих поэтов к Вольтеру: «... Вольтер для обоих – антагонист... дух систематического рассудочного отрицания на вольтерьянский манер и для Гёте, как для зрелого Пушкина, принципиально неприемлем» [Аверинцев, 2005: с. 274].

Итак, продолжая ценить Вольтера-поэта и Вольтера-историка, Пушкин в поздние годы отстраняется от его философии и от его религиозных воззрений.

В 1834 г. Пушкину представляется совершенно неприемлемым классицистический творческий метод Вольтера-драматурга: «*Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии*» [СС: т. 6, с. 365].

Итак, еще один аспект философской эволюции поэта связан с его переходом от канонов классицизма (философским фундаментом которого была французская философия XVII-XVIII вв.) к воззрениям романтиков и реалистов. **Классицизм неподвижен и односторонен.** Трагическое и комическое, смешное и серьезное классицисты мыслят как неподвижные, противостоящие друг другу противоположности. Смешное только смешно, серьезное всецело серьезно. Смешивать их нельзя. Почему? – Потому, утверждает законодатель французского классицизма Буало, что это безвкусно. Классицистический канон требует от драматурга, чтобы характеры действующих лиц были неизменными и цельными. В юношеском стихотворении Пушкина «Наполеон на Эльбе» (1815) [СС: т. 1, с. 350-352] император-полководец охарактеризован поэтом однозначно отрицательно – «*губитель*» и «*хищник*»; то же в оде «Вольность» (1817):

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

[СС: т. 1, с. 46-47]

Юный Пушкин, ученик классицистов, мыслит неподвижными и однозначными **метафизическими абсолютами** (Свобода, Равенство, Любовь) [Эткинд, 1999: с. 371-372]. В 1834 г. взрослый поэт записывает суждение о мольеровских и шекспировских характерах: «*Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен*» [СС: т. 7, с. 178].

Взрослея, Пушкин начинает учиться у Байрона (первое знакомство с творчеством английского поэта – не позднее 1820 г.), после – у Шекспира. В своем восхищении Шекспиром Пушкин совсем не одинок: его восторженно изучают и Гёте, и Гюго, и немецкие романтики. От Вольтера к Шекспиру – так можно обозначить магистральное направление движения не только Пушкина, но всей вообще европейской литературы конца XVIII – начала XIX веков [Кагарлицкий, 1980]. Получив известие о смерти императора-полководца, Пушкин создает большое стихотворение «Наполеон», которое начинается так:

Чудесный жребий совершился:

Угас великий человек.

[СС: т. 1, с. 162]

В стихотворении «К морю» (1824) он сравнивает Наполеона с первым поэтом эпохи, Байроном, и называет гением. В том же 1824 г. В стихотворении “Недвижный страж дремал на царственном пороге” Пушкин (ученик Шекспира и современник Гегеля!) создает уже не односторонний, абстрактный, а конкретный (в том смысле, который вкладывает в этот термин Гегель), по-шекспировски многосторонний, образ Наполеона, отдавая должное его величию и его гению, но не забывая и о его преступлениях.

Поэт пишет об императоре: *«мятежной вольности наследник и убийца»*; наследник вольности – потому что возвышение Наполеона (выходца из низов) стало возможным только благодаря тому, что революция разрушила сословные перегородки; в феодальном обществе; сын корсиканского адвоката не смог бы стать первым лицом в государстве; *убийца вольности* – поскольку, взяв власть, Наполеон стал диктатором:

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного вельня,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

[СС: т. 1, с. 220]

Итак, осмысление Пушкиным фигуры Наполеона (самое позднее стихотворение в этом ряду – написанный болдинской осенью 1830 г. «Герой») – это движение от абстрактного (одностороннего) к конкретному (многостороннему, сложному, противоречивому) в полном согласии с гегелевской концепцией **восхождения от абстрактного к конкретному**. На этом пути абстрактное мышление классицистов, создававших односторонние непротиворечивые характеры, соответствует более низкой ступени, конкретное мышление Шекспира и его последователей – более высокой. Интересно, что это движение укладывается в **диалектическую триаду** по схеме тезис-антитезис-синтез:

Тезис	Антитезис	Синтез
Губитель, хищник, злодей	Гений, великий человек	«Мятежной вольности наследник и убийца»

Зрелому Пушкину всегда важно исследовать явление во всей истине, «выслушать и другую сторону». На диалектическое, по-гегелевски противоречивое мышление Пушкина-историка обратил внимание литературовед Натан Эйдельман [Эйдельман, 1984: с. 361]. Путь пушкинского гения – путь восхождения от бедных содержанием односторонних классицистических абстракций к подлинно конкретному, зрелому, диалектическому историческому мышлению, постигающему людей и события в их шекспировской многосторонности и противоречивости.

Еще в феврале 1826 г. в двух письмах, – к Антону Дельвигу и к Павлу Катенину, – Пушкин очень определенно высказался о классицистической односторонности. К Дельвигу – о восстании декабристов: *«Не будем ни суеверны, ни одно-*

ронни – как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира». В письме к П.А. Катенину он замечает: «**Односторонность есть пагуба мысли**».

Повзрослевший поэт очень хорошо понимает **опасность** односторонности и догматизма. Анализируя «Маленькие трагедии» (1830 г.), Юрий Михайлович Лотман показывает, что **одностороннее, абстрактное, догматическое мышление (безоглядное торжество идеи или принципа) ведет к преступлению**. Прежде чем отравить Моцарта, Сальери мысленно разделяет Моцарта-человека и его гений (это и есть **абстрактное мышление!**), заключает, что **такой** человек недостоин такого гения, – и только после этой мыслительной операции выносит смертный приговор. Об этом же, – о **развенчивании метафизических абсолютов** в зрелом творчестве Пушкина, – пишет Ефим Григорьевич Эткинд [Эткинд, 1999: с. 371-372]. **Истина не бывает абстрактной, истина всегда конкретна: Пушкин вполне разделяет это гегелевское убеждение!**

Созревание мышления поэта, движение его от абстрактного к конкретному, от классицизма через романтизм к реализму [Гинзбург, 1987: с. 58-75], от неподвижной и метафизической классицистической односторонности к парадоксальной и динамичной, подлинно диалектической многогранности художественного образа очень ярко воплотилось в шедеврах последних лет его жизни (1830-1836). Все помнят знаменитую максиму о гении и злодействе из трагедии «Моцарт и Сальери». Многие склонны воспринимать ее как абсолютную истину и выражение мнения автора. Между тем Пушкин в 1830 г. не мог так думать, – он слишком много знал о злодействах Наполеона и Петра Первого (обоих называл гениями). Антагонист злодея – не гений, а святой. «*Гений и злодейство – две вещи несовместные*», – это мысль пушкинского Моцарта, но не самого поэта. Другой персонаж трагедии действует в соответствии с противоположной истиной. Вспомним, что, по Гегелю, сущность трагической коллизии в том, что «обе стороны противоположности, взятые в отдельности, оправданны» [Аникст, 1983: с. 94-95]. Таким образом, трагический конфликт есть столкновение двух прав, двух точек зрения, каждая из которых вполне обоснована. Во многих зрелых произведениях поэта, – «Евгении Онегине», «Медном всаднике», «маленьких трагедиях», – можно видеть противостояние персонажей, у каждого из которых – своя правда; часто эти правды противоположны друг другу.

Цитируя знаменитый пассаж о немецкой метафизике («*Бог видит, как я ненавижу и презираю ее*») [СС: т. 9, с. 238-239] из письма Пушкина Дельбигу (март 1827 г.), пушкинисты обычно заключают, что поэт относился к немецкой классической философии резко отрицательно. Автор настоящего исследования придерживается иных воззрений. Слова о ненависти и презрении написаны в 1827 г., а уже в 1830 г. (год завершения «Маленьких трагедий») Пушкин пишет о необходимости философии для драматурга: «*Драматический поэт, беспристрастный, как судьба, должен был изобразить... глубокое, добросовестное исследование истины... Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою... Не его дело оправдывать и обвинять, подкапывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине... **Что нужно драматическому писателю? Философию** [sic! – А.П.]...» [СС: т. 6, с. 321, 316; курсив мой – А.П.]*

Что же это за философия? – Рискнем предположить, что это именно классическая немецкая философия, в частности, диалектика Гегеля.

Во-первых, Пушкин пишет о том, что задача драматурга – **исследование истины**. Вспомним о том, что со времен классической древности *исследование истины*

тины считается центральной **философской** проблемой. Во-вторых, поэт говорит о глубоком, добросовестном, беспристрастном, **свободном от односторонности** исследовании истины. Кто из современных Пушкину философов наиболее полно воплотил этот идеал? – Конечно, основатель классической немецкой философии Кант с его ангионизмом чистого разума! Ангионизм Пушкина (хорошо известный пушкинистам) сродни кантовскому ангионизму [Пустовит, 2012: с. 7-13] (см. Главу 2). Если, как уже было сказано, трагический конфликт есть столкновение двух правд, двух точек зрения, каждая из которых вполне обоснована, – то трагические конфликты у Пушкина строятся именно так. Теорию трагедии создал Гегель, наследующий Канту и завершающий классический немецкий идеализм.

Общим местом пушкиноведения стало уподобление Пушкина Гёте [Данилевский, 1999] (см. Гл. 3). Пушкин, назвавший Гёте *великаном романтической поэзии*, ценил его творчество очень высоко. Гёте был единственным из современных художников, которого зрелый Пушкин считал возможным поставить рядом с Шекспиром. Философский аспект проблемы «Пушкин и Гёте» исследован в работе Г.А. Тиме «Гёте, Пушкин и русская мысль (Амбивалентность фаустовского импульса в русской литературе)» [Тиме, 2011: с. 213-221]. Гёте, воплотивший свою философию не столько в теоретической, сколько в художественной форме, не является **одним из** немецких классиков-теоретиков, а оплодотворяет своими идеями всю немецкую классическую философию [Менжулина, Хамитов, 1998: с. 56].

Для **свободного от односторонности** исследования истины очень подходит форма диалога, при том, что позиции собеседников противоположны: «Моцарт и Сальери» и представляет собой такой диалог. В работах автора показано, что эта трагедия представляет собой **сонатную форму** [Пустовит, 2011b], о диалектической природе которой писал еще Б.В. Асафьев [Асафьев, 1963: с. 144-145]. Важно отметить, что «Моцарт и Сальери» – не единственное обращение поэта к сонатной форме. Исследователи пишут о чертах сонатной формы в «Медном всаднике» и «Евгении Онегине» [Мазель, 1999: с. 5-7], в стихотворении «К вельможе» [Фейнберг, 1973: с. 281-301], в лирике поэта [Кац, 1995: с. 151-158]. Таким образом, сонатная форма в творчестве Пушкина – не курьез и не исключение (см. Гл. 2). И «Евгений Онегин», и «Медный всадник», и «Моцарт и Сальери» – шедевры первого ранга, следовательно, диалектичность мышления, запечатленная сонатной формой, – органически присуща великому поэту. Быть может, важную роль в формировании пушкинской диалектики сыграли его размышления о христианстве, – в высшей степени диалектичной религии (Христос воплощает единство противоположностей – он *одновременно* бессмертный Бог и страдающий смертный): «Христианство, по природе своей, глубоко диалектично» (Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия. М., 1994. С. 49).

Общеизвестно, что французская философия XVIII в. стала одним из источников Французской революции. Даже в юности Пушкин отнюдь не был приверженцем насильственных революционных преобразований общества. В начале 1826 г., вскоре после восстания декабристов, он пишет в письме А.А. Дельвигу: «...никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции – напротив» [СС: т. 9, с. 211]. В июле того же года в письме к Петру Вяземскому: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда...» [СС: т. 9, с. 221]. В «Капитанской дочке» (1836 г.) читаем: «...лучшие и прочейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [СС: т. 5, с. 280].

Итак, в поздние годы Пушкин отстраняется от философии французской революции, от скептицизма, атеизма и вольтерьянства.

Разительная перемена, происшедшая и в творчестве и в личности великого поэта не укрылась от другого поэта, – от его наставника Василия Жуковского, который в марте 1837 г. писал Ивану Дмитриеву: «Пушкин только что созрел как художник, и все шел в гору как человек, и поэзия мужала с ним вместе» [цит. по Эйдельман, 1984: с. 8] [5]. О том, что Пушкин с годами становится все серьезнее, интересовался все более «высокими вопросами» пишет и Адам Мицкевич [см. Пушкин в XXI веке, 2006: с. 636].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зрелое творчество Пушкина как воплощение *principium coincidentiae oppositorum*

Творчески развиваясь, поэт движется от классицизма к романтизму (от **Вольтера к Шекспиру**) (Роман Яacobсон скажет о его лирике «...классицизм, освещенный романтизмом» [Яacobсон, 1987: с. 214]), достигая в зрелом творчестве синтеза этих противоположностей – классицизма и романтизма. Современник поэта Стендаль (1783-1842) создает трактат «Расин и Шекспир», противопоставляя величайшего драматурга французского классицизма величайшему драматургу эпохи барокко. Пушкин в своей творческой практике **синтезирует** достижения обоих (см. Заключение Гл. 4). Его произведения свободны и от «*неравенства, небрежности, уродливости отделки*» (присущих, по мнению Пушкина, Шекспиру), и от «*робкой чопорности, смешной надутости*» (присущих, по его мнению, Расину). Высказывание Пушкина о стихах Расина, «*полных смысла, точности и гармонии*», как нельзя лучше характеризует собственные его стихи. Вместе с тем действующие лица пушкинской драматургии воссозданы с шекспировской многосторонностью и глубиной [Пустовит, 2006: с. 478-534]. Французский классицизм – почвенный для него стиль (в «Моцарте и Сальери» соблюдены все три единства, требуемые классицистическим каноном), но Шекспир – его «университет»: «*Читайте Шекспира – это мой припев*», – пишет поэт в 1825 г.; с таким же восторгом относился к английскому драматургу Гёте). Для Гёте и для Пушкина, напомним, одинаково Шекспир – «отец» [Данилевский, 1999: с. 238-239].

Если проследить в европейской культуре две линии наследования: «античную», «рационалистическую» (античность, Возрождение, классицизм, Просвещение, – к ней принадлежит, в частности, Расин) и «средневеково-христианскую», «мистическую» (средневековье, барокко, романтизм, – к ней принадлежит Шекспир), – то достижения первой из них были усвоены поэтом уже к моменту окончания лица, вторая была изучена и усвоена самостоятельно позднее. **Гений Пушкина достигает окончательной зрелости благодаря синтезу этих противоположностей – классицизма и романтизма**; за каждым из противостоящих стилей открывается многовековая перспектива европейской истории [6]. Классицизм генетически связан с языческой античностью, романтизм – с христианским средневековьем (см. Гл. 4).

Пушкинистам давно известно, что один из любимых приемов пушкинской поэтики – **соединение несоединимых или во всяком случае взаимопротиворечащих оснований** [Виролайнен, 2012: с. 177]. Если воспользоваться гегелевским

термином **снятие** (нем. *Aufheben*), то можно сказать что в зрелом творчестве Пушкина снимается противоположность классицизма и романтизма.

Вспомним мысль Николая Александровича Бердяева: «В русской литературе и русской культуре был лишь один момент, одна вспышка, когда блеснула возможность Ренессанса – это явление пушкинского творчества...» [Бердяев, 1990: с. 143]. Однако Ренессанс – это синтез или, вернее, **диалог** таких противоположностей как языческая античность и средневековое христианство. Этот противоречивый ренессансный синтез можно проиллюстрировать двумя строками из вышеупомянутого пушкинского послания Николаю Кривцову (1818 г.) [СС: т. 1, с. 56]: *«Да сохраняя тебя в чужбине / Христос и верный Купидон!»* Обращает на себя внимание такое близкое соседство христианского и языческого божества, – не только в одном тексте, но даже в одной строке. На что это похоже? Как ни странно это прозвучит, – на начало поэмы Франческо Петрарки «Африка» (гений Ренессанса считал ее своим лучшим произведением): подобно Гомеру и Вергилию, поэт, начиная свой труд, обращается к Музе, – и вызывает ко Христу [Петрарка, 1992: с. 6]. Нечто подобное, – сложное взаимодействие античного язычества и христианства, – можно видеть в произведениях современников Пушкина, например, в балладе Гёте «Коринфская невеста» или в сонете Джона Китса «Море» (в первом катрене – Геката, языческая богиня, во втором – христианские Небеса).

Скептицизм юного Пушкина – античного корня. **«Натура античная в отношении к искусству»**, – эту формулу Хомякова цитирует Сергей Георгиевич Бочаров в работе «Из истории понимания Пушкина» [Бочаров, 1999: с. 232]. Вообще скептицизм новоевропейского просвещения генетически связан с античным скептицизмом.

О взаимодействии этих противоположностей, – языческой и христианской традиций, – в творчестве поэта писали многие пушкинисты, в частности И.З. Сурат [Сурат, 1991], М.А. Новикова [Новикова, 1995], С.Г. Бочаров [Бочаров, 1999: с. 227-260]. Исследуя эту проблему, А.А. Белый посвящает обширное и содержательное исследование знаменитому итоговому стихотворению поэта, усматривая в «Памятнике» параллели с проблематикой раннего итальянского гуманизма и уподобляя, между прочим, пушкинский жест-слово *«Веленью Божию, о муза, будь послушна»* жесту-поступку Петрарки, возложившему полученный им лавровый венок на алтарь храма св. Петра (Белый А.А. Разговор о «Памятнике». – Московский пушкинист. – VII. – М., 2000. – С. 118-203). О связях между пушкинским творчеством и Ренессансом пишут П.М. Бицилли (Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии. – Сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. – М.: Русский путь, 2000. – 608 с. – С. 41) и В.Ф. Ходасевич (в статье о «Гаврииаде» – Ходасевич В. Собрание сочинений в четырех томах. – М.: «Согласие». – 1996-1997. – Т. 2. – 1996. – 461 с. – С. 71-76).

По-видимому, и сам Пушкин размышлял о соотношении христианства и язычества. Известны его пометы на экземпляре вышедшей в 1817 г. книги К. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе». По поводу послания «Мои пенаты» он замечает: *«Главный порок в сем прелестном послании есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни. Музы существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но норы и келии, где лары расставлены, слишком переносят нас в греческую хижину, где с удовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином суворовского солдата с двуструнной балалайкой. – Это все друг другу слишком уже противоречит...»* [цит. по Гессен, 1965: с. 271].

Итак, законы реального и идеального миров различны: в первом невозможно сочетать реалии древние и современные, во втором – возможно. *Христианское воображение* может привыкнуть к **языческим** Музам.

Еще С.Л. Франк, написавший об антиномизме Пушкина (**комплекс противоборствующих и взаимно уравновешивающих друг друга идей**) [см. Пушкин в русской..., 1990: с. 443, 446]), осмысливал удивительную ситуацию: Федор Достоевский в знаменитой речи 1880 года настаивает на христианстве Пушкина, а возражающий ему Константин Леонтьев не менее убедительно пишет о поэте как о язычнике: «смирный христианин и страстный язычник – очень грубая и совершенно, конечно, в крайних точках своих недоверная схема, но в этих грубых пределах Франк обобщил их спор и наметил то, что мы называем – **объем**» [Бочаров, 1999: с. 239].

В рукописи первой главы «Онегина» стоит эпиграф из Эдмунда Берка, впоследствии снятый: «Nothing is such an enemy to accuracy of judgement as a coarse discrimination» (Ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различение). В самом деле, необходимо отчетливо понимать, взаимодействие каких именно противоположностей сформировало зрелое творчество поэта. Чрезмерное внимание к одной из них при игнорировании другой – верный путь к ошибкам.

Несомненно пушкинская «укорененность в эллинизме» (Непомнящий В. Поэзия и судьба. – М., 1987, с. 401) и несомненно его движение к христианским духовным ценностям. С.Г. Бочаров, анализируя один из шедевров болдинской осени 1830 г. («*В начале жизни школу помню я...*»), пишет о своеобразном **динамическом взаимодействии** поэта с обеими противоположностями, язычеством и христианством: « Стихотворение – о том, что «в начале жизни» (не только поэта, но и его поэзии) стояли универсальные впечатления, и переходы из школы в сад и обратно были для отрока **путешествием по духовной истории европейского человечества**.

Из его христианской истории отрок-герой убежал в его античное прошлое, но исторически старое в свежем опыте нового человека являлось ему как живое и новое—та самая еще живая античность, о которой писал А.В. Михайлов (см. Заключение всей книги – *А.П.*); древние статуи, замечал об этом стихотворении Гоголь, говорят ему «живей науки». Но и эта странная живость недвижных кумиров является как демоническое их свойство—это магическое присутствие языческой древности в христианском мире. И православное отношение к статуе как языческой прелести в самом деле с силой звучит в этом самом — «бесов изображенья».... В общем стихотворение это — **объем** — непримиренных огромных сил.

Если в самом деле это лицейская юность, то сюжет здесь в том, как историческим объемом уже тогда наполнилась биография. И **этот объем он наследует, этот объем, а не одна из сторон, формирует поэта**. И — по примеру стихотворения этого—и сам феномен Пушкина доступен только такому — объемному — пониманию. Поэтому несовместимые определения могут дать иногда такое понимание. Как, например, Константин Леонтьев возражал на речь Достоевского. В самом деле **стихотворение — в центре, но только не «темы бесов», а всей поэзии Пушкина**, потому что здесь распахнут горизонт, в котором она рождалась, и даны портреты универсальных сил и принципов, в споре которых, но и в совместном действии рождалась она...»(Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. – М., 1999, с. 241-245; курсив мой – А.П.) (см. Гл. 5).

Исследователь отмечает, что Пушкин противопоставляет здесь Аполлона (*Дельфийский идол*) и Диониса (*волшебный демон*), – задолго до Ницше, написавшего

об аполлоническом и дионисийском началах в европейской культуре (к идеям Ницше мы обратимся в одном из разделов Гл. 5). Впрочем, значительно раньше об Аполлоне и Дионисе применительно к этому пушкинскому стихотворению было сказано в работе А.А. Тахо-Годи [Тахо-Годи А.А. Эстетическо-жизненный смысл античной символики Пушкина. – Писатель и жизнь. Вып. V. Сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. – М., 1968. – С. 102-120. – С. 116-117]

Итак: **христианская** душа, на которой лежит языческая тень (... *кумиры сада на душу мне свою бросали тень*).

Или: ученик *величавой жены*, **убегающий** временами из христианской школы (*полные святости словеса*) в *великолепный мрак чужого* (языческого, античного) сада, и возвращающийся обратно. **Путешествия по духовной истории европейского человечества.**

С. Бочаров отмечает, что в рукописи стихотворения «В начале жизни школу помню я...» строка «То были двух *бесов* изображенья» сначала выглядела так: «То были двух *богов* изображенья». Боги античности для христианского сознания суть бесы! Стихотворение строится на сопоставлении и противопоставлении двух систем ценностей, – античной, языческой и христианской, – каждая из которых представляет собой противоположность другой, ее отрицание. Таким же образом строятся и другие пушкинские шедевры, например, маленькие трагедии, каждая из которых представляет собой воплощение противоречия [Пустовит, 2010: с. 115-126].

Один из законов классической логики утверждает: из логического противоречия вытекает все что угодно. Каждое новое поколение читателей и литературоведов может интерпретировать противоречивый текст по-иному. Именно это и произошло со многими зрелыми произведениями Пушкина («Онегин», «Медный всадник», маленькие трагедии, повести Белкина) [Пустовит, 2010: с. 372-392].

Что более всего поражает современного исследователя в существующей необозримой пушкиниане? – Существование прямо противоположных мнений, каждое из которых кажется достаточно обоснованным. Совсем недавно, – во времена Советского Союза, – официальная идеология настаивала на атеизме, политическом радикализме и вольтерьянстве Пушкина. В конце XIX в. был создан миф о Пушкине как истинном христианине и убежденном монархисте; одним из его истоков стала знаменитая пушкинская речь Ф.М. Достоевского (1880 г.); этот религиозно-монархический миф возродился в самом конце XX в. в связи с празднованием 200-летнего юбилея поэта. Современный исследователь даже пишет о «православно-самодержавном мифе» как о тяжелом недуге современной пушкинистики [Гуревич, 2011: с. 179].

Не случайно И.З. Сурат красноречиво озаглавила свое исследование «Пушкин как религиозная проблема» [Сурат, 1994: с. 207-223]. При этом слово «**проблема**» надо понимать в том смысле, который вкладывал в него Гёте: «Говорят, что между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никким образом! Между ними лежит проблема, то, что недоступно взору, – вечно деятельная жизнь, мыслимая в покое» [Гёте, 1964: с. 332].

Итак, **проблема** может возникнуть вследствие того, что некий динамический феномен, – процесс, – останавливают и осмысливают как нечто неподвижное. При этом различные стадии единого процесса, – например, начальная и конечная, – могут выглядеть как противоположности.

В отличие от других интерпретаторов творчества великого русского поэта, автор полагает, что противоположные суждения о Пушкине возможны в том случае, если исследователь видит (или хочет видеть) только одну из противоположно-

стей, но не видит (или не хочет видеть) другую. Наиболее распространенными являются две ошибки: первая – *pars pro toto* (часть вместо целого), вторая – подмена изменчивого и живого мертвым и неподвижным. Пушкин в зрелые годы **не является** ни вольтерьянцем, ни атеистом; не является также ортодоксальным христианином. Он вообще не **является**, он **становится: движется** от первой из противоположностей ко второй.

Исследование о «Пиковой даме» Ю.М. Лотман завершает таким глубокомысленным выводом: «Художественные открытия позднего Пушкина можно было бы сопоставить с принципом дополнительности Нильса Бора» [Лотман, 2005: с. 814]. Как известно, герб Бора содержит латинскую формулировку принципа дополнительности: *Contraria sunt complementa* (противоположности дополняют друг друга, или противоположности суть дополнительности). В работе «Дискуссии с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике» (1949 г.) Бор пишет о том, что истины бывают двух видов: тривиальные (плоские) и глубокие: «К одному роду истин относятся такие простые и ясные утверждения, что противоположные им, очевидно, неверны. Другой род, так называемые «глубокие истины», представляют, наоборот, такие утверждения, что противоположные им тоже содержат глубокую истину»^[7] [Бор, 1961: с. 93].

Творцы мифов о Пушкине, неспособные осмыслить его противоречивую и динамичную многосторонность, грешат именно **односторонностью** (которая, напомним, по Пушкину, – есть **пагуба мысли**).

Зрелое творчество поэта возникает в результате глобального, всеобъемлющего диалога противоположностей. Уже в ранней юности восприняв античные (скептическую и эпикурейскую) традиции, поэт в поздние годы все более полно овладевал противоположной – христианской. Вспоминается превозносимый Пушкиным Паскаль: «Величие можно проявить, не находясь в какой-нибудь крайней точке, но касаясь обеих сразу и заполняя весь промежуток между ними» («Мысли», фр. 681) [Паскаль, 1995: с. 268].

Согласно Бору, истины религии, философии, искусства суть **глубокие** истины. В поздних, зрелых произведениях Пушкин исследует именно их. Естественно предположить, что истина о нем самом не может не быть глубокой.

(продолжение следует)

Примечания

[1] Здесь и далее цитаты из Пушкина автор выделяет курсивом. Произведения Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – М., 1974-1978. Здесь и далее ссылки на это издание обозначены аббревиатурой СС. Иногда (очень редко) автор ссылается на другие собрания сочинений Пушкина.

[2] «Да, Пушкин больше ум, чем поэтический гений», – утверждает В.В. Розанов [Кибальник С. Истоки поклонения. – Слово, 1990, №6, с. 3].

[3] Здесь и далее жирным шрифтом автор выделяет тексты (как свои, так и цитируемых авторов), особо значимые для изложения его концепции.

[4] Видимо, это прозвище стало известно и другим приятелям юного Пушкина. Михаил Орлов писал 8 июля 1820 г. Александру Раевскому: «Поклон юному Аруэту Пушкину» [Гессен А. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. – М., 1965. – С. 118].

[5] Читая это письмо Жуковского, невозможно не вспомнить о другом его письме, написанном тринадцатью годами ранее и адресованном молодому Пушкину: «Ты создан попасть в боги –

вперед. Крылья у души есть! Вышины она не побоится, там ее настоящий элемент! Дай свободу этим крыльям и небо твоё. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреется надеждой за тебя. Прости, чертик, будь ангелом» (Петербург, 1 июня 1824 г.) [цит. по Эткинд, 1999: с. 182].

[6] Сравните: «... сила Вергилия, как и других гениев высокой классики, например Рафаэля или Пушкина, не в последнюю очередь определяется именно тем, сколь много чужого они умеют сделать своим, иначе говоря, тем, в какой мере их личное творчество перерастает в надличный синтез до конца созревшей и пришедшей к себе многовековой традиции...» [Аверинцев, 1996: с. 20].

[7] Правда, задолго до Бора нечто подобное написал О. Уайльд в эссе «Истина о масках» (1895): «Правда в искусстве – это правда, противоположность которой тоже истинна... только в критике искусства, через критику искусства мы можем воплотить гегелевскую систему противоречий» [Уайльд О. Преступление лорда Артура Сэвила: Повести, рассказы, эссе. – СПб. : Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 352 с. – С. 304].

Эдуард Бормашенко

АЛКИОНА

Главы из новой книги

т"בא

А. Воронелю

Среди ранних Диалогов Платона есть один очень необычный, стоящий особняком: "Алкиона". Сократ со своим другом Херефонтом, прогуливаясь по берегу моря, слышат звук, тревожный, но, заметьте, приятный на слух. Херефонт поражен, кому принадлежит этот голос? Ведь рыбы безгласны. В ответ Сократ рассказывает приятелю (а может быть ученику) миф: Алкиона была дочерью царя Эола. Удачно выйдя замуж, она посмела быть столь счастливой в браке, и так любила мужа, что вызвала гнев богов, и они превратили ее в зимородка, а мужа в чайку. Пока ничего занимательного, как всем известно, боги завистливы, и человеческое счастье не одобряют.

Но дальше, Сократ говорит следующее: "По гнездам этих птиц Космос устанавливает так называемые "дни Алкион", образующие рубеж между зимним холодом и погожей порою, и сегодня, скорее всего, один из таких пограничных дней. Разве ты не видишь, как сейчас безоблачно небо, а море спокойно и безмятежно и напоминает, если можно так сказать, зеркало".

Без комментаторов понять что-либо в этом рассказе трудно, и А.Ф. Лосев и А.А. Тахо-Годи, разъясняют, что согласно древним авторам, Алкиона делает гнезда на берегу моря, и они уничтожаются волнами. Поэтому Зевс из жалости предписал ветрам спокойствие в течение семи дней до зимнего солнцестояния и семи после него, чтобы Алкиона высидела птенцов. Это тихое время именуется алкионовыми днями.

Миф замечательно поэтичен, но не только. В наказание за счастье, Алкиону помещают на границу между бурными, непогожими и спокойными днями. И птенцов она высидивает на узкой полоске, отделяющей воду от суши. На самом деле, Алкиону учат жить, учат пограничности жизни.

А. Воронель, как-то заметил, что человеческая жизнь возможна в очень узком зазоре физических параметров — слегка перегрей, переохлади или придави наше физическое тело, и ему одна дорога — на кладбище. "Температура 36.6°C, при которой успешно функционирует организм человека, находится в узком ($\pm 5^\circ$, меньше 2% в абсолютных единицах) зазоре между недопустимо смертельным переохлаждением и столь же недопустимым перегревом. Однажды, присутствуя на биологической конференции, я обратил внимание, что оптимальные условия для жизни биологических организмов всегда оказываются в опасной близости к температуре разложения ДНК (т.е. ядер) их клеток, поддерживая их в состоянии, близком к критическому. По-видимому, в ходе эволюции интенсивная жизнь (и необходимая для творчества эволюции изменчивость) сложных организмов вообще оказалось возможной лишь на самом краю гибели, в окрестности критической точки, с которой она только и могла бы начаться" (А. Воронель "Жизнь на краю").

Сократ теории эволюции не знал, понятия о ДНК и критической точке не имел, но из его дальнейшей речи получается, что тревожная жизнь Алкионы на узкой полоске суши, жизнь во имя гнезд, которые через неделю смоют волны, не наказание, но — дар божий. Быть может, этот короткий диалог — самый протоевропейский, самый западный, из дошедших до нас текстов Платона. Демаркационная линия, разделяющая восточное и западное мировоззрения очень петлиста и размыта. Непросто указать пальцем на какой-нибудь текст, и сказать: вот здесь определенно западом пахнет. Но миф, возводящий тревогу и беспокойство в подарок богов, несомненно — европейский. Востоку больше по душе бесплодие покоя.

Ничем не обусловленные беспокойство, озабоченность, тревога делают человека человеком. Сытое животное, когда ему ничто не угрожает — беззаботно. Кришнамурти призывал любоваться безмятежностью развалившейся в пыли пышной собаки. Она не озабочена завтрашним днем, экологической и ядерной катастрофами; ее не кусают блохи, и ей хорошо (мы отчасти оттого так любим наших собак и кошечек, что, завидуя, охотно принимаем их несуетность за мудрость). Сократу, Декарту и Канту умильгаться посапыванием сытой суки не удалось бы.

В этом смысле, евреи, конечно, народ западной цивилизации. Яков, вырвав семью из лап Лавана, просил у Вс-вышнего немного покоя. Ответом была катастрофа, приключившаяся с Иосифом. Не положен праведнику на Земле покой. Евреи, наверное, самый беспокойный народ на земле, и потому самый творческий.

Творческие люди слишком часто загоняют себя в критическое, пограничное, полугибельное состояние, лишь в котором жизнь и есть жизнь, то есть творчество. Неизбежная ненависть мещанина, пошляка к творцу и понятна и оправдана, им уютно жить на краю; врата ада — не лучшее место для пикника с булочками и кофе.

Миф об Алкионе поразителен концентрацией и гармонией, слитностью мысли и чувства. Век Просвещения эту гармонию разрушил. В научной статье нелепы проявления чувства, в стихах немислимы логические выкладки. Мы разучились думать как герои диалогов Платона. Миф всегда больше того, кто его пересказывает; современный поэт и настоящий ученый, напротив, крупнее своих произведений. Но мерой того, что мы делаем (или не делаем), и сегодня остается мера мифа. Ибо она же — мера смысла.

Евгений Майбурд

СКАЗАНИЕ О НАЛОГАХ И О НЕНАСЫТНОМ ЧУДОВИЩЕ

Главы из новой книги

*В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий зверь огромный,
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур...*

Владимир Высоцкий

Прямой налог на доходы

В 1896 г., выступая в палате депутатов Франции, Жан Жорес сказал: «Вы не станете, я думаю, сравнивать Англию, где даже обычай пропитан отвагой, где свобода стала традицией, с Германией, где даже революция движется дисциплинированным шагом, как полк солдат. Вы не станете сравнивать Соединенные Штаты, страну без прошлого, где люди целиком устремлены к будущему, с Италией, которая столько времени была одержима призраком прошлого и в течение столетий строила свое жилище на гробнице Римской империи. Вы не станете сравнивать жизнь сельских кантонов Швейцарии с коммерческим духом Гамбурга, который развил свою деятельность на всех рынках мира. Вы не станете сравнивать все эти столь разнообразные народы, а между тем повсюду та же сила вещей, те же события, та же необходимость экономическая и социальная заставила применить личный и прогрессивный подоходный налог».

Почему и отчего вдруг началось и пошло победное шествие подоходного налога по всему миру? Наверняка тому была не одна причина. Но все-таки отметим, что в данном случае отстаивает его один из лидеров социалистов. Едва ли это случайно.

Одну и ту же сумму государство может добыть при различном распределении налогового бремени по группам населения. В первом приближении, вопрос о справедливости налоговой системы – это вопрос о таком распределении налогового бремени, когда все платят, по выражению А. Смита, «по возможности, сообразно своим средствам». Теоретически понятно, но практически не очень, ибо в точности никто не знает, что значит «сообразно своим средствам». Теория здесь недоработана. Совершенное и объективное мерило «сообразности» налога средствам плательщика, к сожалению, до сих пор не изобретено. Поэтому и выходит, что из одного угла мы слышим, что малоимущие платят слишком много, а богатые недостаточно, в то время как из другого угла раздается, что высокие налоги на богатых угнетают экономическую активность, понижая размеры капитальных вложений (и тем самым сокращая занятость) и понуждая отток капиталов (и рабочих мест) за границу, – отчего страдают больше всего те же малоимущие.

Примерка на Адама

Адам Смит определил основные принципы рациональной налоговой системы. Их четыре:

1. Подданные государства обязаны участвовать в покрытии расходов правительства по возможности сообразно своим средствам, т.е. соответственно тем доходам, который получает каждый под охраной государства.

2. Налог, который обязан уплачивать каждый, должен быть точно определен, а не произволен. Момент его уплаты и размер платежа должны быть ясны и известны как самому плательщику, так и всякому другому.

3. Каждый налог должен взиматься в такое время и таким способом, какие наиболее удобны для плательщика.

4. Каждый налог должен быть так устроен, чтобы он извлекал из кармана плательщика возможно меньше сверх того, что поступает в кассы государства.

Эти принципы в последующих поколениях были названы «Декларацией прав плательщика» и даже «Великой хартией вольностей плательщика». Заметим – *плательщика*.

Удовлетворяет ли прогрессивный подоходный налог всем четырем условиям Смита? Вопрос непростой. Но факт налицо. По каким-то причинам этот вид обложения оказался наиболее подходящим для условий современной цивилизации. Не потому, что он «самый хороший». Можно сказать, что все налоги плохи. Речь может идти только о сравнительных достоинствах и пороках налоговых систем. Но даже такой осторожный подход дает различные оценки в зависимости от того, с какой точки зрения смотреть.

Исторически, основным конкурентом подоходного налога был налог на потребление. Последний известен во множестве разных видов: акцизный налог (на отдельные виды товаров), налог с продаж (обычно не привязанный к видам товаров), налог с оборота (на все, что продавалось в розницу) и тому подобные, включая налог на «добавленную стоимость».

Налоги на потребление, в общем и целом, удовлетворяют 3-му и 4-му правилам Смита. В отношении 2-го – плательщику известен только момент уплаты «очередного взноса», но чтобы знать, сколько он уплачивает за год, нужно иметь или нанять собственного счетовода. Кроме того, никак не скажешь, что твоя годовая сумма налога точно определена. Во-первых, цены товаров, которые ты покупаешь, меняются непредсказуемо. Во-вторых, само твое потребление меняется в зависимости как от субъективных факторов (ты решаешь, сколько тратить и сколько сберегать), так и от объективных (изменение цен товаров, их качества, появление новых товаров и пр.).

В отношении первого правила Смита – в свое время защитники акцизов уверяли, что они удовлетворяют и ему. Довод такой: уровень потребления человека сообразен его средствам, богатые потребляют больше – больше и платят. Но «больше» еще не значит «по возможности сообразно своим средствам». Опыт подсказывает, что по мере роста богатства растут сбережения (то есть, средства, не расходуемые на потребление) и обратно: чем ниже доход, тем ниже сбережения – вплоть до исчезновения их, когда потребляется все, что поступает в карман. Если сделать налоги на потребление основным источником дохода государства, мы рискуем увеличить размер населения, которое не может сберегать.

Но это все теоретические рассуждения. Между тем, имеется историческое свидетельство, которое можно рассматривать как своего рода экспериментальную проверку сравнительной эффективности двух основных видов налогов.

В первом приближении

Когда в Великобритании впервые был предложен подоходный налог (1798 г.), главным источником доходов казны были акцизы (те же налоги с продаж, только с различными ставками по разным категориям товаров). Денег государству не хватало из-за войны с Наполеоном. Но повышать акцизы дальше было невозможно из-за того, что налоговое бремя для бедных групп населения уже было на пределе. Подоходный налог в той ситуации оказался волшебной палочкой, принесшей государству дополнительный доход, когда все наличные источники пересохли. А поскольку чудес в экономике не бывает, мы понимаем, что был открыт и задействован скрытый источник. Это – потоки доходов богатых и состоятельных классов, *которые, по видимости, до того давали государству через акцизы меньше, чем «сообразно своим средствам»*. Отсюда выходит серьезный довод против налогов на потребление: *богатые, хотя и покупают больше орудий, как правило, недообложены. Это значит, что небогатые и бедные, покупая сравнительно мало, – переобложены*. Иначе говоря, **налог на потребление – регрессивен**.

При подоходном налоге довольно просто можно ввести категорию необлагаемого минимума дохода и тем самым освободить бедные слои населения от налогового бремени. При налоге с продаж, однако, сложнее сделать то же самое. Требуется либо организовать какие-то компенсационные выплаты бедным, либо освободить от налога некую «минимальную потребительскую корзину». В обоих случаях неизбежны усредниловка, дополнительное бумаготворчество, а главное, люди, чье положение пытаются облегчить, попадают в зависимость от чиновничьего усмотрения. Последнее всегда есть приглашение к злоупотреблениям и коррупции

История подоходного налога

Как таковой он впервые возник в Великобритании. До этого, правда, размер налогов на дома и предметы роскоши (экипажи, лошадей, собак, часы, мужскую прислугу, пудру для париков...) тоже устанавливался индивидуально в зависимости от *расходов* плательщика – от 1 шиллинга налога при расходе до 5 ф.ст. и до 5 шилл. при расходе 100 ф.ст. и более. В конце XVIII в. военные расходы государства достигли пика ввиду угрозы вторжения Наполеона, а доходы снижались из-за потери обширных рынков на континенте. Финансовое положение страны стало критическим. В 1798 г. У. Питт, министр финансов, обратился к парламенту и, взывая к патриотизму народа, предложил «всеобщий налог со всех состоятельных лиц, пропорциональный, насколько это возможно, их средствам».

Вначале подоходный был дополнительным к налогу на роскошь и привязан к последнему в отношении прогрессии. Но этим и был создан прецедент прогрессивно-подоходного обложения. Был создан также прецедент «свободного прожиточного минимума», так как доход ниже 60 фунтов этим налогом не об-

лагался. Наконец, третьим прецедентом явилась декларация о доходах – правда, только в случае, когда плательщик считает, что с него берут больше, чем полагается по его доходу.

Последнее, по-видимому, стало случаться сплошь и рядом, когда дошло до дела. К тому же сборщикам было дано право требовать присяги, если заявленный доход казался им заниженным. И как только был заключен Амьенский мир в 1802 г., посыпались петиции об отмене «дьявольского» налога, который, де, «противоречит конституции и правам свободного народа», и «наносит ущерб торговле, промышленности и кредиту». Налог был упразднен, хотя и пришлось возместить его отсутствие новыми акцизами, а также увеличением налогов на роскошь и таможенных пошлин.

Год спустя, однако, война возобновилась, и налог вернулся. На сей раз, правда, без обязательного выяснения реальных доходов. Все виды доходов были разбиты на пять категорий (от недвижимости; от сельского хозяйства; от ценных бумаг; от промышленности, торговли, всякого рода профессий, зарплаты на частной службе; от жалования и пенсий чиновников). Размеры сборов устанавливались, в основном, прежними методами косвенных оценок и усредненных норм. Вследствие многочисленных петиций, налог был снова отменен в 1816 г., когда наступил мир в Европе.

С начала 1830-х гг., однако, пошло все больше петиций с требованием возобновить прогрессивно-подходный налог. Это стал подавать голос рабочий класс, жалуясь на чрезмерную тяжесть налогов на потребление. Не без оснований полагали рабочие, что богачи, платя иногда больше них в виде акцизов, тем не менее несут меньшую тяжесть в целом – ввиду огромной разницы в уровне дохода. Фабриканты тоже были недовольны высокими акцизами, которые повышали себестоимость производства и затрудняли экспорт их изделий.

В 1840-х гг. последовала радикальная экономическая реформа под лозунгом свободы торговли. Были отменены высокие пошлины на хлеб, а число таможенных тарифов было сокращено с 1200 до 700, причем значительно пониженных. И был введен подходный налог (в последнем его варианте) – как бы в компенсацию потерь государства от таможни. Введен он был временно – на три года. Затем продлен еще на три, и еще на три и еще... А потом началась Крымская война, и его не то что отменять – повышать пришлось. И вот уже тори Дизраэли в 1860, и виг Гладстон в 1862, лавируя, с шуточками и примочками, сокрушаясь на публику, обзывая его всякими словами, отстаивали этот налог как единственный выход из бюджетного дефицита.

А пока суд да дело, и народ попривык да притерпелся, да понял, что хрен не слаще редьки. Такой вид этот налог сохранил до начала XX в. Менялись только ставки и нормы обложения, льготы и послабления. Все более ясно обозначалась его главная тенденция: депрессия. Это, когда с понижением уровня дохода увеличиваются вычеты из облагаемого дохода (tax deductible).

Из практики депрессии сама собой напрашивалась идея прогрессии. Ниже доход – меньше ставка налога... почему бы тогда не: выше доход – больше ставка? Но тогда нужно было бы оперировать единым совокупным доходом плательщика, то есть обезличенным доходом независимо от его источников, а с этим к вам входит малоприятная дама – налоговая декларация и «сестра ее, мергочка» – инспекция. Долгим, извилистым и сложным был процесс.

Ретроспективно глядя, все шло к подоходно-прогрессивному обложению. Систему пяти категорий с обложением по оценкам и усредненным нормам всеми силами старались не трогать, но ее основы постепенно ветшали, и прогрессия исподволь стала возникать на заднем плане то тут, то там. Первая Мировая внесла полную ясность. Военные бюджеты Ллойд-Джорджа завершили формирование единого подоходно-прогрессивного налога (хотя формально система «пяти категорий» была сохранена).

Страны континента уже давно поглядывали на Англию с восхищением и завистью. Не все было возможно копировать, но уж налоговую-то систему... И начались вариации на английскую тему. Италия в 1805. Швейцария в 1840-60 (шагами по кантонам). Пруссия в 1846 (первые робкие попытки, оборванные Бисмарком) и в 1891 (уже похожий на себя подоходный налог). Бавария в 1910. Австрия в 1849 (первый шаг) и в 1896 (нечто подлинное).

Во Франции дело шло туго. Проекты вносились парламент в 1848, 1855, 1862, 1871 и после. Только в 1887 г. Палата депутатов Франции, незначительным большинством, приняла резолюцию о подоходном налоге и поручила правительству разработать проект системы, которая бы его включала. Десятки проектов оказались мертворожденными. Лишь в 1909 г. был принят за основу проект налоговой системы, где подоходный налог был доведением к имущественному и прочим – т.е. как в английской системе столетней давности. Но и этот проект был заморожен в Сенате и, в изуродованном виде, стал законом лишь в 1916 г. Правда, сам подоходный был уже сразу и с прогрессией, и с декларацией, и с инспекцией.

В начале XX в. победное шествие подоходного налога достигло заморских владений Британии и Голландии. Его приняла Япония. В США он обнаружился много ранее, и путь его был тернист – почти как во Франции (хотя, возможно, по иным причинам).

В Америке

В США середины XIX в. доминировали имущественные налоги. На практике это все более и более сводилось к обложению только земельной собственности. Движимое имущество, особенно торгово-промышленные капиталы, ценные бумаги и другие виды денежных капиталов, легко уходили от обложения – такого рода имущество труднее оценить и даже учесть. В то время как доля движимого имущества в стране непрерывно росла, доля налоговых поступлений от него в казну столь же неуклонно падала. Естественно, землевладельцы считали, что они одни несут налоговое бремя. Росло недовольство в аграрных штатах. Этот гордиев узел был разрублен федеральным правительством замечательно просто: оно отдало имущественный налог общинам. Огайо уже не скажет, что платит за себя и за Пенсильванию. И фермер не скажет теперь, что платит за соседа-банкира. Да. Но что же федеральная казна?

Она пока довольствовалась таможенными сборами, налогами на потребление и пыталась обложить движимое имущество. Про европейский подоходный налог, разумеется, знали – его пробовали на уровне штатов, но без большого успеха. И он был признан непригодным для американских условий.

«Условия» выражались в том, что власть тогда еще слишком зависела от населения. Никто не рещался трогать «прайваси», и сумма облагаемого дохода

была делом совести плательщика. Говорили, что трудно найти богатого человека, который был бы невиновен в ложной присяге. Уже даже перестали скрывать, что обманывают, – мол, все так делают. Над теми, кто честно платил, просто смеялись. Неудивительно, что во многих штатах его или отменили совсем или оставили как формальность. В конце концов, он был назван даже «анти-американским». Как заявили законодатели Калифорнии, «Наш народ питает такое уважение к труду, что все приобретенное честным трудом для него свято и не может быть сокращено посредством прямых налогов. Шестнадцать штатов пытались привить у себя подоходный налог, и ничего из этого не вышло». Решили, что он только развращает население.

Одним из результатов Гражданской войны в Америке было резкое повышение роли федерального правительства. Этому органу власти «новый» вид обложения был в самый раз. В 1864 г. был введен федеральный подоходный налог – как временная мера для покрытия дефицита, вызванного... ну да, войной. Налог был прогрессивным: от 5% при доходе 600 долл. (свободный минимум) до 10% при доходе 10 тыс. долл. и выше. В 1867 г. он был сделан пропорциональным, но в 1872 г. не был продлен конгрессом США.

Опыт показал, однако, что подоходный налог может работать в Америке – притом именно как федеральный. В начале 90-х стал расти поток требований ввести федеральный подоходный налог – в противовес имевшим место тогда крайне высоким таможенным пошлинам. Последние защищали высокие цены в определенных отраслях промышленности и торговли от иностранной конкуренции на внутренних рынках и этим позволяли создавать гигантские состояния, которые было трудно обложить. «Когда фортуна забрасывает богатыми дарами немногих в ущерб всем прочим, – заявлял некий деятель, – когда протекционизм взимает в их пользу обильную дань с масс населения, то станет ли кто-нибудь утверждать, что эти вещи священные и мы навеки должны отказаться от прикосновения к этим богатствам, воздвигнутым в течение какого-нибудь одного поколения, не требуя от них участия в расходах страны?». Или: «Ваше состояние – результат благодеяний свободных учреждений. Содействуйте же со своей стороны сохранению их в будущем. Можно ли это называть претензией, тормозящей бережливость?»

А вот характерное высказывание другого рода: «Европейские профессора возвещают американским, которые верят им на слово, нарождение новой экономической науки, имеющей универсальное приложение. Из центра их вооруженного лагеря между Дунаем и Рейном профессора со своими книгами, социалисты со своими системами, анархисты со своими бомбами, поучают американский народ организации общества, демократическим доктринам, принципам обложения, нечего удивляться тому, что их проповеди проникают и в пределы Белого Дома». Это уже в адрес «прогрессивных», которые были уверены, что Америка отстала от Европы...

А в конгрессе уже пели об эпохе равенства в обложении: «Этот билль открывает первую страницу славной книги фискальной реформы, обещающей демократии блестящую будущность». В 1894 г. билль был представлен на подпись президенту Кливленду. Сам он был против этого налога, но знал, что его вето будет опровергнуто Конгрессом. Кливленд на стал подписывать билль и отложил его. Согласно правилам, билль, не пописанный в течение 10 дней, становится законом автоматически.

Но борьба не утихла. Противники подоходного налога обратились в Верховный суд страны. Подоходный теперь называли «самым открытым, сильным и возмутительным покушением на права, самостоятельность и интересы отдельных штатов». Да еще и в мирное время, «нарушая все наши традиции». «Я убежден, — заявил адвокат истца Джозеф Чоуп, — что речь идет о защите прав частной собственности... Решение конгресса, которое мы оспариваем здесь перед вами, коммунистическое по своим задачам и замыслу, да и защищают его здесь, опираясь на коммунистические, социалистические, как я их называю, принципы, самые популистские из всех выступлений в политических собраниях всего мира».

«Защита теперь или никогда, — продолжал Чоуп. — Если сегодня вы скажете, что конгресс свободен от ограничений и контроля, вы тем самым лишите себя возможности остановить его в будущем». Закончил он так:

«Полагаю, что из членов этого суда никому и никогда не приходилось и не придется заслушивать и принимать решение по делу со столь же далеко идущими последствиями, как это». Рассматриваемое дело затрагивает вопросы «о сохранении фундаментальных прав частной собственности, равенства перед законом и способности народа Соединенных Штатов Америки полагаться на гарантии Конституции».

8 апреля 1895 г. суд вынес половинчатое решение, которое никого не удовлетворило. Старейший член суда Филд назвал закон о подоходном налоге классовым законодательством и предсказал, что «нынешняя атака на капитал лишь начало. Она станет трамплином для других атак, более значительных и масштабных, и так до тех пор, пока наши политические споры не превратятся в войну бедных против богатых, в войну все более напряженную и ожесточенную».

Так как один из судей отсутствовал по болезни, истцы потребовали повторного слушания при полном составе суда. 20 мая того же года Верховный Суд США вынес решение о том, что подоходный налог противоречит Конституции страны.

Позволяя себе повториться, скажем: но борьба не утихла. И вот, спустя почти 20 лет, Конгресс США принимает поправку к Конституции страны. В 1913 г., в рамках закона о таможенной реформе, когда тарифы были существенно понижены, был введен *новый* федеральный подоходный налог. Для всех — пропорциональный (1%), для доходов от 20 тыс. и выше — добавочный прогрессивный, вплоть до 6% при доходе свыше 500 тыс. долл.

Как и предупреждали его противники, стоило лишь начать... В 1916 г. базовая пропорция стала 2%, а добавочная прогрессия продолжена по шкале высоких доходов — до 13% при 2 млн. Как и в Англии, налог взимался при выплате доходов плательщику, а желаешь льгот — подавай декларацию о доходах. Свободный минимум составлял 3 тыс. долл. (для женатых — 4 тыс.).

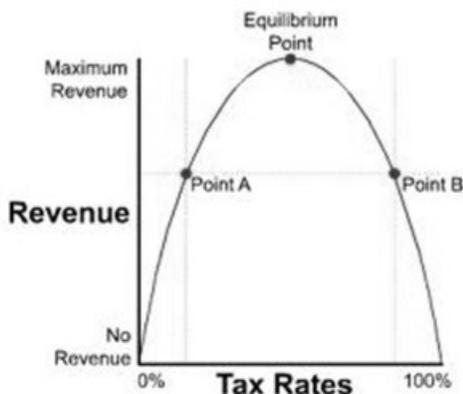
Все это выглядит невинно в сравнении с тем, что было потом. В целом, подобная система сохранилась до наших дней. Менялись ставки, шкала прогрессии, размеры доходов, льготы и другие количественные характеристики. Даже самые рьяные противники подоходного налога едва ли могли представить будущие его ставки в 70 % от дохода и выше.

Триумфальное шествие подоходного налога по всему миру можно объяснить его преимуществами перед другими видами обложения — в основном, с точки зрения казны. Этот налог явился финансовым фундаментом появления и разрастания Большого Государства.

Эффект Лэффера

В декабре 1974 г. в одном из ресторанов г. Вашингтона, столицы США, обедала некая компания довольно молодых еще людей – два политика, журналист и профессор экономики (все позже приобрели национальную известность). Завязалось обсуждение билля о борьбе с инфляцией, предложенного тогдашним президентом Фордом. В процессе разговора профессор схватил салфетку и нарисовал на ней несколько линий.

Этот рисунок на салфетке впоследствии стали называть «кривой Лэффера». Что имел в виду профессор Лэффер?

Ось абсцисс представляет ставки подоходного налога,
ось ординат – налоговые поступления

По мысли Лэффера, есть две точки (при налоговых ставках 0% и 100%), где сбор налогов будет нулевым. От нуля поступления от налогов растут при увеличении налоговых ставок, но только до определенного предела, после чего дальнейшее увеличение ставок налогов оборачивается снижением поступлений. Почему такое может быть? Потому что при очень больших налогах сокращается *налоговая база* – то есть, облагаемые доходы. Кто-то выходит из бизнеса, какие-то фирмы переводят свои операции за границу, кто-то находит лазейки для уклонения от налогов (полностью или частично), растет сокрытие доходов (сохраненные от изъятия суммы оправдывают риск попасть под следствие и сесть в тюрьму) и т.п.

Рассказывают, что в середине 60-х, по этой причине, группы Битлс и Роллинг Стоунс перевели свои доходы «офшор». Налог «на миллионеров» в Великобритании достиг тогда 95% от дохода. Естественно, знаменитые артисты считали, что их грабят,^[1] и лишили британскую казну всяких поступлений от своего дохода.

С другой стороны, снижение налогов может привести к росту налоговых поступлений вследствие увеличения налоговой базы. Последнее стали называть «эффектом Лэффера». Люди просто не знали, что открыт он был еще в 20-е годы

тогдашним министром финансов Эндрю Меллоном (см. очерк о процветании 1920-х). Вообще же, тот факт, что высокие налоги могут приносить государству меньше, чем оно ожидает, а снижение высоких налогов подчас может привести к росту налоговых сборов, было замечено еще в прошлых столетиях.

Никто иной, как Адам Смит, заметил: «Высокие налоги, иногда сокращая потребление облагаемых товаров и иногда поощряя контрабанду, часто дают правительству меньший доход, чем можно было бы собрать при более умеренных налогах». Он говорил о налогах на потребление.

И Кейнс написал в одной из ранних своих работ: «Обложение может быть таким высоким, что будет вредить своей цели» и добавил, что «снижение налогов может дать лучший, чем повышение их, шанс для сбалансирования бюджета».

Лэффер представил формальное представление этих идей.

Однако, от модели еще очень далеко до практики. Можно увидеть на рисунке, что точки A и B дают одинаковый сбор налогов при разных ставках (TA и TB). Но если необходимо повысить доход казны, из точки TA ставку следует повысить (идти направо), а из точки TB ставку следует снизить (двигаться влево).

Проблема в том, чтобы ответить на вопрос: в какой точке кривой Лэффера мы находимся? От ответа будет зависеть налоговая политика. Если мы находимся в точке A , увеличение налогов приведет к росту поступлений, а снижение налогов – к сокращению поступлений. Если же мы находимся в точке B , эффект тех же действий будет обратным.

Насколько мне известно, не предложен пока еще аналитический аппарат, позволяющий определять такие вещи однозначно. Поэтому кривая Лэффера может служить, скорее, только демонстрацией идеи. Являются ли данные налоги слишком высокими или слишком низкими? Ответ пока еще определяется опытом, рассмотрением политиков, их интуицией, политическими и экономическими целями, а также эмпирическими наблюдениями.

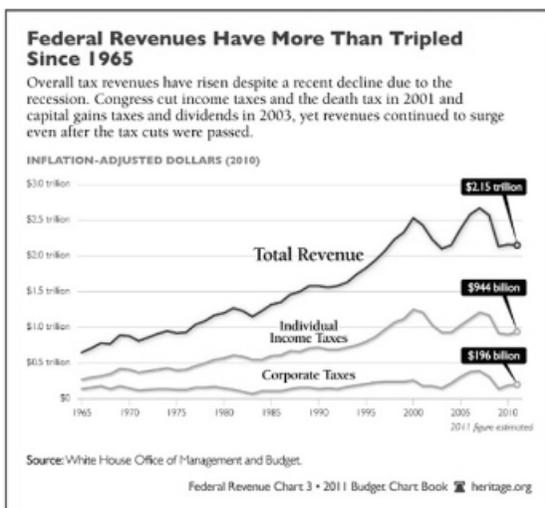
В декабре 2010 г. газета *Уолл-Стрит Джорнал* поместила редакционную статью «Исчезающие миллионеры штата Орегон». Там написано: «В прошлом году, Орегон повысил свой подоходный налог для 2% богатых, чтобы заткнуть дыру в штатном бюджете, но теперь казначейство штата признает, что оно собрало примерно треть от планируемой суммы. Кроме того, солнце по-прежнему вставало на востоке, и Куба не выиграла чемпионат мира по футболу».

Сарказм очевиден: все было предсказуемо. Далее говорится: «Одна из причин столь низких поступлений заключается в том, что примерно четверть богатых налогоплательщиков, по-видимому, пропала без вести. Штат ожидал, что повышенный налог будут платить 38 тысяч орегонцев, а платили только 28 тысяч. Странно, как это случается снова и снова...»

Недостающим 10 тысячам богачей даже не нужно было уходить «офшор» или скрывать доходы – в той же самой стране есть штаты, где и налоги пониже, и законодатели поумней.

По данным переписи 2010 г., население США выросло за десять лет на 27 млн. чел. (прирост к 2000 г – 9,7%). Но прирост этот был неравномерным. В первой (по приросту населения) десятке штатов оно выросло, в среднем, на 21%. В последней десятке средний прирост составил 2%. При этом, в первой группе штатов средний (по всем из них, за десятилетие) подоходный налог был 4%, а в последней – 6,9%.

В 1980 г. новоизбранный президент США Рональд Рейган принял экономику страны в состоянии *стагфляции* – высокая инфляция в сочетании с депрессией и, как следствие, с высокой безработицей. Он был убежден, что выход из положения находится в снижении налогов, что должно поощрить бизнесменов на новые инвестиции и привести к росту занятости. Бюджетная сторона дела его заботила меньше.

Поступления в казну от подоходного налога в США (до и после снижения), в млрд. долл. (в ценах 2010 г. с поправкой на инфляцию). [2]

Советником президента по экономике стал Артур Лэффер. Снижение налогов удалось провести через Конгресс США. Результаты представлены на диаграмме Рис. 2.

Как можно видеть, поступления в казну (Total Revenue), после временного снижения, с 1985 г. стали устойчиво расти.

Известно, что при Рейгане госбюджет был дефицитным. Видимо, сказался резкий рост оборонных расходов – на противоракетную программу Стратегической Оборонной Инициативы, памятную еще многим под названием «звездные войны».

Аналогичную налоговую политику применил президент Буш-мл., вступив в должность в 2001 г. и унаследовав рецессию, хотя и не очень сильную. Его целью тоже было вызвать оживление деловой активности, и это опять сработало без снижения налоговых поступлений в казну.

Парадокс Хаузера

В марте 1993 г. в *Уолл-Стрит Джорнал* была напечатана статья известного экономиста-бизнесмена Курта Хаузера, где он поделился с публикой интересными наблюдениями. Главный вывод его состоял в том, что с начала 50-х и до конца 80-х гг. XX в. сбор подоходного налога составлял около 19% от вели-

чины ВВП (валового внутреннего продукта) США. При этом, в 1952-53 гг. высшая ставка налога составляла 92%, а в 1988-90 гг. – 28%. Журналисты тут же окрестили этот феномен как «Закон Хаузера».

В ноябре 2010 г. там же появилась новая статья Хаузера. Он сообщил, что описанное явление наблюдалось также и после конца 80-х – вплоть до настоящего времени. Иначе говоря, за шесть десятков лет после Второй мировой войны соотношение двух величин – сбор от подоходного налога и ВВП – было практически одним и тем же, независимо ни от существовавших налоговых ставок, ни от повышения их или снижения.

Сначала 50-х, пишет Хаузер, имело место более тридцати крупных изменений в налогах, включая обложение личных доходов и доходов корпораций, дивидендов и прироста капиталов, изменение налоговых скидок на инвестиции и налогов на соцстрах и многое другое. Однако отношение налоговых поступлений к ВВП оставалось в пределах узкой полоски около 19%.

Курт Хаузер

Хаузер предлагает такое объяснение этому феномену. Высокие налоги охлаждают предпринимательский дух. Повышение налогов побуждает проводить доходы по необлагаемым статьям, не все доходы показывать в отчетах, скрывать доходы. Энергия и усилия налогоплательщиков, вместо поиска путей повышения доходов, направляются на поиски лазеек, путей сокрытия доходов, а также инвестиций, не облагаемых налогами. Такое поведение имеет тенденцию угнетать экономический рост и создание рабочих мест. В то же время, низкие налоги усиливают побуждение работать, производить, сберегать и инвестировать. Поощряется создание капиталов и новых рабочих мест, налогоплательщики меньше расположены скрывать доходы и манипулировать отчетностью.

По наблюдениям Хаузера, в случаях снижения налогов, как правило, в течение нескольких кварталов после снижения, ВВП рос быстрее, чем в период нескольких кварталов перед снижением. Например, в течение шести кварталов перед снижением налогов президентом Бушем в мае 2003, средний прирост ВВП

за квартал составлял 1,8%. В период шести кварталов после указанного снижения налогов, однако, средний ежеквартальный рост ВВП составлял 3,8%. При этом налоги в обоих случаях давали примерно 19% от ВВП!

В дробь «НС / ВВП» (где НС есть налоговый сбор), при высоких налогах знаменатель растет медленно (рост угнетен) и числитель тоже растет медленно (налоговые сборы имеют тенденцию сокращаться). При низких налогах то и другое растет быстрее. Соотношение, как показывает статистика, остается неизменным в обоих случаях – при большем ВВП и при меньшем ВВП. Очевидно, что когда казна получает те же 19% от более высокого ВВП, выигрывают все. Экономика растет, растут доходы и капиталы, растут и доходные статьи бюджета. Один из важнейших ключей к процветанию – умеренные налоги.

И все же постоянство соотношения НС / ВВП при любой погоде остается тайной. Почему столь мал разброс? Проявляется ли этот эффект в других странах? Насколько устойчивым окажется этот эффект в будущем? Пока все это неясно.

«Закон Хаузера» подвергался критике. Она не вполне убедительна – в основном, касается деталей статистических методов. Похоже, что критики принадлежат к противникам сокращения налогов. [3]

Невидимые налоги

Если спросить тех, кто еще помнит времена СССР, какие налоги они платили, большинство наверняка вспомнит подоходный и еще кое-какие мелочи вроде «налога на бездетность». Мало кто понимал тогда (кроме бухгалтеров и финансистов), что, помимо сказанного, все мы ежемесячно платили еще один, притом самый высокий, налог. Так называемый «налог с оборота». Бухгалтерия всех государственных организаций начисляла его пропорционально издержкам производства, и он входил в отпускные цены. Это был, по сути, один из видов налога с продаж, который все мы оплачивали в ценах всех товаров, не подозревая о том. Это была разновидность *невидимого налога*. Его сбор составлял больше половины бюджета страны.

Поначалу в США подоходный налог, как и в Британии, уплачивался раз в год – тогда датой было 15 марта (сегодня – 15 апреля). Был он сравнительно невысок. Раз в году плательщик получал от казначейства налоговый билль (счет к оплате), вкладывал в конверт этот билль и чек на требуемую сумму и отсылал назад по почте. Когда Америка вступила в войну, расходы государства резко возросли, и покрытие их требовало увеличения налогов. В 1942 г. Конгресс поднял подоходный налог – настолько резко, чтобы получить сумму, вдвое превышавшую сбор предыдущего года. Кроме того, новому налогу подлежали десятки миллионов американцев, которые до того вообще не платили подоходный налог. Опрос Института Гэллага показал, что из 34 миллионов людей, обложенных впервые, только 5 миллионов обладали сбережениями, достаточными для уплаты нового налога.

Казначейство занервничало. Началась публичная кампания с напоминаниями о приближении даты платежей, с призывами «выполнить свой гражданский долг» и т.п. Когда до 15 марта оставалось совсем немного, стало видно, что большая масса людей все еще не послала свои платежи. «Представьте, что нам придется пойти и арестовать пять миллионов людей!» – в панике восклицал Генри Моргентау, тогдашний министр финансов.

Тогда и родилось нечто новое в практике обложения. Было предложено, чтобы наниматели еженедельно удерживали из зарплаты работников долю налога (скажем, 15 или 20 проц.) и посылали ее прямо в Казначейство. Плательщик больше не видит налогового билля и всей уплачиваемой суммы. Он даже не видит денег, которые теряет. Конечно, он знает, что он обложен – бухгалтерия показывает ему при каждом начислении зарплаты, сколько и чего было из нее удержано). Но практически налог становится невидимым. Пилулю подсластили амнистией для тех, кто не мог уплатить налог в этом году. Мол, в следующем году вы начинаете свою налоговую жизнь с чистого листа.

«Это было более, чем изменением, это была трансформация, – пишет исследователь. – Рука государства залезает прямо в карман плательщика и забирает свою долю налога – даже не спрашивая». [4]

Вообще-то уже был прецедент – налог на соцстрах (Social Security), введенный правительством Рузвельта незадолго до того.

Это очень интересный налог. При его введении, правительство предоставило его сбор штатам. Так это и остается. В настоящее время его ставка составляет 12,4% от дохода. К нему примыкает налог на Медикер (медицинское обслуживание тех же категорий, кто получает доход по соцстраху – пенсии и др.) в размере 2,9% к доходу. Итого выходит 15,3% от дохода плательщика.

Фактически же это – федеральный налог, так как штаты передают весь сбор в фонды Соцстраха и Медикер, которые управляются на федеральном уровне, и там же устанавливаются единые по стране ставки этих налогов. Они удерживаются при каждой выплате зарплаты (обычно, раз в неделю или две). При этом правительство обязало нанимателей платить половину налога на каждого нанятого. Плательщик не видит и, чаще всего, не знает того, что наниматель возмещает себе эти платежи сразу при установлении его зарплаты (а как же еще!), Так что для плательщика выглядит, будто он платит только половину налога – около 7,5 % своего дохода, тогда как фактически он сам платит все. Перед нами еще одна разновидность невидимого налога.

Когда-то считалось, что платя налог на Соцстрах и Медикер, человек сберегает деньги себе старость. Возможно, иные и сейчас так думают, только это заблуждение. Во-первых, у плательщика в данном случае нет собственного счета, как в банке, где накапливались бы его отчисления в фонд Соцстраха. Во-вторых, государство с давних пор залезает в эти фонды, чтобы оплачивать свои текущие расходы. Эти траты относятся к категории внутреннего долга государства, который, как всем известно, постоянно растет (см. главу 59).

Президент Буш-мл. тщетно пытался реформировать эту систему – путем частичного обращения фонда Соцстраха в ценные бумаги. Эстатисты всех оттенков буквально истерически поносили его за это, и главный учредитель налогов, Конгресс, так и не позволил ему этого сделать.

Многоуровневое обложение

Естественно, что в национальных дебатах речь идет о федеральных налогах. Не секрет, однако, что кроме федеральных налогов жители США платят также налоги штатные и муниципальные. Они могут (и это подчас происходит) обсуждаться в местных газетах и телеканалах. Общенационального внимания эти вещи, как правило, не привлекают. Но о них можно поговорить и как об об-

щем явлении, потому что – какими бы ни были различия по штатам – эти местные налоги все равно существуют, и их приходится платить. Здесь также могут иметь место такие налоги, как подоходный, с продаж, акцизы, а также налог на недвижимость.

Подоходный налог взимается как федеральным правительством, так и штатами (конечно, ставки налога разнятся по штатам и подчас изменяются). Та же картина у налога с продаж и с другими акцизами (на услуги телефона, интернета и ТВ, на аренду автомобилей и мн. др.).

Есть федеральный акцизный налог на бензин (18,4 цента на галлон), и наряду с этим есть штатные налоги – от 12-15 центов (Аляска, Нью Джерси) до 40 с лишним (Калифорния, Нью-Йорк) и вплоть до 50 с лишним (Пенсильвания). На дизельное топливо, как правило, налоги немного повыше. Считается, что средства от этих акцизов идут на ремонт и содержание дорог и мостов, но уже давно не секрет, что, как правило, эти средства или их часть направляются на оплату других расходов правительств – страны и штатов.

Налоговые системы – федеральные, штатные и муниципальные – существуют независимо друг от друга. Они вводятся, понижаются и повышаются (чаще последнее) соответствующими властями без учета налогов других уровней. Такая система налогов имеет свои преимущества в сравнении с системой, где все налоги взимались бы федеральным правительством, с последующим распределением собранных средств на нижние уровни власти. Ибо всякое распределение и перераспределение есть обычный и распространенный источник коррупции.

Многоуровневая система обложения сложилась в те времена, когда налоги были результатом самообложения общины при реальном контроле граждан над расходованием собираемых средств соответствующими структурами власти (см. у нас главу 50). Но сегодня это звучит как утопия. Вводя или изменяя тот или иной налог, государство просто ставит плательщика перед фактом. Повлиять на законодательные органы власти теоретически можно через выборы представителей, но на деле эта возможность, скорее, фиктивна (см. нашу главу 51). Кроме того, нынешняя многоуровневая система создает большие трудности для плательщика, если он хочет учесть, сколько всего из его дохода уходит в налоги. Если бы он сумел это сделать, он бы увидел то, о чем лишь смутно догадывается, – что он фактически переобложен.

Таким образом, описанная система обложения определенно не соответствует 1, 2 и 3 правилам Адама Смита. Есть также сомнения и в соответствии правилу 4 – в связи с коррупцией в политических и бюрократических структурах. Невидимые налоги, это ухищрения, которые государство придумывает с целью ослабить недовольство населения и политическое давление со стороны избирателей.

Налог на добавленную ценность

В соответствии с укоренившейся в России традицией, будем называть его НДС. Впервые НДС был введен в Саксонии уже в XVIII столетии, но его изобретение приписывается директору по налогам и сборам Франции. Там он был введен в 1954 году.

Сейчас НДС взимают 137 стран. Из развитых стран НДС отсутствует в таких странах, как США и Япония, где вместо него действует налог с продаж по ставке от 2 % до 11 %.

Максимальная ставка НДС в Российской Федерации после его введения составляла 28 %, довольно скоро она была понижена до 20 %, а с 1 января 2004 года составляет 18 %.

Вследствие такого способа обложения суммарный налог на каждое *потребляемое* благо или услугу собирается на всех стадиях производства. В этом смысле НДС является не столько особым видом налога, сколько способом сбора налоговых платежей. В зависимости от того, как трактуется амортизация (износ основного капитала), НДС оказывается эквивалентным пропорциональному подоходному налогу (income value added, IVA), налогу на потребление (consumption value added, CVA) – или на *конечный* продукт, или на валовую добавленную ценность (gross value added, GVA).

Впервые интерес к НДС проявился в 1920-х годах, когда он рассматривался как разновидность налога с продаж. Поскольку налог применялся только к добавленной ценности, а не к суммарной выручке, он позволял избежать тех отрицательных свойств, которые были присущи многим формам налога с продаж. Главное — ликвидировалось многократное налогообложение одних и тех же производственных затрат во время продаж промежуточных продуктов и окончательной продажи потребителю. НДС отстаивался также на том основании, что он осуществляет большее приближение к налогообложению по принципу получаемой выгоды, чем его главная альтернатива — корпоративный налог на прибыль.

В последнее время в пользу НДС приводятся дополнительные аргументы, — утверждают, что он в большей степени, чем налог на прибыль корпораций, способствует экономическому росту и стабильности платежного баланса. Но это не столько установленный факт, сколько непроверенное мнение.

Экономические последствия НДС, в силу указанных подобий, будут теми же, что и у соответствующих налогов. Скажем, НДС в форме налога на потребление (CVA) будет меньше других угнетать накопление капитала. НДС в форме налога на доходы (IVA) будет делать это более ощутимо, а сильнее всех понижает склонность к инвестированию налог на валовую добавленную ценность (GVA). Все сказанное непосредственно следует из того, в какой степени разные схемы позволяют списание капитальных затрат. Можно также предположить, что эти три варианта налога расположатся в том же самом порядке в отношении степени неравенства в распределении налогового бремени.

Как все это выглядит под углом четырех правил Адама Смита? Это зависит от способа взимания. Как сказано, НДС может быть подобен или пропорциональному подоходному, или налогу с продаж, или обложению конечного продукта — род налога на потребление. Обо всех таких налогах мы уже говорили. Одно можно сказать определенно: НДС — самый удобный для государства вид обложения. И наименее заметный для налогоплательщика, который обычно не знает, когда и как он его уплачивает — и в каких размерах.

Не зря четыре правила Смита называли «Декларацией прав плательщика». Попробуем примерить к ним НДС.

1. *Подданные государства обязаны участвовать в покрытии расходов правительства по возможности сообразно своим средствам, т.е. соответственно тем доходам, который получает каждый под охраной государства.*

В общем случае, про НДС это невозможно сказать и даже узнать наверняка, даже если в каких-то случаях такое и может иметь место.

2. Налог, который обязан уплачивать каждый, должен быть точно определен, а не произволен. Момент его уплаты и размер платежа должны быть ясны и известны как самому плательщику, так и всякому другому.

В принципе, НДС определен точно, но для плательщика это мало значит, потому что он не знает точно ни момента своего платежа, ни его размеров.

3. Каждый налог должен взиматься в такое время и таким способом, какие наиболее удобны для плательщика.

НДС наиболее удобен для государства; соображения об удобствах для плательщика вообще не релевантны.

4. Каждый налог должен быть так устроен, чтобы он извлекал из кармана плательщика возможно меньше сверх того, что поступает в кассы государства.

Скорее всего, этому правилу НДС, в общем случае, удовлетворяет, только для плательщика в этом слабое утешение ввиду всего предыдущего.

НДС – чистый случай невидимого налога. Общим свойством последних является введение плательщика в заблуждение относительно того, как много его заставляют отдавать государству. Ввиду постоянного роста государства в странах Запада, растут и удержания из доходов граждан.

Такой вид обложения открывает огромные возможности для налоговых злоупотреблений со стороны государственной власти и дает гораздо меньше возможностей для плательщиков обсуждать и оспаривать его величину. Здесь многое зависит от деталей его устройства, понятных только специалистам. А как известно, дьявол – в деталях.

В США еще не дошли до НДС, хотя уже кое-кто начинает об этом поговаривать. С другой стороны, раздаются голоса за полную отмену подоходного налога и замену его универсальным налогом с продаж. То есть, опять и снова наступать все на те же грабли. Мало кто призывает, что дело не столько в самом налоге, сколько в том, как он взимается и какие пути открывает для злоупотреблений со стороны государства. Но принцип один: под Левиафаном население всегда переобложено. Нужно представить себе, сколько нулей содержал бы годовой билль от казначейства, полученный плательщиком, если налоги не удерживались бы при каждой выдаче зарплаты и не оплачивались бы при каждой покупке, а все вместе были бы сведены в единую сумму.

Расчеты такого рода едва ли возможны, так как все меняется время от времени. Но все же возможны довольно надежные оценки роста обложения во времени. Существует в стране мозговой трест, именуемый Tax Foundation. Он делает ежегодно расчеты указанного рода. В центре расчетов находится «День, свободный от налогов». Специалисты определяют *общее налоговое бремя* – они суммируют все налоги – федеральные, штатные и местные. Затем они высчитывают число дней, которое средний американец должен отработать, чтобы уплатить все эти налоги.

В 1902 г. средний американец должен был работать до 31 января, чтобы выполнить свои обязательства по налогам. К 1940 г. эта дата была 8 марта. В 1974 г. это было уже 2 мая, в 1997 – 9 мая, в 1998 – 10 мая. Каждый год дата «дня, свободного от налогов» сдвигается все дальше. Напомним: это календарный день, до которого американец, начиная с 1 января, работает только на налоги. [5]

Итоги

Страна Америка начиналась с борьбы против налогов, навязанных населению без его согласия. Свободу самообложения поколение Американской Революции видело как залог всех других свобод. К настоящему времени ситуация практически вернулась к тому, что вызвало революцию – с той разницей, что нынешний враг свободы пребывает внутри нации. Фактически, американцы давно уже лишены многих своих былых вольностей.

И куда же идут средства, отнимаемые от потребления граждан и от инвестиций бизнеса? На рост государственной бюрократии и на множество социальных программ, как правило, дающих нулевую отдачу.

Вот один пример: Великое Общество президента Линдона Джонсона. Он объявил его начало в 1965 г., и центральным пунктом там была «борьба с бедностью». На эту борьбу были истрачены сотни миллиарды долларов. Сегодня, по официальным данным, бедных в стране не меньше, чем была в 60-х годах. Зато великое множество левых активистов было при деле и своих немалых окладах. И это не все. Часть денег, выделяемая государством подобным организациям, возвращается к политикам в форме пожертвований на их избирательные кампании.

Таким был знаменитый «стимул-пакет» новоизбранного президента Обамы. Делалось это как бы в соответствии с кейнсианской теорией: расходы государства создают «эффективный спрос». Рост спроса должен вызвать рост инвестиций и, следовательно, сокращение безработицы. В итоге экономика должна выйти из депрессии.

По-видимому, экономика этого не знала – во всяком случае, мы до сих пор имеем вялотекущую депрессию. Такое состояние предпочитают называть рецессией, но сути это не меняет. Стимул-пакет (чуть меньше триллиона долларов) был просто раздачей денег налогоплательщиков сторонникам и донорам политической партии Обамы. Почему-то эти затраты не создали эффективного спроса и ощутимого роста инвестиций.

Большое Государство провозглашает и пытается осуществлять перераспределение доходов как бы от богатых к бедным. На деле, в первую очередь перераспределяемые средства идут к организациям, которые поддерживают партию власти, – от профсоюзов до всевозможных компаний «зеленой энергетики», активистов «защиты прав меньшинств» и прочей подобной публики. Бедным тоже достается кое-что – фудстемпы и некоторые субсидии.

Понятно теперь, почему провалились все программы по борьбе с бедностью? Все свелось к расширению класса люмпенов, живущих за счет налогоплательщиков, и распространению психологии иждивенчества. Это – преднамеренная политика ради создания постоянного избирательного блока голосующих за Большое Государство. Все это было не борьбой с бедностью, а борьбой за сохранение перманентной бедности.

Государство-Левиафан – оно же Социальное Государство и оно же Государство Благосостояния – есть глист в теле общества, который разрастается, поедая соки организма. Прожорливый гельминт не может насытиться даже за счет непомерных налоговых сборов. Он залезает в долги – внутренние и внешние, не заботясь о том, когда, кому и как придется их оплачивать.

Всецело преобладает тип безответственного политика, который цинично пренебрегает заботой о завтрашнем дне, думая только о ближайших выборах. В этом обе главные партии США – близнецы-братья. Их политики и должностные

лица не противодействуют росту и укреплению Левиафана – они воплощают собой Левиафана. В стране сложился форменный *правлящий класс*, связанный круговой порукой и отторгающий «чужаков». [6]

Время от времени, в преддверии выборов появляется свежее лицо, смело обличающее пороки Большого Государства и обещающее содействовать оздоровлению ситуации. «Мы говорим: Давайте направим в Вашингтон мистера Смита, он – тот человек, кто будет бороться за наши интересы, – писал Джозеф Овертон. – И не понимаем, что мистер Смит давно уже сидит в Вашингтоне». [7] Всегда все кончается тем, что, став депутатом, это лицо скоро меняет свою «морду лица» и становится неотличимым от других. Сложившаяся культура правящего класса перемалывает самые благие порывы неопита, превращая его в очередной винтик государственной машины.

Но долги государства буквально *не могут не расти*. Потому что его растут его расходы. И рано или поздно государство прибегает к безотказному источнику новых доходов – печатному станку. В Евросоюзе сказанный процесс уже раскручивается, у Америки еще все впереди, но рано или поздно серьезной инфляции, по-видимому, не избежать. Давно уже показано, что инфляция, по сути своей, есть разновидность налога на доходы.

Эрозия нравственных ценностей, порча национального характера, бесконтрольность, безответственность и спайка правящего класса, коррупция, переобложение населения и всяческий его обман, блатной капитализм (*crony – capitalism*), замедление экономического роста, увеличение внешнего и внутреннего долга, инфляция – таковы имманентные свойства Левиафана. Отсюда один шаг до бандократии.

«Политические деятели Греции, жившие во времена народного правления, не признавали для него никакой другой опоры, кроме добродетели. Нынешние же только и говорят, что о промышленности, торговле, финансах, богатстве и даже о роскоши. Когда добродетель исчезает, честолюбие овладевает всеми сердцами, которые могут вместить его, и все заражаются корыстолюбием... При наличии политической добродетели имущества частных лиц составляют общественную казну, без этой добродетели общественная казна является достоянием частных лиц. Республика становится добычей, а ее сила – это власть немногих и произвол всех». (Монтескье).

Примечания

[1] Джордж Харрисон тогда даже написал песню «Taxman» – «Сборщик налогов».

[2] По данным The Heritage Foundation

[3] См., например: <http://angrybearblog.com/2010/11/hausers-law-is-extremely-misleading.html>

[4] Amity Shlaes. *The Greedy Hand*. Random House. NY, 1999.

[5] Там же, с. 12.

[6] См: http://spectator.org/39326_americas-ruling-class-and-perils-revolution/

[7] Джозеф Овертон (1960-2003) – исследователь публичной политики и блестящий публицист. Известен больше всего созданным им понятием «окно Овертона» (Overton Window). Погиб в результате авиакатастрофы.

Борис Тененбаум

ЛИНКОЛЬН

(главы из новой книги)

Молодой человек с определенными перспективами

I

15-го апреля 1837-го года в город Спрингфилд въехал некий молодой человек, одетый не больно — то элегантно, и верхом на лошади, которую ему одолжили. Тем не менее, он был полон надежд, ибо у него была и профессия, и место, где его ожидали и где он мог приложить свои силы и знания.

Звали молодого человека Авраамом Линкольном, профессией он обзавелся совсем недавно, умудрившись сдать экзамены на занятия юридической практикой, а местом его труда должна была стать адвокатская контора “Стюарт и Линкольн”, в которой ему было предложено поучаствовать в качестве младшего партнера.

Ну, с Линкольном мы уже немного знакомы, а вот о Спрингфилде есть смысл рассказать поподробней.

В 1837-ом это был новый город, основанный только 16 лет тому назад, в 1821-ом, и улицы его пока что никто замостить так и не собрался. Поэтому в распутицу грязь тут была такая, что грузовые фургоны вязли в ней до колесных осей, зато летом мелкая пыль наполняла воздух до такой степени, что затруднялось дыхание.

Тем не менее, в городе жило уже под полторы тысячи человек, и в нем имелось 19 лавок, 7 бакалейных магазинов, 4 аптеки, два заведения, торгующих одеждой, и одно, торгующее книгами и журналами.

Имелось также 6 церквей, и не точно известное количество пивных, потому что спиртным, случалось, торговали и без лицензии. Образованное сословие было представлено 18 докторами и 11 юристами, одним из которых и являлся Авраам Линкольн, молодой человек, прибывший сюда из Нью-Сэйлема.

Денег у него было так мало, что он поселился в большой комнате на втором этаже магазина “Эллис и Компания” вместе с Джошуа Спидом, одним из владельцев этого магазина ^[1].

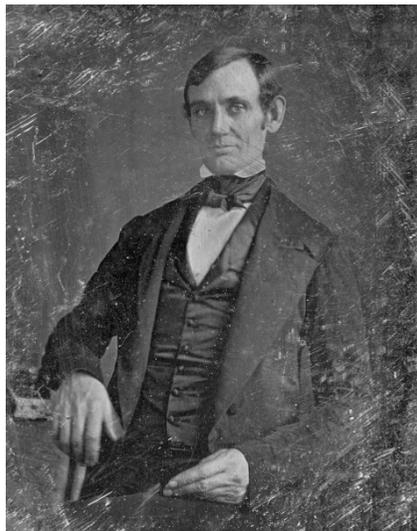
Тем не менее, несмотря на бедность, он явно чувствовал себя довольно оптимистично — как-никак, у него была работа и даже некая политическая репутация. В законодательном собрании штата Иллинойс его уже замечали, он был вигом, и в этом качестве стал одним из лидеров “фракции меньшинства”, как вигов именовали их оппоненты-демократы.

Работы у него хватало — юридическая фирма “Стюарт и Линкольн” была весьма успешным предприятием, с хорошей практикой, но заработка, тем не менее, Эйбу Линкольну хватало только на жизнь.

Дело тут даже не только в том, что на его долю выпадали все больше мелкие дела, приносившие гонорар в размере 3-4 долларов, сколько в том, что на нем лежало тяжелое бремя так называемого “национального долга”.

Еще в 1832-ом он влез в дело, взяв на себя половинную долю в предприятии “Берри и Линкольн”, которое перекупило вышедший из бизнеса магазин, торговавший всякой всячиной. У новых владельцев дело тоже не пошло, даже после того,

как Берри попытался торговать еще и алкоголем — он сильно пил, и попробовал, так сказать, совместить личные увлечения с профессиональной деятельностью. Эксперимент вышел очень неудачный, Берри спился и вскоре умер, и предприятие “Берри и Линкольн” прогорело дотла.

Авраам Линкольн, 1846 или 1847

По закону Авраам Линкольн отвечал только за половину долгов обанкротившейся фирмы, но он решил взять на себя все.

Поступок, возможно, донкихотский, но “честный Эйб” был человеком порядочным, и подводил кредиторов, ссудивших его бывшую компанию деньгами, не хотел ни за что. В итоге он задолжал фантастическую для его возможностей сумму, побольше 1000 долларов, и выплачивал ее мелкими взносами.

Потому-то он и его приятели и окрестили ее “национальным долгом” — и штатные, и федеральные долги выплачивались примерно так же.

А долгов у штата Иллинойс хватало.

За один из них прямою ответственность нес законодатель Авраам Линкольн.

II

На тему того, как именно устроена система правления в Соединенных Штатах, написаны даже не целые тома, а целые библиотеки. Это неудивительно — в Новом Свете попробовали заново создать такое государство, которое учло бы все ошибки и недочеты государств Старого Света.

Вопросами теории правления в Европе, конечно, занимались еще со времен Аристотеля.

Считалось, что есть три базовые формы правления:

1. Правление одного — монархия.
2. Правление немногих лучших — аристократия.
3. Правление большинства — демократия.

И предполагалось, что все три формы имеют свои достоинства, но имеют и недостатки, крупнейших из которых состоит в их перерождении. Монархия, скажем, имеет тенденцию вырождаться в тиранию, аристократия — в олигархию, когда группа немногих начинает править только в интересах самих себя.

О проблемах демократии нечего было и говорить — считалось самоочевидным, что она может выродиться во охлократию, то есть во власть охлоса [iii]. А это, знаете ли, власть тупой, слепой и озлобленной толпы черни. Такое толкование было, например, очень популярно в России во времена Екатерины Великой — считалось хорошим тоном сравнивать счастливый век правления просвещенной монархини, “философа на троне”, с буйными Афинами, поднесшими чашу с цикутой самому Сократу...

Ну, “отцы-основатели” Соединенных Штатов к народному волеизъявлению относились более либерально, но и они считали, что власть посредством прямого народоизъявления получится несколько хаотичной.

В целом была принята идея о необходимости смешанной системы, в которой сочетались бы лучшие черты монархии, и аристократии, и демократии. С ссылкой на известное с античных времен устройство Римской Республики такая система почиталась наилучшей.

Однако у творцов нового, еще небывалого государства имелись образцы и примеры поуже, чем Древний Рим — в конце концов, все они были англичанами.

Идея представительной законодательной власти — Парламента — представлялась им очевидной, тем более что законодательные ассамблеи имелись в каждом из первых 13-и штатов, образовавших Союз.

По образцу британского Парламента в Америке был учрежден собственный законодательный орган, Конгресс, и он тоже был разделен на две палаты. Палата Общин в США стала называться Палатой представителей, а Палата Лордов — Сенатом [iiii].

Согласно первой статье Конституции США, дело устроено следующим образом:

«Статья I:

Раздел 1. Все законодательные полномочия, сим установленные, предоставляются Конгрессу Соединенных Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей.

Раздел 2. Палата представителей состоит из членов, выбираемых раз в два года населением в отдельных штатах; избиратели в каждом штате должны отвечать требованиям, предъявляемым к избирателям более многочисленной палаты законодательного собрания штата.»

Но вот дальше начались поправки и улучшения.

В Палату представителей, в отличие от британского Парламента, депутатов выбирали всего на два года, а не на неопределенное время «вплоть до пяти лет», и депутаты должны были представлять определенные избирательные округа с приблизительно одинаковым количеством населения.

Тем самым ликвидировалась известная проблем так называемых “гнилых местечек” — когда в силу исторических причин какая-нибудь богом забытая деревенька имела место в Парламенте, а возникший позднее нее немаленький город того места не имел.

В Конституции на эту тему говорилось вот что:

«Представители и прямые налоги распределяются между отдельными штатами, которые могут быть включены в настоящий Союз, пропорционально численности населения, каковая определяется посредством прибавления ко всему числу свободных лиц — включая тех, кто обязан находиться в услужении в течение многолетнего срока, и исключая не облагаемых налогом индейцев трех пятых всех прочих лиц».

Обратим внимание на оговорку об индейцах — они считались чем-то отдельным, и к выборам в США не допускались.

Что же касается «тех, кто обязан находиться в услужении в течение многолетнего срока» — тут в виду имелись негры-рабы. Надо было как-то решить, как же учитывать их в подсчете населения штатов при том, что рабы права голоса заведомо лишены.

“Отцы-основатели” нашли некий компромисс — раб, деликатно названный «лицом, обязанным услужением», права голоса по-прежнему не имел, и гражданином не являлся, но в кадастре населения оценивался как 2/3 белого.

Так что южные штаты имели как бы больший вес на душу населения при выборах в Палату Представителей.

Примем во внимание, что подход к представительству каждого штата, связанный с количеством его населения, давал преимущества крупным штатам, где жило больше народу.

Поэтому в качестве компенсации малым штатам было принято правило, согласно которому всякий штат, вне зависимости от его размеров, был представлен в Сенате двумя депутатами, которых так и называли — сенаторы.

Сенат был эквивалентом английской Палаты Лордов.

Так сказать, попыткой создать аристократию государственных мужей, опытных в делах правления. Дабы сделать их не столь подверженными шаткому влиянию улицы, сенаторам давались полномочия не на два года, а на шесть.

Однако и они были лицами выборными — никаких “наследственных лордов” Конституция США не признавала. В общем, такого рода система укоренилась уже настолько, что все новосозданные штаты, вроде Иллинойса, просто копировали ее на местном уровне, и легислатуру свою переизбирали каждые два года.

Таким образом, каждый законодатель, если хотел быть избранным еще раз, был просто обязан учитывать мнения своих избирателей. Авраам Линкольн был честолюбив, и быть избранным еще раз хотел, и даже очень хотел.

И в 1836-ом году он проголосовал за “проект внутренних улучшений”.

III

Европейцев, попадавших в Соединенные Штаты в середине 19-го века, поражала глубокая дремучая провинциальность американской культурной и политической жизни.

Крупных писателей, художников, или поэтов, известных в Европе, в США это время не было. Собственно, Эмерсон уже был, но он рассматривался скорее как философ. Где-то в стороне от суеты жил в своей уединенной хижине в лесу Генри Торо. Однако его работы и в США поначалу особой известности не имели.

Америка в культурном смысле оставалась некоей отдаленной заокеанской провинцией Европы, в первую очередь, Англии, да и вообще, можно сказать, что культурой американцы интересовались не слишком.

Еще меньше интереса вызывала у них внешняя политика.

Федеральное правительство вообще располагало очень небольшими ресурсами, его функции в основном ограничивались просто координацией действий отдельных штатов, политика же отдельных штатов вертелась практически исключительно вокруг сугубо местных вопросов.

Соединенные Штаты были одинаковы благожелательны решительно ко всем, кто мог им что-нибудь продать, или наоборот, что-нибудь у них купить.

Страна жила коммерцией и индустрией.

Там для энергичных и способных людей хватало пространства для осуществления их амбиций, потому что и торговля, и индустрия развивались в США бурными темпами. Важнейшим фактором этого была так называемая “транспортная революция”.

До появления железных дорог единственным способом передвижения людей и грузов были перевозки водой.

То есть, конечно, можно было двигаться верхом или идти пешком. Можно было двигаться в карете, но это требовало какого-то разумного устройства дорог, иначе дожди и грязь делали их непроходимыми добрую половину года.

Вода в этом смысле была более удобна, и реки Америки служили чем-то вроде транспортных артерий для путешествий и торговли.

Для перевозки грузов из города Цинциннати в штате Огайо в город Нью-Йорк требовалось около семи недель. Торговое судно могло отправиться по реке Огайо вниз по течению, дальше двигаться по Миссисипи до Нового Орлеана, там груз следовало передать на другое судно, теперь уже способное двигаться по морю, и только тогда в конце концов он оказывался в Нью-Йорке.

Понятно, что при таких условиях продукция, произведенная где-нибудь в Цинциннати, далеко от места своего производства не уходила, и тот же Нью-Йорк предпочитал покупать все, что ему требовалось, где угодно, но не в Огайо.

Но когда появились паровозы, оказалось, что путь из Цинциннати до Нью-Йорка занимает только пять дней, и в результате свинина из Огайо пошла к атлантическому побережью в таких количествах, что цена на нее упала с 9 долларов 75 центов за бочку до 1 доллара 18 центов.

Понятное дело, перевозилась не только свинина, но и вообще все, что можно было произвести на месте и с выгодой продать там, где этого продукта не хватало.

К железным дорогам добавился телеграф — и торговцы получили возможность мигом узнавать котировки на любые товары во всех местах, куда только доставали телеграфные провода.

Производство «чего угодно в индустриальных количествах» само стало чем-то вроде “паровоза” — оно потянуло за собой и оптовую торговлю, и бурное усовершенствование методов обработки сырья, и нужду в материалах вроде чугуна, стали, и хлопка, и новые потребности в продовольствии для прокормления больших городов, и образование целых технических социальных прослоек в виде механиков, машинистов, телеграфистов, мастеров по изготовлению всевозможных машин и приспособлений, и так далее.

Всю эту бурную деятельность требовалось как-то регулировать, возникающие конфликты требовалось как-то разрешать. Разрешением конфликтов занимался суд — и оказалось, что потребность в юристах возросла. А регулированием занимались законодательные ассамблеи штатов — там принимались законы. Законодателями же становились только те, кто одерживал победу на местных выборах.

Естественным путем в политику потянулись те, кто хотел бы влиять на законы. Лучше всех в законах понимали, естественно, юристы.

Вот они-то в политику и двинулись.

Чему Линкольн был типичным примером.

IV

Партия вигов, к которой принадлежал Авраам Линкольн, отвергала всякую идею о создании федерального центра, имеющего в своем распоряжении дееспособную армию. Считалось, что это самый верный путь к тирании, и президента Эндрю Джексона, настаивавшего на усилении армии и флота, виги обзывали “королем Эндрю”.

Королевский титул тут понимался отнюдь не как комплимент, а как синоним слова “диктатор”.

На все аргументы со стороны “юнионистов”, считавших необходимым создать в США хоть какие-то постоянные вооруженные силы, отвечалось, что в этом нет никакой надобности.

Разве Соединенные Штаты не сумели отбиться от Англии в ход войны 1812?

И разве милиционные ополчения отдельных штатов, вроде того формирования, в котором послужил в свое время Авраам Линкольн, не более чем достаточны для того, чтобы в случае нужды установить должный порядок на новых территориях?

Но тем не менее, и у правительства есть некая роль — оно должно взять на себя финансирование таких крупных проектов, которые отдельные граждане поднять не в состоянии. Например, проложение железных дорог, или проведение новых каналов, или принятие мер по улучшению почвы.

Тут, в общем, и случилось крупное расхождение вигов и демократов.

Обе партии полагали, что надо всячески способствовать тому, что сейчас назвали бы “инфраструктурой”, но виги настаивали на прямом участии правительства, а демократы — на создании “благоприятного инвестиционного климата”.

Они были готовы отдать это дело в руки частного капитала, и полагали, что нечего тратить деньги налогоплательщиков на то, что частники сделают куда лучше.

Споры носили ожесточенный характер, как случается всегда, когда делятся налоговые деньги.

Ибо есть люди, которые их платят, и люди, которые их тратят, и их интересы не совпадают самым решительным образом.

Представители “тех, кто платят”, в иллинойской легислатуре стояли за сокращение расходов штата. Налоги платились не с доходов, а с собственности, так что крупные собственники предпочитали “ограниченное правительство”.

Но мелкие собственники, которых было на два порядка больше, желали “улучшений дорог и каналов” — за общественный счет.

Линкольн был сторонником именно такого подхода к делу, агитировал за принятие соответствующего законодательства, добился своего — но увы, в 1837-ом случилась паника, все ценные бумаги в Иллинойсе пошли вниз, и штат остался с начальными каналами, которые было не на что довести до эксплуатации.

Попытка погасить долг выпуском облигаций особого успеха не принесла, пришлось поднимать налоговые ставки, и в итоге началось недовольство. Немалая часть его пала на голову пылкого молодого законодателя, Авраама Линкольна.

Тот факт, что он сумел удержаться в легислатуре и дальше, был свидетельством его популярности у избирателей, не все его коллеги отделались так легко.

Но, как известно, неудачи учат получше, чем успехи.

Линкольн в своих речах стал сдержаннее. Теперь он не бросался в борьбу так безоглядно, как он делал раньше. В Иллинойсе в ходу были бурные сходы, которые нередко переходили в драки. У Линкольна была своя “группа поддержки”, образовавшаяся еще со времени его первых неудачных попыток добиться выборного поста.

И когда он однажды увидел, что одному из его преданных друзей грозит полное поражение, Линкольн прыгнул с возвышения, с которого он держал речь, схватил человека, колотившего его приятеля, за ворот и за штаны, и откинул его далеко в сторону. Очевидцы говорили, что фута на 3-4, преданные сторонники довели эту цифру уже до 10-12, а потом и вовсе начали говорить, что “честный Эйб” перекинул наглеца через речку.

Так случается с легендами — но где-то с 1838-го года Авраам Линкольн перестал поставлять исходные материалы для такого рода легенд.

Во-первых, он сильно остепенился, и начал присматривать себе жену. Он чуть было не женился еще в 1835, но его избранница умерла, по всей вероятности, от вспышки тифа, начавшейся после наводнения. Линкольн очень горевал по ней, но жизнь берет свое, и у него даже появилась новая привязанность, девушка родом из довольно богатой семьи из штата Кентукки.

Кавалеру такой барышни драться на кулачках как-то не пристало.

Во-вторых, в штате Иллинойс значительную известность начал приобретать некто Стивен Дуглас. Он был юристом, как и Линкольн, только работал не в частной компании, а на официальном посту в одном из графств Иллинойса, и с 1836-го года стал заниматься политикой, и очень быстро выделился как яркий оратор. За малый рост и кипучую энергию его стали называть “маленьким гигантом”, среди сторонников партии демократов в Иллинойсе он считался восходящей звездой, и оказалось, что буквально на всех путях, по которым шел Авраам Линкольн, он наткнулся на Стивена Дугласа.

Они сильно невзлюбили друг друга.

Стивен Дуглас как государственный деятель

I

Стивен Дуглас был, право же, одаренным человеком. Точно так же, как и Линкольн, он попал в Иллинойс со стороны, только что приехал из Вермонта, а не из Индианы, и точно так же, как Линкольн, начинал с низов. Положим, не лесорубом, а учителем, но, тем не менее, собственных средств у него не было никаких, и успехом он был обязан исключительно своим собственным талантам.

Точно так же, как и Линкольн, он сочетал юридическую деятельность с политической, только делал это не в пример успешнее. Пиком его карьеры в Иллинойсе был пост государственного секретаря этого штата, а дальше уж его горизонты стали пошире, и он ориентировался на политику в Вашингтоне, а не в Спрингфилде. После двух сроков в палате представителей конгресса в 1846-м он был избран в сенат и сразу же оказался там влиятельным человеком. У него был редкий дар распутывать самые запутанные узлы и находить решения для не решаемых вроде бы вопросов.

Сразу после войны с Мексикой возник острейший вопрос — как организовать захваченные новые территории? Ключевым моментом тут был вопрос о том, можно ли вводить рабство в новых штатах, которые будут там образованы?

Южные штаты были категорически «за», северные штаты были категорически «против», поселенцы в Калифорнии требовали немедленного предоставления им статуса штата, при этом рабство в Калифорнии было запрещено по все еще остающемуся в силе законодательству Мексики — и получалось, что Калифорния станет новым штатом, свободным от рабства. В общем, страсти разгорелись нешуточные.

В 1847 году голосующая сила Севера в палате представителей уже сильно превышала силу Юга. Число представителей штата в нижней палате конгресса зависело от численности населения штата. Так вот, на Севере и населения было намного больше, и в зачет шли все жители штата.

А на Юге полный голос имели только белые, а рабы учитывались довольно своеобразно — их владельцы получали как бы «кредит» в 2/3 голоса за каждого раба, которого они имели, и суммарное число добавлялось к населению избирательных округов. Ясно, что в этом случае южане получали в конгрессе больше голосов, чем им было бы положено по числу реально голосующих, но меньше, чем им было бы положено, если бы негров считали людьми, а не абстрактными 2/3 человека.

Таким образом, все политическое влияние Юга в спорах с Севером держалось только на том факте, что в том же 1847 году в союз входило 15 рабовладельческих штатов и всего 14 штатов, свободных от рабовладения. В сенате у Юга было большинство, и всякую попытку увеличить число «свободных штатов» там воспринимали как «агрессию Севера с целью подавить исконные свободы...».

Влиятельные сенаторы Юга заговорили об отделении от Союза, попирающего их права.

Новый президент, генерал Захария Тэйлор, избранный на место президента Полка, сухо сообщил, что в этом случае он «повесит мятежников, в точности так, как он вешал дезертиров». И добавил, что мера эта будет применена и к сенаторам. Ему, надо сказать, поверили.

В ходе недавно закончившейся войны с Мексикой из армии США дезертировало и перешло на сторону врага столько ирландцев-католиков, что мексиканцы сформировали из них отдельный батальон. Так вот, генерал Тэйлор в случае, если они попадали в плен к американцам, без всяких разговоров их вешал. В общем, неизвестно, до чего дошло бы дело, если бы не два дополнительных обстоятельства. Во-первых, президент США Захария Тэйлор, грозивший мятежным сенаторам виселицей, внезапно умер. Во-вторых, глава партии вигов Генри Клей нашел выход.

Он предложил некий компромисс.

II

Проблема, собственно, была не нова, как, впрочем, и ее разрешение. По мере продвижения западной границы возникали новые штаты, и надо было как-то решать вопросы их баланса, чтобы уравновесить интересы и рабовладельческих, и «свободных» штатов. И вот в 1820 году было достигнуто соглашение, которое получило название «миссурийский компромисс» — штат Миссури был принят в Союз как рабовладельческий, а штат Мэн — как свободный.

На будущее было решено, что рабство запрещалось только севернее 36°30' с. ш. И западнее р. Миссисипи. Было решено в дальнейшем принимать в Союз по два штата, из которых один должен быть свободным, а другой — рабовладельческим.

Поскольку с Калифорнией получалась накладка, сенатор Клей предложил политический компромисс: Калифорния все-таки допускалась в Союз в качестве свободного штата, закон новых штатов, Юта и Нью-Мексико^[iv], предоставлял решение этого вопроса населению, но Югу была сделана важная уступка.

В «миссурийском компромиссе» был так называемый раздел номер восемь, который гласил следующее:

«... Настоящим устанавливается, что на территории, уступленной Францией Соединенным Штатам под названием Луизиана, которая находится к северу от тридцать шестого градуса тридцати минут северной широты и не включена в пределы штата, рассмотренного этим актом, навсегда запрещаются рабство и подневольный труд, кроме случаев наказания за преступление, о чем заинтересованные стороны должным образом оповещаются. Определено, что всегда, когда на данную территорию проникает человек, избегающий законно признаваемых в любом штате и территории Соединенных Штатов подневольного труда или службы, этот человек должен быть законным образом задержан и передан человеку, требующему от него вышеупомянутой работы или службы.»

Так вот, согласно соглашению, предложенному Генри Клеем, новые территории севернее установленной черты оставались свободными, но зато подтверждалось, что бежавших на эти территории рабов полагалось выдавать обратно. Южане долго настаивали на том, чтобы беглецов, достигших Севера, возвращали на Юг. Это вызывало острейшие разногласия: северяне полагали, что рабство на Юге есть неискоренимое зло, и, за редкими исключениями, особо с ним не боролись, но выдавать уже достигших их границ беглецов не хотели.

Дело доходило до вооруженных конфликтов с охотниками за беглыми рабами, и тогда приходилось вмешиваться федеральной власти. В общем, Юг оценил уступку положительно.

Но, тем не менее, “компромисс 1850-го” все никак не мог пройти через сенат, достаточного большинства никак не набиралось. И тогда Стивен Дуглас, совсем молодой сенатор первого срока, предложил замечательное решение — он поделил проект законодательства, предложенный Генри Клеем, на несколько частей. Люди, которые всей душой поддерживали статус штата для Калифорнии, ни за что не проголосовали бы за возвращение беглых рабов их владельцам — и наоборот, конечно. И оказалось, что по каждой из этих отдельных частей все-таки можно собрать большинство — только каждый раз оно собиралось из разных элементов электората.

Это искусство Стивена Дугласа оказалось высоко оценено.

Он легко выиграл новые выборы в сенат, и даже стал председателем комитета сената по устройству новых территорий, то есть лицом влиятельнейшим. И вот однажды Дугласу пришла в голову хорошая идея.

В его родном штате, Иллинойсе, железнодорожные компании очень интересовались проведением линий от Чикаго в направлении к Калифорнии. Потенциальная трасса лежала через территорию Небраски и Канзаса. Но решить вопросы с отведением под нее земли могло решить только федеральное правительство, потому что штатов на этой территории еще не было. Для поддержки проекта Стивену Дугласу было необходимо получить голоса южных сенаторов — иначе дело не выхо-

дило. За помощь они запросили высокую цену, и Дуглас пообещал им попробовать ее уплатить.

Он инициировал в сенате так называемый «Акт Канзас — Небраска».

III

Закон Канзас — Небраска (англ. Kansas – Nebraska Act), который был предложен Стивеном Дугласом и в мае 1854 года принят конгрессом, предоставлял населению территорий Канзас и Небраска самостоятельно решить вопрос с узакониванием или запретом рабовладения. Звучало это все невинно — ну, действительно, почему бы населению новых территорий самому не решить, какое политическое устройство подходит ему больше? Но поскольку обе эти территории лежали севернее разделительной черты, то получалось, что Акт отменял компромисс 1820 года?

Да, дело обстояло именно так.

Канзас и Небраска приравнялись к Нью-Мексико и Юте — рабовладение делалось там в принципе возможным, все зависело от “выбора населения”. Это и была та цена, которую требовали от Дугласа его партнеры, влиятельные сенаторы Юга, и он согласился ее уплатить, прекрасно понимая, что это вызовет бурю. Какими мотивами руководствовался Стивен Дуглас, мы, конечно, знать не можем, а можем только гадать.

В принципе можно предположить общественный интерес: железнодорожная связь бурно развивающегося Чикаго с не менее бурно развивающимся Сан-Франциско должна была сильно оживить коммерцию в обоих регионах. Иллинойская Центральная железная дорога должна была крупно на этом заработать, а сенатор Дуглас к этому времени был уже весьма состоятельным человеком, и в числе его прочих деловых интересов был и немалый пай как раз в этой компании.

Он мог вполне искренне хотеть помочь Югу и дать ему некую компенсацию за «потерю Калифорнии». В 1847-м он женился на юной красавице из состоятельной южной семьи и получил за ней в качестве приданого долю в обрабатываемой рабами плантации в штате Миссисипи.

Положим, ему пришлось устроить так, что непосредственно к плантации он отношения как бы не имел — ему, в его положении сенатора от свободного штата Иллинойс, это было бы неудобно.

У желания сделать одолжение сенаторам Юга могли быть и другие, не столь очевидные побуждения. Стивен Дуглас был человек расчетливый и дальновидный. Однажды он сделал широкий жест — подарил под застройку баптистского колледжа участок земли в лучшей зоне Чикаго.

О его щедрости заговорили по всему штату — Стивен Дуглас сделал городу поистине царский подарок ^[v].

Потом, правда, оказалось, что ему принадлежат и другие участки, примыкающие к будущей застройке, и что их цена в результате дара почти удвоилась, даритель очень неплохо заработал на своем порыве к добру, но это все выяснилось потом.

Так вот — дружеское внимание к запросам важных людей, представлявших в сенате штаты Юга, могло оказаться очень полезным козырем в случае, если бы сенатору Стивену Дугласу однажды пришла бы в голову мысль попытаться удачи в

президентской гонке. Как бы то ни было, Стивен Дуглас сделал свой выбор, внес законопроект в конгресс и очень поспособствовал его принятию.

«Акт Канзас — Небраска» сыграл роль спички, брошенной в лесу во время засухи.

Такая спичка начинает пожар.

Рождение новой партии

I

Сторонников “аболиционистов” в США по-русски, наверное, следовало бы звать “отменяльщиками”. Английское слово abolitionism пошло от латинского abolitio, “отмена”, и означало движение, добивающееся отмены какого-либо закона. Ну, в случае США второй трети XIX века это означало отмену закона о рабстве. Движение это было импортировано из Англии, где оно зародилось уже давно и преуспело настолько, что рабовладение там было запрещено.

И даже более того. Давление общественного мнения вынудило английское правительство заняться борьбой с работорговлей. К работорговцам в Англии через некоторое время и вовсе стали относиться как к пиратам, и грозный флот Великобритании, в ту пору истинной “Владычицы морей”, вымел их со всех морей.

В США к 30-м годам XIX века они такими успехами похвастаться не могли, но, тем не менее, издавали свою газету Liberator — “Освободитель” и оформились в Американское общество борьбы с рабством. Они не были едины. То есть рабство — то все аболиционисты универсально считали злом — проблема была в том, что делать дальше.

Тут их мнения расходились, образуя полный спектр от мирной просветительской деятельности и до вооруженной борьбы. По понятным причинам аболиционисты могли действовать открыто только в свободных штатах, но, надо сказать, их и там не очень-то жаловали. Их винили в том, что их идеи ставят под угрозу союз Севера и Юга, а к тому же и противоречат Конституции США [vi].

Понятно, что аболиционисты, принципиальные противники рабства, встретили «Акт Канзас — Небраска» в штыки — но теперь, в 1854 году, их стали слушать куда внимательнее. Проповеди на тему «человек человеку — брат» имели хождение разве что в благочестивых общинах квакеров где-нибудь в Пенсильвании или в среде интеллигенции в штате Массачусетс.

В свободных штатах вроде Иллинойса на все это плевать хотели — негров там не любили. Но фермеры, тяжким трудом поднимавшие новые земли, считали, что само по себе наличие рабовладения унижает их достоинство как свободных людей, потому что получается, что они делают ту же работу, которую в рабовладельческих штатах делают негры, сведенные до положения домашнего скота.

К тому же во всех штатах Севера, примыкающих к западной границе, было сильно движение “free soil” — “фри-сойл”, “свободная почва”. Идея тут была простой и понятной — земли на западе много, и она принадлежит тому, кто поливает ее потом. Томас Линкольн, отец Авраама Линкольна, был как раз таким “фри-сойлером” — только он об этом и не подозревал, а просто принимал как свое естественное право.

Для людей такого типа казалась невыносимой сама мысль о том, что в Канзасе, то есть сразу на запад от Иллинойса, им перейдут дорогу богатые люди, с деньгами и с рабами, и отнимут у них их будущую землю, их еще не полученное добро.

Наконец, где-то в 1840-х и 1850-х годах возникла партия “Know Nothing” — “Ничегонезнаю”. Можно сказать — партия “ничегонезнаек”? Название получилось следующим образом — партия была секретной, и на вопрос о ее деятельности полагалось отвечать: «Ничего не знаю».

Это было националистическое движение, в его ряды принимали только тех, кто был рожден в США, был протестантом и при этом происходил из Англии или Шотландии. Католиков-иммигрантов полагалось искоренять, ибо они «враждебны американским ценностям и управляются Папой римским». Может быть, в наши дни где-нибудь в России их бы считали «партией борьбы с понаехавшими». Они действовали не только на Севере, но и на Юге, но в силу множества причин нищие ирландцы-католики оседали главным образом в Нью-Йорке, а немецкие иммигранты, все больше фермеры и тоже католики, двигались на запад, куда-нибудь в Иллинойс, — и встречали там серьезное сопротивление.

Возможность введения рабовладения в Канзасе не нравилась ни иммигрантам, ни «ничегонезнайкам» — это уменьшало их шансы на получение там земли. Но стороны ненавидели друг друга и договориться об общей программе не могли. Разобшенная и бестолковая оппозиция «Акту Канзас — Небраска» шумела на митингах — толку от этого шума не было никакого.

Так все и шло — вплоть до октября 1854 года.

II

Сенатор от Иллинойса Стивен Дуглас был умным человеком. Результаты местных выборов, прошедших в Иллинойсе, его не обрадовали, и он решил «разъяснить свою позицию». В течение двух месяцев, с начала августа и до начала октября 1854 года, он колесил по штату, выступая на политических митингах.

Любимой темой у него было поношение аболиционистов — в Иллинойсе их, в общем, не любили. Иногда можно было покритиковать и “ничегонезнаек” — это зависело от населения округа. Если там было много новых иммигрантов, то такого рода критика собравшейся аудиторией воспринималась очень позитивно.

Но главным мотивом выступлений сенатора было прославление исконно американского принципа самоуправления — пусть жители Канзаса и Небраски сами определяют форму устройства своих штатов, не спрашивая мнения федеральных властей. И не надо беспокоиться о том, что они могут выбрать рабовладельческий строй, — во-первых, это их дело, во-вторых, природные условия не таковы, чтобы рабовладение имело тут какие-то преимущества.

По доброй американской традиции оратору полагалось выслушать и возражения. Но своих обычных оппонентов Стивен Дуглас громил легко, они не могли с ним тягаться. Митинг в Спрингфилде 3 октября прошел как обычно, но был прерван проливным дождем и перенесен на следующий день, на этот раз под крышу здания палаты представителей.

Дуглас договорил свою речь, был вознагражден бурными аплодисментами и на следующий день пришел выслушать возможные возражения.

Слово на этот раз взял известный местный юрист, мистер Авраам Линкольн.

Начал он издалека — сказал, что ничуть не сомневается в добрых намерениях сенатора Дугласа. Дальше, однако, он перешел к критике и сказал своим слушателям, что все разговоры о том, что рабовладение не найдет себе применения в Канзасе, — это так, “колыбельная”, ее и поют-то для того, чтобы дети заснули. Канзас мало чем отличается от северной части штата Миссури, — а там рабовладение цветет.

И получается, что новые поселенцы, которые двинутся в Канзас и Небраску из Иллинойса, столкнутся там с поселенцами из Миссури. И понятно, что с их деньгами и с их рабами лучшие земли достанутся именно им, и тогда конец свободному фермерскому земледелию.

Дальше Линкольн перешел к любимой теме Дугласа — священной воле местного населения избирать себе ту форму правления, которая ему подходит. Он сразу же согласился с тем, что действительно, местные законы подходят для местных условий, и если в Виргинии с ее протяженным атлантическим побережьем есть смысл регулировать добычу устриц, то в Индиане это совершенно ни к чему. Но вопрос о рабстве носит другой характер, и его решение зависит от того, «признается ли негр человеком».

И дальше Линкольн сказал, что вот тут-то и есть критический пункт его разногласий с сенатором Дугласом. Они согласны в том, что рабовладение в США существует и что, по-видимому, это прискорбный факт, с которым приходится как-то сосуществовать. Но само по себе рабство неприемлемо с моральной точки зрения, потому что «ни один человек не может быть так хорош, чтобы править другим без его согласия».

И дальше он начал громить довод Дугласа о том, что «отцы-основатели», закладывая фундамент нового государства, не упоминали отмену рабства как необходимость.

Линкольн утверждал, что они много чего не упоминали, — например, необходимость исцеления рака, — но можно ли сомневаться, что революционеры, провозгласившие самоочевидной истиной равенство всех людей, сделали бы исключение из этого правила, например для хромых? Конечно же нет? Если так, почему негры исключены из сословия людей и приравнены к животным, которых можно покупать и продавать?

И Линкольн вернулся к своему вопросу: «признается ли негр человеком?»

III

Нельзя сказать, что эффект его речи сказался немедленно. Уже на следующий день Линкольна в пух и прах разнесли в газете “Register”, издаваемой соратниками Дугласа: на видном месте была помещена как бы эпитафия, посвященная бывшему конгрессмену, Аврааму Линкольну, который похоронил сам себя, сказав нечто уж совсем несообразное с логикой.

Но другие люди посмотрели на это совсем иначе.

Линкольну его политические друзья посоветовали ездить вслед за Дугласом и на каждом митинге, где тот будет выступать, говорить то же. Линкольн так и сделал. И чем больше Стивен Дуглас старался объяснить избирателям свою точку зрения, тем больше он способствовал тому, что слушали и Линкольна, — и его речь встречала нечто большее, чем одобрение.

Она произвела эффект кристаллика, брошенного в перенасыщенный соляной раствор, — вокруг нее начался процесс политической кристаллизации. Постановка вопроса, сделанная Линкольном, переводила разговор о распространении рабовладения на территорию Канзаса и Небраски на уровень морали, и при этом так, что не предполагалось никаких крайностей, вроде освобождения рабов в штатах Юга. Коли так, то появлялась точка зрения, с которой могли согласиться и аболиционисты, и “фри-сойлеры”, сторонники свободного фермерского земледелия, и «ничего незнайки», и новые иммигранты-католики: действительно, разве негры не люди?

Как оказалось, не обязательно признавать их равными — пункт, который отвергался всеми, кроме аболиционистов, — достаточно признать их людьми. И все, вопрос о распространении рабовладения на новые территории снимался сам собой.

Из этого положения вещей были сделаны определенные выводы — Линкольна ввели в состав правления новой партии, названной республиканской, причем сделано это было не только без его просьбы, но даже и без его согласия.

В графстве Сагамон, к которому относился Спрингфилд, Линкольна избрали в законодательное собрание штата Иллинойс чуть ли не со 100%-ным результатом. Он, однако, заявил самоотвод, и не из излишней скромности, а потому, что у него появилась цель куда как покрупнее — предстояли выборы нового сенатора, и у Линкольна были большие шансы на успех. К сожалению, ничего из этого не вышло. Пост сенатора доставался тому, кто сумел бы набрать необходимое большинство среди членов палаты представителей Иллинойса — и против кандидатуры Линкольна восстали абсолютно все сторонники партии демократов, даже те, кто был согласен с ним в отношении «Акта Канзас — Небраска».

В итоге он подошел на волосок к достижению заветной цели, но все-таки не достиг ее, понял, что стать сенатором уже не сможет, и в такой ситуации сделал смелый политический ход — по просьбе Линкольна его сторонники проголосовали за кандидата от демократов, стоявшего за отмену Акта.

Авраам Линкольн был политиком и знал, что благодарность в политике — продукт скоропортящийся. Так что на признательность со стороны победителя он не рассчитывал. Но избрание человека, стоявшего против Стивена Дугласа, бесспорного лидера демократов Иллинойса, вносило раскол в демократическую партию и лишало Дугласа союзника в будущих заседаниях сената.

Пожалуй, можно допустить и ту мысль, что сама по себе возможность причинить неприятность Стивену Дугласу не была Линкольну неприятной. Он был человеком вовсе не злым, и не сказать, чтобы мстительным.

Но все-таки Дугласа он очень не любил.

IV

На съезде редакторов газет, выступавших против «Акта Канзас — Небраска», был только один человек, не относившийся к газетчикам.

Звали его Авраам Линкольн, и свою речь он начал с того, что рассказал об истории, якобы с ним произошедшей. Выступал он на митинге, и тут одна пожилая дама, сидевшая в первых рядах, сказала ему, что он — «самый неприбранный и непригожий дженгльмен из всех, кого она когда-либо видела». Ну, Линкольн сказал ей, что ему очень жаль, но, к сожалению, поправить тут он ничего не может. Его внешность, такая, какая она есть, ему дана и от него не зависит.

«Да, — согласилась его собеседница, — думаю, что так и есть. Но почему бы вам не бросить выступления с речами и не остаться попросту дома?»

Аудитория наградила оратора смехом и рукоплесканиями. Газетчики — люди ушлые, и они ценили острое словцо. Тем более что Линкольн для описания своей неприглядности использовал слово “homely” — простой, пресный, неухоженный, скучный, у которого один корень со словом “home” — родной дом, в значении собственного очага.

По-русски так не скажешь, но аудитория у Линкольна была англоязычная, и ей он угодил.

Ну, когда публика отсмеялась, начались уже разговоры о деле. Было принято решение добиваться отмены «Акта Канзас — Небраска» и настаивать на восставлении компромисса, достигнутого в 1850 году. За словами последовали и действия. 25 мая 1856 года в Иллинойсе была организована республиканская партия. Собственно, партия с таким названием уже как бы была, но число ее сторонников было маленьким, и влияния она не имела.

Сейчас, в мае 1856 года, все было иначе.

Все, кто был недоволен «проектом Стивена Дугласа», нашли наконец общий дом и назвали его республиканской партией. Политическая платформа партии была выстроена так, чтобы «собрать под один шатер...» максимальное количество людей. С одной стороны, твердо говорилось, что ни религия, ни место рождения не имеют никакого значения, — и это заявление грело души немцев и ирландцев. С другой стороны, утверждался приоритет общественных школ перед частными религиозными школами, что снимало опасения «ничегонезнаек» перед «разрушающим проникновением папизма».

Но, понятное дело, главным пунктом был вопрос об аморальности рабства. Тема педалировалась на все лады. Когда в южных газетах сравнили участь раба, старость которого была обеспечена, с участью белого работника на Севере, который вполне мог умереть в глубокой нищете, это было интерпретировано как призыв к введению рабства и для белых.

Страсти раздувались еще и новостями, приходившими из Канзаса. В старое время потоки переселенцев с Юга и потоки переселенцев с Севера никогда не пересекались. Миграция в общем шла на запад от исходных, «родительских» штатов и двигалась вместе с границей. Сейчас в Канзасе эти потоки не только встретились, но и столкнулись. Поскольку никаких кадастров земельной собственности создано не было, споры решались револьвером и ножом Боуи^[vii].

А это такая штука, что может быть длиной сантиметров в 30 и уж скорее напоминает меч. Так что бои в Канзасе разгорались нештучные. Линкольн говорил, что «в Канзасе насилие рождает насилие», и он ничуть не преувеличивал остроты проблемы. Обе стороны — и сторонники свободных земель для ферм, и сторонники плантаций и рабовладения — начали организовываться в вооруженные отряды. Им, конечно, всячески помогали, и не только материально, политические битвы шли в обеих палатах конгресса. Обе стороны — и Юг, и Север — обвиняли друг друга в вероломстве. Помимо этой грызни, дело осложнялось еще и тем, что на 1856 год приходились президентские выборы.

У республиканской партии серьезных шансов на выборах не было.

(продолжение следует)

Примечания

[i] Поскольку Линкольн и Спид делили не только комнату, но и кровать, впоследствии ходило много разговоров о гомосексуальных тенденциях Линкольна. Однако это предположение попросту не учитывает реалий эпохи — в ту пору общая кровать была делом настолько обыкновенным, что судьи апелляционного суда в ходе инспекционных поездок жили в одной комнате, и спали в кроватях попарно, а исключение если и делалось, то даже не по возрасту, а по весу. Толстяки спали отдельно.

[ii] Охлос — толпа (др.-греч. — охлос) — большое скопление людей.

[iii] Конгресс США (англ. United States Congress) — законодательный орган, один из трех высших федеральных органов государственной власти США. Полномочия определены Конституцией США. Конгресс является двухпалатным, состоящим из Сената и Палаты представителей. Палату представителей часто тоже называют Конгрессом, а заседающих в ней представителей — конгрессменами.

[iv] Соглашение, таким образом, давало возможность экспансии рабовладения на территории Нью-Мексико и Юты, граничащих с востока с Калифорнией, — но не севернее. Там начиналась территория Орегон, и она была заранее расписана как место для свободного штата или штатов.

[v] Этот участок оценочно стоил 50 тысяч долларов, что в 10 раз превышало гонорар, который Авраам Линкольн запросил у Иллинойской Центральной железной дороги и который правление сочло непомерным.

[vi] Конституция решение этого вопроса действительно оставляла на усмотрение отдельных штатов — иначе бы Союз попросту не состоялся.

[vii] Нож Боуи — крупный нож с обухом, на котором у конца выполнен специальный скос, имеющий форму дуги (“шучка”) таким образом, чтобы острое клинка было направлено немного вверх. Зачастую эта часть обуха затачивается; многие ножи Боуи имеют крестовину. Нож назван по имени изобретателя — Джеймса Боуи, героя техасской революции.

Игорь Юдович

КАЛИФОРНИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ – 1

Хорошо быть молодым, а если ещё в удачное время, то совсем хорошо.

Гражданская война в Америке стала настолько сильным потрясением и сотрясением всех прежних основ, что старшие поколения с их довоенным опытом и заслугами почти мгновенно не просто устарели, но полностью потеряли какое-либо значение. И до того не старая Америка помолодела сразу на поколение. Второй раз в истории страны это произойдёт опять после войны, на этот раз – Вьетнамской. А в 1860-е везение американской молодёжи во многом зависело от места жительства. Граница призыва в армию – северян и конфедератов – проходила примерно по западной границе Канзаса и Небраски. Линкольн не объявил призыв в западных штатах и на территориях, желая сохранить их шаткую лояльность делу северян. Ну, а южане не могли сделать это по чисто административным причинам. Но на всякий случай не очень патриотическая молодёжь, вне зависимости от политических предпочтений, двинулась в места как можно дальше удалённые от войны.

Таким местом, естественно, был американский «новый» Запад.

Сама идея распространения крошечных восточных колоний на много тысяч миль западнее – вплоть до Тихого океана – звучала довольно дико в революционное время, но она была высказана сначала в достаточно общем виде Гамильтоном ещё в 1780-е, а затем уже серьёзно и по-деловому – Джефферсоном в 1800-е. Ко времени Гражданской войны, после аннексии Техаса, выигранной войны у Мексики, покупки Калифорнии и других западных штатов и особенно после потрясения богатством Золотой лихорадки 1848-56 годов изменилось само представление американцев о своей стране. Америка достаточно внезапно стала настоящей империей, раскинувшейся «от океана до океана», и соответственно изменился менталитет её жителей. Запад из воздушной теории превратился в твёрдую реальность. Запад стал местом, где богатства огромных неосвоенных пространств, бесконечные возможности антрепренёрства и дух абсолютной свободы стал магнитом, привлекающим тысячи и тысячи молодых людей.

Через 30 с лишним лет наконец сбылось предсказание поэта, философа и первого американского анархиста Генри Торо – «Будущее страны – на западе».

Запад в его калифорнийском варианте в американской мифологии был представлен эпопеей Золотой лихорадки в горах Сьерра-Невада и – особенно — центром настоящей, первой и на долгие годы единственной западной метрополии – городом Сан-Франциско.

Туда весной 1863 года и направился наш герой.

Он не был новичком на Западе

В 1859 году было решено разделить громадную Территорию Юты на две; новую назвали Территорией Невады. Именно в её первую столицу, город Вирджиния Сити, был направлен секретарём губернатора Орион К., родной брат нашего героя (он был старше на десять лет). Брат был известен в республиканских кругах Юга, и это было явное политическое назначение за помощь в продвижении Линкольна в

Президенты. Должность обещала очень приличную зарплату, но случилась маленькая загвоздка: у известного юриста Ориона не было денег на переезд, один билет на дилижанс стоил 150 долларов, серьёзные деньги по тем временам. Старший брат был вынужден обратиться за помощью... к младшему брату, пообещав тому должность личного секретаря. У младшего деньги водились, и не маленькие. Причём, к 26 годам заработанные абсолютно честным путём. Кстати, и жизненного опыта у него тоже хватило бы на двоих.

Сын судьбы достаточно большого города на реке Миссисипи по определению был из состоятельной семьи. Но в 11 лет сразу после смерти отца и едва окончив пятый класс школы он уходит «в люди». К невадскому отрезку своей биографии он успел побывать во многих местах и перепробовать очень много работ, но для нашего повествования отметим две: типографского наборщика (начав с помощника) и лоцмана на реке Миссисипи. По поводу первой специальности лучше всех сказал Бенджамин Франклин, имевший аналогичный опыт: «Работа наборщика – это университет для бедных». По поводу второй заметим, что для молодых людей бассейна двух великих американских рек, Миссури и Миссисипи, самой большой мечтой была работа лоцмана. Это как стать поваром в Лионе или программистом старт-апа в Силиконовой Долине. Лоцман был главным человеком на Реке. Не капитан. Лоцман. Он же получал самые большие деньги, до двух раз больше, чем капитан. Конечно, стать лоцманом было совсем не просто, но, как факт, отметим, что наш герой им был. И, наверно, остался бы на всю жизнь, так как всегда считал, что лоцманский период был самым лучшим в его жизни, но Война остановила суходоходство на Реке и... надо было начинать новую жизнь.

В 1861 году, после трёхнедельного изматывающего путешествия в столице Территории появился пропылённый, весьма потрёпанный, но не унывающий молодой человек, наш герой, родной брат то ли второго, то ли третьего по значению чиновника Невады. Казалось бы, при таком благе можно было найти для себя любое тёплое местечко. Но наш герой был американцем, то есть человеком, который из всех возможных жизненных путей выбирал тот, который давал шанс разбогатеть как можно быстрее. Неваду называют «Серебряным штатом» не случайно. Сам городок Вирджиния Сити прислонился к когда-то довольно высокой горе Комсток. Я не оговорился, написав «когда-то». Так случилось, что гора оказалась практически из чистого серебра, разработка которого не только стала историей «Серебряной Лихорадки», кстати, давшей денег больше, чем «Золотая», но со временем и к самоликвидации горы. Наш герой, естественно, отправился на прииски, где, впрочем, за шесть месяцев не заработал почти ничего, если не считать жестокой простуды и опыта жизни.

Опять встал вопрос «что делать?»

К середине 19 века индустриальная революция, идущая с востока, из Англии, наконец догнала убегающую на Запад Америку. Причём, как вскоре станет очевидным, именно в США она приобретёт совершенно невиданные до того размеры и темпы. Конечно, все знают о паровых машинах на флоте, телеграфе и железных дорогах, которые за какие-то несчастные 30-40 лет сократили невообразимые расстояния до вполне осязаемых, чуть ли не по-домашнему интимных. Но был ещё один интересный американский феномен того времени – лавинообразный рост издательской деятельности, прежде всего – газет и журналов.

В 1776 в стране было 37 газет.

В 1830 – 715.

В 1840 – более 1500.

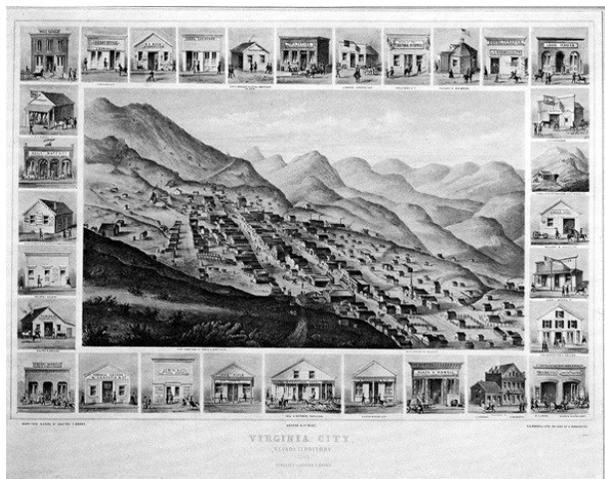
Такой рост был обусловлен двумя причинами. Первая была очевидной – очень высокая грамотность населения, которую, возможно, кроме Швейцарии и сравнить не с чем. Вторая была следствием индустриальной революции: паровые машины и новые технологии набора сделали типографский процесс на порядок более дешёвым и быстрым. Издание многочисленных газет и журналов помогли колонизации Запада – в газетах Восточного побережья печатались не только рекламные проспекты и подробные инструкции для переселяющихся на Запад, но письма «с мест» и различные привлекательные истории, причём мало кого волновало что истории весьма часто были неразличимой смесью правды и вымысла.

На самом Западе газетная индустрия достигала просто невиданного размаха, чему тоже было простое объяснение – на этот раз, социально-экономическое. Условный «билет» на Запад стоил достаточно дорого, «купить» его могли только люди сравнительно обеспеченные, а значит – грамотные. Только 7% людей старше 10 лет не знали грамоты на Западе, тогда как на Востоке – 20%. Кроме всего прочего, люди оторванные от семей и привычных мест не могли не испытывать ностальгию и рады были дорваться до любой информации из «старой жизни». И, конечно, открыть новую газету или – в идеале – литературный журнал было просто модным делом. В городах и городках сложилась естественная иерархия газетных изданий с 2-3 ежедневными газетами внизу пирамиды, еженедельными «редакторскими» газетами в середине и ежемесячными «культурными» литературными изданиями на самом вершине. Но откуда бралось нужное количество статей? Первый путь, самый очевидный и простой заключался в воровстве, перепечатке без разрешения газетно-журнального материала «восточных» газет. Это очень напоминало, в частности, наполнение газет и журналов большинства иммигрантских изданий в наше время, кстати, не только русскоязычных. Второй путь был несколько неожиданным – из местных источников. Энтузиазм и всеобщая грамотность первопроходцев выражались ещё и в том, что все писали. Писали письма в газеты, писали рассказы, но больше всего – поэмы. Опять-таки, удивительно похоже на наше время.

Когда-то, ещё подростком, наш герой с большой пользой окончил «университет для бедных» в своём южном городке. На него довольно часто оставляли всю газетную работу, когда издателю и редактору надо было отлучаться по делам (а две вышеупомянутые должности совмещал всё тот же старший брат Орион). В отсутствие брата и какого-либо надзора наш герой с удовольствием для себя и для развлечения публики «тискал» статьи и заметки (это в свои 15-16 лет!), которые часто вызывали скандал в «высоком обществе». Такой уж был у него задиристый характер или «ментальность», как сказали бы сегодня. Поэтому, закончив неудачей свои попытки быстро разбогатеть на приисках, следующим логическим шагом было предложить себя местной газете. Но, конечно, не любой из многочисленных, а главной газете всей Территории — *Territorial Enterprise*.

Вирджиния Стилс был типичным фронтовым западным городком. На 15 тысяч населения в городе был 51 салун, соотношение мужчин и женщин было тоже типичным – примерно 4 к 1. Мужчины, как и везде на Западе, были молоды и в основном неженаты. Свобода по-невадски предполагала быстрый бизнес, легкий необременительный секс, обязательное пьянство и неприменную карточную игру. Та еще гремучая смесь, которая в полной мере распространялась и на штат газеты. Редакто-

ром был 23-х летний Джо Гудман, репортерами и прочими сотрудниками – пьяницы и полуразбойники, ни одному из них не было больше тридцати. В этой атмосфере наш герой чувствовал себя вполне своим человеком. Еще больше ему нравилось то, что для “репортера” фантазия ценилась куда больше, чем соблюдение фактов или критический анализ. Конкуренция в газетном бизнесе была невероятно жестокая, и газетчикам, да и читателям было не до проверки фактов. Очень скоро наш герой сообразил, что выдумывать «истории» сидя за столом куда более производительно и полезно для здоровья, чем носиться по Территории в поисках историй.

Вирджиния Сити в начале 1860-х

Не поймите меня буквально. Во-первых, в редакции наверняка не было никаких письменных столов, хорошо если репортёру удавалось найти свободное место за крошечной стойкой – я видел фотографии этой, громко сказано, редакции. Во-вторых, кто бы при той конкуренции потерпел в любой газете человека, который 24 часа в сутки не «вынюхивает» местные новости и сплетни. Просто наш герой мгновенно сообразил, что на одних реальных новостях и сплетнях имя себе не сделаешь. А уж чего, а амбиций у него хватило бы на всю редакцию, и не одну.

Уже через две недели он по-настоящему прославился, сочинив с начала и до конца историю о том, как на одном из приисков нашли «полностью сохранившуюся окаменелую мумию». На западе во многих местах были известны *petrified forest*, гигантские окаменелые деревья, жертвы вулканических извержений 3-х миллионов лет давности, уже в наше время сохранившиеся «как живые» после всех процессов выветривания и полного исчезновения погребшей их лавы. Так что в самой выдумке ещё не было ничего «революционного». Сенсация была в том, что – напоминая, это все выглядело обыкновенной газетной статьёй – что у мумии нашлись родственники, которые захотели «похоронить покойного по христианской традиции». Но местный судья, которому наш герой придал легко узнаваемые черты городского чиновника, оказался глупым бюрократом, чинившим одно препятствие за другим такому, казалось бы, простому и очевидному делу.

Юмор поняли не все. Большинство – нет; статья была перепечатана во всех газетах Запада и даже в солидных изданиях Востока. О нашем герое заговорили.

Вскоре он стал настолько известным в Неваде, что местные законодатели специальным постановлением отметили его заслуги. Вскоре читатели газет стали первым делом интересоваться, есть ли в газете его статья. Удивительно быстро он стал известен. И двух лет не прошло, как к нему пришла слава.

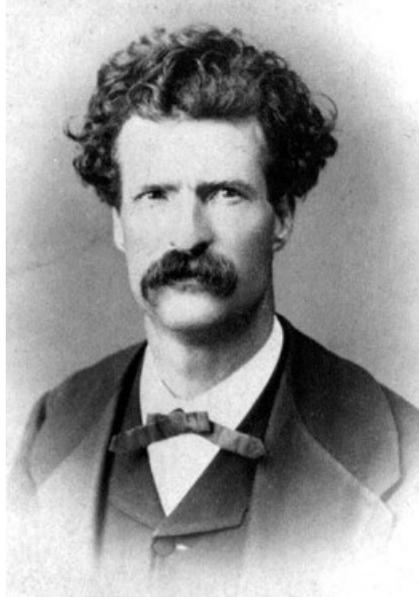
Но это была, как бы помягче сказать, слава второго сорта. Провинциальная слава, пожалуй, слишком провинциальная. Десятки городков Невады и удалённых от побережья таких же мелких городков Калифорнии находились в глубокой тени столичного Сан-Франциско. *The City* – Город (с большой буквы) – был столицей империи, все эти городки – мелкими колониями, с завистью глядящими на запад, на Город. Как крупнейший порт, Сан-Франциско был связующим звеном между Западом и Восточным побережьем, как порт на Тихом океане – связывал страну с Азией. Город монопольно правил огромной территорией от... да, собственно говоря, всей — от океана до 300-400 километров вглубь материка. К примеру, серебряные прииски Невады принадлежали сан-францисканским магнатам, сначала Генри Флуду, а затем консорциуму во главе с гениальным Адольфом Сутро, который в своё время станет первым мэром-евреем Города. Банки города только слегка уступали банкам Бостона и Нью-Йорка. Огромные магазины с последними новинками из Парижа и Лондона занимали район вокруг *Union Square*. Отели, предмет зависти нью-йоркских бизнесменов, и публичные дома уровня уж никак не ниже парижских, были на каждом шагу.

Сан-Франциско в 1860-е

Был ещё один аспект, значение которого подзабылось сейчас. В стране шла Гражданская война, и в то же время, когда на Востоке гибли люди и сжигались города, исчезали состояния и рушились торговые связи, когда все материальные и людские ресурсы шли на разрушение, то есть, на «победу», в то же время на Западе, где никогда не было призыва в армии, стремительно развивалась экономика и происходило невероятно быстрое накопление материального благосостояния. Изолированный войной от «восточной» конкуренции, свободный в торговле с Азией, Запад стремительно развивал индустрию и сельское хозяйство, став одновременно главным поставщиком военного и промышленного снаряжения для воюющих северян и лошадей и сельхозпродукции – для южан. К примеру, только лошадей для Юга было продано около 2-х миллионов. И во главе всего экономического бума был город Сан-Франциско.

Поэтому не удивительно, что нашего героя на описываемом отрезке времени очень тянуло в Сан-Франциско; при всей его амбициозности, его вполне устраивала следующая ступень — слава на столичном уровне. Да и чисто профессионально в Городе было где показать себя – в СФ не только пили в семь раз больше шампанского на душу, чем в Бостоне, но и количество газет-журналов на ту же душу было самым высоким в стране. Кроме того, в городе правил известный на обеих побережьях настоящий Первый Писатель Запада, Брет Гарт, внук ортодоксального раввина и общепризнанный мастер короткого рассказа, хроникёр Золотой Лихорадки.

Марк Твен в 1867 году

Их пути со временем не могли не пересечься, их соревнование за Первое место среди писательской братии Запада не могло не случиться и не могло не стать главным литературным событием богемного Сан-Франциско. Но вначале наш герой должен был появиться в Городе.

В мае 1863, после нескольких неудачных попыток, он смог вырваться в Сан-Франциско, твёрдо пообещав редактору газеты и брату, у которого он всё ещё попутно служил личным секретарём, «не больше, чем на две недели». Сан-Франциско ошеломил его. Роскошь отелей, особенно сделанные «под Версаль» холлы и коридоры *Lick Hotel* на Монтомгери стрит, конки, подымающиеся по почти вертикальным улицам, концертные залы с прекрасно одетой публикой, многоэтажные дома с красивыми фасадами... и – о, как это все отличалось от Вирджиния Сити – женщины в благородном обществе, где с помощью старых друзей по Неваде он быстро стал своим человеком. Конечно, у него не хватило сил сдержать слово. Отъезд всё время откладывался, его первая поездка затянулась больше, чем на 2 месяца.

Его первый приезд в городе запомнили многие. Запомнили не только его густые и совершенно рыжие брови, не только его морскую, рассказывающуюся по-

ходку, не только его странную манеру говорить, когда звуки, выходявшие из рта напоминали ворочающиеся камни в горном потоке, с их непредсказуемым ритмом и громкостью, не только его страннейшую манеру смешить публику «историями», сохраняя непроницаемо серьёзное лицо, но ещё в одном качестве, весьма уважаемом в то интересное время.

Музей Марка Твена в Вирджиния Сити.

4 июля 1863 года Город отметил День Независимости традиционными барбекю и салютом. Бары и салуны работали с максимальной перегрузкой, дружеские вечеринки затянулись далеко за полночь, а к утру писарь местного вытрезвителя на *Portsmouth Square* подвёл итоги длинного дня. Всего в учреждение было доставлено 23 человека. Под номером 21 он внёс в журнал учета фамилию Сэмюэль Клеменс, 27 лет.

В 1864 наш герой надолго вернётся в Сан-Франциско, будет редактировать литературный журнал *Morning Call*, в нелёгкой борьбе литературных талантов одолеет Брета Гарта и ещё не раз станет клиентом вытрезвителя. До написания «**Знаменитой скачущей лягушки из Калавераса**» пройдёт ещё год тяжёлого литературного труда, сделавшего его литературный псевдоним – Марк Твен – сначала, как он и хотел, знаменитым на Западе, а потом – и во всём мире.

Борис Родман

ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ ЗАРЕЧЬЯ

В этой статье пойдёт речь о вдохновляющих видах, которые открываются из многих русских городов на простирающиеся за рекой обширные равнины. Материалом для обобщений послужили десятки таких городов, увиденных автором; из них назову самые свежие примеры — места, посещённые сравнительно недавно (уже в XXI в.) и хорошо запомнившиеся: Брянск [1], Елатьма [2], Гороховец. Последней каплей, переполнившей чашу давно назревшей темы и проявившей её окончательно, стала Чёрдынь в Пермском крае, посещённая летом 2009 г. в составе экспедиции Института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Анатомия местности

Пространственное устройство системы «город и его заречье» просто. На высоком коренном берегу, рассечённом оврагами, высятся *архитектурные доминанты* — в старинных городах европейской части России это, как правило, православные храмы. Они настраивают нас на восприятие чего-то возвышенного. Сопричастные к храмам, мы заимствуем у них частицу величия, вместе с ними возвышаемся над видимым ландшафтом, тем самым наделяем величием и всю местность.

Кимры. Заречье (район за речкой Кимркой) и Воскресенская церковь.

Заречье величественно и вдохновляет, когда оно равнинно, просторно, бескрайно, безлюдно, пусто, заманчиво, таинственно, заполнено природным, как бы диким ландшафтом, в котором природа живёт своей вечной жизнью, далёкой от людской суеты, а потому и духовно ценной для нас («вечное» ценится выше «бренного»). Такое восприятие пейзажа есть в значительной мере игра нашего воображения, но для этой игры имеются вполне материальные условия на местности.

Заречье романтично и поэтично по весьма прозаической причине: из-за отсутствия моста река служит непреодолимой преградой большую часть года, по-

этому повседневная городская жизнь не может перекинуться на тот берег. Пустое заречье может быть явлением новым, даже постсоветским, вызванным известной деградацией и трансформацией хозяйства. Вырублен первичный лес, исчезли сенокосы в пойме, а потому нет и паромы; не стало достаточно ценной рыбы, для ловли которой население держало лодки; горячее для моторок слишком дорого; непредпримчивый «абориген» не заинтересован в «бизнесе» возить туристов и пикников на тот берег, ибо на бутылку водки в день ему денег и так хватает. Но мы обычно не знаем или не думаем об этих бытовых мелочах, они от нас скрыты общим вдохновляющим фоном.

Зачем «бескрайним просторам» быть заречьем, не то же ли самое будет, если смотреть на равнину с горы, не отдалённой от неё рекой? Нет, не то же. Река как непременный третий элемент и главный посредник между Городом и Природой активно участвует в игре, поскольку, как и заречье, она изменяет свое состояние, вид и роль по сезонам и в зависимости от погоды. Летом и в межсезонье она — препятствие, зимой её лёд служит мостом.

Чтобы река хорошо исполняла свою третейскую роль, она должна быть хорошо видна на значительном протяжении — «уходить в даль» направо и налево; быть не слишком извилистой и довольно широкой; надо, чтобы с городской видовой точки были видны оба берега — ближний (городской) и дальний (заречный). Долина реки должна быть *асимметричной*, чтобы противоположный коренной берег долины был достаточно удалён и визуально сливался с надпойменными террасами. Иными словами, пойма и «задолинье» должны казаться единой равниной. Такое наблюдается, если река течёт по тектоническому рубежу, т.е. по границе между приподнятым и опущенным участками земной коры. Это ярче всего было заметно до возникновения водохранилищ в среднем и нижнем течении Волги — от Казани до Волгограда.

Для вдохновения заречьем надо, чтобы пойма обладала естественным режимом. Весенние паводки и половодья затрудняют наведение мостов и делают их излишними, поскольку в затопляемой пойме нет постоянных капитальных сооружений. Таким образом, для красоты пейзажа нужно, чтобы река сохраняла роль *барьера*.

Специфического вдохновляющего заречья, основанного на объективном контрасте горного коренного берега и заречной низменной равнины, нет там, где оба берега одинаково высоки. Пейзаж в целом может быть очень даже красивым и вдохновляющим, но это другой феномен (Алексин на Оке, Старица и Плёс на Волге). Описываемые в настоящей статье заречья наблюдаются за пределами зоны Валдайского (мезоплейстоценового) оледенения, а, стало быть, они отсутствуют на северо-западе Восточно-Европейской (Русской) равнины.

Заречье «дикое и безлюдное»

Безлюдье и дикость, тишина и покой заречья умиляют по контрасту с городской средой, из которой оно смотрится. Контраст велик, даже если приречный город очень мал и сам по себе кажется тихой обителью по сравнению с шумной, буйной столицей. В данном случае все города, расположенные у нас «за спиной», сливаются, а мы смотрим на «природу» как представители всего городского мира и как бы удивляемся, восхищаемся тем, что она существует и лежит совсем рядом, не обращая на нас внимания и в нашем присутствии не нуждаясь. Аналогичные чувства, гораздо более сильные, путешественник испытывает в горах, но, как видите,

и на Русской равнине можно ощущать нечто подобное. А безлюдье местности имеет огромное терапевтическое значение, оно лечит от городских стрессов.

Безлюдье и дикость нашего заречья, впрочем, весьма относительны, иллюзорны и к тому же вторичны. Заречье кажется дикой природой, потому что там исчезли сёла, хутора, заимки из-за коллективизации, укрупнения колхозов, отсутствия автодорог с твёрдым покрытием. Дикость заречья преходящая, временная. Построят мост, и начнётся *вторичное освоение*: город шагнёт за реку, там вырастут многоэтажные кварталы, а за ними дачные и коттеджные посёлки. Если, конечно, сам город будет расти и развиваться. А если он пришёл в упадок и теряет жителей, то природа наступает на него и поля зарастают лесом, как на городском берегу, так и в заречье.

Многочисленных, в том числе и безобразных следов человеческой деятельности в заречье мы издали не замечаем, потому что они мелки, сливаются с фоном, покрылись растительностью. Не просто историки, а археологи уже нужны, чтобы выявить объекты, существовавшие всего лишь полстолетия назад — многие исчезнувшие деревни, усадьбы, дома, скотные дворы, сады, парки, аллеи, карьеры, узкоколейки, колодцы, пруды, плотины, мосты, купальни, пристани, набережные... Вдохновляющее заречье — красивый (анти?)урбанистический миф.

Ландшафтный балкон города

Высокий коренной берег, с которого смотрится заречье — это *ландшафтный балкон* города. Мы выходим из дома на балкон, чтобы подышать свежим воздухом и приблизиться к уличной жизни, не участвуя в ней, сохраняя дистанцию, свободу, возможность в любую минуту отступить в свой мир, вглубь жилища. Наше пребывание на балконе маргинально и двойственно, но возможные исходы не равноправны: шаг с балкона вперёд — это самоубийство, шаг назад — возвращение к повседневной жизни.

Стоя на ландшафтном балконе и возвышаясь над рекой как над улицей, горожанин приобщается к якобы любимой им «окружающей природе» дистанционно, символично, духовно, но телесно он принадлежит только городу. И сколько бы ни выглядывал, ни «вылезал на природу», сколько бы ни жил наш горожанин, москвич или петербуржец, в деревне, на даче, в туристской палатке и т.п., он, как правило, не расстаётся навсегда со столичным жильём и пропиской, с комфортабельным ватерклозетом и ванной, не теряет городского статуса. Редчайшие исключения из этого правила равносильны социальному суициду, куда более редкому, чем обыкновенное физическое самоубийство.

Король, князь, губернатор, епископ выходил на балкон своего дворца, чтобы приветствовать, ободрить, благословить толпу подданных, заручиться их поддержкой [3]. Аналогичные чувства может переживать и «рядовой» зритель, одарённый богатым, в сущности, поэтическим воображением, достаточно интеллигентный, т.е. напитанный классической русской культурой. Он ощущает себя стоящим «над вечным покоем» ландшафта или, наоборот, над умилятельным мельтешением и кишением «братьев наших меньших» — воображаемых зверей и хорошо видимых птиц; он по-хозяйски, по-царски приветствует и благословляет леса и воды; благоговейно умолкает перед всеобъемлющей тишиной или, напротив, перед весенним оркестром природы [4]; он, стоя на горе, подобно А.С. Пушкину, вдохновляется многоэтажностью, многоярусностью окружающего мира: «Отселе я вижу...» [5] и т.д.

Пребывание в *видовой точке* (*view point*) на ландшафтном балконе вызывает у зрителя и отчасти удовлетворяет жажду горности, горного, горного, тягу к высоте и к полёту, но не высь, а с высоты: не взлететь, а парить, снижаясь и, в конце концов, сливаясь с землёй. Мечта о полёте осуществима, если воспользоваться дельтапланом или парапланом. Но река мешает, она опасна, ибо не мала вероятность приводнения. Предостерегая от реального полёта, река сохраняет относительную и кажущуюся изоляцию заречья. Не способствует приземлению летательного аппарата и лесная растительность.

На ландшафтном балконе зритель парадоксальным образом одновременно и *возвышается* над простирающимся ландшафтом, и *склоняется* перед его величием, которое само по себе есть результат большого преувеличения, когда желаемое принимается за действительность. Амбивалентное ощущение *власти* над каким-либо объектом и *смирения* перед ним без труда даётся в сфере слабых и наигранных чувств, но аналогичное двойственное отношение, например, правителя к своим подданным известно историкам лишь как кратковременное «царственное юродство» некоторых монархов (например, у Ивана Грозного).

На бескрайней Русской равнине естественно желание побывать в горах, находиться на горе или видеть горы, называть горою не очень высокий холм или высокий коренной берег речной долины. Заречьями отчасти покрывается дефицит «горных ощущений». Вид на заречья и речные водоёмы нередко открывается из мест, топонимически называемых горами: Воробьёвы Горы в Москве, Гороховецкие (в частности, Пужалова гора), Хвалынские и др., из коих лишь Жигули могут с некоторой натяжкой считаться настоящими горами.

Для любования заречьем оптимален достаточно протяжённый бульвар, по которому можно ритуально прогуливаться, общаясь с разными встречными знакомыми, но таковой легче устроить на низменном, приводнённом берегу — на набережной, не пригодной для дальнего обзора. При наличии высокого коренного берега устройству единого бульвара-балкона мешают овраги, как правило, не преодолимые и не поддающиеся благоустройству в бедном коммунальном хозяйстве, но они придают городу иную прелесть. В таком случае вместо единого, сплошного балкона мы имеем ряд отдельных видовых точек, иногда соединённых удобной тропой и мостами через овраги (Павлово на Оке). Балконность правобережья Волги очень пострадала и наполовину разрушена в Чебоксарах из-за подтопления водохранилищем; центр города, фактически отторгнутого от великой реки, превратился в странное автономное озеро, обставленное новорусскими дворцами.

Понятие ландшафтного балкона сформировалось у меня после посещения Дрездена, где возвышенная набережная Эльбы называлась «Балкон Европы». Отсюда гуляющие аристократы любовались заречными далями, манившими на восток, в страны менее европейские, но это уже иная тема (см. раздел «Заречье как заграничье»).

Заречье и небо

Вдохновляющее заречье величественно, потому что показывает нам половину небосвода, не заслонённую никакими сооружениями или деревьями. На этом сферическом экране разыгрывается драма космических и атмосферных явлений, которые было бы трудно и неинтересно наблюдать в гуще города, из колодцев дворов и щелей улиц. Это восход и закат солнца и луны, звёздное небо и «звездапад»

метеоров ясной ночью, причудливые формы и движение облаков, молнии, зарницы, радуги, гало.

В местах скопления туристов и стационарных отдыхающих культивируется любование восходом и заходом солнца. Многим жителям СССР были знакомы закаты солнца на Рижском взморье и в Паланге, меньшему числу — восходы на горе Ай-Петри в Крыму. Восход солнца летом в умеренных широтах редко наблюдается современными горожанами. На Русской равнине мне не известны места, в которых стоило бы будить туристов в четвёртом часу утра ради любования восходом. Созерцание заката, напротив, желанно и общедоступно. По количеству зрителей на первом месте стоят закаты в море, на втором — в горах рядом с известными, выдающимися, самыми красивыми вершинами.

За неимением моря и гор для любования закатом используются и лесистые заречья. В национальном парке Чигуан, что в равнинной части Непала (в тераях), солнце садится в джунглях, отвлечённых от местопребывания туристов не преодолимой для них рекой. На закат смотрят с площадки, называемой «Sunset». В других подобных местах во многих странах мира закат солнца отражён в названиях набережных, бульваров, парков, ресторанов, гостиниц, магазинов и продаваемых в этих местах товаров. Наблюдаемый отдыхающими закат солнца — важнейший переломный момент в их вечернем времяпровождении; после него, как после выполнения важной задачи, люди перегруппировываются и приступают к следующей фазе своих вечерних занятий.

Поскольку солнце и планеты восходят и заходят изо дня в день в разное время и в разных местах (причём различия эти особенно разительны для наших внетропических широт), ровный горизонт заречья служит *естественным календарём*, в качестве которого он вполне мог использоваться в доисторическое время, как при непосредственном наблюдении заречных ориентиров на горизонте, так и через посредство ближних *визиров*, иногда для этого специально построенных, — столбов, мегалитов, башен, а также отдельно стоящих священных деревьев. Созерцание вдохновляющего заречья освобождает от домашних и городских теснин, приближает к небу.

Заречные маяки

Монотонный фон просторного заречья может быть оживлён и увенчан небольшим числом уникальных изолированных естественных или искусственных объектов — гор, холмов, зданий, сооружений, которые, ввиду своей редкости и единственности, притягивают взор подобно источнику света. Эти объекты могут располагаться в трёх визуальных зонах.

1. На «переднем плане» — у самой реки или в нескольких сотнях метров от неё. Позади, за объектами этой зоны, видна подавляющая часть заречья. Таков Знаменский, ныне женский, монастырь на низменном левом берегу Клязьмы против Гороховца. Аналогично «маячит» за Волгой, тоже на левобережье, Вознесенский Оршин монастырь около Твери, напротив Эммауса, но значительного вдохновляющего заречья там нет, потому что правый берег Волги тоже невысок.

2. На «среднем плане», где-то посередине между рекой и заречным горизонтом. Такова видимая из Чёрдыни замечательная гора Полодов Камень (527 м над уровнем моря), похожая на пьедестал петербургского «Медного Всадника». Таинственность горы усиливается её единственностью, несходством со всеми ближними и дальними горами, а также транспортной недоступностью (бездорожьем) со

стороны Чёрдыни. Такая гора не может не обрасти яркими легендами. Например, о том, что мифический богатырь Полюд куда-то ускакал и спрятался, но в своё время вернётся (международный сказочный сюжет).

3. На «заднем плане», непосредственно над горизонтом, т.е. всегда на фоне неба. Такую роль в слабой мере играет холм неизвестного мне происхождения, видимый за лесами из Гороховца. Одинокая величественная гора или башня, вышка на горизонте может иметь для портрета города такое же значение, как Арарат для Еревана, однако столь сильных пейзажных явлений на Русской равнине мы не наблюдали.

Заречных «маяков» должно быть не много; в крайнем и не худшем случае достаточно одного. Если их окажется много, то взор наш будет рассеян, относительное величие и значительность объектов исчезнут, они перестанут быть маяками.

Заречье как заграничье

В пространственной системе «город — река — заречье» речная долина или пойма всегда является природно-ландшафтной (физико-географической) *границей*, хотя бы на уровне средних по рангу территориальных единиц — урочищ, местностей, районов. Впечатление усиливается, если река оказывается границей между более крупными единицами физико-географического районирования — провинциями, областями, природными зонами. Такова Ока в среднем и нижнем течении и Волга на большей части своего протяжения. В качестве природного рубежа река вдохновляет, потому что наполняет знанием и ощущением большого природного ландшафта, гораздо более крупного, чем тот, который просматривается с видовой точки. Но для нашего сюжета важнее стимулируемые и катализируемые рекой границы, порождённые человеческой деятельностью.

При наличии «пустого», «необитаемого» заречья река служит фактической, а чаще всего и юридической границей города, который приостановился, заплулся в своём пространственном развитии, не смог шагнуть за реку. Наличие тихого, сонного, не урбанизированного заречья свидетельствует о том, что уснул и сам город. Так, при «советской» власти не симпатичная ей бывшая дворянско-купеческая Калуга, не богатая пролетариатом, снизила свою людность до 50 тыс., была разжалована из центра губернии в центр округа и стала зарастать травой. Калугу разбудили в 1944 г., когда сделали её центром области, и дали ей толчок после 1957 г., в связи с культом К.Э. Циолковского; построили Музей космонавтики, насадили новые предприятия ВПК.

У Калуги было два вдохновляющих заречья: за Окой — сельское и полевое, а за её левым притоком Яченкой — лесное. Архитекторы и художники восхищались тем, что все улицы этого города «смотрят в природу». Ныне Заочье (Ромоданово) застроено многоэтажными домами, а Калужский бор за Яченкой, ставшей водохранилищем, всё ещё смотрится издали как лес с террасы Музея космонавтики, но внутри нашпигован жилыми микрорайонами, различными учреждениями, дачными и коттеджными посёлками, отчасти приватизирован.

Аналогично обстоит дело и с весьма протяжёнными историко-географическими границами, коими разделялись государства, народы, ареалы разных цивилизаций. В разное время различные крупные реки служили, считались, воображались границей между цивилизованным миром и землями варваров; между империей и её внешними противниками, союзниками, сателлитами; между оседлыми народами и кочевыми племенами; между «Европой» как миром упорядоченной государственности и «Азией» как попрощем якобы не послушных закону воинственных номадов. Между реками простирались зоны различной степени *европейскости* —

азиатскости. Таковы прежде всего Рейн и Дунай, входившие в одну восточную границу Римской империи; за ними последовали, в более скромных и кратковременных пограничных ролях, Эльба, Одер, Висла, Неман, Днепр. На земле, ныне российской, их эстафету подхватили Волга, Кама, Урал (Яик). Последней в ряду рек, претендовавших на роль границы между Европой и Азией, оказалась пересыхающая Эмба. Своею длинной, но жалкой цепью летних лужид и такыров она окончательно перечеркнула попытки найги хоть какой-то географический смысл в разграничении этих частей света.

В гонке за право разделять людей границами не отставали и реки среднего размера. Они сделались малыми цивилизационными рубежами для своих городов, отделяя более или менее городскую жизнь от явно негородского ландшафта, освоенное земледельцами ополье от дикого полевья, город-крепость колонизаторов-христиан от селений и угодий туземцев-язычников (Владимир на Клязьме, Алатырь на Суре, Арзамас на Тёше, Чёрдынь на Колве).

Российские большие реки в прошлом — не межгосударственные границы, а временные рубежи между постоянно расширявшейся империей и ещё не завоёванными, отчасти внегосударственными территориями. Почти о каждом древнем (досекатерининском) российском городе краеведы говорят, что он возник как пограничная крепость Русского (Московского) государства, но пришёл в упадок, когда граница переместилась.

Расплываясь по континенту Евразии подобно материковому леднику и переноса в радиальном направлении элементы своей культуры, Россия откладывала у своих рубежей «конечную культурно-географическую морену», наиболее мощную там, где передвигавшийся рубеж задерживался надолго, т.е. формировала особый приграничный ландшафт, яркими следами которого в средней полосе европейской части страны являются засечные леса, а в Предкавказье — казачьи станицы на северных берегах Кубани и Терека. В наши дни многие заречья тоже нередко воображаются как заграничные половины такого приграничного ландшафта.

Для ощущения бывшего края государства необходимо, чтобы заречье находилось на *дистальной* (противоположной центру страны) стороне реки. По отношению к столице взгляд наблюдателя направлен центробежно. Он должен чувствовать, точнее, правдоподобно воображать, что за спиной у него — оседлые народы, цивилизация, Европа, Россия, Москва, родина, а перед ним — страна кочевников или лесных охотников, Дикое Поле, дикая тайга, Азия, Сибирь, Туран, иноземье... Этим ощущениям более или менее отвечали в недавнем прошлом Кинешма, Юрьевец, Нижний Новгород, Арзамас, Алатырь, Симбирск, Саратов, Царицын, Оренбург. Их зарубежными аналогами были города на месте древнеримских крепостей на правом берегу Дуная — Регенсбург, Вишеград, Буда.

Впечатление бывшего приграничья нам недавно доставила и Чёрдынь.казалось, что на правом, западном берегу Колвы утвердился мир оседлых и уже христианизированных народов, а с востока угрожают дикари, язычники, кочевые племена Зауралья. Это как будто подтверждает часовня на месте захоронения 80 убитых воинов. (На самом деле неприятель часто приходил и с юга).

Обманчивая тишина

Впечатление приграничности усиливается стоящей над заречьем тишиной (по сравнению с любыми звуками города). На границе с враждебной страной противники затаились, стараются не шуметь, все ходят крадучись, говорят шёпотом,

взгляд у них суровый. Таков почти фольклорный образ советской государственной границы, невольно переносимый и в прошлое, приписываемый нашим предкам. Ключевым понятием для такой границы оказывается *тишина* — обманчивая, тревожная, зловещая... «На границе тучи ходят хмуро, / Край суровый тишиной объят». (Между прочим, следующие две строки можно толковать и как намёк на воображаемое величественное заречье, вдохновившее авторов песни: «У высоких берегов Амура / Часовые Родины стоят») [6].

Тишина и пустота «обыкновенного» пригородного заречья, далёкого от всяких государственных границ и военных фронтов, тоже подозрительна и обманлива, потому что кажется неправдоподобной. В нашей стране все крупные лесные массивы подозрительны. С точки зрения экономического «здорового смысла» кажется странным столь частое в России соседство огромных лесных массивов с большими и малыми городами. Неужели эти земли никому не понадобились для более интенсивного использования и заселения?

Понадобились, очень даже понадобились, да только не лесному хозяйству и рекреации, а тем отраслям, о которых не принято упоминать — ни в СМИ, ни в учебниках географии. Обширные леса заполнены «спецтерриториями», в одной только Московской области занимавшими в советское время не менее 10% площади. Прежнее коренное население из этих земель попросту выселено. Многие военные полигоны расположены в заречьях (правда, не всегда вдохновляющих — из-за отсутствия видовой точки). Для них особенно благоприятны сосновые леса на задровых песчаных равнинах. Так, за рекой Клязьмой, если считать от транспортной полимагистралы Москва — Нижний Новгород, лежат Костерёвские (справа) и Гороховецкие (слева) военные лагеря; за рекой Жиздрой — Козельские леса, бывшие засечные, окружающие не только монастырь Оптину Пустынь и скалу Чёртово (Чертóвое) Городище со святящимся мхом *Schistostega*. В глубь расположенного там национального парка тянутся железнодорожные ветки, в лесах за колочей проволочкой гудят тепловозы.

Расположенные на военных землях лесничества называются спецлесхозами и тоже ведут какую-то хозяйственную деятельность. Не только национальные парки, но и почти все природные заповедники в России соединены с военными объектами, очевидно, служат для их маскировки. Ярчайший пример — Арзамас-16, большой секретный город в окраинной части Мордовского заповедника. Его жители не знали, на территории какой области или республики они проживали — они жили только в СССР. Случайные туристы, приблизившиеся к Объекту, пропадали без вести.

Лесная спецтерритория выдаёт себя абсурдностью картографического изображения. На несекретных общегеографических картах в масштабе 1 : 200 000 и 1 : 100 000, выпущенных для «населения» в постсоветские годы, в таинственную глубь лесов идут автодороги с твёрдым покрытием, но не приводят ни к какому объекту, а заканчиваются тупиками как бы в лесной чаще. В стороне от дорог расположены, судя по условным знакам, населённые пункты, но они лишены названий и к ним не ведут дороги. Вместе с тем, в наших дремучих лесах полным-полно каких-то изолированных от внешнего мира «домов отдыха» и «пионерлагерей».

Там, где воображению наших предков представлялись лешие и русалки, сегодня можно вообразить места, где роятся неприкаянные души и тлеют сваленные в кучу кости заключённых, военнопленных, репрессированных; догнивают в почве давно заросшие шпалы железнодорожных веток (как в карельской Кеми и в подмосковном Бутове).

Замечательное вдохновляющее заречье возникло в новейшее время к северу от подмосковного «наукограда» Пушкино-на-Оке. Далёкие от градостроительства и от «наук о Земле» советские академики, которых военные прокатили на вертолёт, выбрали место для города, очарованные красотой местности, но вовсе не думая о жестоких северных ветрах, взбирающихся здесь на Среднерусскую возвышенность. Экологически неудачное расположение этого тихого городка, разрекламированного местными биологами как «экополис», отчасти искупается потрясающим видом на север, за Оку, на заповедное «море лесов».

Шестьдесят лет бесплодной борьбы натуралистов за присоединение к Приокско-Тerrasному заповеднику приречных лугов с уникальной окской флорой закончились крахом. Асфальтированная автодорога, обрастающая коттеджами, отрезала заповедник от Оки. Но совсем недавно, всего лишь в 2000 г., лесная панорама потрясала безлюдьем и контрастом с городом. На видимой площади в десятки квадратных километров только один огонёк светился за рекой ночью — на исчезающем хуторе Республика.

Так называемый «биосферный» заповедник — лишь небольшая часть гигантского лесного массива, одно время претендовавшего на звание национального парка «Русский лес». О том, чем заняты остальные лесные площади, догадаться нетрудно. Туда ведут шоссе и даже автобусные рейсы. Воображению рисуются подземные заводы, склады взрывчатки, пульты управления полётами, транспортные туннели. Такова она на самом деле — величественная тишина и пустота безлюдного Русского леса, наш «вечный покой», пленяющий художников.

Итак, мы видим, что обширное лесистое заречье, как и все большие лесные массивы, окутано тайной. Но тайна эта не мистическая, как хотелось бы романтику, а реалистическая — военная и государственная, «секрет Полишинеля», поскольку известна и местным жителям, и зарубежным разведкам. Но не спрашивайте аборигенов, что же находится в лесу; делайте вид, будто вы сами знаете.

Ликвидация военного полигона, соединение бывшей запретной зоны с городом при помощи постоянного автодорожного моста и её застройка коттеджами влечёт за собой разрушение романтического «природного» ландшафта. Об этом можно пожалеть, потому что обширные военные земли, даже с их никому не подконтрольными военными охотничьими хозяйствами, будучи в экологическом смысле *меньшим злом*, фактически защищают природу и пейзаж лучше, чем не относящиеся к ним «гражданские» коррумпированные и в сущности *фиктивные* национальные парки и заповедники.

Утрата заречья

Исчезновение вдохновляющего заречья бывает *физическим* и *моральным* (или тем и другим — в разной степени). Большая часть заречья исчезает физически, а оставшаяся плохо видна и не вдохновляет, если река подтоплена и заменена водохранилищем. Так утратили своё хорошее визуальное заречье (Заволжье) Юрьево, Нижний Новгород, Чебоксары, Саратов, Хвалынский.

К моральной утрате вдохновляющего заречья приводит его застройка рядовыми зданиями, прорыв территории города за реку. Это произошло в Калуге, в центре Брянска, во Владимире и в ныне зарубежных Гомеле, Чернигове, Киеве.

Вдохновляющее заречье — хрупкий феномен. Достаточно одного моста, одного здания или сооружения на противоположном берегу — и всё очарование про-

пало. Наши пригородные заречья — исчезающее, реликтовое явление. Уберечь их от разрушения утилитарной экономикой мы не можем, но те из них, которые ещё существуют, и те, о которых сохранилась только память, запечатлённая в фотографиях, живописи, литературе, — достойны того, чтобы считаться драгоценными частями нашего природного и культурного наследия.

Примечания

1. Вид не из центра города, а из Свенского монастыря в пригородном селе Супонёве.
2. Ныне посёлок городского типа.
3. Такое публичное общение правителя с народом становится невозможным в нашу эпоху массового терроризма и заказных убийств.
4. В средней полосе России в «весеннем оркестре природы» доминируют одновременно кваканье лягушек и пение соловья.
5. Известный советский географ Ю.Г. Саушкин (1911-1982) приписывал А.С. Пушкину первенство в открытии и описании высотной природной зональности Кавказа.
6. «Три танкиста». Слова *Б. Ласкина*, музыка *Дм. и Дан. Покрасс*.

Юрий Моор-Мурадов

ДРАМА – ВЕЛИКАЯ ОБМАНЩИЦА

Предлагаемый вашему вниманию текст – первая (вводная) глава в книгу о драме как жанре. Книга еще не написана, хотя материал собран большой. Вводная статья, как мне кажется, может вызвать интерес и сама по себе. Написана она четверть века назад, читатель почувствует это; перед нынешней публикацией внес незначительные изменения и дополнения.

Вместо предисловия

Недавно руководитель одного из московских театров высказал публично обиду на то, что столицу наводнили заокеанские мюзиклы, менеджеры заманивают в них зрителей хорошей рекламой, и поэтому залы традиционных российских театров пустуют.

Жалоба абсолютно необоснованная. Видимо, просто нет в старых театрах хороших спектаклей. А их нет потому, что нет хороших пьес, нет хороших новых драматургов. И это в нынешней, полной драм и трагедий реальности России! (Написано, напоминаю, в начале 1990-х).

А.П. Чехов был великим театральным зрителем. И плохо разбирался в драматургии. Он многое сумел понять в театре – но как зритель. Он смотрел на сцену из зала. Ремесло драматурга от него было скрыто. Доказательством этому может служить его знаменитая фраза: «Если в первом акте на стене висит ружье, то в пятом оно должно выстрелить». Так скажет человек, который судит о театре из зрительного зала.

Драматург же смотрит на сцену из-за кулис. Человек, который владеет ремеслом драматурга, сказал бы: «Если вы хотите, чтобы у вас в пятом акте выстрелило ружье, не забудьте повесить его на стену в первом акте».

Курс этих лекций и предназначен научить вас ремеслу драматурга, когда, где и что нужно заблаговременно развесить, и что и когда сделать и понять... *Tu vivendo bonos, scribendo sequere peritos.* «В жизни следуй за добрыми, в писательстве – за опытными» – наставляет Метафраст в «Любовной досаде» Мольера. Другая цитата: «Я знаю, вы на меня ополчитесь. А я думаю так: если хочешь заниматься каким-либо ремеслом, неплохо сначала изучить его», – говорит щепетильный Дюбюш у Золя в романе «Творчество».

Глава первая. Драма в ряду литературных жанров

1.

Хочу начать, как древние, ab ovo. С яйца. Потому что яйцо удачнее всего передает образ главного героя этих моих заметок – драмы.

Драма в отличие от поэмы или романа – нечто цельное, законченное, недискретное. Можно насладиться одной главой из повести как половиной палки сервелатной, скажем, колбасы (если оставаться в гастрономических ассоциациях), но чем нам поможет отрывок из пьесы – как нельзя приобрести в магазине половину

сырого яйца. В пьесе каждый предыдущий эпизод вполне понимается, вполне раскрывается только в сопряжении с последующими картинками, и наоборот, каждая последующая картина кажется бессмысленной, будучи вырванной из контекста, поскольку органично вырастает из начальных эпизодов; поскольку там, на старте пьесы были подожжены невидимые бикфордовы шнуры, теперь вот только приведенные к эмоциональному взрыву. И вся вещь – ее мысль, ее пафос, образная структура может быть понята только взятая в целом. Иначе мы уподобимся трем слепцам, которым дали потрогать хобот слона. Один был уверен, что держится за толстый хвост неведомого животного, другой – за гибкую ногу, а третьему в голову пришло и вовсе неприличное.

Эту особенность драмы – быть неделимой вещью – использовал в качестве сравнения Самуил Маршак в своем знаменитом четверостишии:

*Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети,
Но все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.*

(Искушенный читатель тут ухмыльнется, углядев двусмысленность, которую не заметил чистый в помыслах Маршак, но мы, сохраняя достоинство, напомним девиз Ордена Подвязки: Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает).

И философу Георгию Федотову эта же особенность драмы послужила для разного сравнения: *«Вторую мировую войну можно понять только в теснейшей связи с Первой как ее второй акт»*.

Можно в газете напечатать отрывок из романа – читатели получают представление о новой работе прозаика, потому что для прозы синтаксис – это все, и заключение о стиле можно сделать из одного-двух абзацев. Но совершенно бесполезно публиковать отрывок из пьесы. Драма, как и яйцо, имеет несколько **обязательных** (проза и лирика в этом смысле не категоричны) компонентов, без любого из которых пьеса – не пьеса, как яйцо не яйцо без желтка, или без белка или без скорлупы. Что еще обязательно есть в каждом яйце? Верно, тонкая пленка и немного воздуха под скорлупой – чтобы мог выжить вылупляющийся цыпленок спектакля.

Задача этих заметок – выявить и понять обязательные составляющие драмы. Составляющие, без которых пьеса из гадкого утенка первых репетиций не вырастет в прекрасного лебедя премьеры.

А начнем с того, что определим место драмы в ряду литературных жанров.

В толстых учебниках вы прочтете, что драма, по сути, разновидность эпического жанра (повести или романа), только в ней нет (почти нет) текста от повествователя, одни диалоги и монологи героев, а от речи повествователя остались краткие ремарки в скобках (см., например, Л. Тимофеев, «Основы теории литературы»).

Заблуждение это проникло и проникает в сознание сочинителей не столько из ученых фолиантов (которых они чаще всего не читают, и, наверное, правильно делают), сколько благодаря такому же поверхностному собственному взгляду на предмет. И сколько людей садится писать пьесы, пребывая в уверенности, что это очень просто: слева пишешь, кто сказал, справа – что сказал, и покупай галстук к премьеры.

Драма – великая обманщица. Тайну свою ей удастся хранить потому, что она пользуется привычным материалом – словами; записываются они на бумагу, и кажется – столь ли значительна разница между нею и повестью (или поэмой, если драма написана в стихах)?

Давайте вместе прочитаем рассказ французского поэта Жака Превера (1900-1977) «Баладар», помещенный в Первом номере журнала «Иностранная литература» за 1989 год. Мы знаем: когда поэты обращаются к опытам в пограничных жанрах, то результаты бывают поразительно плодотворными. Проза выходит поэтической, упругой, образной. И можно предвкушать двойное удовольствие... Итак, рассказ «Баладар». *«Пляж в Бретани. Вдали виден маяк. Растянувшись на песке, здоровенный детина в поношенных брюках и свитере храпит сильным посвистыванием. Два морских ежика, повиснув на кончиках его усов и напевая, качаются в ритме этого храпа. Спящего окружили восемь раковин. Человек зевает. Звук разлителен, и раковины одна за другой с мелодичным звучанием открываются. Слишком раскочавшись, один из ежиков срывается и, описав в воздухе дугу, плюется прямо на глаз спящего...»*

Что за дребедень! И это – рассказ? Какие-то малосвязные описания. Не художественное произведение, а выдержки из протокола об имевшем место происшествии. Читаем дальше.

«...Бородатая рыба бросает в воду камень, по поверхности расходятся круги; вытацив два первых круга из воды, рыба мастерит велосипед и устремляется за большим Баладаром.»

Полная чушь! Нас определенно пытаются обмануть! Где метафорические изыски? Где особый лад поэтовой прозы? Какие-то пресные предложения с прямым смыслом. *«Сирена воет. На струе, которую выбрасывает кит, летающая рыба откладывает яйцо, затем взлетает. Баладар стреляет в яйцо; когда яйцо разбивается, из него выскакивает летающая рыбка, она тоже откладывает яйцо, выстрел – и появляется другая летающая рыбка, в свою очередь откладывающая яйцо, из которого ... и т.д.»*

Нет, нет, лучше бы поэту Превеору сочинять, как прежде, стихи, ничего у него с прозой не получается. В растерянности я листаю журнал, признавший эти опыты шедевром (ничего иного «Иностранка» не печатает, не так ли?) и возвращаюсь к предваряющему публикацию предисловию. Как всегда – биографические данные поэта Превера, комплименты его таланту (что на самом деле является комплиментом вкусу публикатора), и вдруг натыкаюсь на слово, которое мне все мгновенно объясняет. Первый в моей многолетней читательской практике случай, когда пренебрежение предисловием оказалось не на пользу! «Баладар» Превера – никакой не рассказ! Это образец его драматургии, а именно – сценарий мультфильма. То есть это – описание словами того, что должно быть изображено на экране, и уж эти картины будут воздействовать на наше воображение. А образная насыщенность изобразительного ряда преверовского сценария – перечтите фрагменты еще раз – беспрецедентна. И я читаю «рассказ» снова – и будто ярким лучом прожектора осветили затемненный прежде пейзаж. Весь фокус в том, что когда я был настроен на прозу, у меня были задействованы одни формы восприятия. Как только я понял, что передо мной – сценарий, включились другие формы восприятия, необходимые на этот случай.

Меня обмануло то обстоятельство, что это записано словами на бумаге, и я привычно ждал, что предложения будут создавать в моем воображении картины наподобие тех, которые рождает романы Толстого или поэмы Пушкина. Слово там, в томике поэта или фолианте прозаика, и слово здесь, в драматургии – вовсе не одно и то же. В давней драматургической пародии обыграны эти две валентности слов. Пьеса-пародия заканчивается ремаркой: *«(Герой) выходит, уезжает в*

Харьков, где поступает на работу телеграфистом и женится на дочери местного куца». Тут первый глагол использован в координатах драматургии: *выходит*, уходит со сцены. Все остальное – чисто литературный текст. Внешнее сходство их форм (вводящее в заблуждение иных авторов) в данном случае позволяет добиться комического эффекта от неожиданного сближения в один – невозможный в нормативной литературе – ряд.

Настоящий сценарий, настоящая драма (а не подделка в виде чередующихся реплик) и должны вызвать у *читающего* недоумение. Или скуку. Так как их (драмы, сценария) потенции появляются только при постановке на сцене (экранизации). Вне этого текст слеп и глух. Не много найдется людей, могущих профессионально прокручивать в воображении будущие сцены. В венгерской кинокомедии «Отелло в Дюлахазе» есть эпизод: режиссер читает труппе трагедию Шекспира. Актеры зевают, кто-то спит, кто-то, не слушая, вяжет. И только чигающий режиссер, который уже имеет свое видение классической пьесы – воодушевлен, страстен. Ну и в том же фильме показано, **что** на сцене сотворено из «скучного» текста драматурга.

Таким образом, различие между драмой и повестью – принципиальное и вполне объективное. Родовая близость между вышесчитываемым мультисценарием и пьесой (пусть самой «разговорной») много большая, чем близость между пьесой и повестью, пусть даже написанной сплошными диалогами (современные детективы так наловчились писать). Нет такой близости – нет драматургии.

Драма не есть одна из трех сестер, не равноправная триада, якобы включающей кроме нее лирику и прозу. Драма так далеко отстоит от них, что эти последние в сравнении с нею кажутся представителями одного вида и жанра. Драма существует в иной системе координат. Надо перешагнуть в иное измерение. И герой Мольера («Мещанин во дворянстве») был абсолютно прав, когда утверждал, что все, что не стихи – это проза, и все, что не проза – это стихи. Третьего в литературе не дано. Драма – не жанр литературы. В XIX веке драматург А. Островский заметил: *«Все, что называется в пьесе сценичностью зависит от особых художественных соображений, не имеющих ничего общего с литературными».* («Записка об авторских правах драматических писателей»).

Вы сами можете подсказать мне произведения, в которых легко, свободно перемежаются повествование и лирика («Путевые картины» Гейне, например. «1001 ночь» и др. восточные сказки). Но можно ли себе представить, чтобы течение романа, поэмы прерывалось бы каким-либо драматургическим отрывком? Если драма предполагает утилизацию принципиально иных психофизических потенций «потребителя»? (Тут и не поймешь, как в таком случае такого «потребителя» назвать: Читатель он? Зритель?) Понимает (или неосознанно чувствует) автор эту особенность избранного им жанра – он драматург. Нет – лучше ему оставаться в пределах литературы.

Для наглядности – примеры двух способов мышления: драматургического и недраматургического. Представьте себе вестибюль метро. Идут бабушка с пятилетним внуком. Мальчик вдруг побежал вперед и спрятался за большую колонну у самого выхода. Когда бабушка подошла к колонне, шалун выскочил ей навстречу и крикнул: «Ба-бах!» Бабушка, желая сделать внуку приятное, изобразила наигранный испуг, и они мирно пошли дальше.

Другой день. Тот же вестибюль. Другая бабушка с другим внуком. Увидев впереди соблазнительную колонну, и этот сорванец побежал и спрятался за нею. Бабушка подошла к колонне, заглянула за нее... Обошла колонну кругом, остано-

вилась в растерянности, стала искать взглядом внука в вестибюле. Нет его! А сразу за колонной – выход наверх, а там за нешироким тротуаром – многогранный перспектив с оживленным движением. А тут еще газеты стали писать о похищении детей. Все это отразилось на испуганном лице пожилой женщины. Только было засеманила она к лестнице, как маленький плут вышел из-за колонны и негромко сказал ей вслед: «А я здесь». (Когда бабушка неспешно обходила колонну, он успевал отойти назад, не попадая ей на глаза). Бабушка бросилась к нему, схватила крепко за руку и не выпускала ее (это уже мое предположение) до самого дома.

Драматургу надо разбудить зрительское воображение так, как это делает в предисловии к «Маленькому принцу» А. де Сент-Экзюпери. Две линии – одна (внизу) прямая, другая (верхняя) – бугром. И каждый должен увидеть не шляпу и не только удава, но и проглоченного им слона. На сцене перед зрителями разговаривают двое. Но зал видит не разговор двоих, а целый мир, страшные потрясения, вызвавшие этот разговор, вызываемые этим разговором, предвидит то, что будет вызвано этим разговором. Надо разбудить в зрителе изобретателя наподобие того, о котором говорит в своих «Эссе» Р. Эммерсон: *«Чтобы хорошо читать, необходимо быть изобретателем... Творческое чтение существует точно так же, как и творческое сочинительство».*

Леонид Андреев не сумел в свое время разбудить воображение Льва Толстого (скажем честно, читателя привередливого и пресыщенного), и получил от старца ярлык, преследующий его творчество многие десятилетия: *«Он пугает, а мне не страшно».*

Пишу эти строки, а по радио высокий женский голос подтверждает: «Пусть один гениально играет на скрипке, но еще гениальнее слушали вы...»

(Знают ли наши авторы, что в дисковом (не цифровом) телефоне диск набирает нужный номер не в тот момент, когда вы его принудительно вращаете до упора, а тогда, когда он, отпущенный, сам плавно под воздействием пружины возвращается в исходное состояние?)

Сочинитель, усвоивший внешние аспекты драматургии, действует как тот первый мальчуган из моего примера: пытается в любовную напугать шумовыми эффектами, выкрутасами, кривлянием. Истинный драматург умело использует воображение зрителя и добивается беспронгрышного эффекта. Хорошо об этом сказал замечательный комик Луи де Фюнес: *«Зритель в зале смеется не тому, что он на сцене или экране увидит, а тому, что он себе при этом навообразит».* И успеха в драматургии добьется тот, кто поймет эту особенность жанра. Крайнюю позицию в этом вопросе занимает авторитетный литератор Андрей Платонов. У него в «Чевенгуре» есть такие слова: *«...В книгах действует не уместность сочинителя, а ищущая тоска читателя».* Ну, крайности как в политике, так и в искусстве ни к чему, и применительно к драме давайте остановимся на более умеренном утверждении: **В спектакле действует зрительская ассоциативная фантазия, умело включенная знаящим свое дело драматургом.**

Собственно, в той или иной степени представитель любого вида искусства опирается на воображение читателя, слушателя, зрителя (что подтверждается и вышеприведенными цитатами). Но драма – менее всего «вещь в себе». И спектакль отличается от литературных произведений тем, что этот акт взаимодействия должен произойти здесь и сейчас.

Драма пишется не на чистом листе бумаги, а в воображении будущего зрителя. И спектакль ставится не на сцене, а в том пространстве между сценой и залом,

на том *виртуальном* подиуме, который образуется на пересечении линий, идущих от полутысячи зрителей.

Диалог в драме не есть нечто довлеющее, самодостаточное, а осколок того диалога, который происходит между залом и сценой. Драматург на бумаге не может отобразить ту часть картины, дополнить которую предстоит во время спектакля коллективному соавтору – зрительному залу. Но все реплики его героев перекликаются с этой невидимой *читателю драмы* частью айсберга. (Позже я пошел дальше – пьеса пишется в мозгу у зрителя; но на этом не остановился, пошел еще дальше, и теперь говорю: пьесу пишут зрители).

Вот такое принципиальное отличие диалога прозы от диалога драмы ускользает от внимания авторов толстых учебников. И многие театральные деятели поддают на внешнюю обманчивую схожесть, берутся инсценировать провокационно диалоговую прозу Достоевского (то один говорит, то другой) – удивляются, почему зал не впадает в тот экстаз, который испытал режиссер, когда читал роман Федора Михайловича.

Поэтому раз за разом терпят неудачу (и всегда будут терпеть) инсценировки Зошенко, главная прелесть великой прозы которого – в особых синтаксических конструкциях.

Оппоненты укажут на слабое место в моих рассуждениях: в зале тысяча людей самых разных социальных слоев, интеллекта, возраста, настроения. Пересекутся ли в одной точке над залом векторы их интересов? Ответ прост. Каждый практик театра или кино подтвердит: если 40 процентов (хотя бы 40, даже не половина) зрителей знают, зачем пришли, то успех зрелищу обеспечен. Есть в природе такой феномен, и он является залогом побед театрального и киноискусства.

Георг Лихтенберг, бывший не только профессором физики в Гёттингене в конце XVIII века, но и литературным критиком, как-то съездив по адресу бездарных литераторов: «*Немало пишут пьес, непригодных для театра. А нельзя ли написать книги, непригодные для чтения?*» Вопрос шуточный, но серьезный ответ на него может оказаться весьма полезным для нынешнего нашего разговора. Да, рукопись, в которой соблюдены внешние атрибуты драмы (диалоги с редкими ремарками) может оказаться абсолютно несценичной, если не выполняет условий, выдвигаемых театром, и плод авторской пленной фантазии не увидит света рампы, не сможет терзать внимание зрителей. Между тем чтение книги – процесс индивидуальный. И поскольку в принципе невозможно написать книгу, которая понравится всем, от далай-ламы до профессора физики, то речь в вышеназванном вопросе Лихтенберга может идти о том, возможно ли существование такой книги, которую не сможет читать ни один человек? Вы приготовили ответ: такую книгу представить себе нельзя. Какой только пошлостью восхищаются читатели! Даже *** находит себе благодарного читателя. А ***! Древние люди это доподлинно знали, оставили афоризм: *Nullus tam imperitus scriptor est qui lectorem non inveniat similem sui.* (Нет такого неразумного писателя, который не нашел бы подобного себе читателя).

Коренную разницу между литературой и зрелищем почувствовал блистательный Аркадий Аверченко. Еще у колыбели кинодраматургии он нащупал эту разницу, написал об этом специальный рассказ. Аверченко приводит сначала один тип «юморорганизации», один тип смешного: чисто литературный, основанный на каламбурах, на словесной игре, воспринимаемый при чтении. «*Мать послала маленького сына за гулякой-отцом, который удрал в трактир. Сын вернулся один, без отца, и на вопрос матери: «Где же твой отец, и что он там делает?» – ответил:*

«Я его видел в трактире... Он сидит там с пеной у рта». – «Сердится, что ли?» – «Нет, ему подали новую кружку пива».

И второй литературный пример: *«В один ресторан пришел посетитель. Оставил в передней свой зонтик, и, боясь, чтобы кто-нибудь его не украл, он прикрепил кружке зонтика такую записку: «Владелец этого зонтика поднимает одной рукой семь пудов... Посмейте-ка украсть зонтик!» Пообедав, владелец зонтика вышел в переднюю и – что же видит? Зонтик исчез, а на том месте, где он стоял, приколоты записка: «Я пробегаю в час 15 верст – попробуйте-ка догнать».*

Сколько режиссеров, подавшись обаянию юмора при чтении, терпели фиаско, когда пробовали перенести его на сцену, экран! Впрочем, я повторяюсь.

И далее у Аверченко – пример другого юмора. *«Раньше я не понимал, для чего и кому нужны десятки тысяч метров кинематографических лент, на которых изображены: солдат, попавший в барабан и заснувший там; прохожий, опрокидывающий на своем пути детские колясочки и влюбленные парочки, свадебный обед, участникам которого шутник насыпает за ворот «порошок для чесания»; молодой человек, которого кусает блоха во время объяснения с невестой и который начинает бегать по комнате, ловя эту блоху; пьяный, залезший в матрас и катающийся в таком виде по людной улице – для чего и кому все это нужно? – я не понимал.*

Теперь – понимаю».

Аверченко верно уловил разницу в приемах двух различных видов искусства. Уловил, укрепил. Но совершенно напрасно решил, что второй тип – это «Юмор для дураков», и совершенно напрасно назвал так цитируемый рассказ, сослуживший нам хорошую службу. Театр и кино – это особые типы искусства, опирающиеся на иные восприимчивые центры потребителя-зрителя. С таким же успехом можно про музыку презрительно сказать: «Искусство для слепых», про живопись – «искусство для глухих». Поэтому уже много после смерти Аверченко зрители хохотали над героем Чаплина, который заснул в объятьях статуи, над падающим пьяным героем рязановского фильма «Ирония судьбы», над героем спектакля, из-под которого выдернули стул в ту самую секунду, когда он решил сесть на него. Как бы талантливо ни разыграли в лицах актеры самый смешной литературный анекдот – это не будет иметь успеха. Даже на телевидении, хотя там нас упорно приучают к всепоглощающему жанру «говорящие головы».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд жил и писал позже Аркадия Аверченко и знал о кинематографии больше. Великолепной иллюстрацией к вопросу о взаимоотношении литературы и зрелища может служить отрывок из его (увы, незавершенного, но самого лучшего) романа «Последний магнат».

К продюсеру Стару пришел известный романист, мрачный, грозный.

«– Я послал вам фрагмент.

– Но там были одни разговоры, перебрасывание словами, – мягко сказал Стар. – Интересные, но только разговоры.

– У вас тут, видимо, не принято читать сценарии. В моем фрагменте эти разговоры происходят во время поединка. Под конец один из дуэлянтов падает в колодец, и его вытаскивают в бадье...

(Стар): Вы ходите в кино?

(Романист Боксли): Нет, почти не хожу.

(Стар): Не потому ли, что там вечно дерутся на дуэлях и падают в колодецы?

(Боксли): Да, и к тому же у актеров неестественно напряженные лица, гримасы, а диалог искусственен и неправдоподобен.

– Оставим на минуту диалог, – сказал Стар. – Согласен, что у вас он изящнее, чем у этих поденщиков, – поэтому мы и пригласили вас. Но давайте вообразим что-нибудь, не относящееся ни к плохому диалогу, ни к прыжкам в колодцы... Допустим, вы сидите у себя. Весь день вы дрались на дуэлях или же писали текст, и теперь устали драться и писать. Просто сидите и смотрите тупо. В комнату входит милостивая стенографистка – вы уже ее раньше встречали, и вяло смотрите теперь на нее. Вас она не видит, хотя вы рядом. Она снимает перчатки, открывает сумочку, вытряхивает из нее на стол две десятицентовые монеты и пятак – и картонный спичечный коробок. Пятак она оставляет на столе, десятицентовики кладет обратно в сумочку, а черные свои перчатки несет к газовой печке, открывает дверцу и сует внутрь. Присев на корточки, достает из коробки единственную спичку. Вы замечаете, что в окно потянуло сквозняком, – но в это время зазвонил ваш телефон. Девушка берет трубку, отзывается, слушает и произносит с расстановкой: «Я в жизни не имела черных перчаток». Кладет трубку, приседает у печки, зажигает спичку – и тут вы вдруг оглядываетесь и видите, что в комнате присутствует еще и третий, следящий за каждым движением девушки...

Стар замолчал.

– Продолжайте, – сказал Боксли, улыбаясь, – что происходит затем?

– Не знаю, – сказал Стар, – я просто занимаюсь кинематографией.

– Но это мелодрама, – возразил Боксли, чувствуя, что выходит из спора побежденным.

– Не обязательно, – сказал Стар. – Во всяком случае, никто не метался, не гримасничал, не вел дешевых диалогов. Была всего-навсего одна – плохая строчка диалога, писателю вашего калибра нетрудно ее улучшить. Но я сумел вас все же заинтересовать.

– А пятак зачем?

– Не знаю. Впрочем, пятак – для кинематографичности.

– За что же вы мне, черт возьми, платите? Я ведь не разбираюсь в этой хиромантии.

– Разберетесь. Про пятак ведь спросили».

Никакие стилистические (синтаксические), поэтические (метафорические) изыски не помогут рукописи, если она не удовлетворяет требованиям драматического жанра. И в то же время драма остается драмой даже и в том случае, когда реплики героев составлены из пошлых конструкций провинциальной газеты. Это вовсе не значит, что изящный литературный стиль противопоказан драматургии. Что-то сверх программы – ради Бога. Но сначала – обязательная программа. И произведения Александра Островского не выручила бы сочность замоскворецкого говора, если бы он не владел тайнами драматического ремесла. И напротив – весь литературный талант какого-либо современного великолепного стилиста не может заменить отсутствующего у него дара драматургии.

Драматургу вовсе не нужно изощряться в сочинении небывалых предложений и реплик, а надо так организовать материал, чтобы зал взорвался смехом после обыденной фразы героя: «А вот и я!» Или замер в ужасе после слов «Нет, я не знаю». Как это сделать? А-а! Это и составляет суть драматургического ремесла, этому и будет посвящена данная книга.

Весьма справедливо один из современных режиссеров как-то бросил на репетиции актеру: «Не старайся смешить публику! Это не твоя задача! О том, чтобы зрителю было смешно, позаботился драматург особой организацией материала».

А любострастный герой набоковской «Лолиты», недовольно ворчавший на вымирающее (как он считает) искусство – театр, убежден, что его (театр) не выручат литературные достоинства пьес, даже будь в них *«индивидуальные инъекции гения, как, скажем, поэзия Шекспира или Бена Джонсона, которую, запершись у себя и не нуждаясь в актерах, читатель самостоятельно извлекает из драматургии»*. (Этот тип, оказывается, не одни скабрзности изрекал. Цитируемая книга, часть 2, глава 13).

Вышесказанное не означает, что драма по определению – *безобразный* вид искусства. У драмы свои образные приемы и инструменты. Троп в театре (метафора, гипербола, синекдоха и пр.) – это нечто совсем иное, нежели в литературных родах – поэзии и прозе. Этому вопросу мы посвятим одну из последующих глав.

Похвала рукописи, претендующей на высокое звание драмы, что, мол, это хорошая литература – бессмысленна. Все равно, что сказать про баскетболиста, что он хорошо подкидывает мяч ногой, или про футболиста, что он ловко пасует рукой.

То же самое – в музыке. Суть песни не в тексте, а в мелодии, в расположении музыкальных звуков. Когда в 1970-х прелестная София Ротару подарила нам песню на незнакомом языке под названием «Меланхолия», то диктор, представляя шлягер, так оправдывал еретическое в эпоху торжества соцреализма название (Как можно? Какая меланхолия, когда страна уверенным шагом идет в светлое будущее?): «Я не поддамся меланхолии», то есть опять же легитимный, бодрый исторический оптимизм. Не поддамся! Но весь мелодичный строй песни, чарующий голос певицы опровергали версию подневольного диктора. Песня посвящена и передает именно меланхолию, в которую нередко впадает нормальная человеческая душа. Песню за это именно и любили целое десятилетие. Антимеланхолическая песня должна быть мажорной («Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!») Музыка говорит с нами без текста (а порой и вопреки ему). И живописи для разговора с нами вовсе не нужен *сюжет*.

«Вообрази – я здесь одна...» – поет Татьяна в «Евгении Онегине». И любой иностранец, ни бельмеса не смыслящий в русском языке, понимает, вернее – чувствует – что это lamentации на душевное одиночество. Потому что Чайковский – гениальный композитор.

Есть песни другого типа, в которых главное – текст, например – песни Владимира Высоцкого – я говорю не о них. Там поэзия превалирует над мелодией.

Кстати о Высоцком. Когда он умер, официальная советская печать почти не заметила этой трагической для искусства потери. Зато большие некрологи появились на смерть Джо Дассена. И Валентин Гафт (или это ему только приписывают?) высказал стихотворную обиду: «*О чем поет там Джо Дассен ./не понимаем мы совсем...*». Вполне разделяя обиду Гафта, все же уточню: о чем пел Джо Дассен, понимали все его поклонники, даже те, кто не знает смысла фраз «шерше ля фам» и «а ля гер ком а ля гер».

2.

Не относясь с одной стороны к литературе, драма с другой стороны имеет существенные отличия от прочих зрелищных, сценических видов искусства – эстрады, цирка (на сцене), ревью и т.п. *Qui bene distinguit – bene docet* – кто хорошо различает – хорошо учит.

Вы научились виртуозно играть на струнах зрительского восприятия (воображения), вы поняли разницу между диалогом драматургическим и эпическим,

ваши персонажи могут вовремя сказанной фразой вызвать эмоциональный взрыв в зале – и при всем при этом вы еще не драматург.

Драма от всех остальных зрелищных видов искусства отличается особой цельностью, цельнокройностью, неделимостью (вспомните яйцо, с которого мы начали наш разговор). Главнейшим для драмы является условие единства действия, находящее свое выражение в цельной, упругой, стремительно развивающейся интриге, в ладно скроенном *сюжете*.

В развитии интриги, в сюжете (а не в страстном монологе!) обнажается пафос пьесы, в интриге развивается конфликт, без которого драма немислима. Мало занимать зал болтовней, мало рассмешить его, мало наговорить кучу злободневных, смелых речей – нужно, заинтересовав экспозицией, захватив в плен завязкой, умело ведя по перипетиям драмы развитием действия, добиться в кульминационном моменте такого состояния для каждого члена зрительского коллектива, которое сравнимо только с одним – с оргазмом в пик полового акта. (Не могу – очень не хочу эпатировать своих целомудренных читательниц нескромными параллелями, но не могу подобрать другого достойного сравнения. Нет такого больше в природе!) Спектакль, который не довел зал до вышеозначенного эмоционально-рекреационного, очищающего и причащающего состояния – смехом ли, слезами ли выраженного – не состоялся. Это не драма. Это суррогат. Морковный кофе.

Я выше использовал слово «действие» – нужно кое-что объяснить.

Когда режиссер возвращает начинающему драматургу рукопись со словами: «Текст слов неплох, но она совершенно *недейственная*», автор прибегает домой и начинает лихорадочно править свое произведение, добавляя в него «действенность». Герои у него начинают активно «действовать» после каждой реплики: «Подходит к окну», «ставит на стол портфель», «решительно шагает по комнате», «закуривает», «отвешивает звонкую пощечину», опять «закуривает», варит кофе, снова варит кофе и снова варит кофе...

Правильно ли поступает соискатель высокого звания драматурга? Неправильно. Потому что прежде чем браться за исправления, нужно понять, что означает слово «действие» в устах вернувшего рукопись режиссера, имеет ли это слово что-либо общее с тем словом, которое можно, скажем, встретить в Уголовном кодексе («Действия, приведшие... и так далее).

Великой обманнице драме удастся скрыть свои секреты еще и потому, что многие слова и понятия она использует в необщепринятом смысле, а иные – в нескольких смыслах. Вот и слово «действие» у практиков театра имеет два (в зависимости от контекста) смысла.

Точно так же, как любой русский без лишних уточнений понимает, в каком значении слово «лук» употреблено в каждом конкретном случае, так же и театральные волхвы всякий раз безошибочно понимают, что хотели их собеседники сказать словом «действие». Неофитам нужно для начала хотя бы узнать, что скрывается за этими двумя одинаково звучащими, но почти столь же далекими (как овощ и древнее оружие) словами: Действие (1) и Действие (2) – так, кажется, обозначаются омонимы в толковых словарях...

Вышеупомянутый режиссер не обнаружил в рукописи то, что я бы назвал «упругий мускул драмы» – стремительно развивающийся сюжет, в котором завязывается, развивается и разрешается главный конфликт драмы. А писатель принялся выполнять работу режиссера, расписывая вместо него мизансцены.

Не имея общего завершённого плана интриги, в котором найдет свое выражение ваш пафос, не следует браться за написание пьесы. Это только эпический автор может садиться за стол, с трудом различая «сквозь магический кристалл даль свободного романа». Драматург не может приниматься за дело, не имея продуманной интриги. Потому что ему на первых страницах нужно развесить ружья и награды. Для успешного взрыва от бочки с порохом тянут биффордов шнур, а не наоборот. Бессюжетная драма – это безалкогольная водка. Это соленые огурцы без соли.

Элементы эстрады, цирка, декламации, каламбуры, парадоксы, сентенции и все такое прочее могут составлять материал пьесы, входить в нее на тех же правах, на каких входят в архитектуру лепные украшения и росписи. Есть они, гармонируют с главной идеей – хорошо. Нет – тоже можно пережить. Как архитектура мыслит объемами и линиями, так драма мыслит интригой.

Вот сейчас мы (чувствую) подошли к коренной дефиниции драмы. **Драматический театр – это такой вид зрелищного искусства, который своей главной эстетической цели добивается через действие.**

Это правило без исключений верно как для пьес традиционных авторов – Корнеля, Бомарше, Островского, Вампилова, так и для самых современных. Не видит режиссер неостановимо развивающейся интриги в «Стульях» Эжена Ионеску – лучше ему поменять мебель в своей репертуарной афише.

Если вы написали череду остроумных (острых и умных), интересных, злободневных и вечных, вызывающих мгновенную реакцию зала тирад, связанных общим аморфным планом – то вы в лучшем случае создали Lese-драму, которая к собственно драме имеет такое же отношение, как морская свинка – к настоящим обитателям морской стихии. (Соседская девочка уговаривала родителей взять на море живущую у них свинку. «Ведь она – морская!» – ревела юная лингвистка).

Пора сделать существенную оговорку. Утверждение, что драма имеет свои специфические законы, не означает, что на ее территории не действуют положения творческой конституции, обязательные для всех видов искусства, либо общие для двух-трех видов. Например, есть правила, общие для прозы и драмы, для музыки и драмы (но бессмысленные для литературы), общие для цирка и драмы и т.д. Выше говорилось о тех особенностях, без которых драма не драма.

Имеет ли право новый автор пренебрегать основными канонами драмы? Да ради Бога! Хозяин, как говорится, барин. Но он должен при этом учитывать, что вступает в область другого искусства. Скажем – декламация со сцены, если это хорошие диалоги и монологи, стен-ап, если автор умеет смешить людей репризами, эстрадное ревю – если получились бисюлируемые музыкальные и балетные номера (Олег Баян Андрея Миронова стал главным героем «Клопа», поставленного в московском Театре сатиры). Такой автор – художник, поскольку выполняет главное условие искусства (интересен зрителям). Но он не драматург, и рукопись его – не пьеса. И он должен учесть, что театральные подмостки можно использовать для эстрадного ревю, как кафефон – для сигналов пионерлагерной побудки – но нужно ли?

Пусть ты считаешься самым великим писателем эпохи и носишь имя Маяковский или даже Пушкин, но ни «Борис Годунов», ни «Клоп» с «Баней» не становятся от этого драматическими произведениями. Не говоря уже о «Горе от ума» писателя «второго плана» пушкинской эпохи. Про Маяковского рассказывают анекдот: вознамерился он сочинить пьесу, сказали ему, что она обязательно должна иметь пять актов. «А я нарушу это нелепое правило и напишу драму из шести актов!», – заявил, якобы, Маяковский. Великому поэту не помешало бы, прежде чем браться

за новый жанр, познать другие, действительно важные законы театра, понять хотя бы, что означает акт в пьесе, и только потом засучивать рукава. Тогда не пришлось бы через полвека Андрею Миронову выручать его слабую вещь (зато отличная литература!) концертными номерами, выходя в роли Олега Баяна (вернее, выходя из роли). Нес Caesar supra grammaticos – и Цезарь не выше грамматиков! (К чести Маяковского следует именно тут подчеркнуть, что он писал отличные киносценарии. Объяснение очень простое: кино тогда было немым, Маяковскому надо было изучить инструменты этого зрелища, что он успешно и сделал, прежде чем взялся за новый жанр; писать слова, слова, слова для немого искусства – не вышло бы).

В поэзии можно декларировать: «По мне в стихах должно быть все некстати, не так, как у людей». В драматургии этого делать нельзя. Ахматова как-то обронила: «В стихах мне сразу все было ясно». Посетовала, что прозе ей приходится учиться. Но еще больше ей пришлось бы учиться, обратись она к драматургии. Великая Цветаева не пожелала учиться и вот написала кучу драматургических «обмокни», которые ни один провинциальный театр поставить не смеет – ни черта же нормальный зритель не поймет, сбежит, не дождавшись антракта!

Почему драма столь неуступчива в своих правилах и канонах, столь безапелляционна? Потому что правила и условия эти диктуются не капризом театроведов, не чьими-то субъективными пожеланиями, а более глубокими причинами, покоящимися на биологических особенностях человека-зрителя. 300, 500, 1000 человек, собранные вместе, это, конечно, совсем не то, что один читатель сборника стихов. Самый наглядный и самый грубый пример: спектакль не может длиться более двух часов без перерыва. Попробуйте пренебречь правилом! Зрителям же элементарно захочется пописать!

Неудачу одного читателя поэт с лихвой восполнит восторгом другого, *своего*. Но неудача премьеры... О, это катастрофа. Автор, неся свою рукопись в театр, должен знать, что ему не следует надеяться, что пятьсот человек, желая сделать его приятное, вежливо изобразят испуг или выдают смешок. 3-4 ленивых хлопка после занавеса – вот самое страшное наказание, которое выдумало человечество для самонадеянного неопита.

3.

Два великих театральных реформатора XX века – Станиславский и Брехт – нанесли два тяжелых удара драме. Один двинул ей под дых, другой подрезал ей жилы.

Что имел в виду российский театральный деятель, воздвигая четвертую стену (между сценой и залом), требуя автономизации происходящего на сцене? Сам-то он инстинктивно понимал, что действие должно опираться на зрительское восприятие (были же его спектакли интересны, почему же не верить свидетельствам его современников?), но сонм его эпигонов, буквально понявших его и создавших по всей великой стране за последовавшие десятилетия тысячи тяготящих серых «постановок»!..

И Брехт, вздумавший ввести в обиход *эпический театр*, совершил преступление против драмы, авторитетом своим внес путаницу в театральные умы. Ошибкой полагая, что эпический жанр и драма – разные породы одного вида искусства, он решил их скрестить, широко ввел в драму приемы прозы – и не знаю, что за дворняжка у него получилась, но Мельпомена этого на дух не переносит.

Брехт обладал несомненным драматургическим даром. Атомы, из которых он конструировал своих гермафродитов «эпического театра» соответствовали строгим канонам драмы, в них имелись составляющие настоящей пьесы (сцены из «Кавказского мелового круга», из «Матушки Кураж», из «Доброго человека...»). Но он позволял себе в угоду своей теории останавливать течение действия такими ретардациями, что драматургическая целостность разрывалась безнадежно и навсегда. (Недраматургическая цельность его вещей очевидна, она в данном случае сомнению не подвергается).

К примеру, в «Кавказском меловом круге» у него между двумя частями такая огромная задержка (экскурс в биографию судьи Аздака), что подобная задержка, случись она у женщины, свела бы ее с ума. (Кажется, я опять позволил себе что-то непристойное. Прошу прощения).

Как же так, спросят читатели, составляющие брехтовских вещей – драматургичны, а все вместе – нет? Объясню. Может, вы из школьной программы помните, что алмаз и графит состоят из одного и того же элемента – углерода. Разница в том, что алмаз – это один большой кристалл, составленный углеродными ядрами, накрепко, намертво связанными друг с другом, а графит – это множество автономных, слабо связанных между собой кристалликов. И когда мы проводим по поверхности алмазом – он царапает, оставаясь невредимым. А графит разрушается, оставляя на поверхности след в виде отрывающихся от стержня черных кусочков. И мало связанные драматургические кристаллы в произведениях Брехта при всей своей самоценности не могут собраться в один большой кристалл, не могут оставить глубокого следа на поверхности жесткой души современного зрителя...

Валерий Черешня

ОБЛАСТЬ ГОВОРЕНИЯ

* * *

Время шьёт своё шитьё.
Что там вышло? Ничего.

Поживи-ка с «ничего»,
полюби его нитьё,

поскреби его бубнёж,
там, под корочкой, найдёшь

тихий плеск и скудный блеск,
сотканный из лунных леск,

чаек вкось крикливый лёт,
жизнь свою наоборот:

от постылого сейчас
до раскрытых детских глаз,

от счастливого стиха,
где плясала чепуха,

до роганья древних вод,
бьющихся о гулкий грот,
где душа воды живёт.

Вечер. Тень смывает день.
Ключь его уходит в ночь.

Ветер навевает лень
и уносит слово прочь.

* * *

В эту область говорения
входишь из пустой земли,
словно в первый день творения
там границ не провели
между слышащим и дышащим,
между телом и душой, –
так Давид, пред Богом пляшущий,
сам становится пращой.

Этим танцем с диким вывертом,
пред собой и Богом прав,
срезан начисто и намертво
грубой силы голиаф,
чтоб по пустырям несеянный
как из ничего возник
мощью шёпота весеннего
слабый мыслящий тростник.

Он за робким тяготением
звуков к родственным телам
слышит камерное пение,
стройный баховский хорал;
он сгребает время рыхлое,
укрепив его хрящом
слова истинного тихого
в мире, пущенном пращой.

СВЕТ

Памяти А. Рихтера

Эта голая графика:
светотени наброшенный плед,
на столе фотография
человека, которого нет.

Свет полощется, плачется,
бликов льёт дребедень,
утыкается в рамочку,
превращается в тень.

Тонким лучиком трогает
книги, вещи, пальто,
всё на подлинность пробует,
всё – не то.

И уходит из комнаты,
на прощанье, в углу,
узкой красною кромкою
резанув по столу.

А в ночном её опыте
непонятней всего,
как ей быть, этой комнате,
как ей быть без него.

РИМ

Щербатый Рим раззявил пасть жары
и в мареве колышутся руины,
как будто вымерших животных спины
несут триумфов грузные дары.
Под тяжестью вминаются в компост
веков увечные натруженные лапы,
шальные императоры и папы
закладывали этот город в рост
холмам-подёнщикам и времени-скупу,
но от процентов уцелели крохи:
апостолов отчаянные вздохи,
взмывающие птицами к Отцу,
сгустившиеся в облако обид
над купольным сияньем синагоги, –
оно прольётся кровью и пороги
еврейского квартала обагрят,
когда созреет Рок и лицедеи-боги
напрялят древнеримский реквизит,
а в щели сцены смертью засквозит,
содрав их прохуdivшиеся тоги.

И только в Тиволи, на вилле Адриана,
где плечи пиний держат синий свод,
истории зияющие раны
врачуют тишина и птичий лёт.

НОЧЬ

Кромешной тишины цыганская игла
сшивает шелест шин на мокром листопаде.
Фонарный грубый свет, что смерть из-за угла,
и всплеск окна в ночи, как просьба о пощаде.

Дай побродить ещё, потом совсем возьми,
чтоб гул моих шагов ко мне и возвращался,
чтоб, как библейский Лот с родными дочерьми,
с поюшей темнотой бесстыдно обнимался.

В кавернах тишины ещё остался Бог.
Как доктор старенький, Он слушает свистящий,
изнемогающий, погубительный итог
всей нашей бытности, с ума Его сводящей.

Дрожащею рукой Он комкает рецепт,
где пить забвение, настоящим на счастье,
предписано. Но спятил пациент
и крошит целое на лакомые части.

* * *

Проснулся ночью. Всё молчит,
как будто смерть уже случилась.
Душа с молчаньем говорит,
жуёт тысячелетний силос.

Смотри во тьму или в себя,
навски в веки упираясь.
Тьма – ослепительна. Слепя
напором «не», собой взрываясь,

она – предвосхищенье той,
что жизнь твою на свет исторгла,
и всё заполонит собой
в припадке смертного восторга.

Всепорождающий провал,
спасибо за творящий проблеск,
в который я себя узнал...

ИЗ ЦИКЛА «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ»

ГАМЛЕТ

Лучшие часы я провёл, закрыв глаза,
вглядываясь во тьму глубокую и родную,
не замутнённую корчами зла,
не осквернённую сказанным всеу.

Глаз поворот зрачками внутрь,
где и дано разглядеть хоть что-то,
прерывается множеством утр
с рванью тумана и вкусом болота.

Значит, пора. Что же делать ещё
с нежностью к мёртвым и буйством живого?
Только безумец строит расчёт
на выживание в сумятице лова.

Что меня держит? Привычка тереть
видимость ржавую тёркой сознания?
Снег – это снег. Смерть – это смерть.
Холостые круги узнавания.

Лучшие – там. И в стремлении к ним
можно вовсю с дурачьём веселиться.
Перед уходом в холод их зим
гулкой свободой своей насладиться.

КЛАВДИЙ

Кто говорит, что Дания – тюрьма?
Так склонен думать лишь безумец Гамлет.
Откуда эти вывихи ума?
Здесь проiski врагов и закрома
предателей. А шуг Полоний дремлет.

Враги болтают, будто я погряз
в раздорах, захожусь в военном раже.
Но вечно рядом рыщет Фортинбрас,
он душит нас кольцом враждебных баз,
я задыхаюсь, как не стать на страже?

О, власти соблазнительная сласть!
Казалось, всё сработано так чисто,
но лезет из небытия напасть
и обличает грех братоубийства
и кровью жертвы сдобренную страсть.

К нам едут Розенкранц и Гильденстерн,
цвет юношества к нам душой стремится!
А Гамлета дикорастущий терн
мы истребим, и там, где он гнездится,
пробьются верноподданные лица.

Так просто всё – люби свою страну
и процветай публично и безгрешно.
Какой свободой бредят наяву
мечтатели, подобные ему?
– Полоний, ты свободен?
– Я? Конечно.

ГОРАЦИО

Человек – ничтожное меньшинство
в стаде людей,
пойди, отыщи его
в дебрях идей.

Будем искать днём с огнём,
ночью – на ощупь,

как в западню, попадём
в страстигустую рощу:

где глупость, сияя заревом
гулких побед и бед,
распространяет марево
на человечесий след,

где пряным цветением трав
и славой себя опьяняя,
всяк думает, что он прав,
ближнего убивая,

где счастье на мифы истратили,
и каждый трактою горд...
Не стоит больше искать его, –
вот человек. Он мёртв.

ПЕСЕНКА ГАМЛЕТА

Всего, что в мире есть,
умом не переесть,
закройте пасть ума,
сойдите-ка с ума.

Откроете, что есть,
где разуму присесть, –
между двумя «сейчас»,
в могиле без прикрас

из счастья и надежд:
в ней Йорик без одежд
ума, любви, острот, –
забит землёю рот,

в ней плоть любви лежит,
а дух её изжит
и только память-прах
скитается в полях,

в ней уголочек есть,
где тлеет слово «мечь»,
но нет того, кто мстит,
поскольку здесь лежит.

Виталий Челышев

СИГАРЕТНЫЙ ДЫМ НАШЕЙ ЮНОСТИ

Предисловие Сергея Баймухаметова

Журналистская, общественная жизнь Виталия Челышева типична для нашего поколения – сверстников-ровесников из областных городов СССР. Москва, Ленинград, столицы союзных республик – отдельный огромный мир, разделенный на несколько своих миров. А тот, наш, областной – был един. Одна газета, орган обкома партии (даже если в больших городах была еще и «молодежка»), а в союзных республиках – газета на национальном языке), одна редакция радио и телевидения, один общий литературный круг, иногда официально называемый областным литературным объединением. Как вариант: отдельный, узкий кружок, но входящий в то самое объединение. Атмосфера в них всем знакома, памятна: отчаянное поклонение литературе, слову, инакомыслию, свободомыслию и в то же время уверенность, что на нашем веку ничего не изменится. Или даже – никогда не изменится. Мы были уверены, что коммунистический режим, идейно-политическая цензура – это навсегда. Самый популярный (но при этом почему-то не упаднический, а полушутливый!) тост: «За успех нашего безнадежного дела!»

И, конечно, постоянное внимание КГБ. (В Запорожье, где жил Виталий, это «внимание» вылилось в общественный погром литературного клуба, допросы, отъезды одних, безвременную гибель других, изломанные судьбы многих).

В областных и районных городах советских времен журналистов уважали и почитали в народе. Я проработал в областной и районной прессе немного, лет пять, но уверяю: народ знал правила игры, по которым журналисты – «проводники идей партии», некоторые функционеры даже называли их «подручными партии», но, тем не менее, простые люди видели в них своих единственных защитников. Никогда не забуду, как в предновогоднюю ночь 1976 года в районном городке Таруса Калужской области, на улице, на пяточке между гаражами и рестораном, местный шофер Володя Шавокшин поднял граненый стакан с шампанским и провозгласил: «Давайте за вас! Хрен где найдешь у нас таких людей, как журналисты!»

Однако времена неожиданно, пусть и на краткий миг, изменились. Семь лет перестройки и гласности были равнозначны эпохе. В 1989 году запорожский народ (со второго раза, когда первый секретарь горкома партии был вынужден снять свою кандидатуру, поняв, что проигрывает) избрал журналиста Виталия Челышева народным депутатом СССР. Он работал в Межрегиональной депутатской группе вместе с Сахаровым и Афанасьевым, готовил первый и единственный в СССР закон «О печати, других средствах массовой информации». Закон о свободе слова.

И всегда (хоть и с большим перерывом) – стихи. О них говорить не надо – надо читать.

Виталий Челышев был секретарем Союза журналистов России, долгие годы – заместителем главного редактора журнала «Журналист». Сейчас – член редколлегии журнала, председатель жюри конкурса молодых журналистов «Восходящая звезда», член Большого жюри Союза журналистов России.

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

* * *

Он бродит молча по ночной Москве без тени тени, даже без охраны. Его пугает злой карминный свет. Что ищет он? Быть может, свой портрет... Нашёл у бюста дорогой букет. Тирану? Нет. «Вождю от ветеранов». Он в Кремль идёт – невидим, зол и хмур. Его ночной охранник не заметит, как нет в Кремле запоров для него. И вот уже в своём он кабинете. Там только мебель. Больше ничего. «Да! Это я!» – беззвучно он кричит. «Да! Это я!» – пророкотало эхо. И повторилось. Но не криком. Смехом. Здесь всё смеётся. Впрочем, всё молчит... И он уходит с трубкою в зубах. И кровь за ним стекает по ступеням. И пенится. И в этой красной пене сверкает глаз. А в нём дымитя страх...

КОГДА УБЬЁШЬ ПОСЛЕДНЕГО ВРАГА

Когда убьёшь последнего врага, мир опустеет. Не дорога и та, что дорога. В мороз вспотеешь. Друзья завянут. Страх исчезнет в них. И нет геройства. А кто-то скажет: «Он же просто псих. Одно расстройство». И ты пройдёшь меж них, как меж могил, под шёпот строгий. Они не любы. Ты уже не мил. Судьба – дорога. Вперёд и вверх, на дальние холмы, за перелесок, куда когда-то добрались и мы. И ты в довесок. Привет, воитель, убери свой меч, уже не лидер. Присядь, пожалуй. Можешь и прилечь. Мы не обидим. Мы те, кого когда-то ты убил в боях жестоких. Наш след поныне так и не остыл на кровостоке. Испей, воитель, красного вина из смертной чаши: там кровь одна, а в ней – твоя вина. И судьбы наши. Час пробил. Ржа изъела весь металл твоих доспехов. Прощайся. Не об этом ты мечтал. А нам не к спеху. Не торопись, но всё испей до дна, до заговенья. В вине – вина, в вине – твоя война, в вине – забвенья. Никто в миру не вспомнит о тебе. Как будто не был. И будут знать о погрязшей судьбе лишь мы да небо.

* * *

Похоже, скоро в дальние края,
Где свет так нежен и друзья так юны,
Где только море, и цветы, и дюны,
Где на конце иголки жизнь моя.
Не знаю, друг мой, в той ли ты земле,
Но знаю, почему удрал отсюда.
Для всех открывается равно и ровно Земля. Здесь были дубравы, а здесь простирались поля, Здесь птица чирикала праздно. Мы медленно-медленно к цели конечной идём. Быстрее, чем хотелось. Кто по одному, кто вдвоём, В болезнях и в здравии. Разно. Вот мать, вот отец. Здесь покоится с миром сестра. Никто не кричит, не торопит, мол, тоже пора, Их много в веках на погостах. И Солнце над ними встаёт век от века с утра, И та же Луна освещает для них вечера. И рады, коль жалует в гости. Я тоже, не ведая, эти могилы коплю. И ты, мой дружок, что не вовремя выбрал петлю, И девочка, что на качелях Летела, летела, летела, летела в полёт, Как спутник любви, как пронзающий мир самолёт, И пала на пике веселья... Я – здесь. Я – живу. Я ласкаю глазами траву. И грудь моя дышит, куда я вам пропою, Неспетую странную песню О том, как я крошек насыпал тому воробью, О старом колоде, откуда воды изопью, О том, как я мир этот больно и глупо люблю. И мы с этой песней воскреснем.

* * *

На полустанке женщина в слезах, невидима для вхожих и прохожих, в горжетке старой, на неё похожей, и с тонной чёрной краски на глазах. Меха зверьков не возвратят тебе живую агрессивность хищной самки. Ты вышла покурить на полустанке. Ты протянула огонёк судьбе. Она есть ты – без шейного платка, без макияжа, без вечерних масок, она явилась из забытых сказок, как будто эти сказки о тебе. Сойди на землю, поклонись цветам, их краски лягут на лицо и плечи, их аромат тебя сейчас излечит и жизнь вернёт обиженным устам. Не плачь о прошлом, выбрось зеркала, они уродуют твои лицо и тело. Ты получила меньше, чем хотела. Ты получила больше, чем могла.

ПТИЦЫ

Ласточка! Твой свист и стрекот из гнезда. Ты вновь вернулась.
Ведь это ты? Скажи мне: «Да! Спала – проснулась».
Ваш пичий век пятнадцать лет, – не одинока.
Она сказала: «Мамы нет. В дороге. Сокол».

Ты, перейдя через миллениум, – пророк в дырявом колпаке, порок ушедших поколений, с их погремушками в руке, шумишь, чтоб часом не забыли, чтоб за тобой по краю шли, чтоб потеряли и нашли, бросали и опять любили. Ты сам с собой ведёшь бои, в тебя – твои удары градом, ты сам себе даёшь награды за все страдания твои. Ты потерял, кого любил. А прочих просто позабыл...

Ласточка! Не улетай, расти птенцов. Построю терем!
Зимою мы в конце концов разгоним темень.
Я растерял, кого любил. Прошу, останься!
Сказала: «Набирайся сил. Потом скитайся»...

Ты входил в зиму, как в судьбу свою. Треух надень. Сиди. Я песенку тебе спою. Я только тень. Стряхни сугробы из-под глаз своих – во намело! Давай, напьёмся нынче на двоих – зиме назло. Свеча горела на столе твоём – сквозняк задул. Идём в метель, идём в пургу вдвоём – идём в загул! Кому сивуха, словно мёд, тот и в сугробе не помрёт!

Ласточка! Я слышу снова голос твой! Ужель вернулась?
Она сказала: «Да-да-да! Спала – проснулась».
Она сказала: «Мы к тебе успеть хотели».
Она сказала: «Хорошо, что мы успели».
Все птицы здесь. Все собрались. Все прилетели.
Ты улыбнулся. А они тебе запели...

НАЕМНИК

Он не скрывал ни званья своего, ни плоских целей. Был само участие. Он, мелкий бес, он, прапор из хозчасти. Душа? Зачем она ему и для чего? Нет, не нужна. Вот разве жизнь его. Да, жизнь, пожалуй. Больше ничего. Не обязательно. Но может так случиться. А если вдруг погибнешь – сразу в рай взлетишь стремглав, подобно рай-

ским птицам. В раю удобно жить и подлечиться, там залежи конфет и вкусный чай. Вдова получит мзду за твой уход, детишкам – молочишко, витамины. А повезёт, – не сам уйдёшь в полёт, уйдут и те, кто в бедствиях повинны. Иначе – рабство, мука и обман в том мире, где утеряна стыдливость. Ты – воин света. Ты – за справедливость. Труба надежд. Победы барабан. Здесь подпиши. Подъёмные возьми. Пошёл отсчёт: минуты или дни – неважно. Ты веди себя отважно, и в миг атаки чудом не усни. И вообще – гони-ка прочь сонливость. Ты – воин света. Ты – за справедливость. Где калаша – там будут калачи. И родина. И родинка на мочке. И в панино старом молоточки аккордами взорвут былую жизнь. Нет ничего. Ты за ничто держись.

И сразу тьма. И ты к земле прижат. И весь в пыли. И колко от осколков. Но цел. А на окраине посёлка всё мнёт подряд далёкий гулкий град. И свет смертельный мажет небеса. Стон человеческий. Вой предсмертный пса. Ужасный блеск. И слепота. Ни зги. Из темноты палат в тебя враги. Все – твари. Все – дерьмо и негодяи. И ты стреляешь в сторону окраин других посёлков и других руин, в копилку трупов женщин и мужчин. Затихло. Ты щеку прижал к траве. И получил удар по голове.

– Очнулся, сука? Имя? Позывной? Кто командир? Вас много там осталось? Ты не молчи, пожигь тебе досталося, покуда, сука, говоришь со мной. Я – воин света. Я – труба надежд. Победы барабан и всё такое. Ты не молчи. Чего слова жуёшь? Покуда, сука, говоришь со мною, по тую пору временно живёшь. А впрочем, – цел. Тебя мы продадим на органы – хоть толк какой-то будет. Ребят помянем. А тебя забудем. Тебе дорога – под врачебный нож...

Ты позабыла уж меня, жена? Ты помнишь, сын? Ты вспоминаешь, дочка. Я жив чуть-чуть. Теперь я просто почка. Другие тело, мысли и страна. Застрял я между небом и землёй – там не берут, а тут не отпускают. И организм меня не отторгает, он долго будет маяться со мной. Хозяин трезв, но курит, как и я. Трактаты пишет о других, повинных, и об устройстве обществ муравьиных, о рабстве и о том, что есть Земля. Он – воин света. Он – труба надежд. Победы барабаны и всё такое. Хочу, чтоб трезвым умер от запоя. Но будет жить, пока не надоест. На днях ко мне явился мелкий бес, ну, прапор-шаромыжник из хозчасти. Увы, теперь он не был так участвовал, зато был весел и весьма нетрезв.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

БАю, баюшки, баЮ, БАю родину мою. На дворе растёт трава, на траве лежат дрова. Под дровами есть большая очень чёрная дыра. Спать пора, всегда пора! Засыпай-ка, детвора! В той дыре ужасный крот, наши корни жрёт и жрёт, не подавится, зараза, что не съест, то продаёт. Дождь идёт, гремит гроза. Закрывай скорей глаза! Всю траву коза объела: слышишь, голос подаёт? И барашек рядом: бе-е-е-е... Жутко, жутко жить тебе! Но судьбу не выбирают. Благодарна будь судьбе! Спи, страна, спокойно спи, тихо в дырочки сопя. Плачут мышки в мышеловках, хитрый лис попал в силки. Хомячки за хомячками – за забор, чтоб есть с руки. А зачем нам, на ночь глядя, пригодятся хомячки? Филин кажет злую рожу, вечно ухаёт, как псих. Чтобы сон твой не тревожил, мы поставим часовых. Нет во сне невзгод и бед. Сон – хранилище побед. Там и любят, там и холят, там и завтрак, и обед. Там на праздничном застолье поднесут бокал вина. Без конца твоё раздолье! Крепок сон, в нём жизнь и воля. Ты у нас всегда одна. Спи, свободная страна.

ПОЛЁТ

Спасибо Тебе, Господи, за то, что дал однажды мне услышать это. Возможно, на дворе стояло лето. Не помню. Знаю, был я без пальто. В метро качало. Ехать далеко. И в полудрёме с книжкой раскрытой я ощутил, что прошлое забыто, почувствовал, что стало мне легко. И, вынырнув из тела и одежд, вдруг полетел стремительно и лихо. Вокруг мелькало, стало очень тихо. Я пересёк невидимый рубеж. Огромный Космос оказался мал, галактики слились в большое тело, и нечто из него мне вслед глядело, и некто мне рукою помахал. Так пусто... Полутень или полусвет. И, между тем, так ясно и прекрасно. Там понимаешь: это не напрасно, напрасного и не было, и нет. Как будто в пустоте был поворот, за ним неожиданно облако явилось. Знать не могу, как долго это длилось. Я замер у невидимых ворот. И слышал хор. Кипел, рождаясь, свет. Язык неясен, смысл его неясен. Я только понимал, что хор прекрасен: прекраснее и не было, и нет. Я сделать шаг хотел, чтобы войти – и раствориться в голосах и свете, не думая о внутреннем запрете и тех воротах, что встали на пути. Но голос тихий мне сказал: «Домой. Пора домой». И был толчок несильный. И вновь меня трясёт вагончик пыльный. Неужто он и впрямь мой дом родной? Я вышел под безмерный небосвод, махнул рукою тем, кто улетает. Их там обнимут. Каждого там знают – из века в век, из рода – в новый род. Среди жары и заполярных стуж рождается душа и вырастает, куда навсегда не улетает с плантациями наших светоносных душ.

НОЧНОЙ ВОЙ

Проснёшься нынче сам не свой ты ночью страшной, ночью ясной – беги сквозь иней ледяной, сквозь рой напрасных звуков разных! Беги к большому валуну, где предки век из века выли. Завой сквозь тучи звёздной пыли, завой на полную Луну. Заплачь о немочи своей, вскричи о смелости и боли. Ну, всё! Беги! И я с тобой, куда предаюся сну. Там перед морем Облаков, в морях Дождей, Паров, Нектара – там молодеет всё, что старо, и там везде следы волков. Кричи о женой Луне среди древних мёртвых луноходов. Здесь волчья вечная погода, годится лишь тебе и мне. Здесь миллионы прежних стай, искрясь, друг друга привлекают. Здесь волки голода не знают. И ты там будешь. Не скучай! И я, быть может, заскочу с тобой повыть на Землю нашу. Ведь нет её милей и краше! Мы захотим! Я захочу...

КОГДА ВЫКЛЮЧАЮТ СВЕТ

Легче всего совершить преступление, если выключить свет. Проще всего победить поколение, когда поколения нет. Я не хочу о причинах и следствиях. Потом. Потом. Потом. Это враньё, что лошади лечатся Кнутом. Кнутом. Кнутом. Это неправда, что гасится бедствие Огнём. Щитом. Мечом. Думай, подследственное человечество. О чём? О чём?

В ГЛАЗА!

Когда штурвал на время схватит раб и скажет всем, что он и есть Свобода, мне жаль! Мне жаль уставшего народа, который посмотрелся всяких жаб. Оно «при власти»... И оно теперь считает всех голыми рабами. Оно скрипит шербатыми

зубами. Оно желает сечь народ кнутами. Оно безумно? Нет. Увы. Кабы. Удивлены? А вы теперь рабы... Нет? Пусть не так. Заношена до дыр его Свобода. Он вас всех утешит. А вы извольте наслаждаться властью. Был командир? А ныне – конвоир. Чего молчим? Чего, народ, опешил? Он ваша власть? Не ваша! И не та! На место бандюковичей лощёных полезла тараканов рать копчёных, полезла вверх из щелей гопота. Вам делать выбор, люди, только вам. В глаза смотрите! Все слова – для тризны. Не верьте вы загнившим тем словам. Не верьте ни своим, ни москалям, ни мне, ни благородным вензелям, ни мужикам, ни дамочкам капризным. В глаза смотрите! В них таится суть! Даст Бог и вам от рабства отдохнуть.

Автоперевод с украинского

БЕРЕГА

Когда темнеет мозг и сердце бьётся глуше, когда под звон часов смеёшься ты навзрыд, гремит по стёклам ночь, и лапы сфинксов душат граненые черты далёких пирамид. Ты жив, но ты избит дождём из мыслепада, плывёт душа твоя по волнам бытия. За все твои грехи безумие – награда, за всё добро твоё – святись душа твоя. Летим в водоворот улыбок и оскалов, туда иль не туда, иль вовсе в никуда. Обломки кораблей, разбившихся на скалах, приносит к берегам безлика вода. Где берега мои – узнаю лишь разбившись: нам всем не суждено познание до поры. Но там, на берегу, из щепок мыслей бывших пусть кто-нибудь зажжёт дымящие костры.

1968-1969

СИГАРЕТНЫЙ ДЫМ НАШЕЙ ЮНОСТИ

Я не вспомню точно год, когда это было. Примерно 1969-й. Наша компашка договорилась встретиться на квартире у приятеля, родители которого куда-то умотали на несколько дней. Я шёл туда с каким-то странным чувством, что это последний вечер, который мы проводим вместе. Ничто не предвещало разлук, казавшихся невозможными. Никто из нас не предугадывал странные судьбы и неожиданное будущее. Года два оставалось до подлой гэбистской статьи в областной партийной газете, после которой был разгромлен наш литературный клуб и началась ломка судеб. Один из нас оказался за границей, другой (хозяин той квартиры) уехал в Волгодонск, оттуда, по слухам, в Сибирь, оттуда – невесть куда. Девочки осели кто в Запорожье, кто в Москве, кто в Киеве. У каждой было своё счастье, свои драмы и трагедии. Не помню, был ли наш харьковский физик, живший в Пятихатках. Я долго выходил на его следы, находил его, даже встречался, созванивался, а потом потерял окончательно. Один замечательный друг, инженер, переехал в Минск, и мы с ним регулярно перезваниваемся. Неважно. Я шёл по проспекту, мимо фонтана, поднимался по крутой подъездной лестнице, а в голове складывалась песня, в которую тогда никто не поверил и которую потом многие вспоминали, особенно про память, которая улетела в небо таять и пролилась дождём на другом конце Земли. Пишу по памяти, надеюсь, ничего не пропустил...

Это был последний вечер,
На котором пели песни –
Грустно, весело и длинно,
В общем, пели, как могли,

Чтоб назавтра даже память
Улетела в небо таять,
И потом дождём пролиться
На другом конце Земли...

Все смеялись, что последний,
Удивлялись, что последний,
И боялись, что последний
Дым течёт из сигарет.
Туфли с сумками в передней.
Боже мой! Да это бредни!
Ну, а вечер был последний
На ближайших двести лет.

Ах, смеялись, удивлялись,
Целовались и бросались:
Кто с балкона, кто на рельсы,
Кто куда хотел и мог.
Город спал в кольце неона.
Свист лихой на перегонах
От далёких эшелонов
Оседал у наших ног.

Это был последний вечер,
На котором пели песни –
Грустно, весело и длинно,
В общем, пели, как могли,
Чтоб назавтра даже память
Улетела в небо таять,
И потом дождём пролиться
На другом конце Земли...

А потом... А потом нас разметало. И новые друзья не могли заменить старых, которые оставались лишь в воображении. Если кто-то, в пределах страны, был досягаем хоть иногда, то за граница равнялась смерти. Мы и прощались с другом в моей комнатухе в коммуналке за «Білим міцним» («Белым крепким»), прощались навсегда. И когда он уехал, на редакционных попойках я начинал всегда с его песни «Уже застольные допеты», а потом пел свою, вот эту.

Разнесло, разбрызгало нас по миру,
По столицам и уездным весям,
И не справить вместе даже поминок,
Не послать о праздниках известия.

Где же вы, друзья мои, ровесники,
Что-то пьёте? И о чём мечтаете?
И какими мучаетесь песнями?
И к какому берегу причалите?

Соберу я всех вас в тесной комнате,
Белым крепким угощу, как водится.
Потрудитесь, напрягитесь, вспомните
Наши позабытые мелодии.

Я почти что вижу вас... Но что это?
Руку протяну – и расплываюсь
Сигаретным облаком по комнате.
Где вы? Кто вы? Как вы называетесь?

Разнесло, разбрызгало нас по миру,
По столицам и уездным весям,
И не справить вместе даже поминок,
Не послать о праздниках известия.

И как-то жили мы, уже все совершенно врозь. Полнились новыми надеждами, которые рушились. А сбывались непредвиденные. Что меня так тянуло к ним всегда? И к этим, нынешним. Но главное, – к тем, юным, растворившимся во времени? Наверное, я их всех любил. Похоже, люблю по сию пору. Не себя среди них, честное слово. Их, таких разных, полных надежд, с неразвернутыми пружинами в душах, с тайными мыслями о счастье (тайными, чтоб не сглазить ☹). И вот однажды наступило время, когда без них, без наших разрушенных воздушных замков, я ощутил себя совершенно одиноким в толпе. Тогда и написался монолог колоса. Друзья поэты его критиковали за концовку. Хорошие друзья, без наносного чекистского песка. Но именно концовка была сутью моего тогдашнего отчаяния. И пусть она такой и будет. Сохранился оригинал, а на нём – и дата: 16.4.77.

Я – маленький. Я – колос на жнивье.
Дыханьем полон, я с планетой движусь.
Я полон глаз. И я, конечно, вижу
Иных колосьев головы в траве.

Так мир устроен. Надо умирать.
Но вот случилось, что скосить забыли.
Комбайнеры там, что ли, перепили?
Или со мной решили поиграть?

И я стою. А ветер стебель гнёт.
И мёрзнут зёрна в воздухе морозном.
Не выстоять. Но падать слишком поздно.
Мне холодно. Метелица метёт...

Я – зимний злак. Один среди стерни
Молю кого-то, кто меня не слышит.
Молитва тише звука, снега тише:
«Верни мне жизнь. Верни мне смерть. Верни»...

И луг взорвался! Звонко проросли
Колосья те, что осенью упали.
Их трактора (опять же!) запахали,
Меня же вновь (опять же!) обошли...

Я жатвы жду. Я верю в сталь ножей.
Я хлебом стать хочу или травую.
Но мёртвым стеблем с мёртвой головою
Мне новых зим не выстоять уже...

Ну, как-то выстояли. И я. И те, кто выжил. Не одну зиму, не две, не десять, но и не ожидавшуюся вечность. Выжить, как выяснилось, не подвиг. Жить и оставаться собой – ну, такой маленький подвиг. Жить – и менять мир к лучшему – иллюзия. Но пусть здравствуют сохранившие иллюзии, ибо на них мы и выстраиваем какое-никакое настоящее.

2013

КРЫША

Когда теряет перец остроту, а водка – хмель, а облако – прохладу, когда с трудом ты вспоминаешь ту, которой нет, не будет, и не надо, когда ты понял всё о миражах в пустыне свидения земного, и знаешь, что на верхних этажах полно небес, и всё-таки не много, не думай, что отыграна судьба. Не думай, что глупа. Она не дура. Карбайкайся на крышу. Вон труба. И лесенка из ржавой арматуры. Антенны. Старый бак, а в нём – смола (ещё того, советского разлива). Презерватив. Бутылки из-под пива. И дверь лежит – подобие стола. И ящики. Всё чисто и красиво. И льётся тихий свет неторопливо. Звенят, звенят в ушах колокола. Звенят, звенят в ушах колокола. Но тишина... Кого здесь жизнь косила? И от кого здесь жизнь своё взяла? Перед лицом – штепсель проводов. В них песни старых дев и юных вдов. И чёрное крыло толкает к краю (как будто я не чую и не знаю). Смеюсь – и вижу: ветром унесло. Покуда крылья есть, зачем крыло? Здесь ангел мой к застолью приглашает. Накрыта дверь, как нужно, на двоих. Я – старый псих. Он – сед и очень тих. Стаканы. Самогонки сулия. Хлеб. Сало. Жизнь его и жизнь моя. Мы выпили. Он как-то трудно встал... «Я так устал, Виталий. Я устал. Тебя я вечность целую хранил. Но ты всё жил и жил. Всё жил и жил. И вновь придётся пережить весну. Затмение Солнца нынче. Я сосну. Просишься в отпуск. Но не дали, суки. Я ненадолго. Максимум – на сутки. Ты пей. Ты пой. Бутыль, она твоя. А я... Немного износился я». Он крыльями лицо своё закрыл. Упал на толь. И обо всём забыл. А я теперь хранитель у него. Их сутки – вечность, только и всего. И в сулие трепещет самогон. И звон в ушах. Какой прекрасный звон!

2015

СТРАХ

Они стояли чередой ко мне
И говорили: «Страшно, очень страшно!».
При ярком Солнце. При ночной Луне.
Сквозь сон глубокий, взрывы на войне,
И после жизни, прожитой вчерне,
В туманах. В переулках, где опасно.

Любовь – она казалась вдруг ужасной,
И ясное пыталось потемнеть.
Под ветер. В час вечерней слепоты.
Там были все. И я. И ты. И ты!

Что делал я в той чередке к себе,
Жуя рогалик, запивая чаем?
Кого искал? Кого найти не чаял?
О судьбах думал или о судьбе,
Живых и мёртвых на пути встречая?

Жуки топгались тут же и коты,
Три носорога, слон, маргышек стая...
Молили взгляды. Шёпот был отчаян.
Своей колонной двигались цветы –
Счастливые – по-своему несчастны.
«Ох, страшно, страшно, в вёдро и в ненастье,
Ох, страшно!» – говорили ты и ты.

Нет-нет, я ничего не понимал.
Мой страх сгорел сто тысяч лет доголе.
Что делал я в пустынном этом поле,
В той чередке, которой так внимал?

Я прилагал ладонь к холодным лбам –
И улетаели, оживая, твари,
И больше не шептали, не кричали,
Не плакались ни им, ни нам, ни вам.
Ладонь горела от чужих невзгод –
Придуманых, ну, а порою – явных...
Евреев, мусульман и православных,
Католиков, буддистов, всех, как равных,
Рукою я своею покрывал. И отпускал.

Мормон? Иеговисты? Проходи!
Баптистка? Духобор? Да нет вопросов.
Не бойся духов, мой шаман раскосый!
Вам всем грядет работа впереди!

Но вот настала очередь моя.
И я смотрю в свои глаза пустые –
Не вижу в них ни тайны бытия,
Ни страха. Только жёлтая пустыня.

– Зачем пришёл, – спросил я у себя.
– Ты знаешь, – я ответил. – Да, ты знаешь.
Ты от меня сто тысяч лет скрываешь
Мой древний страх. А без него нельзя.
Верни!
Но я ответил:
– Не верну.
В тебе чужого столько накопилось,
Что ты лишишься мужества и силы,
Что ты пойдёшь немедленно ко дну.

Иди, лечи. Стрекозы заждались.
И мушек рой. И земляные черви.
И пьяницы. И их подруги-стервы.
Им страшно! Избавляй их по одной.
Таков твой долг. Таков твой долг. Стыдись!
Смени ладонь, пока не загорелась.
Твоя Земля от страха перегрелась.
Надень пальто. Смотри, не простудись...

2016

Леонид Гиршович

ДВА ОКЕАНА

Вдоль забора снаружи тянулась канава, а снутри росли смородиновые кусты. Женщина с электрички, поравнявшись с калиткой, кричала: «У вас сдаётся?» и шла дальше, к следующей даче. Кто-нибудь из местных, державших корову или свинью, сдавал ей. Мы же сдавали только явочным порядком. Одна семья жила с конца зимы: мать с дочерью. Это уже не дачники, а жильцы. Они занимали комнату с верандой, имеющую отдельное крыльцо, от которого зимой были протоптаны три дорожки: к калитке, к колодезю и к навесу с дровами, а за ними к «скворешине» — отхожему месту. Когда мело по целым дням, эти дорожки превращались в прорытые в снегу траншеи.

Приезжая на канникулы летом, я маялся. Дети с соседских дач меня не брали играть: толстый-жирный поезд пассажирный. Уже третьеклассники, встречаясь, они строго говорили друг другу:

— Пароль?

— Семнадцать.

Это из кинофильма «Тайна двух океанов» («Грузия-фильм», 1955 год — поставлен грузинским Левшой; пометим также галочкой имя композитора: Мачавариани). Я смотрел его со старухой-жиличкой, снимавшей комнату круглогодично. Ее дочь, тетя Шура, уезжала на работу, а мы ходили в кино на первый, пятнадцатый сеанс: «Следы на снегу», «Кортик», «В квадрате сорок пять», «Храбрый как тигр» (китайский), «Без вести пропавший», «Тайна вечной ночи», «Два капитана», — фильмы, которые крутили уже только летом и на которые взрослые в общем-то не ходят, только старый да малый.

Назвать бы то, что я сейчас пишу, «Тайной двух дачниц». Как-то раз я услышал за их дверью голоса: «Шура! — Что, доченька?». Хоть убей, не помню, как старуху звали. Сморщенное личико, нос крючком, глаза меж красноватых мешков. У обеих косички, как у школьниц — дугой.

Белые лучи проектора переминались в темноте, в них роились клубы пыли — то, чем мы дышим. Мы вперялись в экран, а на обратном пути каждый из нас говорил о своем.

— Она, как Саню увидела в форме летчика, сразу поняла, что ни за какого Ромашку не пойдет.

Я согласен:

— Ромашка даже стрелять не умеет: тык-пык. И как такой может влюбиться с первого взгляда на всю жизнь?

— Да походи — «на всю жизнь». Родила б, сразу бросил бы. Когда двадцать второго июня они с Саней в речке купались — что, у них дети были тогда? Полные трусы радости — вот чего было. Не думали не гадали, что в последний раз купаются.

Я приставал, чтоб рассказала про войну.

— А что война? Доченька моя, Шуручка, сидит в детском садике вся зассанная, а я по две смены стою у станка, пистолеты делаю. Давай я лучше про революцию.

С тех пор при встрече с тетей Шурой я представлял себе ее «зассанной» и задерживал дыхание. Как это может быть, что тетя Шура в войну ходила в детский садик. Но эта фоменковская хронология меня не смущала.

Она рассказывала и про штурм Зимнего, и как ее схватили белые, но юнкер влюбился в нее без памяти и помог ей бежать.

Ходили мы с ней и на детские утренники по десять копеек. Царевич вбегает в терем, девица краса золотая коса оборачивается — вместо лица череп. От неожиданности я закричал. Она как-то злобно засмеялась.

— Страшно?

Нынче мое Я снится мне лишенным возраста, половозрелым, родители «снова живы», а тех, кому родитель я — их нет. Я не в ладу с психоанализом. Там, у врат кабинета, расположился цербер о трех головах: Я — сверх Я — Оно. С самим собой не поспоришь — выше головы не прыгнешь. Когда тебя необратимо обступает чужбина, то как бы рано это ни случилось, приходит ложная старость. Твой последний день нескончаем, да еще в местах, где средняя продолжительность жизни, как у слонов. У этого есть и обратная сторона: эмигранту не перерасти «возрастного себя», эмиграция консервирует возраст. Если эмигрируешь рано, очень рано, как я, то живешь заемным прошлым, займы берешь у своих родителей, которые на пожелтевших фотографиях твоей памяти ровесники твоих детей. Игра в дочку-матери продолжается вверх тормашками, дочери зовут матерей «доченьками»

По-русски все уже написано, включая и то, что «все уже написано». Не пишешь, а собираешь конструктор. Все узнаваемо, и это сообщает твоему письму скорость, с которой возрастает масса. Сила удара такова, что любая твердокаменность вдребезги (хочется думать).

То, что вы сейчас читали, было разминкой на старте — прологом, увертюрой. Некто в белом поднял стартовый пистолет. Прийти первым к финишу, обогнав других — такое еще возможно. Но когда бежишь в одиночку, финишировать первым означает обогнать самого себя. В этом суть творчества. Что ж, попробуем в очередной раз прыгнуть выше головы.

*

Ира надушилась маминой «Кармен».

— Это еще зачем?

— А Нина тоже душится.

Стук в дверь, и детский голос:

— Александра Яковлевна, вас зовут.

У Трочновых не работал звонок, и под ним была записка: «Звонить к Молоковым».

— Скажи, Коля, сейчас иду.

Для Коли Молокова жить бок о бок со своей классной руководительнице й что-то вроде привилегии. И учительская-то заповедное место, куда входишь — как подглядываешь. В школе все по-другому, Ира даже называет свою мать по имени-отчеству. А тут Александра Яковлевна однажды забыла закрыться на крючок, Коля потянул за дверь, а она в уборной.

Мужчине, который спрашивал Александру Яковлевну, Коля объяснил, как дверь, но тот и сам знал, только попросил позвать. На голове меховая шапка

высотой с Эльбрус, зимнее пальто чернело сугробом. Александра Яковлевна вышла в летнем халатике. Как в сказке «Двенадцать месяцев». Все месяцы с ума походили: то май, а то сразу декабрь — капризная принцесса не успевает оглянуться, как постарела на целый год. Коля догадался, почему мужчина не снял папаху: волосы под ней некрасиво примяты. (Тепло.)

Александра Яковлевна шепнула:

— Через двадцать минут.

Талый сугроб отправился на улицу, караулить когда Ира уйдет.

Пока ей не стукнуло десять, с ними в комнате проживала еще одна семья: тетя Вера с маленьким Колей («Коля, Коля, Николай» — их много, николаев-угодников, больше чем иванушек-дурачков). Мама еще только училась — на вечернем, на факультете биологии, а днем работала. Потом тех отселили, куда-то к черту на рога. А вот если б ей уже тогда было четырнадцать и тетьвериному Коле четырнадцать, она бы что, при нем тоже переодевалась, а он при ней?

Когда Иры нет, этот человек приходит к маме, и мама знает, что Ира знает. И знает прекрасно, что Ира совсем и не с Ниной встречается. Это такое же вранье, как называть маму в школе Александрой Яковлевной.

За три минуты, что мамы не было, Ира взяла ее помаду — подкрасить губы. Увидев дочку с накрашенными губами, Александра Яковлевна сказала:

— Немедленно сотри.

— А почему Нине можно?

— Сотри немедленно. Иначе никуда не пойдешь.

— Ну и не надо, останусь дома.

Мать молчит, и слышно, как она сопит. Бойтся, что этот мужчина возьмет и уйдет? Ее-то Шура никуда денется. Хотела звать его Саней. ««Шура» женское имя». А он: «Какая разница, мужское, женское, раз мы ничего не делаем».

Подождав минут десять, Ира сказала матери:

— Химическую помаду не стереть, а раньше утра не съестся. Только если усиленно целоваться. А что я с Нинкой буду целоваться?

Александра Яковлевна говорит сквозь зубы, не глядя на дочь:

— Ладно, иди.

Вчера она выгнала ее из класса за записку. Решила всем показать, что на уроке она ей не мать. «Трочнова! Вон из класса!» — «Александра Яковлевна...» — «Кому я сказала, вон из класса».

— Что, на свидание? — спросил Коля Молоков.

— Нет, на детский утренник.

Мужчина дождался у самой парадной. При виде ее притворился, что закуривает. Она смерила его неодобрительным взглядом. Только усиков не хватает, а так выштыгый жулик. По какой-то прихоти воображения вдруг предстал перед нею в носках.

Ира ходила в мамином пальто. Александра Яковлевна себе в прошлом году справила новое, а это досталось ей. Теперь она как двадцатилетняя выглядит.

У гостя лоб оказался лысым и таким покатым, как будто полголовы осталось в папахе (когда он ее снял) — папаха-то стояла рожном. Сплошные разочарования. Александра Яковлевна произвольно поджимала губы: «Да где другого возьмишь...».

Он разул бурки с отворотами, чтоб не наследить.

— Видел дочку, смотрит как ты. Как приударю.

— Я тебе приударю. Водки хочешь?

— В нашем деле не помешает.

Налила ему и себе капельку. Ухватила с полки горсть конфет — сколько там ухватилось. Конфеты «Старт» так сжились со своими фантиками, что не хотели разлепляться.

— Старт — это хорошо, а финиш еще лучше. Главное, не финишировать первым, — и мужчина подмигнул. — Еще цела косточка у Кости. Знаешь, как армян козу доил...

В троллейбусе Трочнова-дочь так размечталась, что позабыла заплатить за проезд.

— Два по двадцать передайте, девушка, — все еще по привычке на старые деньги.

Только тут сообразила, что едет зайцем. В другой раз две-то остановки рискнула бы, но сейчас не стала пытаться судьбу.

— Три по двадцать, — и, передавая обратно, к сорока копейкам сдачи она приложила четыре пятака своих. — Осторожно, тут мелочь, не просыпьте.

Ей на следующей. Шура ждет ее у «Тэ Же» («На щеках Тэ Же, на губах Тэ Же, целовать куда же?»). Оттуда, когда хлопает дверь, всегда запах женских духов. Специально назначают свиданье мужчинам у парфюмерии, а сами чуть-чуть опаздывают, чтобы раздразить.

— Приветик. Замерз?

Если лысые дядьки шапок не снимают, то у кого «канадская полька», те их не надевают. Орудия расчехлены. Зарывается носом в красное море шарфика. Воротник поднят. Короткое пальто — зеленовато-бутылочное, с косыми карманами. Узкие брюки. И корочки тоже стильные.

Ира, наоборот, в берете, а не в газовой косынке поверх начеса, спрыснутого лаком. Волосы не как у Бабетты, а волной ниспадают на грудь, как у Жанны Прохоренко. Александра Яковлевна не разрешает в школу так ходить: две косички, и чтоб дугой висели на затылке. «Мам, мне же не двенадцать». — «То-то и оно». Свои волосы Александра Яковлевна забирает в узел — точь-в-точь как Катя в «Двух капитанах». А Ире и это нельзя. Наверное, чтоб не путали со спиной: где мать, где дочь.

— Уже третий троллейбус, — сказал Шура. — Я ждал до четвертого и ушел бы.

Испугал.

У Шуры семья хорошо живет, отец, может, директор.

— Ну? Пойдем, как всегда?

Она не отвечала, а молчание — знак согласия.

«Пойти, как всегда» означало парадную во дворе «Колizeя». Там лестница с низкими подоконниками и лишь три квартиры. Бывает, что за все время ни разу никто не пройдет. При звуке шагов они отстраняются друг от друга и одинаково застывают лицами к окну. Однажды какая-то старушка напутствовала их: «Воркуйте, голубки, воркуйте».

В кино хуже. Денег стоит, а на экран все равно не смотришь. Да и всем видно, чем ты занимаешься. В старом «Колizeе», когда гас свет, даже зажигались наверху звездочки. После ремонта, правда, никаких звездочек. В «Колizeе» она первый раз позволила себя обнять, на фильме «Укротительница тигров». Еще до Шуры. Познакомилась с одним нахалом, и только пошли в кино, как он

сразу обнял ее. Ну, это ладно — но он еще полез куда не следует. И получил. Увидав его потом, торжествующе отвернулась — уже встречалась с Шурой, который симпатичней. Но нахальство врезается в память остро.

С Шурой зона поисков расширилась постепенно, а искал он, где проходят границы дозволенного. Целоваться можно и без рук, и обнять можно по-разному. Но вот ее грудь покорена, и привычно карабкаются по ней Шурины пальцы. А недавно по следам своей наставницы Нины, сидя на подоконнике, она выставила колено и как бы невзначай поощрила Шуру его оседлать, подрагивая ногою в такт:

— Тра-та-та, тра-та-та, мы возьмем с собой кота, обезьяну, попугая — вот компания какая... Хочу чтоб ты был Саней, Шура это женское имя. Так зовут мою маму. Или мы все еще, по твоему, ничего не делаем?

*

Не всякая жизнь делится на «до» и «после». Чаше небо затягивается незаметно. Хоть и сколько угодно бывало: не думали не гадали, что в последний раз купаются. Мирное воскресное утро не предвещало беды. Откуда ни возьмись мотоциклист — Саньке повестку. Вот и всё.

У них с матерью то утро тоже началось с купанья. Александра Яковлевна нагрела полную кастрюлю воды на кухне. Мылись в тазу, который ставился на резиновый половичок посреди комнаты, чтобы не наплескать по полу.

— Ну что ты там смотришься, тебе еще рано стричь подмышки, — сама Александра Яковлевна только что отложила продолговатое зеркало с ручкой и ножницы.

— Я и не стригу, я просто смотрю что это.

— Где?

— Вот это. Смотри, веснушки.

— Покажи. Это не веснушки, это какая-то сыпь. Не колупай, пройдет.

Не проходило, даже поползло вверх. Александра Яковлевна по-прежнему говорила «пройдет», но забеспокоилась: что это может быть?

— Покажи, — и она подолгу внимательно изучала желтовато-розовые пятнышки, которых явно прибавилось и которые из мелких брызг уже превращались в настоящие кляксы. Когда то же самое появилось за ушами, пришлось обратиться к кожному.

Сидя в поликлинике, Трочны, мать и дочь, могли коротать время созерцанием плакатов, предостерегавших от коклюша, стригущего лишая или глистов (на фотографиях: голова ребенка в марлевой повязке; мужчина, заходящий в кашле; кишка кишащая кишечными паразитами кишка). Другие плакаты агитировали за здоровый быт: по утрам в трусах и в майке люди делают гимнастику, эти же люди перед едой моют руки, а перед сном ноги — и обязательно моют овощи. И к тому же, как явствовало из плакатов, они регулярно посещают лекции врача. И ни грамма алкоголя.

Подошла очередь. Врачиха — фамилия русская, сама еврейка — осмотрев Иру, нашла, что это инфекционного происхождения. Прописала цинковую болтушку.

— Взболтать и нанести на пораженные участки ваткой. И ни в коем случае не мыть. И так пять дней. Поняла?

Стало только хуже. Там и сям высыпало. Так десантники захватывают плацдарм, а потом прибывают основные силы и разворачиваются боевые действия. Спыль пропадает, но на тех местах, где она была, образовывалась покрытая рябью пленка, как на кипяченом молоке — самое противное в нем. Над верхней губой кожа стала в мелкую сборку наподобие усов. Говорят, некоторым они нравятся — усики у женщин. Признак страсти. Если б Саня увидел ее в таком виде? «На щеках Тэ Же, на губах Тэ Же, целовать куда же?»

В школу Александра Яковлевна ее уже больше не пускала, и Ира круглосуточно сидела дома, разглядывая себя. С каждым днем на коже появлялась новая сборка.

— Ну что? — спрашивала мать, возвращаясь.

— Что «ну что»? — дочь еще так и не одевалась.

— Есть будешь?

Мать шла жарить картошку или жарила колбасу с яйцом. Они ели прямо со сковороды. Если жареную колбасу, то с хлебом, если жареную картошку, то с булкой.

«Так нельзя, надо лечиться, надо что-то делать», — думала Александра Яковлевна.

— Скажи правду, с кем ты встречалась? Ты знаешь, какие бывают от этого болезни? Он тебя мог наградить чем угодно.

— Мы только целовались. Ну и еще...

— Что еще?

— Ничего! — буркнула дочь. — Того, что у вас с этим, в валенках, который к тебе ходит, у нас не было.

Александра Яковлевна молчала. Наконец сказала:

— А что было? Я мать, матери ты можешь все сказать.

— Ничего не было.

— Не ври. Я по глазам вижу, что врешь. Ты знаешь, чем это может кончиться?

Ира начинает плакать. Она много чего слышала, и про бытовую сифилис тоже. Достаточно попить воды из одного стакана. А тут целовались. Она не любит, когда мокро целуются, это он хотел показать, что умеет.

— Сколько ему?

— Как мне.

— Это ничего не значит. Сегодня и в двенадцать начинают. Скажешь мне его телефон, я с его матерью хочу поговорить, — Александра Яковлевна потянулась за сумкой: есть ли двушки в кошельке?

— Не скажу. А может, это не он, а твой. На него только помотришь, уже тошнит. А я с тобой ем с одной сковородки.

Ее душили рыдания, она больше не сомневалась ни в том, что с ней, ни в том, кто ее заразил — собственная мать.

Александра Яковлевна уже готова в это поверить. Чем круче бывала с дочерью, тем горше самой становилось, и оттого вскипала еще больше. Выгнать ни за что из класса, а потом себе места не находить. Такой у нее характер. Уральский.

— Хватит глупости болтать. Раз так, пойдем в диспансер.

«Раз так...»

Они не только ели с одной сковороды, но и ходили в одну посудину. А что такого? Мать и дочь — два океана, которые как ни громадны — сообщающиеся

сосуды. Не ставить же два ночных горшка под одну кровать. Они всегда спали на одной кровати, а на другой тетя Вера со своим Колькой. Это не то, что теперь: широкая тахта с подголовником, куда после сна запихивались две подушки, одеяло и простыня.

— Неуклонно растет благосостояние граждан... — голос из черного бумажного конуса на стене.

Вечерело поздней и поздней. Когда они подходили к диспансеру, морозящий ветренный день еще не окончательно померк. Взрослое пальто больше не грело Ире душу, а телу в такую погоду збко до дрожи в любом пальто. Судя по лицам, прохожие испытывали к уходящему дню то же, что и она, хотя им-то с чего?

К главному страху у Александры Яковлевны примешивалось много разных мыслей и забот, которые она перебирала в голове. В седьмом «А» одиннадцать двоек по контрольной. Как агитатору ей полагалось сегодня обойти квартиры на своем избирательном участке. В прошлый раз пропустила: Ира была на катке, как не воспользоваться этим? Избиратели не убегут. Усмехнулась по-кислому. Что им еще скажет врач. Может, после этого будет ни до чего.

Это на Восстания, близко, да неудобно добираться: две остановки проехать и столько же пешком. Или ехать еще одну остановку и снова идти.

— Не трогай, я сама открою, — Ира взялась было за дверную ручку, но ее мама как никак по образованию биолог и хорошо понимала, чего должен избегать «всяк сюда входящий». — Никогда в таких местах не прикасайся к ручкам.

Через носовой платок Александра Яковлевна приняла на себя всю тяжесть двери. Сбоку чернела застекленная доска, такая же, как на школе, только там золотыми буквами: «Одиннадцатилетняя школа №327 Фрунзенского района города Ленинграда», а здесь: «Кожно-венерологический диспансер №7 Октябрьского района города Ленинграда», и буквы чуть-чуть шелушились.

Паспорт не понадобился, хватило Ириной метрики.

— Трочнова, Ирина Александровна?

Александра Яковлевна кивнула. Обычно в метриках писалось «Васильевна», но когда можно, то лучше дать отчество по матери: «Александровна» или «Викторовна», или «Валерьевна», или «Евгеньевна», или «Валентиновна».

— Тысяча девятьсот сорок седьмого года рождения...

— Угу.

— Свидетельство о рождении выдано институтом акушерства и гинекологии имени Демина, Ижевск...

— Угу.

— Мать — Трочнова, Александра Яковлевна, русская...

— Это я.

— Садитесь и ждите, когда позовут.

«Не хватает в таком месте встретить знакомых... кого-нибудь из школы». Александра Яковлевна представила себе, что бы тут поднялось. Хоть обратно в Ижевск уезжай. Уж нет. Комната в Ленинграде ей дорого досталась. «Лезет всякая чужь в голову», — оборвала она себя. По опыту знала: бывает, что, фантазируя, упреждаешь беду, а бывает, наоборот, только прокладываешь ей дорогу. Одним и тем же способом можно и сглазить, а можно и заговорить.

Ира о чем-то похожем думала: «Саньку встретить, что ли? «Поцелуй меня, котик!». Был такой заграничный фильм. Женщина убирает прядь волос со щеки, и судья в ужасе отшатывается: вся щека обезобразена. «Труханул, Санька?»

И все кругом с венерическими болезнями. А на потолке гипсовые купидоны годами собирают грязь. В бане хоть две очереди, мужская и женская, а тут вперемешку, как на том свете.

Врач был мужчина.

— Ну, что у тебя, Джульетта, рассказывай.

Мама пришла на помощь.

— Вот видите, будто заснула на пляже. Веки и те обгорели. Мы ходили в поликлинику, врач прописала цинковую мазь. Только хуже стало. Сперва сыпь появляется. Все после того, как с одним парнем спугалась.

— Сыпь? А там... — доктор указал глазами, — тоже есть? Ну, раздевайся...

Посмотрев, хмыкнул:

— А с чего вы решили, мамаша, что это венерическое?

— Я девочка! — неловко вырвалось у Иры.

От хорошо знакомого чувства вины перед своим ребенком у Александры Яковлевны защемило сердце. Доктор провел пальцем по животу, у подмышек — как проводят, когда хотят указать на невытертую пыль. Кожа под пальцем пошла мелкой старческой рябью.

— И давно это?

— С месяц, меньше, — отвечала мать, — Что у нее?

— Вопрос не по адресу. Что-то с обменом веществ. В любом случае у нас ей делать нечего.

У Иры гора с плеч: не сифилис!

— Неправильный обмен веществ — это же у толстых, а я не толстая.

— Тебе надо пойти к эндокринологу.

Когда вышли, повеселевшая Ира спросила:

— Мам, а кто это, эндокринолог?

— Эндокринологией называется отрасль медицины, изучающая деятельность желез внутренней секреции, — это было сказано на одном дыхании.

Будущим выпускникам вечернего отделения биофака говорилось: «Товарищи, хотите иметь ясное научное представление о предмете, учите на память определения. Это позволит на любой поставленный вопрос отвечать быстро, четко, не задумываясь. А то индюк думал-думал да в суп попал».

А Ире в слове «железа» мерещилось: градусник, красноватый чай в граненом стакане, больно глотать.

Мать посмотрела на часы. «Московское время семнадцать часов одна минута. Передаем объявления». Дома радио работало непрерывно, даже в их отсутствие. Как часы на Московском вокзале всегда показывают московское время, даже когда на них не смотришь, так и в пустой комнате сейчас раздается голос диктора: «Швейной фабрике «Большевичка» требуются швея-мотористка, учетчица материалов, сварщица-трубоукладчица, крановщица пятого разряда. Обращаться по адресу: проспект Школы Рабочей Молодежи, дом 79-б».

— Давай быстрее, — сказала Александра Яковлевна. — Я еще успеваю на свой избирательный участок. — И вздохнула: вспомнила, почему не ходила в прошлый раз. Когда теперь Ирка снова отправится на каток...

Первым делом в уборную. Там, откуда они вернулись, Александра Яковлевна ее непустила, сказала потерпеть, потому что такого скопления заразы, как в кожвендиспансере, свет не видывал. «Да еще в уборной... С ума сошла».

А Молокову потому же не разрешили к ней приближаться. («Она заразная, с ума сошел...») Кто как обзывается, так сам и называется.)

— Ты заразная, у тебя кожная болезнь. Мама сказала: «на пушечный выстрел». Тебе и в школу нельзя.

— Дурак, у меня эндо... — она запнулась, — ...кринология.

— Криолин? — хрюкнул Коля.

— Сам ты криолин. Эндокринология.

— А что это?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

*

Институт экспериментальной медицины — вот куда им было надо. На проходной, снаружи похожей на общественный туалет, их остановили. Но военному с портфелем, пробегавшему мимо, хватило одного взгляда: «Ждите». Не прошло и пяти минут как по звонку их пустили, уважительно объяснив: это туда, а потом туда. Поплутав тем не менее, мать с дочерью попали в приемную и дальше в кабинет, обведенный по периметру деревянной панелью. Мы сто раз видели такой в киножурнале «Новости дня» («...в тот же день в Кремле партийно-правительственную делегацию из братской Польши принял первый секретарь...»). А мать и дочь принял директор института С.П. Осадчий — и тоже почти по-братски, хотя кто они и кто Сергей Петрович: академик, герой труда. Невероятное совпадение: военный с портфелем приходился ему зятем и по совместительству заведовал недавно созданной — злые языки говорили, что «под него» — лабораторией в наверстыванье неких упущений периода культа личности. Но это еще не все. У зятя Сергея Петровича полетел карбюратор, вот он и приехал на такси, на обычном такси без права въезда на территорию ИЭМ, почему и пришлось ему, завлабораторией, как рядовому сотруднику, топтать через проходную с портфелем, полным государственных тайн. Но и это еще не все. Не далее как в минувшие выходные на дачу к дедушке-академику приезжали внуки, Игорек и Аркаша. После воскресного жаркого с кисло-сладкой подливкой и золотистого бульона с бабкой (в такой последовательности — вот-вот...), собственноручно приготовленных их бабушкой еще по ветхозаветному рецепту, пили чай, как водится, зять с тестем вдвоем, последний при этом серийно в голос зевал: ы-ы-у-э... Привык после обеда «придавить часок», но какой тут сон — под шум и крики в саду. «Дети это капитал, а внуки — проценты с него», — любил повторять дед.

— Первый мой тезис... — зять взял у домработницы с расписного подноса стакан в подстаканнике, на котором рельефно был изображен спутник, и, отхлебнув послеобеденного чаю, продолжал: — Если процесс может быть ускорен, он может быть и замедлен — любой, и в частности процесс старения тканей. Медици говорил: «Всякий яд имеет противоядие». А как создать противоядие тому, о чем толком ничего неизвестно? Сперва надо всесторонне изучить причины данного явления. Я так и написал, — он извлек из портфеля папку, а из папки исписанный от руки лист: «Простая пересадка семенных желез обезьяны с целью омоложения не дала и не могла дать результатов в долгосрочной перспективе. Необходимо провести широкие генетические исследования...». Сергей Петрович, от вас зависит будущее моего научного проекта. Завизируйте...

— На основании чего? У тебя одни мертвые души. Ты же не располагаешь исходным материалом... кстати, что с кирпичом?

— В любой момент грузовик может прийти.

— Хорошо... ы-ы-у-э... я все же попробую вздремнуть. Приезжай в ИЭМ, там и поговорим, — экспериментальная лаборатория, которой руководил зять, формально оставаясь филиалом ИЭМ, помещалась на территории номерного учреждения.

На ловца и зверь бежит, так чего уж говорить о подопытном животном. Усадив животное против света, военный докладывал седовласому ученому с булганинской бородкой:

— Вот он, Сергей Петрович, исходный материал. Проявление синдрома Хатчисона-Гилфорда на ранней стадии.

Что на ранней, для Трочновой-матери звучит обнадеживающе — «болезнь захватили на ранней стадии».

— Но это уже половозрелая особа, — возразил тот, кого звали Сергеем Петровичем.

— А я о чем? — военный воодушевлялся все сильнее — И в детском-то возрасте один случай на миллиард, а у взрослых почти не приходилось наблюдать. Сколько тебе, пятнадцать?

— Еще четырнадцать, но в этом году уже будет пятнадцать.

— Молодец, — улыбнулся Сергей Петрович. — Невеста, можно сказать. Теперь взрослеют ударными темпами, так и норовят догнать и перегнать нас, стариков, — и снова подбодрил: — Молодец.

— Никаких мертвых душ, Сергей Петрович. Ни за кем не должны нести шлейф и чужое принимать на веру. Клубника со своего огорода. А с другой стороны чистой воды генетика, в которую мы, дожили, окунаемся.

— «Окунаемся...» Именно, что дожили. Не суйся в воду, не зная броду. А то энтузиазма выше головы. И вообще осторожно с генами... Окрестить бы их как-нибудь иначе.

«С какими Генами?» Ира знала троих — рахитики как на подбор.

А мама знала, что с помощью мичуринской генетики и правда выводятся новые сорта клубники или зерновых. Но гены...

— Гены это мифическое наследственное вещество, якобы независимое в своих свойствах от условий развития организма, — пусть учтут, что имеют дело с биологом.

На нее сразу посмотрели с уважением, а не как на пустое место. Сергей Петрович сказал:

— Совершенно с вами согласен... как вас, простите, по имени-отчеству?

Александра Яковлевна покраснела:

— Зовите меня просто Шурай.. А вообще я биолог по образованию.

— Возможно, мы у вас ее заберем, Шура, — сказал военный и вопросительно покосился на Сергея Петровича. — Проведем всестороннее обследование?

«Всестороннее обследование — это неплохо». Шура понимала: все зависело от Сергея Петровича, согласен ли он. А он молчал. Шура обратилась к военному:

— Что это? Что у нее?

— Это рахит кожи.

«Рахит...» (Выходит, сама она рахитик. «Кто как обзывается, так сам и называется» — Евангелие для маленьких. А для стареньких звучит так: «Каким судом судите вы, таким будут судить и вас».)

Было решено, что Иру положат на обследование.

— Соберите ее, как будто она на все лето уезжает на дачу к бабушке с бабушкой.

Шура страдальчески посмотрела на дочь: у кого-то есть бабушка с бабушкой, дача. А у кого-то кожный рахит.

Днем позже от дома отъехала «санитарная помощь», увозя Иру с чемоданом. И больше никаких известий — ни о ней, ни от нее. Продав две недели, мать отправилась в ИЭМ, но получила от ворот поворот. Тот же вахтер преградил ей путь и даже не стал слушать.

— Сообщите Сергею Петровичу, что здесь Шура, мама Иры, биолог. Он должен помнить, мы были в его кабинете, — просила Шура.

Все впустую. Видя, что безразличие вахтера переходит во враждебность, она попросила женщину с портфелем.

— Извините, пожалуйста, — машинально отметила красные румьки у нее на ногах, — у меня к вам большая просьба. Вы не могли бы передать Сергею Петровичу, что его спрашивает мама Иры Трочной. Я не знаю, как она. С того самого дня, как ее положили на обследование, я ничего о ней не знаю. Сергей Петрович наверняка помнит. Скажите: Шура, мама Иры, у которой рахит кожи.

Обладательница красных румьнок перевела взгляд на вахтера и быстро прошла внутрь.

— Гражданка, не приставайте к людям, а то я сейчас вызову, кого надо. Уходите, только мешаете мне работать.

Можно было через партком школы, через Авдотью Гавриловну, обратиться в райком партии, но тогда все решат, что у Иры заболевание, о котором родной матери знать не положено.

«...Прозвучала ария Марженки из оперы Сметаны «Проданная невеста»».

Записалась на прием к депутату Левонгине Андриановне Горобец, знатной ткачихе, начальнику пошивочного цеха фабрики «Большевичка». Шуре было назначено время: месяц, день, час. Накануне она плохо спала, ей снилось, что по радио поет хор:

Воробец ты мой, воробушко,
Пташка малая да неразумная.
Улетай-ка ты, улепетьвай,
Не то перья-крылышки тебе все пообдирают,
Да ноженьки повыдирают,
Да жылычки-то и подрежут,
Да головоньку повыкрутят,
А есть у тебя, у птахи малой,
Заветны три желанья,
Так их перевертут,
Да так, что после сама не рада будешь.

Народный депутат Горобец сидела за столом. По левую руку от нее был телефон, по правую — кипяченая вода в графине и два перевернутых стакана, с трудом умещавшихся на донышке блюдца. Поздоровавшись, Шура сказала:

— Я знаю про вас все.

Та вздрогнула.

— Я агитатор. Вы были как раз кандидатом на моем участке, поэтому я изучила вашу биографию.

Поняв, что знание, которым располагает Шура, ей ничем не угрожает, Горобец протянула: «А-а...».

— Изложите ваше дело.

— У меня дочь без вести пропавшая.

— Как это — без вести пропавшая? Вы в милицию заявили?

— Это с милицией не связано. Ее двенадцатого апреля положили на обследование, и с тех пор ни слуху ни духу. Я ходила туда, это в институте экспериментальной медицины на проспекте Академика Павлова, но меня даже внутрь не пустили. Я сама по образованию биолог, преподаю ботанику и биологию в пятых-девятых классах и как биолог могу подтвердить, что это очень редкое заболевание, их один на миллиард. Военврач, который ее должен был обследовать, сказал то же самое.

— Я сделаю депутатский запрос, и вы... — Горобец глянула в листок с Шуриными паспортными данными, — ...товарищ Трочнова, в течение месяца получите письменный ответ.

На этом же листке она написала в графе «предлагает / просит»: «Помочь найги дочку без вести пропавшую в институте на Акад. Павлова. Смотрел военврач».

Горобец сдержала слово. Спустя месяц соседка подала Шуре конверт со штемпелем: «Депутатская приемная. Фрунзенский район. Город Ленинград». Вскрыв, Шура задыхнулась: «Уважаемая тов. Трочнова! По результатам депутатского запроса на основании Вашей жалобы получен ответ: в Государственный институт экспериментальной медицины Ваша дочь не поступала. Вам следует обратиться в отделение милиции по месту жительства. С уважением...» Подпись, круглая печать.

Кругом уже все цвело. Закрытые на просушку сады вновь открылись. Ладжская флотилия, крошась и круша самое себя, прошла по Неве и вышла в Финский залив, направляясь в нейтральные воды. Свобода! Господи, какое счастье, конец учебного года не за горами! Предчувствие счастья превыше самого счастья.

Но Ира не разделит с другими школьниками этих предчувствий, пусть никогда не сбывающихся, пусть оборачивающихся летней скукой и мастой, когда от нечего делать принимаешься пылить сандалями в подражание редким грузовикам и запах мыльной воды в тазу под рукомыльником более стоек, чем от поросших травой и полевыми цветами лужайки, над которыми что-то сонно жужжит. Ну и пусть самообман! Пусть Ире — и другим школьникам — уготовано разочарование. Все равно предпраздничные ожидания стоили того.

Мужчина, служивший Шуре эквивалентом сорокаградусного пойла, давно переобулся в светло-серые сандалеты. Сменив величественную папаху на белую кепочку от солнца, он укоротил себя на полголовы. Впрочем, его это совершенно не смущало. Как всякий бывалый человек, имевший вкус к жизни, он чуть что — посмеивался в отсутствующие усы. Из кармана выпал, нет, не бумажник — пистолет! Страшно вымолвить, страшно подумать, это уже за границей умопостижимого, пистолет... это хуже, чем доллар! А он только ухмыльнулся:

— Зажигалка. В нашем деле не помешает, — и спрятал обратно. — А девчонку свою можешь забыть. Они над ней в этом самом экспериментальном институте эксперименты проводят. Когда-нибудь посмотришь газету, а там фото: она в скафандре. «Первые на Луне!» Накормлена, одета, с обезьянами любовь крутит. Как ты.

*

Самое смешное, что хахаль Шурин — угадал. Первое, что Ира услышала от уже знакомого военного, который на этот раз был в белом халате, что цель обследования — полет на Луну. Надо только делать все, что говорят, и ни о чем не спрашивать.

— А разве с рахигом берут в космос? — тут же спросила она.

— С рахигом? — военный искренне удивился. Помимо белого халата, он обзавелся еще именем: — Константин Васильевич меня зовут.

Вздыхнула: у нее отчество по матери, «Александровна».

— Вы же сами сказали: рахит кожи.

— Мало ли что я сказал. Вчера мы говорим одно, сегодня другое. Ты что, никогда своего мнения не меняешь?

— Меняю.

— Вот видишь. Наука не стоит на месте. Мы тоже иногда меняем диагноз. У тебя прогерия, это значит раннее развитие. Ты, наверное, хотела поскорей стать взрослой.

— Откуда вы знаете? — таких умных, как Константин Васильевич, она не встречала. — А долго я здесь пробуду?

— Мы ведь договорились ни о чем не спрашивать. Если хочешь полететь на Луну, наберись терпения и не задавай ненужных вопросов.

Посмотрел на чемодан.

— Ножницы есть?

— У нас с мамой маникюрные — общие, поэтому она не положила. Если надо, она купит.

— Отставить. Ничего острозаточенного. А зеркало?

— Да, есть.

— Покажи.

Она вывалила все из чемодана на кровать и среди носильного белья, пары-другой запасных чулок, чего-то потеплее из одежды, на всякий случай положенного матерью, нашла кругленькое зеркальце, умещавшееся на ладони.

— А это еще зачем? — относилось это к карандашику с колпачком. — Глаза красить космонавтам не полагается. И в зеркало смотреться тоже. Никаких зеркал. Категорически! — и Константин Васильевич очень строго повторил: — Никаких зеркал у нас не будет.

Но сразу подобрел:

— Зато вкусенькое дадим. Любишь конфеты?

— Да, «Старт».

А какие любит Аркаша? Или Игорек? Нет, даже отдаленной аналогии со своими детьми у него возникнуть не могло. И не оттого, что ей уже четырнадцать, а им — одному еще только двенадцать, а другому десять; и не потому, что они мальчишки: у отцов дочерей своя правда, а у отцов сыновей — своя; нет, нет и нет. Есть люди от природы мнительные, ипохондрики. У кого-то что-то болит — и у них тоже начинает. И есть, ну совершенно не мнительные. Почему, спрашивается, я должен отождествлять чужое со своим, в соседском Коле видеть своего Колю? Чужое потому и чужое, что — их. А наше это наше. Поэтому наши дети нечто совсем другое. Люди делятся на врачей и больных. Я — врач, и мои дети врачи. А это больной, и соответственно его дети больные.

«Старт» — конфета развесная. Санитар, совсем старикашка, положил перед ней кулечек, а там две конфетки. По липким губам видно было, что сам все съел. «Стыдно вам объедать будущих космонавтов», — хотела сказать ему.

В комнате еще несколько кроватей — готовить еще космонавтов. Покамест железные сетки оголены, у изголовий скатки неаппетитных матрацев. Кстати, кормили так себе, вопреки обещанному. Суп вообще терпеть не могла, на второе биточки с пюре или с макаронами. Хоть бы раз дали на гарнир жареную картошку. В компоте она выпивала только водичку, потому что ошметки плавали, противно напоминая, как при ней выудили утопленника палкой. Это было в Черноисточинске Свердловской области — родные мамыны края, куда они ездили. Кто-то кричит: «Утопленника нашли!». Побегала посмотреть — лежит такой сухофрукт из компота.

В школе спрашивали: «Хочешь, покажу оборотную сторону Луны?» — и тянули за уши. А здесь — хочешь на Луну, пройди всестороннее обследование. Анализы и того, и сего, и пятого, и десятого. Были такие, что точно в диспансере на Восстания делают. И каждый день бассейн. Без лифчика, без трусов. Не страшно, без ничего ее все равно уже видели. И что не умела плавать, тоже не страшно. Это Галилей думал, что на Луне есть моря, а на самом деле там нет воды.

Внезапно обследования прекратились, и она сутками валялась в кровати. Отродясь у нее не было отдельной кровати, даже когда в Свердловск ехали, спали валетом. Отдельная кровать — это почище отдельной комнаты: писайся — не хочу. Нашла на полке «Тайну двух океанов», но читать оказалось неинтересно, кино лучше. Лежала и вспоминала: «После взрыва на подводной лодке «Комсомолец» я единственная спаслась. Добралась вплавь до необитаемого острова».

Но однажды на острове высадились еще двое.

— Готовься принять пополнение. Сейчас у них *недосмотр*, — Константин Васильевич шутит: «медосмотр».

— А потом? — сердце забилося: «А вдруг полетим?».

— Потом — суп с *попом*.

— С попом за компанию? Вот еще. Бога нет, а суп я вообще не люблю.

— Ты не рада, что у тебя будет компания? Тебе не скучно?

Ей было не скучно, не весело — ей было как «Комсомольцу», обломки которого лежали на глубине десяти тысяч метров.

— Я тебе пропишу эликсир бодрости.

Константин Васильевич не шутил, ей в обед дали таблетку. Обедала она уже не одна. Есть поговорка: маленькая собачка до старости щенков. А в новеньких было что-то даже не щенячье с черным носом, а цыплячье с желтым клювом. Только что вылупились, еще сморщенные, слипшиеся. Он — голован безволосый, она почти безволосая. Ростом с маленьких детей, каковыми и были. Близнецы — хоть и с разных концов нашей великой Родины. Они улыбаются, сознавая, какие смешные.

— Знакомься, Алла, Петр, — сказала Медея Иосифовна, помощница Константина Васильевича. Медея «черная, жгучая, змея гремучая». Это прозвище подходило ей больше, чем математичке, которую так прозвали. У матери тоже было прозвище: Собака Баскервилей. — А это Ира, ей уже четырнадцать. Она будет ваша пионервожатая.

Петр не пионер, хотя ему девять. Он и в школу-то не ходил. Когда маленьких да еще писавшихся — а Петр писался — зовут по-взрослому, в этом есть

большая доля шутки. Алла годом старше. Она заискивающе улыбнулась пионервожатой и сообщила, что прочитала все учебники до шестого класса.

Ира зло молчала. Неожиданно сказала:

— Аллка-палка, — чтоб не улыбалась. Но та продолжала улыбаться, со страху заискивая еще больше. Мало-помалу Ире это стало нравиться.

Когда не можешь внушать к себе страсть, внушай страх. Даже лучше. На страсть надо отвечать притворством, а кто внушает страх, тому еще доплачивают: 200 грамм почтения на буханку страха. И не спорьте с этим, как не спорьте с тем, что «бьет, следовательно любит». Все равно не переубедите. Дать себя переубедить означало бы безоговорочную капитуляцию, зря прожигую жизнь: ишь ты, оказывается, почитают не тех, кого боятся, а бьют не тех, кого любят.

Петра принимали в пионеры. Ира говорит Алле, которая ловит каждое ее слово:

— Ты возьмешь на себя обязательство выучить с ним пионерскую клятву, поняла?

Алла была пионерка заочно. Она делала все заочно — заочно училась на одни пятерки, заочно ездила в Артек, о чем хранила счастливые воспоминания.

— Есть выучить пионерскую клятву. Ты слышал, Петр? Прямо сейчас? — спросила она у Иры.

— Нет, когда будем на Луне — сейчас, когда еще.

А их вообще берут на Луну? По внешности похожи на инопланетные существа. Да и что бы они тут делали.

— А можно не наизусть? Чтобы он повторял за мной.

— А ты хоть помнишь клятву? — сама Ира уже плохо помнила — тем строже будет спрашивать с других. — Покажи, как ты должна при встрече отдавать мне салют.

Алла отдала ей пионерский салют.

— А ты, Петр, смотри и запомниай. Я пионервожатая. Когда будешь пионером, тоже будешь мне отдавать. Скажи ему: «Будь готов!».

— Будь готов! — сказала Алла Петру.

— А ты ей отвечай: «Всегда готов!» Понял?

— Да.

— Начали.

Алла повторила:

— Будь готов! — и наискось поднесла ладонь ребром ко лбу — образцово, от плеча, согнутой в локте деревянной рукой.

— А ты что — Буратино? Что ты ей должен сказать?

Петр почтительно молчал, сейчас от почтения описается.

— Скажи ей: «Всегда готов!».

— Всегда готов.

Прием в пионеры осложнялся отсутствием пионерского галстука. Ира спросила Константина Васильевича: где раздобыть пионерский галстук, не обязательно дорогой, из алого шелка — и штапельный сойдет. Константин Васильевич и ухом не повел. Спросила Медею. Медея Иосифовна сказала, что точно не здесь — даже засмеялась (почему-то).

— А на что тебе?

— Петра в пионеры принимать.

— А разве он не пионер? Куда уж больше.

Но Ира не смирилась с временными трудностями.

— Ребята, нам нужен простой пионерский галстук. Ну... подумайте. Пионерский галстук. Он в форме красного треугольника.

Смышленная Алла достает из-под кровати ботик, на стельке треугольное клеймо: «Производственное объединение «Красный Треугольник»».

— Ладно, лучше чем ничего.

Алла начинает:

— Я, Петр... как твоя фамилия?

— Забыл.

— Я, Петр Забыл... а ты повтори за мной.

— Я, Петр Забыл...

— Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина...

— Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина...

— Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...

— Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...

— Горячо любить свою Родину...

— Горячо любить свою Родину...

— Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин...

— Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин...

— Как учит коммунистическая партия...

— Как учит коммунистическая партия...

— Всегда выполнять законы пионеров Советского Союза.

— Всегда выполнять законы пионеров Советского Союза.

— Давай, влезай в ботики, — говорит Ира. — Вместо пионерского галстука у тебя будет пионерский ботик. А галстук ты прячешь на груди, как пионер-подпольщик. Они носили маленькие нательные галстуки, чтоб полиция не видела. Одну девочку пытали, но она ничего не сказала. И только когда ее вешали, по маленькой красной ленточке на шее догадались, что она пионервожатая.

Всё, что, лежа в кровати, рассказывала себе самой, пересказывала им. И на просмотры фильмов за закрытыми глазами тоже брала с собой.

— Никто не мог в прекрасной графине заподозрить бесстрашную подпольщицу. «Позвольте поцеловать вам ручку», — говорил адъютант его превосходительства. «Ах, господин адъютанг, эта ручка еще никогда не держала пистолет». — «Дать вам поддержать, дорогая графиня?» — спрашивает он. — «Ах, я так об этом мечтала», — говорю я. И только дал он мне пистолет, как я прицелилась в него и говорю: «Руки вверх! Я легендарная Ирина Трочнова. Если вы закричите, я выстрелю». Он не шелохнулся. «Вы для врага слишком смелый», — говорю я ему. Это был высокий стройный офицер в белом кителе, и я видела, что любовь ко мне пылает в его сердце. Он мне тоже не был безразличен. Вдруг он тихо проговорил: «Пароль семнадцать».

Юные пионеры сидели рядышком, как на жердочке, не шелохнувшись.

Но с подселением к ней Арнольда маленьких перевели спать отдельно. Больше Ира их не видела. Этот Арнольд лежит лицом к стене, старость не радость. Не все арнольды спекулянты, дедульки старенькие — нет. А те из арнольдов, что идут в ногу со своим именем, те — да. Раньше же не было моды на заграничные вещи.

— Как вы по отчеству? — вежливо спросила она.

— А как вы по отчеству?

— Мне еще четырнадцать лет.

— А мне еще семнадцать.

«Это в смысле, что если мне четырнадцать, то ему семнадцать? Я так взросло выгляжу?»

— Вы думаете, я вас обманываю? Мне действительно четырнадцать лет, — сказала она.

— А мне семнадцать, дура. Ты что, с луны свалилась?

— Наоборот, туда лечу... может быть.

Недоразумение так и не разъяснилось. Что Арнольду Батьковичу семнадцать, она, естественно, не поверила: покрасил волосы, парик приклеил. Зато уверилась, что летят на Луну. В космосе стареют с другой скоростью, и это научный эксперимент. Еще полетят в одной ракете, друг к другу прижатые туго. Сразу же начались тренировки. Принесли спальный мешок и сказали на ночь забраться в него голыми.

— Поиграйте в кога в мешке.

Свет всегда горел, даже после отбоя.

— Чтобы преодолеть земное притяжение, нужно лететь со скоростью выше скорости звука, — сказала Ира и предупредила: — Я еще девочка.

— Старая дева?

— Это кто старая, я старая? — вспомнила оседлавшего ее колено Саню. — Сам вы старый.

Больше совместных тренировочных полетов не проводилось. Санитар попробовал на дедулке «эликсир бодрости», но кончилось это плачевно: дедулку унесли в кокауте.

Перестал появляться и Константин Васильевич со своей помощницей Медеей.

— Собирайся с вещами, — сказал Ире какой-то человек.

«Неужели?» Она уже отчаялась, что это когда-нибудь произойдет, но тут воспряла духом и спросила:

— Что, на Луну?

— Луна отменяется, все космонавты перемерли. Слышала анекдот? «Алё, это центр космических полетов?» — «Нет, это психбольница при исправительном учреждении».

Шофер высадил ее перед домом. Ветер дул и кружил осенние листья. Она взяла чемодан и пошлелась на знакомый запах.

*

Звонок оказался исправлен, не надо звонить к Молоковым. Понятно, кто починил. Картина маслом: приходит, а он на ее месте лежит. Даже захотелось, чтоб ее на лицо выставили, и чтобы мать потом угрызлась.

Позвонила. Небось переглянулись или того хуже, смотря чем занимались. Чтоб не было дома в такое время? Пошли в кино? Нет, шаги, шелк замка...

Шура попятилась, а за спиной — пропасть. Еще чудо, что не лишилась чувств, что крик вогнала внутрь, что в следующее мгновение, подхватив одной рукой чемодан, а другой, обхватив дочь и прижав лицом к груди, потащила ее в комнату, быстро-быстро, чтоб никто не видел.

— Что они с тобой сделали? — неслышно повторяла Шура, обессиленная этим ужасом, которому предпочла бы... Да! Не могла не быть откровенной с собою: лучше б дочь без вести пропала, умерла — с мыслью о чем она уже свыклась — чем так.

— Что они с тобой сделали? — повторяла и повторяла она.

Полгода как Ира видела себя «с краев», посередке пустота. Полгода! Где зеркало! А ей зеркальце выпаливает — все, без околичностей. Смотри, какая стала. И в спальном мешке вы были два сапога пара. А? Смотри!

Говорите, убийца возвращается на место преступления... так вот, убийца, может, и нет, жертва — обязательно. Снова и снова летела она на свое отражение. Шура раздела ее.

— Есть хочешь?

— Жареную картошку... мама-а... — и обе зарыдали.

Ни где была («Тебя везли с завязанными глазами?» — «Нет»), ни что с ней там делали, ничего не может объяснить.

— Сказали, что красить глаза космонавтам не к лицу. И смотреться в зеркало. А так — наблюдалась, разные анализы.

— А ты чувствуешь что-нибудь?

— Не знаю.

— А не говорили, что это пройдет?

— Говорили, что на Луну полечу.

Это не выглядело таким уж невозможным. Не успела в тот день приехать за ней «санитарная помощь», как заработали все радиостанции Советского Союза, и начиная с того дня в сердце каждого есть уголок Гагарина. Космос это весны цветенье, стаи «Часк», новые деньги — а чему не быть, то замечается под ковер. Шура росла в детском доме, потому что ее родителей замели под ковер. Но перед ней были открыты все дороги. Учиться в Ленинграде, стать учительницей? Пожалуйста! Почему с Шурой вот так, а с Ирой все наперекосьяк? За что ей? «Дирекция Ленинградского Государственного Театра Юного Зрителя сообщает, что назначенный на сегодня спектакль «После казни прошу» отменяется. Билеты подлежат возврату в кассу театра. Мы передавали объявления».

Занавес упал прежде, чем началась жизнь. Когда-то вот так же привезли их, детдомовских, в нижнетагильский ТЮЗ. Только заняли места, как говорится, согласно купленным билетам, со сцены объявили, что по техническим причинам спектакля не будет. Многие девочки плакали.

Сколько можно прятаться от соседей? Ни в уборную, ни помыться. Приходится все делать в комнате, по старинке. «Ирка, сколько можно кран занимать! Ты не одна» — услышать такое — отныне несбыточная мечта. Когда в магазинах появятся елочные товары, можно будет купить маску снегурочки с румяными щечками. Потихоньку начать выходить в ней в уборную. Люди в танке горели, тот же печник (приходил один такой, делал трепанацию печки). Возвращаются с фронта — на лице две дырочки от ноздрей. Ни губ, ни носа, ни бровей, ни ушей. А она вернулась с незримого фронта, где участвовала в научном эксперименте.

«Сама повела ее в институт экспериментальной медицины... — грызла себя Собака Баскервилей. — «Девять дней одного года» видела? Может, ей тоже пересадили что-то. Гипофиз... апчих! Вот, на правду.

Снова спали вместе. Уходя, Шура запирала Иру на замок: соседи рвались посмотреть на нее. Иногда колотили в дверь или стенку. «Пусть справку пред-

ставит, что не прокаженная. А нет, пусть в дом хроника убирается», — вот он, глас Божий. Грозил вызвать участкового, но Шура — учительница, биолог по образованию — за словом в карман не лезла:

— За ложный вызов милиции, пожарной команды или скорой помощи могут и привлечь.

Тихонько — тук-тук-тук — стучался Коля, когда никто не мог его видеть:

— Ирк, а Ирк? Покажи, что у тебя.

Она молчала. А однажды сказала:

— Дурак, кто на меня посмотрит без специальных защитных очков, сразу ослепнет. На мне проводились испытания космических лучей.

Поддействовало, больше не объявлялся под дверь. Жильцы тоже присмрели. Пополз слухок... ушок... шок: «Шу-шу-шу... на Ирке Трочновой проводились научные эксперименты космического характера». И ведь не скажешь: «совсем без огня». Под грудой небылиц всегда что-то тлеет.

Хотела бы видеть рожу, с какой Колька отпрыгнул от двери. Пугать маленького — интерес маленький, большого — большой. Посмотрим, как Санька с перетруху кинется от нее. Она еще отомстит Саньке. Месть бескорыстна, поэтому никогда не спрашивай: «За что?»

Она, как тать, стала под покровом ночи выходить из дому. Сперва чуть-чуть, но от раза к разу «границы дозволенного» расширялись. Подобно Санькиным пальцам, залезала она городу под бюстгальтер — и ничего, город — ноль внимания. Совсем не нужна маска — она уже есть: не снегурочка, а баба Яга — высохшая, горбоносая. Что это всего лишь маска, что ей только-только будет пятнадцать, а не семьдесят пять, и в голову никому не приходит. Стань той, кем ты кажешься, и тебя примут такой, какая ты есть. Дай маске прирасти. Сживись с ней, как конфеты «Старт» сживаются со своими фантиками. Научись оставаться безучастной, когда слышишь по радио: «Второму творческому объединению киностудии Ленфильм требуется комсомолка-подпольщица. Обращаться по адресу: Каменноостровский проспект...».

Увы. Все еще верная своим фантомным страданиям, она услаждала себя картиной мести. Накладное смирение в виде старушечьего платочка сближало ее с легионом бесов в таких же платочках — со всеми этими «хроменькими, убогенькими с глазами гиен». Она подстерегла Саньку в его парадной, и, когда он вошел, стояла спиной — в своем берете, с косой, снова став прежней Ирой, какой была еще полгода назад.

— Ирка?

Она стремительно оглядывается, этакой старухой-смертью, когтящей перед собою воздух.

— А-а-а-а-а! — отпрянул Санька.

Приохотилась делать это и с другими. Будет заманивать добрых молодцев, гораздых преследовать одинокую женскую фигурку, а когда у тех дело уже на мази, резко оборачиваться.

— А-а-а-а-а! — проваливается в колодец добрый молодец.

Шура почувствовала, что с наступлением темноты дочь не просто выскальзывает подышать воздухом, как было вначале, прошмыгивая в платочке, старушечью без грима — нет, в том, как она уходит («с глазами гиены»), было впрямь что-то от хищницы. И еще незаметно прячет в карман свою беретку. Не иначе как с намереньем улучшить момент, удариться о землю и стать красой-девицей.

Шура проследила. В свете фонаря падал черный снег. Ира, быстро сменив пласток на берет и выпростав косу, стояла вполоборота — как только появился редкий прохожий, отворачивалась и сторонилась. Но вот прохожий замедлил шаг, и она сразу нырнула в подворотню, в один из тех проходных дворов, которыми можно передвигаться в пять раз скорей, чем по улицам. Молодчик за ней, и Шура — за обоими. Сперва Ира почти бежит, потом как бы начинает сдаваться. Роли распределены: охотник, добыча. Но позволив себя нагнать, Ира вдруг оборачивается: безобразная старуха в страшном оскале выбросила вперед руки, пальцы скрючены. Вопль — так недолго и умереть от разрыва сердца, как сэр Чарльз Баскервиль. Мужчина бросается прочь, очертя голову.

Шура не посмеет открыться Ире, что шпионила за ней. Это было бы уже не открыться, а заголиться с ней заодно. Не дай Бог, если узнает, что мать видела, как она ударила о землю и оборотилась Смертью.

Ночью Шура не смыкала глаз. Получить пенсию по инвалидности? Надо пройти комиссию, это опять анализы, опять двадцать пять. Главный страх, чтоб не отправили без предупреждения, как уже было, в закрытое заведение. Чтoб на будущий год паспорт выдали. Больна-то больна, да только почему вы к врачу не обращались? Ах, обращались... в институт экспериментальной медицины. Но она туда не поступала.

А что если все свалить на Свидетелей Иеговы? Обманом завлекли дочку и все это время держали у себя. И вот до чего додержали. Только это были не они, кто ее удерживал, не Свидетели Иеговы, а советские ученые, и, значит, правда на другом конце палки.

Сомнения овладели Шурой, которая уже ничего не исключала. Какая-нибудь татарка, «маракующая по-басурмански» или поп — какой-нибудь свидетель Иеговы, глядишь, и помогут там, где наука бессильна. Решительно никакой роли не играет, что она биолог по образованию, учительница. Коза Дуся партийная, а ребенка своего тайно носила в церковь.

— Авдотья Гавриловна, — спросила она парторга Кузину — Козу Дусю, — правда, что у Амины Константиновны на памятнике крест?

— Кто вам такую глупость сказал? И вообще она татарской веры была.

— Да, в самом деле. Татары, они, говорят, очень верующие. У нас на заводе одна татарка лечила... я не знаю, так рассказывали, полопочет по-своему, и человек здоров. Религия это ведь палка о двух концах. С одной стороны Гагарин в космосе побывал, а с другой стороны науке ведь тоже не все известно.

Что ее Ирка заболела лучевой болезнью, знали все, якобы после экспериментов в подземном исследовательском институте в Лисьем Носу. Полгода лежала в санатории, сейчас дома, на люди не показывается.

— Ну ладно, приятного аппетита, я пошла, — и Собака Баскервилей оставила Козу Дусю доедать свой биточек. На третье полагался компот из сухофруктов. Обслуживание питанием в школьных столовых производится по больничному рецепту. Гремела большая перемена, дети вели себя как взрослые: ругались, сплетничали, желали своим ближним того, чего меньше всего желали себе. В головах одно — противоположный пол. И разламывали у себя в тарелке биточки мягкими, как из пластилина, оловянными вилками. И так же хохотали до упаду над чужими рассказами, потому что чем глупей рассказчик, тем смешней история.

Шура и сама толком не знала, чего хотела от Авдотьи. Партийная, а ребенка крестила. Ради ребенка чего не сделаешь. И в церковь сходишь и на це-

лебный источник съездишь. А скажут: в глухой деревне слепая бабка любую порчу снимает, попрешься, хоть ты и биолог по образованию.

К одной такой Шура поперлась с Ирой. Слышала, как в бане женщина рассказывала банщице, которая ей «жигулей» бутылочку открыла (женский клуб тоже пивком не брезгует после баньки).

— Мужик мой к буфетчице ушел, у нас же на производстве. Ах так, вот тебе. Принесла фотографию к тетке-татарке, где он молодой, сразу после флота, грудь колесом. И за триста рублей та его спортила. Что другое, говорит, не умею, а это завсегда. Буфетчица его, спорченного, прогнала, и он возвращается в порт приписки, наш морячок. Я снова к той тетеньке — подаю на реабилитацию. А ее, оказывается, убили. Военный из пистолета, пришел и застрелил, за то самое. Потом сел на двадцать пять лет.

— Что нам делать, как нам быть, чем нам горю пособить? — смеется, видя, что к ее скамье пригнуто внимание ближайших скамеек, а некоторые помывщицы даже сошли с подостланной под ноги газетки. — Уж и к доктору знаменитому, профессору, водила его, а что они могут — только отрезать, приставить не могут. А тут подруга гостила, говорит: у них одна старушка-лечейка есть. Баба Ира из Армавира, к ней весь Армавир ходит. Поехали мы с моим Лёхой. Приехал вороной ошпианной, а воротился — ну, орел. И недорого взяла. Которая убитая, та триста брала, а эта сотенную, и то с меня как с приезжей, со своей бы меньше. Я двести еще и заработала. Ну, минус за дорогу.

Шура ее чуть не проворонила, когда дожидалась у выхода — порасспросить. Та еще долго копошилась, наконец идет, кремовым платком пуховым до самых глаз обмотанная.

— Гражданочка, я спросить у вас хочу. Эта бабушка, про которую вы рассказывали, может, могла бы мне помочь... нет, не с мужем, не с мужчиной, — поторопилась сразу внести ясность. — У меня дочка заболела, старшеклассница.

— А вы учительница? — спросила женщина. — Сразу заметно, — и дала адрес подруги. — Можете с дочкой к ней прямо ехать. От меня, скажете.

Добрая душа.

*

Зимой билеты на поезд «Ленинград — Адлер» есть всегда, даже купированные, о плакатных чего говорить — добро пожаловать в Армавир! И без блата, и без брани, и без десятичасовой очереди за бронью.

Без места можно ехать только до двенадцати лет, а Шура за двенадцатилетнюю никак не сойдет... да-да, Шура, со стороны само собой разумелось, кто мать, а кто дочь, и перераспределение ролей тоже разумелось само собой. Паймальчик в трамвае уступил место Ире. Но трамвай — ладно, ехать десять минут, а до Армавира сорок часов. Когда поезд тронулся и проводница начала собирать билеты, а Шуры как назло не оказалось на месте, то Ира сказала: «Билеты у дочки в сумке, она в туалете сейчас». А что ей было сказать — «у мамы»?

Она как будто не могла забыть матери, что на уроках при всех обязана была обращаться к ней «Александра Яковлевна». Вот и злорадничала, понуждая Шуру при всех звать ее мамой. Натянув на голову одеяло, принималась вдруг охать. Шура пугается.

— Что с тобой? — свешивается она с верхней полки. Но пока не спросит: «Мама, что с тобой?» — в ответ лишь стоны.

— У меня, Шура, живот болел.

Или на станции:

— Сходи купи лимонаду, «крем-соду» или «ситро» — Шура, ты меня слышишь?

— Да.

— Что — да? Ты со стенкой разговариваешь? (Бывало в классе: «Трочнова, ты меня слышишь?» — «Да». — «Что — да? Ты со стенкой разговариваешь?» — «Да, Александра Яковлевна».)

— Да, мама.

Женщина на соседней верхней полке не стерпела и громко посочувствовала Шура:

— И моя с годами невозможная стала. А я ей: «Хочешь в интернат? Живое определю. Есть через кого».

Пассажирка намеренно повысила голос: а пусть тоже слышит (старость ведь еще и глуховата). На что Ира вовсе раскомандовалась, в пику чужому человеку:

— Да смотри — слышь ты? — чтоб в бутылке ошмотья не плавали, как от сухофруктов. Потряси ее, бутылку-то. И чтоб не для диабетиков, как тогда с конфетами. Скажи, для рахитиков, а не диабетиков. Поняла?

Мужчина, которому действовали на нервы свешивавшиеся прямо над его носом бабьи пятки, наоборот, выказал себя поборником Моисеевой заповеди. Когда Шура вышла на станции, он сказал:

— В старину учили: «Чти отца и мать своих», а теперь родителей за жилплощадь в желтый дом упечь готовы. Главное, вы, бабушка, не бойтесь и себя в обиду не давайте, хоть и родной дочери.

Шура купила лимонад.

— Вот. Только такой.

На этикетке, кое-как наклеенной под горлышком, написано: «Газированный напиток «Саянь»». Напиток, досель неведомый, как и горный путь, по которому идет турист, «идет меж страха и надежды».

— Спасибо, дочка. Скажи, а я прописана вместе с тобой?

— Прописана? — Шура от неожиданности села у Иры в ноги. — Да, конечно...

— Ну что, гражданка, съели?

Шура понимает, что пришла к шапочному разбору — что уж там они разбирали, пока ее не было. Пассажирка с верхней полки, по-русалочьи поджавши хвост, то бишь ноги, отвернулась лицом к стенке. Какой ад клокотал у нее в груди, какая «правдивая история» за этим стояла — никогда не узнаем. Всем тяжко, не только Шура.

Армавир встретил их близким запахом хлебзавода. Часто одно пахнет другим — вроде бы вкусно, а вскрывается такой обман, что от этого запаха тебя потом всю жизнь будет воротить. Было два часа ночи, когда сошли с поезда. До утра дремали друг у друга на плече как два жирафа. В комнате ожидания зябко после вагона-баюна, обогретого десятком носоглоток.

Сперва пошли к подруге той женщины, с которой Шура познакомилась в бане и которая, собственно, дала адрес, велев сказать, что от нее, и тогда та, добрая душа, все устроит. Доброта стоила рубль за ночь. Торгуют же любовью,

а доброта чем хуже? Неплохо зарабатывают даже на ненависти, даже на страхе, не говоря о мужестве. А на чужом горе уж сам Бог велел заработать.

— А, с ленинградского поезда... Сразу надо было приходиться, я б уложила. Ленинградцев всегда видно. У меня там много знакомых. У кого-то мужик с заплатами. Или самой такелаж надо поправить. К бабе Ире по году стоят в очереди, как на машину. Но ленинградцам — по первому слову. Кто, скажите, с Москвы мамашу старенькую сюда повезет?

Шура молчала. Тогда Ира внесла ясность:

— Мама, я хочу спать.

Почитательница Ленинграда захлопала глазами... и убежала, пробормотав: «Я к бабке смогаюсь». В чем была — за дверь, только поверх набросила пальто.

Мучительно было перевоплощаться на людях и звать «мамой» ту, кого сама же рожала, но еще мучительней было теперь оставаться с дочкой наедине, развоплощаться.

На бабу Иру не подумаешь, что она ворожея. Жила как все, держала у себя скотину. Сперва открыто, потом тайком. Ибо нет ничего явного, что рано или поздно не стало бы тайным. «Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест», — думает баба Ира, что было в корне неверно. Ее Борька-то и съел весь народный хлеб, из-за таких вот кабанчиков по стране нехватка хлеба. Но баба Ира из Армавира была несознательная, газет не читала, ходила в церковь, пользуясь преимуществами своего возраста. Была даже темней других прихожан — тем, что погрязла в язычестве. Впрочем, язычество прогрессивней христианского вероучения народностью своей и, следовательно, нам классово ближе.

— Собачья старость у тебя, — сказала она Ире. — Прежде мамки в могилу лезешь. Возня с тобой. У малых, до первого зубка которые, за три дня снимаю, а у тебя не сразу пройдет.

— Но пройдет? — спросила Шура.

— Ясное дело, пройдет, — мол куда ты денешься. Ради одних этих слов стоило сюда приехать, ради одной этой минуты. — Спеку ее.

— Кого, бабушка?

— Болезнь.

— Как это?

— Да как хлеб пекут. Тесто поставлю и собачий пирог спеку. И чтоб покушал кто. И все снимется.

Сделали, как она сказала. Пошли в ветеринарную инспекцию. За полтинник дядька вынес в газете полкило парной собачины. «Это которая на спутнике летала, Лайка», — пошутил он. Положили в сетку. Шли и капали. А еще в церковь — поставить свечку святому Пантелею. Шура было стыдно входить, как никак биолог по образованию.

— Да кто тебя здесь знает, — сказала Ира.

Купили свечку. Кто-то поставил за них. «Кому? Ах Пантелеймону-целителю». Шура и Ира перекрестились, одна справа налево, другая слева направо.

Когда стемнело, снова были у бабы Иры. От печки шел многообещающий жар. Тесто в тазу уже поднялось, и баба Ира, не простоволосая, как утром, в какой-то затрапезе, а в опрятном платочке и в переднике поверх юбок взялась за свою магическуюстряпню. При этом шептала «Паду я ему в ноги, призову на свои пироги...» — и сплевывала.

— А ты почему не говоришь? — сказала она Ире.

— Что говорить-то?

— Что хочешь.

Ира молчала.

— Говори, дура! Все испортишь, — неожиданно закричала на нее Шура.

— Колдуй баба, колдуй дед, заколдованный обед... — забормотала себе под нос Ира, под свой птичий клювик, шморгая им и всхлипывая. — Колдуй баба, колдуй дед, заколдованный обед...

А баба Ира свое:

— Паду ему в ноги, призову на пироги... паду ему в ноги, призову на пироги...

Так на два голоса. Наконец смолкли.

— Окрещу тебя другим именем, — сказала баба Ира, — тайным. И больше не будешь мне соименщицей. Была Ира, стала... — понизила голос до полупшепота, — Лира. Тайное имя свое никому не сказывай, ни врагам, ни друзьям, ни мужу, ни детям. Давай раздевайся.

Ира разделась, а та стала поливать ей голову тонкой стружкой из ковшика.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Повторяй за мной... Я, Лира, раба, заново крестилась, Господу Богу помолилась: «Перед Тобой грешница я, раба Твоя. Дай мне три Ангела, один Ангел сохранит, другой омолодит и третий исцелит. Кто этих Ангелов заденет, тот с меня на себя собачью старость наденет. Во веки веков. Аминь».

Ира повторяет — в точности как повторял за ней клятву юного пионера будущий космонавт Петр. Что же это выходит, что Шура всякий раз крестила ее, когда мыла ей голову? На мытую голову, значит, все крещение?

Пирог в печи тем временем уже благоухал, что твой хлебзавод. Потянула баба Ира носом — ну, чистая баба Яга. Только что не сказала: «Человечьим духом пахнет» — вместо этого сказала: «Любят на Кубани беляши».

— А ты одевайся. Простынешь да так и помрешь порченная. Супротивница твоя, которая болезнь на тебя навела, уже юбку подхватила — тикать. Чует, сейчас ее ловить будем.

Баба Ира зажгла свечку, не новенькую, как в церкви, а растекшуюся в основании по блюдечку. Лампу, подвешенную к перекладине, затушила. И сразу в зеркале отразился язычок пламени, высвечивающий потайные силы.

— На, полей, — протянула Ире полный стакан самодельной микстуры. — Пей, пей до дна. Вот тюфячок, ложись на бочок, в зеркальце смотришь... и мели язычком пьяненьким... пламенным...

Ирин взгляд делается неподвижен. Из мрака на нее глядит кто-то с петушиной головой. Не смешно, но и не страшно. Вари баба, вари дед, заколдованный обед. На старт, внимание... стыдно...

— В зеркале не стыдно. Смотри на свечу.

На старт, внимание... вынул красный пистолет... нет, стыдно.

— Пой, коли стыдно.

Пора настала,

Я пилотом стала,

— запела она, по-детски фальшивя и мямля.

И пропывают

Города подо мной.

В огромном небе,

Необъятном небе
Летит девчонка
Над своей страной.
Твердила мама...

— Шура инстинктивно втянула голову: сейчас огреет плеткой.

Мне твердила мама:
«Про самолеты
Навсегда забудь».
Но я летаю,
От счастья летаю,
И мне не страшно,
Не страшно ничуть...

— Не ври, все не про то, — перебила баба Ира.

Ира молчала.

— Девка, женщина, какая тебе в глаза лыбится? Говори, говори, кого там видишь? — допытывалась баба Ира.

— Константин Васильича...

Расстегнул морские брюки,
Вынул красный пистолет...

— Ишь, мужчина, — в голосе у бабы Иры послышались уважительные нотки. — Ты чего, к другому ушла от своего Константин Васильича?

У Иры язык не ворочался.

— Скоро прочухается, — сказала баба Ира. — Мужик порчу-то навел... А по ней и не скажешь. Она что, красивая у тебя была раньше?

Шура никогда об этом не задумывалась. Даже не помнила дочь прежней.

— Ай, Константин Васильевич, ай, гусь... — баба Ира укоризненно качала головой. — Не мужское это дело — девок портить. Убей. А то царапаться. — Старик, небось?

Шура терялась в загадках — не догадках, их — ноль. Был в школе один мужчина-учитель, очень старый, преподавал литературу в старших классах, Марк Осипович. Еще военрук, тоже еврей, ходил в форме, но его звали... как его зовут-то, Господи... язык сломишь.

Вспыло: «Косточка цела». Подлюга! Па-адлюга-а! (Еле отдышалась.) Зверь армянский. Всегда говорил: приударю за дочкой. А та его терпеть не могла. Отомстил девчонке — сговорился с какой-нибудь татаркой. У... у... убью. Из его же пистолета. «Зажигалка», стервец. Два года на сборке их простояла: пружина — оттянуть — спуск... пружина — оттянуть — спуск... Вахта Победы.

— Теперь ему, супостату, никуда не деться, раз имя назвала, — вторит баба Ира ее мыслям. — Мечется окаянный в круге огненном. А ты, раба Лира, вставай, поднимайся, к жизни молодой пробуждайся. Славь Имя. А собачью красу отдай другому псу. Лира Имяславица снова красавица, — и так кряду раз пять: — Лира Имяславица снова красавица...

Ира плохо соображала.

Баба Ира вновь зажгла лампу, свечу перед зеркалом задула: совсем огарок. «А все в хозяйстве сгодится», — задвинула блюдце вглубь полки.

— Подрумнянися, — сказала она, доставая лопатой пирог с собачиной и придокивая: — Горячим ешь — холодным объедайся.

Порезала на куски, обнюхала каждый. Шура решила, что это Ире.

— Объядение для моего Борьки.. — и вывалила всё в лохань. — Собака собачья жизнь — тебе, Константину Васильевичу, собачья смерть.

*

Но никто не умер — жив-живехонек, паразит. Стоит подле ее дома, дожидается. При виде его Шура неудержимо захотелось того же, чего и ему — а уж после застрелить. В таком порядке. Не то чтоб наоборот было невозможно — со времен Озириса и Изис на белом свете все возможно. Но ведь убеждаться, что «косточка цела», вдвойне упоительно в предвкушении мести. Это как предвкушение публикой квалифицированной смертной казни в отличие от заурядного повешенья.

Они только что вернулись из Армавира, куда съездили — может, удачно, а может, никак, жизнь покажет. Пока что без перемен. Незаметно, чтоб и его снесли какие-то хвори — поганца. Стоит, лыбится, глаза бесстыжие черные.

— Давно не встречались. Я к тебе приходил, говорят: уехала. Ирку свою на елку в Кремль — Кто говорит?

— Парнишка. Говорит, она в маске снегурочки. Твоя мадам по моему мусье еще не соскучилась?

Шура смотрела тяжело. А черные глаза — смеются. Грязь имеет свойство преобразаться. Тот же «фрумянный» запах: обонять приятно, а увидишь, что обоняешь — выворачивает.

— У меня больше нельзя, — сказала она. Кисть его правой руки тыльной стороной оказалась заложена за борт ее пальто. Еще не стемнело, но она не противилась.

— Что будем делать? — спросил он грубым шепотом.

— Не знаю.

— А у тебя никого нет, где бы можно было?

У Шуры нет ни одной бабоньки, ни одной ямки-наперсницы, куда выговариваются, займообразно или за какие-то коврикки. И подавно не у кого было завалиться с мужиком. Если не к себе, то только за дрова во дворе или в парадной «на стоечку».

— Ладно, у знакомого поинтересуюсь. Он мне жизнью обязан.

Ни разу не приводил ее к себе. Семья? Не спрашивала почему. Ей все равно, настолько он был ей противен. Удачно, что это случится там, где Шуру ни одна собачка не знает. «В нашем деле не помешает» — так подлец говорит? В шапке-невидимке заявится.

Ира выходит из комнаты в маске снегурочки и на соседей плевать хотела. Маска с румяными щечками тоже шапка-невидимка. О том, чтобы стучать в дверь или в стенку, даже речи не было.

— Пошла бы что ли воздухом подышать, повязала бы платочек...

— Перед смертью не надышишься.

Однажды перед экзаменом, за завтраком, Ира судорожно читала учебник. Шура схватила его и со словами «перед смертью не надышишься» швырнула им об стенку.

Знакомый, обязанный ему жизнью и в благодарность за это уступивший им комнату, проживал в Гавани. Десятым троллейбусом до конечной, адрес записан, место глухое: на первом этаже, прямо со двора в комнату, никаких сосе-

дей. Никто ее не видел. Позвонила, он открыл. А может, сам здесь живет, про знакомого наврал? Не хотел, чтобы знала, где его искать. Все равно здесь ей больше не бывать.

— Ну, здравствуй, Шура. И долго так с дочкой не разлей вода будешь?

— Сколько надо, столько и буду, тебя не спрошу.

— Ты что, сердиться?

— С чего ты взял? Вот бери... — достала из сумки «маленькую», искала глазами, куда пристроить. Посреди комнаты стоял низ от буфета, служивший также столом, а еще две раскладушки, одна разложенная, с постелью, другая приклонена к стенке.

— Ну как, на одной поместимся? Или сразу на двух, я на одной, ты на другой, а? — он подмигнул, сперва одним глазом, потом другим.

«Чтоб ты ослеп». Отвернулась, боясь выдать себя, и спросила:

— Закурить есть?

— Не курим.

— Врешь.

— С чего мне врать-то?

— А зажигалка тогда зачем?

— Какая зажигалка... Ах эта? Ночью посветить, — с довольным видом хлопал себя по карману брюк.

Шура молчала, лицо надутое, слышно как сопит. А у самой ушах Ирин голос:

Расстегнул морские брюки,

Вынул красный пистолет...

Стала раздеваться.

— Радиоточку включи.

— Одни в темноте любят, другие под радио, а мнэ-э... знаешь, как армян говорят: мнэ адын пычаль.

По радио пела певица — грудным, тягучим, как сгущенка, голосом. И таким же сахарным. «И от страсти замирая, и от стра-а-сти замирая...» Когда кончила, то женщина-диктор объявила: «Это была ария Далилы из оперы Сен-Санса «Самсон и Далила». Продолжаем концерт для полярников. Татьяна Семеновна Гилярная из города Лиски Воронежской области пишет: «Мой сын, Гилярный Умберт Викторович, метеоролог-синоптик. Долгой полярной ночью вместе со своими товарищами он несет трудовую вахту на буровой платформе имени Двадцать первого съезда КПСС. Не могли бы вы включить для него в свою передачу какую-нибудь арию или песню в исполнении замечательного советского певца Бориса Гмыря». Выполняем вашу просьбу, Татьяна Семеновна, а также Петра Ивановича Пирютко из Криворожья, сестер Марии Владимировны и Александры Владимировны Звягиных из подмосковного поселка Гусевка и Алины Геннадиевны Кравцовой из Мусева-Посадка Хабаровского края. Народный артист Советского Союза Борис Гмыря споет арию Олоферна из оперы композитора Серова «Юдифь»».

Что может быть пошлей каламбура? Например: «Юдифь с головой олигофрена». И пока Дрезденская галерея гостила в Москве («Нет, ты не пленник мой, — поет Гмыря, — а гость дорогой»), это вызывало всеобщее «гы-ы!». Но Шура «биолог по образованию», не историк. Откуда ей знать, кто такие Юдифь и Олоферн. Олигофрен — да. Только что в этом смешного?

— Пей до дна, пей до дна, — говорила она, как баба Яга из Армавира, — наливая своему любовнику полный стакан метанола. — В нашем деле не помещает, так?

— Т-так... — соглашался он, продолжая «свое дело» посредством настырнейшего хапанья и лапанья, что и Юдифи, надо полагать, в свое время доставляло живейшее удовольствие.

Некрофилы, канныбалы, вампиры, всевозможные потрошители — причислять ли к ним тех воительниц, что вожделеют к своей будущей жертве? Шарлотта Корде или Флория Тоска, наносящие упреждающий удар, — исключение, дистиллированное меньшинство. Большинство подобно царице в «Египетских ночах» — она же Юдифь, она же Далила, она же добрая христианка: хочу любить врага.

Опыт употребления метанола на производстве неотделим от опыта употребления его в быту. Стоявшие на вахте Победы овладевали знаниями без отрыва от производства, главным образом в области прикладной химии. За те два года, что Шура сутками, как автомат, обрабатывала один и тот же производственный артикул: «Пружина... оттянуть... спуск», и снова: «Пружина... оттянуть... спуск», сыны трудового народа в одиночку и целыми творческими коллективами открывали новые горизонты по созданию, скажем так, альтернативного топлива. При этом не счесть, сколько их, сердешных, пополюляло лазареты, а то и отправлялось к праотцам — к тем, кому на Руси жить хорошо.

Шура помнит поступавшие из Америки жестяные баки с изображением ослабившегося черепа. Их еще называли «улыбка Рузвельта». В тридцатиградусный мороз содержимое такого бака выливали на железо, и что замерзало — то замерзало, а что стекало, признавалось годным к употреблению. Это к тому, что о вероятности летального исхода при отравлении муравьиной кислотой, денатуратом, антифризом, политурой и т.п. Шуре не надо читать лекцию, она и сама прочтет ее кому угодно.

Действие алкогольных суррогатов известно своей постепенностью, отчего Шура любила врага если не до утренней зари, как Клеопатра, то до последнего троллейбуса — как Окуджава. Врага не рвало, его не мучали боли, он просто отключился. Прежде, чем уничтожить следы своего персонального присутствия — не вообще женского, что и невозможно и лишнее — Шура произвела обыск. Изъяты: пистолет 7,62-ММ самозарядный и шестнадцать патронов к нему (две упаковки), паспорт на имя гр-на Паселаки, Константин Феодосиевича, и значительная сумма денег — столько денег, что не удержать в руках... сошла с ума при виде их, даже позабыла, что опоила не того, кого собиралась — собиралась «Константина Васильевича», но какое это имело значение теперь... Запечатанные колоды новеньких денег, как те, что разрывает кассир в окошке, чтобы отсчитать ей девять розовых бумажек. Из другой пачки он берет пятирублевую, уже бывшую в употреблении. А наверх двугривенный и к нему, конфеткой на сдачу, рыжий дореформенный пятак: ее кровные, ее месячные, в получении которых Шура расписывается — ставит закорючку против своей фамилии в платежной ведомости.

Еле-еле закрыла сумку на молнию. Бандюга! Паспорт брать не стала: он ему еще пригодится, без паспорта не хоронят. Да и прямой след, если что. А деньги неизвестно чьи, нашла. А почему в милицию не сдала? Сместесь. Вы бы сами сдали, товарищ старший лейтенант?

Вопрос: что делать с «ТТ»? Он-то тебе на что — «оружия ищет рука»? («Романс Глинки на слова Кукольника «Сомнение» исполнял...») Этого она объяснить не смогла бы. Ни старшему лейтенанту, ни себе. Но ей хотелось иметь пистолет. Как кому-то хочется иметь брильянты. Сколько прошло их через ее руки — пистолетов. Что, ей наградной не полагается? Брильянты тоже носят не ради красоты — ради о-щу-ще-ни-я себя. Чувствуешь, что ты нуль. Теперь еще и без палочки. Оттого уговаривала себя: дескать оставлять при нем пистолет рискованно. Одно дело, ахнул мужик метилового спирта, а то оружие. Она выбросит его, честное слово. В Обводный.

Вытерла платком бутылку. стакан тоже? Нет, стакан он лапал. Всё, отлапался — посмотрела безо всякого сожаления на опоенного ею по ошибке: за такие деньги можно и ошибиться. Потом все равно по заслугам. Иначе откуда такие деньжищи? Да еще «ТТ» в кармане.

Выключила свет и предусмотрительно с четверть часа сидела в темноте: погасить и сразу выйти — так в шпионской школе их не учили. А когда встала и взялась за ручку — через платок, как в кожно-венерологическом диспансере — то вспомнила: воду же в последний раз она спускала, не он. Пришлось протереть ручку и там. Теперь можно идти. Спи спокойно дорогой товарищ.

*

Жизнь показала, что Ира могла и не ездить в Армавир. Ее биологические часы по-прежнему спешили, но в темноте стрелки не видны. Пятьдесят тысяч лет или сто тысяч лет отделяют нас от кроманьонца — какая разница. Без маски она смотрелась древней старухой. Лучше так, чем юный монстр, не прячущий косяк под косынку. Почему Ира ездит в церковь — она ищет поддержки не у Бога, сдался он ей, она хочет быть как все. Это возможно там, где ее никто не знает. Конформизм — благословение для нас, пока мы стадо, паства. Предел допустимого индивидуализма: мечтать сделаться пастырем, т.е. конформистом в кубе. Дома, в своем отечестве, Ире деваться некуда, не обнаружить свой адский геном (*Gehenom* <сноска: *Ад (др.евр.)*). Отсюда «*Геенна огненная*».) она не может. Когда б не государственный интерес, причастность к которому ей приписывалась, на коммунальной кухне ее сожгли бы на костре.

«Наша первоочередная задача — получение инвалидности, товарищи». Шура все время думала об этом. К счастью, мир не без добрых людей. Претворению в жизнь этой непростой задачимогла подействовать Левонтина Андриановна Горобец, еще одна добрая душа. На сей раз Шура не сама записалась на прием, а записала Иру. Когда голос из-за двери произнес: «Трочнова, Ирина Александровна», Шура, естественно, устремилась следом за ней.

Вышибала в блузке:

— А вы что, гражданка?

— Она несовершеннолетняя.

— ?..

Оторопела. Нет, цербер знала: приличный вид не всегда является зеркалом психического здоровья, на такой случай даже имелась инструкция. Но гражданочка тычет ей под нос паспорт, где черным по белому (скажем так, по серому) написано: «Дети: дочь, Трочнова, Ирина Александровна».

— А я Трочнова, Александра Яковлевна, понятно?

Нет, не снится. Иначе б себя ущипнула.

— У нее рахит кожи, болезнь, понятно? По-народному, собачья старость.

Левонтина Андриановна в приоткрытую дверь своего кабинета заметила какое-то замешательство: вместе со старушкой к ней врывается женщина, с виду дочь, и говорит, указывая на мать:

— Это моя дочь... Ира, сними платок. Помните, я была у вас? Почти год прошел, девятого мая. (Это еще не был всенародный праздник.) Вот, — протянула Левонтине Андриановне письмо за ее же подписью: «Горобец».

Та прочла:

«Уважаемая тов. Трочнова! По результатам депутатского запроса на основании Вашей жалобы получен ответ: в Государственный институт экспериментальной медицины Ваша дочь не поступала. Вам следует обратиться в отделение милиции по месту жительства».

Левонтина Андриановна что-то припоминает. Большинство народных избранников подмахивает не читая, но Горобец не такая, сперва прочтет, потом подпишет, она всю себя отдает депутатской работе.

Шура продолжала:

— Вернули мне ее, смотрите какую, получи и распишись. Где была, не знает. Что с ней делали? В космос готовили, говорит. Никакой справки. А ей надо получить инвалидность по труду, хоть она и несовершеннолетняя. Тогда будет пенсия, а не пять рублей от собеса.

На Горобец это подействовало. Перед ней было существо из сказки: лицо старушечье, а коса девичья. Почти как птица с женской головой, про которую экскурсовод в Золотой Кладовой рассказывала депутатам: они своими песнями приманивали моряков, и те разбивались о скалы.

— А пению не обучалась? — вырвалось у Левонтины Андриановны неожиданно для нее же самой.

— Спой. Спой, что ты пела в Армавире... Мы уже и в Армавир ездили к одной бабушке. Не помогло, что и следовало доказать. Я, как биолог по образованию, была против, но когда с твоим ребенком, все перепробуешь... Спой, ну: «Пора настала, я пилотом стала...»

Ира бесслухая — всё на один тон, а Горобец слухастая. Было время, что она выступала в самодеятельности, а после одного праздничного концерта пошла на повышение. Душа у этой певуны и впрямь добрая. Левонтина Андриановна взволнованно глядела на Иру: ложка гадливости, которую та внушала, бесследно растворялась в бочке жалости.

— А как тебя в космос готовили? — полубопытствовала Левонтина Андриановна.

— На Луну, — уточнила Ира. — Я не знаю, может, это разглашению не подлежит. Я маме никогда не рассказывала. Хочешь послушать, мам? Каждый день в бассейн без трусов, ну и, само собой, без лифчика. Каждый день медосмотр — «недосмотр», говорил Константин Васильевич. Весело было. И еда вкусная, конфеты «Старт». Зеркальце иметь нельзя, ножницы тоже, «Искусство», карандаш, знаете, для глаз — тоже. Еще в мой экипаж зачислили двух молокососов совсем сопливых. Лысые, как инопланетяне. Петр — мы его приняли в пионеры, а вместо пионерского галстука для смеха ботики надели. А еще Аллка-палка, зубрила, учителя таких обожают, верно, мам? Потом малышню отселили, а подселили ко мне... Арнольд его звали. Он говорил, что ему семнадцать,

а я не верила, я же не знала, что сама так выгляжу. И в тренировочном полете он себя никак не проявил. Мама, закрой уши. Или хочешь, я буду тебя называть Александрой Яковлевной? В школе я всегда ее по имени-отчеству называла. Представляете, парня семнадцатилетнего голого со мной в один мешок, а он никакой реакции. Как умер. Знаешь, мама, тебе такое и не снилось, что мы там проходили. Просто я ничего не рассказывала. А потом мне сказали, что все космонавты сдохли и это вообще психбольница.

Шура тяжело сопела — насупившись, как она это умеет. Левонтина Андриановна делала вид, что что-то записывает.

— Ну ладно, я посоветуюсь с товарищами, что можно сделать.

— Вот если б нам выделили другую жилплощадь, где бы нас никто не знал. Будут думать, что старушка, — Шура совсем зарвалась. Сейчас золотая рыбка по имени Левонтина Андриановна хвостиком плеснет по волне и уйдет — глубоко-глубоко в море.

Да еще Ира:

— Я всем скажу, что видела, как брали Зимний. Я могла бы участвовать в штурме. Кто подумает, что я еще в девятом классе. А?

Оставаясь одна дома, она мечтала: «Он революционер, я графиня». Потом наоборот: «Я революционерка, он граф». Скорей бы переехать туда, где ее никто не знает. Будет выступать перед девятыми классами...

Прошла неделя, и Шуру снимают с урока. Коза Дуся, избегая встречаться с ней глазами, говорит:

— Александра Яковлевна, вас ждут в дирекции. Я проведу пустой урок.

— А что случилось, Авдогья Гавриловна?

— Не знаю, вам лучше знать.

У Шуры упало сердце. Вышли на нее. Дальше — сто мыслей в минуту. Не стали при учениках арестовывать. Что Ирка подумала на мать, когда нашли кучу денег и пистолет? Была в маске снегурочки, или заставили снять? А в почтовом ящике, может, уже письмо из райисполкома с положительным решением...

— Александра Яковлевна?

Дождавшийся ее был в пальто, которое не снял, только расстегнул. Вместо памятной ей папахи на стол директора непочтительно брошена шляпа. Самой Олимпиады Ивановны не оказалось на месте. Мужчина сел в ее кресло, не предлагая Шуре сесть.

— Александра Яковлевна, вы были с дочерью на приеме у депутата, и там ваша дочь рассказывала всякие небылицы: как ее в закрытом институте готовили к космическим полетам и как на детях ставили генетические опыты. Хочу вам сказать: то, что она неизлечимо больна и ей уже недолго осталось, ничего не меняет. Пока она на вашем попечении, за ее слова и поступки отвечаете вы. Иначе о ней позаботится государство. Советую сделать из этого надлежащие выводы.

— Хорошо, я обещаю вам. Я все сделаю. Я обменяю комнату в Ленинграде на комнату в Ижевске, ее больше никто не увидит.

— Это было бы самое правильное. Можете идти назад в класс.

Легко сказать: можете идти назад в класс. Когда гора с плеч, то ноги не держат. И тут Шура всерьез осознала, что денег у нее невпроторот. Почему тогда Ижевск? Почему не снимать комнату в дачном месте круглый год? Прописка, как здоровье: имешь — не ценишь, потеряешь — не вернешь. Иркино здоровье не вернуть, уже примирилась с ее судьбой. «Недолго осталось» —

наверное, им видней. Сколько — недолго? Выходит, она такая не только снаружи, но и под кожей? И продолжает стареть ударными темпами? Когда другого выхода нет, то примиришься с чем угодно. Надо подумать и о себе. Сейчас уехать, потерять ленинградскую прописку — это значит потом всю жизнь кушать себе локти.

Тоже ударными темпами Шура стала искать под Ленинградом комнату. Говорится «на съём» — пишется «на съем». Ведь кто снимает в Ленинградской области? Их полно таких, изъеденных жизнью. Вы освободились из мест заключения, а прописаться к своей женошке в Соляной переулок не можете. Или подлежали в свое время выселению. Так сразу, думаете, и вернулись? Даром, что «кругом уже все цвело. Закрытые на просушку сады вновь открылись. Ладожская флотилия, крошась и круша самое себя, прошла по Неве и вышла в Финский залив, направляясь в нейтральные воды. Свобода!» Да нет, братец, сколько придется еще писать и обивать пороги, прежде чем...

*

Deus ex machina <«Бог из машины» (лат.). Неожиданная развязка вследствие внешнего обстоятельства.> или черт из табакерки — никогда не знаешь.

На остановке она столкнулась с Верой. При лобовом столкновении не заметить или не узнать — невозможно. Та самая Вера, с которой билась за комнату. Поле битвы осталось за ней — Веру с Колькой поселили на Пороховых. Да у нее и шансов не было: кто из них, в конце концов, учительница?

— Не переехала? Так здесь и живешь? — и сама же отвечает: — А чего тебе уезжать-то, комнату отхватила будь здоров.

«Будь здоров!» — «Всегда здоров!» После школы обыкновенно подташнивало и тянуло в животе, а тут еще выслушивать подробности о чьей-то жизни. Больно интересно ей знать, что Вера уже год как сменила место работы, теперь она на трикотажной фабрике.

— Знаешь, имени Восьмого марта. На улице Воровского. У Коли моего первый юношеский разряд по самбо, вот. А что твоя, небось уже мальчишки в голове? В каком она у тебя классе?

— В девятом.

— Моя племянница тоже должна была пойти в девятый вечерней школы. Но она постарше. Я ее сюда перетащила. Ты же с Ижевска, так? А она с Глазова, соседи по несчастью. Трудоустроилась вроде б, да начальник поселил ее на своей даче, чтоб сторожила и прогащивала. Ей страшно там одной, молодая девчонка. Плачет: «Спать не могу, хочу в общежитие. А вдруг воры?»

Шуру осенило.

— Слушай, я маму хочу к себе взять. Она без соседей привыкла жить. У нее домик... — вспомнилась баба Ира из Армавира, — ...кабанчик. Вот если б загородом.

— Чтoб сама жила?

— Почему сама, я бы к ней перебралась, а Ирка уже самостоятельная. Наведывалась бы, конечно, к ней раз в неделю. Пусть твоя племянница спросит у этого, у своего начальника. Я бы сняла.

— Я Галке скажу, она обрадуется. Нашел себе сторожиху... Погоди, а разве ты не в детдоме росла?

— Окстись.

Владелец дачи был низенький коренастый шаромыга лет шестидесяти, Геннадий Рувимович (вот-вот). Галю «с Глазова» он оформил разнорабочей у себя в СМУ и фиктивно прописал в общежитии, с тем, чтоб иметь круглый год истошницу и по совместительству «злую собаку во дворе» — недавно случилась череда дачных ограблений. Но учительница с мамашей-старухой, готовая платить по десять рублей в месяц, ему «лучше выглядывала». Когда Шура сходу достала десятку, «СМУшник» с характерной гримасой замахал руками, подлизываясь к новой жилище:

— И куда вы это спешите? Еще заплотите, — местечковая юла себя переюлит.

(А Галка, довольная, съехала и поселилась по месту прописки: до пяти месьить цемент на стройке, после пяти вхолостую стрелять глазками, обсиженным и не смытой со вчера тушью.)

Загородом не хватает продуктов — ну, так из города везут, а вот церковь на электричке не привезешь. А Ире не хватает церкви. Это в Ленинграде имелся широкий ассортимент: и голубенькая с золотыми крышами, одиннадцатым номером до остановки Никольский мост. И белая с толстым куполом, стоит обнесенная пушками, сходить на Пестеля. А то можно тащиться в свое удовольствие аж на Петроградскую — там в праздники и вовсе не продохнуть, потому что с Васильевского идет прямой трамвай. Да езжай куда хочешь! Чем длиннее дорога, тем дольше среди таких же, как и ты, старух.

Вернувшись:

— А знаешь, кого я видела? Вот не угадаешь.

На улице не нужна картонная «рожа» на завязочках — и без нее окружена почетом: «Старикам везде у нас почет», — поет миллионный их хор, правда, вопросительно, в миноре, тогда как «Молодым везде у нас дорога» утверждается бодро-весело. Но нам, старикам, не обидно: еще состаритесь — если доживете, конечно.

— Твоего кавалера — вот кого! Представляешь, притворился слепым, в шапку деньги собирал. Вот жулье.

— Ты не ошиблась? Где ты его видела?

— У церкви. Где нищие стоят? Думала сперва: стану против — как он при мне станет придуриваться? Так ведь он бы все равно меня не узнал.

— Слепой?

— Не веришь? Съезди на Добролюбова, сама посмотри.

Шура дважды ездила в Князь-Владимирский собор. В первый раз пробиравась «лицом по стеночке», как-никак учительница, биолог по образованию, хоть и мало ли по каким делам могла идти мимо. А второй раз это было в воскресный день. Ира пошла на «Терезу Ракен» — все еще торжествуя, что ее пускают на фильмы до шестнадцати — а Шура тихой сапой снова отправилась в ту церковь. По тому, как проход в вагоне с каждой остановкой закладывало все сильнее, было ясно: праздник. Шура так и видела Иру в этой гуще старух — ее платочек среди других таких же платочков, движущихся от остановки к церкви. Тут-то у ограды и заметила скошенную макушку: в руках хорошо знакомая папаха, лицо заросло черной щетиной, синие очки достались от Кота Базилио. Удивительно, что Ирка его узнала, не иначе как застарелая неприязнь обостряет чутье. К ограде прислонена палка, и если подойти ближе, то слышно было клянченье: «Подайте сле-

пому... подайте слепому...». Знает ли, отчего это с ним стряслось? Сказали небось. Думает, и деньги все украла, и пистолет... Если б прозрел и увидел ее — убил бы? А хотел бы он, вот такой, как теперь, очутиться с женщиной?

Она долго смотрела на него, и в голове чехарда: мысли запрыгивали одна другой на спину голышом — как скачут черти на том свете в представлении всех этих старух, изредка подававших слепому: жалели мужика, хоть и чернявый как черт.

А правда, вдруг бы он ее узнал? Например, подошла бы и положила ему в ладонь бумажный рубль. Или даже три, сказав, что здесь три рубля, и он бы узнал ее по голосу. (Якобы вчерашнему вождю, впечатавшемуся, однако, в сердца и думы на века, нравилось смотреть, как прозревшая слепая цветочница, вкладывая милостыню в ладонь нищего бродяги, узнает по ней своего таинственного благодетеля. «YOU?» — печатными буквами во весь экран. «THE END».)

Ушла и вообще ни копейки не дала, почти убежала, грубо расталкивая шедших ей навстречу богомолок.

Шура еще будет приезжать сюда — постоять вблизи от него, такого соблазнительно-беспомощного, как если б руки были привязаны к изголовью кровати. Но в свете космических завоеваний антирелигиозная метла сметет нищих с паперты, и произойдет это скоро, очень скоро.

Вначале марта под Ленинградом еще зима: яблоньки на участке по горло в снегу, а смородиновые кусты — те с головой ушли под белый наст. Засов на двери в кухню примерзал, но у Шуры еще оставался метанол. Тем же напитком потчевала и замочные скважины. С утра до вечера Ира сидела одна в натопленной задней комнатке, слушала радио и грызла «соломку к чаю». В отсутствие Шуры подогревала себе на электроплитке суп. Вернувшись, Шура жарила картошку, покамест на керогазе, но в мае уже начнут подвозить баллоны с газом.

— Я сегодня, может, не успею вернуться, вечером педсовет. Свари себе пельмени, — а сама со школы прямехонько на Добролюбова. Но сколько ни таскалась она к этой церкви, вся в своих фантазиях, повстречать ей там его больше не довелось.

Бывало, влетала вдруг домой: клад на месте? На месте... Все пачечки — целочки. А охранял этот гарем ее старый знакомый «7,62-ММ» — с двумя упаковками боевых патронов. И что тоже немаловажно: пусть соседи почаще видят Шуру приходящей сюда. Чтоб на комнату никто не позарился.

Но бывало, что, повинувшись какому-то внезапному порыву, возвращалась раньше времени по причине «отмененного педсовета».

— Знаю я эти педсоветы, — говорила Ира.

Когда-то, еще до нашей эры, Ира собралась в кино, и нате пожалуйста, возвращается через сорок минут раздосадованная. А Шура ей: «Что, кино не будет, кищик не пришел?» — у нее у самой начались критические дни, и свой сеанс она пропускала. (Думала: «как назло», а оказалось, удачно.)

Теперь вот Ира звизгательно:

— Зря только в парикмахерскую ходила? — Шуре тоже полагалось носить косички, тоже «скакалочкой». По дороге она успевала наспех расчесать волосы, а на обратном пути заплетала косичку снова. Но случилось и забыть — как теперь.

Ира была не одна — с Марией. На столе стояла пустая кастрюлька, к дынышке которой прилип белый шматок пельменя. У Марии, почтовой служащей,

жившей по месту службы, четверть лица будто под вуалью. Черновато-голубоватые рябинки затемяют закатившийся глаз. Когда разорвался снаряд, что ее изувечил, она увидела Пресвятую Деву, и та ее спасла. Мария была полькой — так и выглядела, с каким-то неискренним польским «кисельком» в лице. Ира ей не верила: ни в то, что видела Деву Марию, ни в то, что была в Брестской крепости, о которой Ира даже фильм смотрела, «Бессмертный гарнизон», и по радио столько передавали. «В самой Брестской крепости? Расскажи». — «Хорошо было, весело. Пили вино, пластинки слушали. Я у самого генерала убиралась». — «А немцы?» — «Это потом, когда бомбить стали и генерала ранило. А мне Дева Мария явилась».

Ира знала, что это вранье и командовал крепостью никакой не польский генерал, а герой Советского Союза майор Гаврилов. Но уличать Марию не стала: кому бы она тогда рассказывала про влюбившегося в нее — революционерку-подпольщицу — белогвардейского адъютанта: «Без памяти влюбился его благородие. Пальчики целовал, каблуками щелкал, на боку сабля...»

А тут в самый интересный момент входит Шура. Ира — ей:

— Что, Шура, кинщик не пришел?

Та не поняла.

— Кто, мама, не пришел? — спрашивает.

— Кинщик — забыла?

Но и оставаясь с матерью вдвоем, Ира продолжала звать ее по имени — Шурой. Шура же ей говорила «мама» только на людях, а так «Ира» и даже «доченька» — в моменты особенной душевной боли. («Шура?» — «Что, доченька.»)

*

Кажется, однажды это услышал хозяйский внук. Когда Ира была маленькой, у них в классе тоже был один такой: «Толстый, жирный, поезд пассажирный» — Ромка Берлович. Каждой бочке затычка. А попробуй кто из ребят тронь его — сразу к Коле Дусе. Все по блату. Говорили, что его папаша потом прововался и сел.

Уже полным ходом стояло лето («стояло» зачеркнуто и написано «шло»). На полях же красными чернилами: «Лето было в полном разгаре»). О вчерашних горах снега, бородачках сосулей или примерзающих замках — обо всем этом дачники, дремавшие на раскладушках в тени большой, сверкавшей на солнце березы, и представления не имели. Ну да ладно.

— Шура?

— Что, доченька?

— Куда ты на целый день все ездешь? Сейчас каникулы.

— Я устроилась в городской пионерский лагерь, — Шура покраснела и вышла, чуть не прихлопнув дверь хозяйского мальчишку. Подслушивал? И такой противный, раскормили как на убой.

Она сбегала от Иры на целый день в город и там ходила пыльными улицами. Привычно отравлял существование ноющий живот. В тщетной надежде его умилостивить горячим супом Шура шла в столовую. Но даже «солянка подомашнему» была неудобной жертвой, настоящая ресторанный солянка, только с картошкой — та, что подавалась в сосисочной у Московского вокзала, где ее жадно пожирали истосковавшиеся по всему домашнему командировочные, что не мешало им пожирать глазами одинокую посетительницу в шаговой от себя

доступности, среднего возраста, у которой в тарелке багровело то же самое, что и у них, с такой же капелькой сметаны.

Шуру воротило от их несытых взглядов, как от какого-нибудь пирога с собачиной, какой бы аппетитно-жаркий дух он ни источал. Ирино «знаю я твои педсоветы» летело мимо — мимо, как дурной сон. Другая страсть овладевала ею — и тоже древняя, как мир. Она перебирала и пересчитывала девственные десятирублевки, на которые еще «не ступала рука человека». В пачечке ровно двести, проверяла каждонькую: не смухлевала ли упаковщица — с нашим братом не знаешь, где ждать подвоха. А пачечек таких... ох, все сбивалась со счета, то выходило на одну пачку больше, то на одну меньше. Пока не догадалась расположить их равными стопками, по десять пачек в каждой, а в одной стопке пачек было семь, вот и считай.

«Лето в городе» как жанр ничем не уступает «лету на даче» («лету в деревне»). Как и у дачниц, у горожанок имеется своя летняя форма одежды, которой если даже и не всегда следуют, то лишь потому что она — а именно плотный хлопчатобумажный пиджак поверх легкого светлого платья — ошибочно связывается со вчерашними выпускниками школ фабрично-заводского ученичества. Что до летней формы одежды в сельской местности, это, образно говоря, танцплощадка в санатории, в доме отдыха, в клубе, где «в белом платье с пояском я запомнил образ твой».

Ира не в счет. Она ходила в поселковый клуб в немислимой кофте, которая только и могла быть ей к лицу, иссеченному столетними морщинами. Бабушка повела в кино внука, оставшегося с ней на лето. Тоже, кстати, дачный жанр. Во всех подробностях обсуждают они каждый фильм — впервые увиденный или в тысячный раз, роли не играет.

— На всю подводную лодку «Комсомолец» одна буфетчица, — ворчит бабушка.

— Да она маленькая — «Комсомолец», — возражает внучек.

— Маленькая да удаленькая. Пока каждому дашь, сама без ног останешься. Это ты маленький еще.

«Лето пройдет, и увянут все цветы, снегом их занесет», — как всегда в точку пело радио. Песню Сольвейг исполняла... Суок? Потом детская передача. Радиопостановка по сказке Самуила Маршака «Двенадцать месяцев». Потом «мы передавали объявления». Потом песни народов мира. Джон Рид, Майн Рид, Дин Рид. Потом передача для старшеклассников «Бригантина поднимает алые паруса». Потом театр у микрофона. ««Синяя птица» на сцене Детского музыкального...» И не то что лето, вся жизнь пролетела под радиотарелку.

Шура вновь вставала затемно, чтобы нести свет знаний в триста двадцать седьмую школу. Там, вопреки науке, утверждавшей, что животные постепенно превращались в людей, она превращалась в Собаку Баскервилей. Эта метаморфоза происходила не с ней одной. Авдотья Гавриловна, переступив порог школы становилась Козой Дусей, а вместо преподавательницы математики Агабавовой в класс вползала Черная Жгучая Змея Гремучая. И как в летний полдень лежавшим под березой дачникам не различить снежные траншеи кругом, так же в ненастные дни, когда вот-вот уже предстояло топить печку березовыми дровами, когда без резиновых сапог не выйдешь на двор, видение лета, райского сада было подобием дореволюционной фотографии (ну, конечно же, наоборот, это дореволюционная фотография уподоблялась видению лета, райского сада).

У Иры от погоды ломит поясницу, и она кряхтит, опоясавшись толстым вязаным платком. («Наши матери и жены в русских вязаных платках», — раздается по радио.) Кряхтит, поднимаясь с кровати, кряхтит, вставая со стула. Кряхтит, когда надо нагреть себе супу — потому что плитка стоит на табуретке и приходится чуть наклоняться, как бы изображая собою пять минут седьмого. Риск больше не выпрямиться, не быть переведенной на пять минут назад, сопряжен с невозможностью двигаться против биологической часовой стрелки.

Шуру она подозревает в одном — в чем от века старухи подозревают молодух: «Это сладкое слово — мужчина».

— Где моя губная помада? Шура! Опять взяла мою губную помаду?

Похоже, она и впрямь уверовала, что Шура ей дочь. Но главное, сама Шура незаметно в это уверовала — росла-то без матери.

Десятого ноября будет ровно полгода, как они здесь. СМУшник, приехавший с грузовиком стройматериалов — утеплять времянку, которую выдавал за подсобное помещение, для чего даже разобрал трубу, а то скажут: два дома на одном участке, не жирновато ли, товарищ Шапиро? — он, как показалось Шуре, поглядывал на нее выжидательно, хоть ничего и не говорил. Сам же не взял, когда предлагала: «Еще заплотите».

— Геннадий Рувимович, когда вы в следующий раз будете? Я деньги приготовлю, да?

На это он не стал, как в первый раз: «Да что вы, да успеется», а сказал, что будет здесь в субботу «точно приблизительно в пять». Видно, играть в бессеребряника кишка тонка у этого Иуды. Ходит небось и облизуется на шестьдесят рубликов, набежавшие за полгода — больше половины ее месячного оклада, как никак.

Его лицо сразу обрело фальшивую участливость.

— Здесь на участке микроклимат. Это полезно для вашей мамы.

Накануне Шура забежала домой и впервые распечатала пачечку. «Любит — не любит, любит — не любит, любит... не любит...» — отсчитала она шесть розовых лепестков. Ни капельки не жалко, здесь их — поля. («Мы передавали арию Индийского Гостя...»). Наслышанная про то, как в приличных семьях расплачиваются за уроки, она положила деньги в конверт.

Суббота — короткий день, Шура вернулась уже трехчасовой электричкой, угнетенная. Прощедшей ночью Ира очень кашляла.

— Что ты сегодня так рано? — спросила Ира и тут же противоречила себе: — Я уж думала, ты совсем не придешь.

А все-таки сознавать свои тылы — архиважно. В них залог непобедимости, а значит и победы, что в Шурином понимании одно и то же. Сознание безграничного тыла пришло к ней не сразу. Шура настолько дитя нищеты, что не имела вкуса к богатству. Кто всю жизнь питается жареной колбасой, тот не имеет вкуса к трюфелям. Поначалу сундук денег был сам по себе, а Шура сама по себе. Но постепенно, через осознание того, что располагает безграничным тылом, Шура исполнилась чувства патриотизма... к своей персоне. Патриотизм возможен в персональном исполнении, как возможен был «в экспортном исполнении «Москвич»» <сноска: *Корректору: по правилам того времени марки отечественных автомобилей, в отличие от иностранных, писались с большой буквы.* — Л.Г.>.

Геннадий Рувимович спешил. На сей раз грузовик не въехал задом в распихнутые створки воротец с дальнейшей перспективой плотно увязнуть в грязи,

как то было третьего дня, когда пришлось подкладывать доски под колеса. Грузженный импортным шифером, он дождался Геннадия Рувимовича «позады забора». Не имей сто рублей, а имей сто знакомств — это оправдано лишь когда одно исключает другое и приходится выбирать: либо сто рублей, либо сто знакомств. В противном случае грузовик финского шифера только укреплял узы взаимозависимости: ты продаешь моему тестю сланцевый шифер для дачи, а он кладет твою жену в ИЭМ.

— И чем же вам асбестовый шифер не нравится? — поинтересовался Геннадий Рувимович у Константина Васильевича. Сам он предпочитал асбест: дешевле и практичней. Сланец — ломкий как слюда. Но когда хочется, чтоб все по-заграничному.

Дача академика Осадчего стояла среди сосен на другой стороне озера, к которому круто спускался высокий песчаный берег. Шура и Ира даже не подозревали, что живут в пятнадцати минутах ходьбы от того самого Сергея Петровича — хозяина кабинета с дубовой панелью. Оно и понятно: герой социалистического труда, академик не будет ездить электричками. И в сельский клуб тоже не пойдет.

— Хотите знать, чем плох асбестовый цемент? — Константин Васильевич загадочно усмехнулся. — Лучше вам этого не знать.

Геннадий Рувимович будет об этом всем рассказывать и тем самым способствовать росту еще одной статьи своего дохода — про себя же думать: «Агрыйсер хохм» («Шибко умный»).

Он принял у Шуры конверт, под клапан которого лишь заглянул, прежде чем положить в карман.

— А мы с Татьяной Ароновой завтра вечером уезжаем в Феодосию отдыхать. Теперь самое раннее увидимся через месяц.. Ну, чтоб мама не болела, — они расцеловались на прощанье.

*

Какое там через месяц! На следующее утро Геннадий Рувимович приехал сам не свой. Где грузовик был шифера, там такси стоит. Мы, СМУшники, тоже не ездим в электричках — не только академики. Еще издали он что-то кричит Шуре, крутившей ворот колодца. И выходит, что у обоих руки сжаты в кулаки. Своими кулаками он размахивает, сам красный, собой не владеет. Аналогичный случай был у нас в Бердичеве: корова перднула, и рога отвалились.

Из самого Ленинграда на такси — сколько же это стоит! «Хотите, на такси покатаю?» — предложил ей когда-то один военный из Мурманска. «Ну вот еще». Сама она только три или четыре раза в жизни ездила на такси, ночью, когда транспорт больше не ходил. Но чтоб из города сюда? Даже теперь, с ее «сибирскими тылами», не могла себе этого и в мыслях допустить. Одна из римских добродетелей гласит: будь верен бедности своих отцов. Кто-кто, а Шура этой добродетелью наделена с избытком.

От изумления она поставила ведро в грязь, вместо специальной для этого подставочки. Ну, что еще? И без того-то извелась. Ира всю ночь бредила, пересказывала какой-то фильм: граф влюбляется в революционерку, скрывает ее от погони у себя в спальне, на коленях умоляет стать его женой. Только под утро успокоилась.

— Чтоб духа вашего тут не было! — кричит Геннадий Рувимович. — Убирайтесь! Убирайтесь! Убирайтесь! — в ярости он нещадно брызгал ей в лицо слюной. — Немедленно! Прямо сейчас! Я вас не знаю! Где мои ключи?

— Но, Геннадий Рувимович...

— Я сказал нет — да. Значит, нет — да. У меня семья, я не хочу из-за вас идти в тюрьму.

— Вы что, совсем рехнулись? — не выдержала Шура. — У меня, может быть, ребенок при смерти. Куда я пойду?

— Уже и ребенок, да? Мама больная, ребенок при смерти, что еще? Собирайте свои бэбихи и отдавайте ключи. Ну? Я русским языком вам говорю. Хотите, чтоб я милицию вызвал?

— Да что случилось, елки-палки! Вы можете сказать?

— Думаете, Геннадий Рувимович идиот? Могу ли я ей сказать... Хотели отсидеться на чужой даче? Банда фальшивомонетчиков — вы! Я только их увидел, сразу сжег.

Небо упало на землю. У Шуры потемнело в глазах. Чтоб не упасть, она опустилась на подставочку для ведра, сейчас та под ней развалится, и Шура смешно сядет в лужу...

— Только не говорите, что вы об этом не знаете. Что эти шестьдесят рублей вам сдачи дали в булочной.

Она этого и не говорила. Она молчала. Она даже не вправе была считать себя жертвой обмана — потому и молчала. А коли молчала, рыльце крепко в пушку.

— Все, марш, марш отсюда.

— Можно хоть...

— Я сказал нет — да.

И ведь уже привыкла чувствовать за собою несметную рать. Все лопнуло, как мыльный пузырь. Как Иркина Луна. Куда сейчас с ней, больной, да с чемоданами?

— Ну, чего вы ждете — чего?

Такого не разжалобишь больным ребенком. Со своей этой гримасой: «Да где ребенок? Да какой ребенок?» Вот оно, истинное лицо британского империализма.

Покидала, что влезло, в чемоданы, остальное связала в узел. На пышущую жаром Ирку натягивает одежду: рейтузы под юбку, наверх кофту, обвязала теплым платком, которым Ира заматывала себе поясницу. Та, как сонный ребенок, позволяла себя одеть.

— Мне не управиться самой, ее в больницу надо, а не на поезд.

Да еще Ира вдруг:

— Мама, пить.

Тут-то Шура и сказала Геннадию Рувимовичу, несколько опешившему, — все сказала, как есть:

— Она моя дочь, ей пятнадцать лет, она только так выглядит. На ней опыты проводили в институте экспериментальной медицины. Один военврач, Константин Васильевич, это он ее такой сделал. Сперва увезли в неизвестном направлении и через полгода под дверь кинули, как собаку. А что деньги фальшивые, я этого не знала. Я их украла, это правда, но что они фальшивые не знала.

— Хорошо, я отвезу вас, — сказал он, — но только до станции.

У него тряслись руки. Фальшивые деньги тьфу по сравнению с тем, что Геннадий Рувимович находился в смертельно опасной близости к гостайне. К секретным каким-то разработкам. За такое не сажают — машина из-за угла, и с концами. Выяснится, где они комнату снимали. Что за ними следят, двух мнений быть не может. Константин Васильевич... ай-яй-яй!

— Только до станции. Вы меня не знаете, я вас не знаю.

Он взял два чемодана и быстро отнес в такси. «Бойтся, что заразные, — подумала Шура. Вон как руки-то заходили ходырем».

В электричке Ира склонилась головою ей на колени.

— В больницу везу, — говорила всем Шура, чтоб не решили еще, чего доброго, что пьяная, потому что перед тем какой-то парень очкастый сострил: «Они мешают нам жить», — указав своей девушке на Иру. А когда Ира, неразборчиво прося о чем-то Шуру, стала звать ее мамой, Шура объяснила: — Мать свою вспоминает, бабуку мою покойницу. В детство впала.

На вокзале кто-то предложил вызвать «скорую», но Шура наотрез отказалась: дома хоть стены помогают, а в больнице кто?

— Я сама выхожу.

Ира дошла своими ногами до троллейбуса. Одной рукой Шура поддерживала ее, в другой был узел, а какой-то «тимуровец» нес чемоданы. Когда слезли, то остаток пути, от остановки до дома, был самым трудным, самым головолымным: волк, коза и капуста. И так каждые десять метров.

Ира лежит на диване. До следующего лета еще жить и жить, а то лето, что было — уже было давно. Большую часть суток небо черное, как вода в Обводном канале. Шура дождалась по радио «Гимна в Ознаменование Полуночи». После этого выходит она из дому, как вампир на охоту, опасно идет в направлении канала и с размаху швыряет в пустоту продуктивную сумку, полную театральных денег. В ответ:

— Плюмс!

Достает пистолет, с которым расстаться даже жалче, чем с тысячами игрушечных рублей — он-то, в отличие от них, настоящий. И патроны к нему настоящие. Раз в жизни душу отвести... Она вставляет в обойму одну за другой восемь пуль и яростно открывает огонь в воду. Смотри, держи крепко — он вырывается, как пойманный зверь. И снова зарядила, и еще восемь оглушительных выстрелов, которые Ира слышала бы наверняка, будь она жива.

Прощай, наградное оружие.

— Плюмс!

Бездетная и безоружная, Шура отправляется на поиски действующего телефона-автомата и, отыскав, звонит без двушки в 02.

Ночью одной скучно. С нуля часов и до шести по радио слышны лишь удары сердца: тук-тук... тук-тук... тук-тук... Так пятьдесят четыре тысячи раз, до радостного утра. А после все начинается сызнова:

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет,
Чутким ухом к вершине приляжет.
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет.

— Песню «Есть на Волге утес» для вас исполнил заслуженный артист Российской Федерации Борис Штоколов в сопровождении оркестра народных инструментов.

2014 г.

Марина Ясинская

ДОМ 302а НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ

Надо сказать, что квартира эта – № 50 – давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Когда в начале осени, после двух лет стройки были наконец сняты строительные леса и плёнка, оказалось, что новое шестизэтажное здание, возведённое на Большой Садовой между домами 302 и 304, словно сошло с фотографий полуторавековой давности. Выполненное в стиле классического модерна, оно не очень вписывалось в ряд окружающих его домов, и в то же время почему-то казалось, что здание словно всегда здесь стояло.

На самом деле, шестизэтажный дом и впрямь находился ровно там, где ему полагалось быть, ведь именно на этом самом месте в 1903 году было построено точно такое же здание. Правда, всего каких-то тридцать лет спустя дом N302-бис сгорел в страшном пожаре. С тех пор прошёл почти век, и всё это время пустырь и пепелище простояли нетронутые, что было совершенно удивительным, ведь любой освободившийся на Большой Садовой клочок земли немедленно выкупался, и на нём тут же что-нибудь строили. А солидной площади пустырь, где уместился бы не то, что компактный домик, а даже скромных размеров торговый центр, долгие десятилетия пустовал.

Возможно, всё дело было в нехорошей славе, которой пользовался пустырь, а ещё прежде него – сгоревшее здание. Ходили слухи, что в некоторых квартирах того дома творились необъяснимые происшествия – бесследно исчезали люди, жильцы сходили с ума. Говорили даже, будто однажды там побывал сам сатана со своей свигой и устроил изрядный переполох.

Когда дом 302-бис на Большой Садовой сгорел, странные вещи продолжали твориться уже на пустыре. В ночи весеннего полнолуния из-под обгоревших развалин доносились то подозрительные стуки, то оркестровая музыка, а в руинах мелькали огни и тёмные силуэты. В остальное же время ночами на пустыре орала обитавшая там стая бродячих кошек; редкие свидетели болтали, будто видели её предводителя, чёрного кота совершенно исполинских размеров.

И, разумеется, на пустыре по-прежнему пропадали люди.

Надо сказать, чаще всего пропадали обитающие вместе с кошачьей стаей бомжи, и, вероятно, виноват в их исчезновении был не столько проклятый пустырь, сколько их собственная нелёгкая бомжиная доля. Сегодня божья, завтра его нет, и остаётся только гадать, нашёл ли он себе новый подвал или же вечный покой.

Однако если пропажу бомжей ещё можно списать на их бомжиную долю, то пропажу на пустыре ухоженной рыжей колли по кличке Дамка, собаки владелицы маникюрного салона Эвелины Георгиевны из дома напротив, на бомжиную долю уже не спишешь.

Впрочем, упитанную Дамку вполне могли съесть голодные бомжи.

А вот ничего инженера Костровского из дома 304 они съесть никак не могли. Молва утверждала, что однажды весенней ночью Костровский, как обычно, выносил объедки для обитателей пустыря, кошек и бомжей, как вдруг рядом остано-

вился длинный лимузин. Строгий водитель во фраке распахнул дверцу, Костровский нырнул в недра роскошного авто – и больше его никто не видел. После, правда, говорили, будто он просто получил наследство от дальней родственницы то ли из Австрии, то ли их Австралии, и уехал вступать в права наследования.

Точно так же пропала однажды и госпожа Елисеева-Вищацуева из дома 302, владелица небольшой отделочной фирмы и большого количества работающих в ней гастарбайтеров; за ней тоже приехало роскошное авто, правда, уже не лимузин, а джип с большим багажником и затонированными стёклами – и шофёром, но не во фраке, а в кожаной куртке.

Блоггера-оппозиционера Павла Самородского и вовсе не увозили; однажды он, вместе с ноутбуком и своим оппозиционным мнением, ушёл к терминалу положить денег за Интернет – и не вернулся.

Наконец, были и таинственные суициды. За последние годы таких случилось целых два. Оба самоубийцы, одинокая пенсионерка Покровская и бездетный ветеран великой отечественной войны Кузьмич, жили в квартирах, окна которых выходили на пустырь. Оба выбросились из окон на этот самый пустырь по причинам, никому не известным, а, следовательно, в глазах соседей – и вовсе без причин.

В опустевшие квартиры пенсионерки и ветерана практически на следующий же день вселились владелец автомайки Денис Дмитриевич Додыров и хозяин сети фруктовых лотков Давид Гусейнович Мурсалиев с семьями, и плохая слава пустыря, на который выходят окна квартир, их не остановила. Очевидно, перспектива жить в просторных апартаментах на Большой Садовой перевешивала любые опасения. А, может, они просто не верили в чертовщину.

* * *

Новому зданию, расположившемуся между домами 302 и 304, присвоили было номер 302-бис, но муниципалитет решил, что «бис» – это слишком по-иностранному, и дом номер 302-бис стал домом номер 302а. И к центру продаж, открытому на первом этаже, потянулась очередь желающих приобрести квартиру на Большой Садовой.

Удивительное дело, но отбором покупателей занимался лично владелец строительной фирмы, Андрей Семёнович Поньрев. Зачем он это делал, совершенно непонятно, ведь всякому ясно – главное, чтобы у клиента была требуемая для покупки квартиры сумма.

И всё же Андрей Семёнович лично изучал информацию на каждого потенциального покупателя и из нескольких претендентов – а таковых на апартаменты на Большой Садовой было немало – лично выбирал кого-то по одному ему ведомым критериям.

Так, пентхаус на шестом этаже он продал безработной мадам Коврижкиной. Мадам Коврижкина щеголяла в туфельках «Прада», ездила на «Майбахе» и регулярно принимала у себя в гостях господина Вытребского. Господин Вытребский, обладатель изрядного живота, нелюбимой супруги, двух взрослых детей и алюминиевого завода, навещался к мадам Коврижкиной исключительно во время обеденного перерыва, и лишь иногда заезжал на выходные.

Трёхкомнатную квартиру на четвёртом этаже господин Поньрев продал рядовому налоговому инспектору Артуру Бычко вместе с двумя парковочными местами в подземном гараже под домом, для «Порша», на котором инспектор ездил летом, и «Хаммера», на котором он ездил зимой.

Обладателями более скромных двухкомнатных квартир стали гладкие, всегда при галстуках менеджеры среднего звена, научившиеся умело жить, перекладывая ненужные бумажки из папки в папку и задолженности с одной кредитки на другую.

Однокомнатную квартиру на первом этаже Поньрев продал перебравшемуся в столицу из бывших южных республик Хусану. Тот прошёл долгий путь от дворника до хозяина небольшой клининг-компании и теперь помогал землякам, приехавшим в Москву, устраивая их к себе на работу и давая жильё. В купленную квартиру он поселил сразу двенадцать своих соотечественников; поскольку работали они поочередно, кто-то днём, а кто-то ночью, он рассудил, что одной комнаты на всех им вполне хватит. Благодарные ставшему большим человеком Хусан-джану, земляки не жаловались.

Другую однокомнатную квартиру едва не за бесценок Андрей Семёнович за чем-то отдал матери-одиночке, растившей двух своих – и тридцать чужих детей. Учительница начальных классов долго не могла поверить своему счастью.

Среди отобранных Поньревым покупателей были ещё мелкий депутат с криминальным прошлым, сын сибирского нефтяника, прогуливавший лекции в МГУ, начинающие певички, живущие подачками продюсеров, директора и руководители различных компаний, фрилансеры, айгишники и даже один заводской мастер, рискнувший связаться в ипотеку.

А вот шестикомнатную квартиру на пятом этаже за номером пятьдесят Андрей Семёнович не продал, несмотря на несколько весьма заманчивых предложений. В квартире №50 он поселился сам.

Поньреву по паспорту было чуть меньше сорока, по виду – чуть больше тридцати; в его портфолио были десятки успешных коммерческих строительных проектов, в бумажнике – кредитки всех мыслимых видов, а в банке – не просто круглый, а прямо-таки сферический счёт. Однако, несмотря на такие выдающиеся достоинства, Андрей Семёнович жил один, без семьи, без любовницы, и это не могло не будоражить любопытства соседей, особенно – начинающих певичек.

Андрей Семёнович вряд ли догадывался о том, сколько жгуче одолевающее соседей любопытство, иначе бы ни за что не дал в газету *то* объявление.

Объявление гласило: «Сдаётся комната в шестикомнатной квартире на Большой Садовой. Три тысячи рублей в месяц. Требования к съёмщику – коренная москвичка по имени Маргарита».

Это объявление окончательно озадачило соседей. Зачем состоятельному Поньреву сдавать комнату в квартире, в которой он сам живёт? Явно не ради денег! Да и запрашиваемые три тысячи – это не деньги. Может, он ищет домработницу с проживанием? Но тогда он так и написал бы в объявлении. Наконец, что это за странные требования – коренная москвичка по имени Маргарита?

Казалось бы, в свете всех этих, честно скажем, необычных, даже подозрительных обстоятельств желающих получить комнату должно было не остаться вовсе! Однако не следует недооценивать привлекательность перспективы жить на Большой Садовой и особенно – под одной крышей с преуспевающим владельцем строительной компании. От коренных москвичек Маргарит не было отбоя.

Как и будущим владельцам других квартир, Поньрев устроил тщательный просмотр и всем откликнувшимся на объявление Маргаритам. Он безжалостно отсеивал слишком юных девушек и дам бальзаковского возраста, он тут же отказывал блондинкам, шатенкам и рыжим, шадя только брюнеток. У оставшихся Маргарит он изучал генеалогическое древо с дотошностью заядлого родослова – и снова отказывал одной за другой.

Разочарованию Маргарит не было предела.

Вряд ли они догадывались, что куда больше разочарован сам Андрей Семёнович.

– Не та, снова не та! – с досадой бормотал он себе под нос, выбрасывая в мусорку анкеты отвергнутых Маргарит.

Всё в корне изменилось, когда очередная кандидатка, прошедшая сито первичного обзора, явилась на личное собеседование с Поньревым и, уверенно усевшись за стол перед ним, начала с неожиданного вопроса:

– Вы думаете, *он* снова сюда вернётся?

Андрей Семёнович, как раз дочитывавший анкету этой Маргариты, удивлённо моргнул и уставился на собеседницу.

– Кто – он?

– Мессир, – спокойно ответила Маргарита.

Удержать невозмутимое выражение лица Андрею было непросто. Найти подходящий ответ – и того сложнее, потому Поньрев лишь изогнул бровь.

Маргарита нетерпеливо побарабанила пальцами по краю стола.

– Совершенно очевидно, что вы подготовили всё, что могли. Вы восстановили дом, в котором *он* когда-то побывал, и восстановили в точности, до мельчайших деталей. Вы населили дом самой разношерстной компанией – этаким срез современного общества – ведь *он* всегда интересовался людьми. Наконец, вы ищите Маргариту, которая могла бы подойти на роль королевы *его* бала.

Андрей нахмурился, разглядывая сидящую перед ним женщину. Дорогой чёрный плащ, жёлтая сумочка и такого же тревожного цвета газовый шарф на шее, стильно уложенные тёмные волосы и ухоженные руки. Несколько мгновений назад он как раз недоумевал, читая её анкету: Сокольская Маргарита Леонидовна, финансовой директор крупной сети магазинов. Зачем молодой преуспевающей женщине снимать комнату в квартире?

Теперь же, кажется, всё вставало на свои места. Она тоже хотела встретиться с Мессиром.

– Не знаю, вернётся ли *он* сюда, но очень на это надеюсь, – честно признался Поньрев. – Всё-таки бал у *него* ежегодный, а Москва уже совсем не та, что была тогда, в последний *его* визит – почему бы *ему* не посетить её снова? А я, в свою очередь, пытаюсь сделать всё, что могу, чтобы... чтобы...

– Приманить *его*? – с улыбкой закончила Маргарита.

Андрей невольно улыбнулся в ответ.

– Приманить – это, конечно, слишком. Но, может, хотя бы обратить на себя *его* внимание. Предоставить *ему* все условия для его бала. И если *его* всё устроит...

– Вы же наверняка знаете, – перебила Маргарита, – что Мессир не особенно жалует просителей.

– Знаю, – Андрей стиснул зубы, и на скулах заиграли желваки. – И я не стану просить. Но мне больше ничего не остаётся – только надеяться, что *он* сам предложит и сам всё даст.

Маргарита кивнула. Она надеялась на то же.

– Мне сразу к вам переселяться? До мая ещё полгода...

Андрей медлил.

– Что, по-вашему, я недостаточно хороша? – надменно вскинула брови Маргарита. – Я – коренная москвичка, я брюнетка, мне тридцать один, я прекрасно выгляжу, и, если достаточно глубоко покопаться в моей родословной, то можно найти и дворянскую кровь. И я точно знаю, чего хочу. Думаете, я не подхожу?

Андрей ещё раз оглядел сидящую перед ним привлекательную женщину с уверенным взглядом тёмно-зелёных глаз и едва заметной сетью морщинок в уголках.

– Решать, подходите ли вы на королеву бала, не мне, – сказал, наконец, он. – Но, тем не менее, я приглашаю вас остаться.

Маргарита вынула из тревожной жёлтой сумочки купюры.

– Три тысячи, – сказала она, протягивая деньги.

Андрей покачал головой, но деньги взял. Всё должно быть по правилам.

* * *

Закончилась осень, быстро промелькнула зима, наполненная ожиданием и предвкушением. Ощувив первые запахи марта, во дворе по ночам принялись вопить коты. Кто-то болтал, будто снова видел их предводителя, чёрного кота совершенно исполинских размеров. Ещё жильцы стали замечать томящиеся на лестных площадках тёмные фигуры, будто кого-то поджидавшие. Они оглядывались, беспокойно дергались – и исчезали, стоило только к ним приблизиться.

Двадцать первого апреля из дома пропал мелкий депутат с криминальным прошлым. Возможно, его просто настигло его криминальное прошлое, но соседи немедленно решили, что в доме, построенном на проклятом пустыре, снова проснулась чертовщина. Понырев тоже хотел в это верить, потому что тогда пропажу депутата можно было бы считать за благоприятный знак.

Примерно в то же время Андрей и Маргарита потеряли сон и покой. Они бродили по шести комнатам, как неприкаянные, надеясь, что к ним вот-вот явится кто-то из свиты Мессира и потребует квартиру для проведения бала.

Ожидание угнетало...

В ночь майского полнолуния Андрей с Маргаритой с горя напились на кухне.

– А ведь в этот самый момент в доме какого-то счастливчика *он* сейчас проводит бал, – с пьяной злостью бормотал Андрей. – Но почему не у нас? Почему?

– Может, на следующий год, – с тоской отвечала Маргарита, печально глядя в окно сквозь стенки пузатого бокала с остатками коньяка на дне. – Это же не последнее майское полнолуние.

– Не последнее, – грустно соглашался Андрей. Его не особенно утешала мысль, что придётся снова ждать целый год – и снова надеяться. Он никогда не думал, что надежда может так выматывать.

– А ты никогда не пробовал просить того, Другого? – вдруг спросила Маргарита, указывая глазами в потолок.

Андрей задрал голову вверх, посмотрел на лепные украшения и люстру.

– Нет, – ответил он, наконец, переведя взгляд на свою сообщницу по интриге и подругу по несчастью. – Я почему-то больше верю в *него*. Мне кажется, что у меня больше шансов встретить Мессира, чем того, Другого.

Алкоголь и разочарование, смешавшись, взорвались неожиданным вопросом. Вопросом, который негласно между ними всегда был табу. Вопросом, который Андрей никогда не хотел бы слышать заданным ему самому.

– Что ты надеешься от *него* получить?

Маргарита вздрогнула.

– Извини, – тут же пробормотал Андрей – и плеснул себе коньяка.

Ещё долго они сидели в тишине на кухне, глуша боль алкоголем и слушая, как бешено орут за окном коты.

– Когда-то по молодости я совершила глупость, – вдруг тихо заговорила Маргарита. – Врачи сказали, что у меня никогда не будет детей...

Тёмные, пьяные глаза требовательно уставились на Андрея.

И он не смог не ответить.

– Девять лет назад мою жену и дочку сбил пьяный водитель. Я... я хочу к ним...

Андрей замолчал. Разве могли слова передать ту пронзительную тоску и зияющую пустоту, с которой он жил последние годы?

Маргарита долго смотрела на Поньрева, а потом вдруг поднялась и пересела рядом к нему, одной рукой приобняла его за плечи, утешая, а другой чокнулась своим бокалом с его.

Слова были не нужны.

* * *

Утром Андрей и Маргарита проснулись в одной постели.

Списав всё на коньяк и разочарование, они разошлись по своим комнатам, пообещав друг другу, что больше подобное не повторится.

Но оно повторилось.

И не раз.

В следующий апрель из однокомнатной квартиры дома 302а пропал один из многочисленных земляков и работников Хусан-джана. Впрочем, его пропажу, честно говоря, никто не заметил, даже сам Хусан.

Вскоре исчезла одна из начинающих певичек. Кто-то говорил, будто она уехала с концертом то ли в Ухту, то ли в Нарьян-Мар, но жильцы-старожилы, конечно, лучше знали – всё дело в проклятии. Кроме того, в подъездах опять видели тёмные силуэты, томящиеся на лестничных площадках в ожидании кого-то, а из подвала доносились звуки бешеного кошачьего мява. В доме совершенно однозначно творилась чертовщина!

Ожидание второго майского полнолуния было совсем не похоже на первое; совсем не такие мысли и чувства одолевали Андрея в прошлом году. И когда наступила ночь полнолуния, а Мессир опять не выбрал квартиру N50 для своего бала, Поньрев испытал не горечь разочарования, а что-то, похожее на облегчение.

Той ночью он нашёл расстроенную, мрачную Маргариту в компании бутылки коньяка на кухне.

– Может, следующей весной, – предложил он прошлогоднее утешение, присаживаясь за стол и наливая себе бокал.

* * *

К третьему майскому полнолунию из дома 302а пропал сын сибирского нефтяника. Возможно, ему просто очень надоел университет. Затем исчез регулярно навещающий безработную Коврижкину господин Вытребский. Возможно, ему надоела мадам Коврижкина. Вскоре после этого из подземного гаража исчез «Майбах» мадам Коврижкиной, а после – и она сама.

Во дворах снова орали коты, на лестничных площадках снова тёмные тени, безуспешно ища кого-то, а жильцы снова судачили о начавшейся чертовщине и гадали, кто станет следующей жертвой.

Чем ближе было полнолуние, тем мрачнее становилась Маргарита. И Андрей не знал, как ему быть. Сам он уже некоторое время назад понял, что с тех пор, как он вселился в дом 302а на Большой Садовой, глодавшая его долгие годы тоска ослабла и как-то незаметно отступила, а пустота наконец-то заполнилась. И теперь он не так уж и сильно жаждал встретиться с Мессиром. Только как сказать об этом женщине, которая с каждым новым маем становилась всё печальнее?

В канун полнолуния Андрей заранее заготовил бутылку коньяка.

Маргарита пришла поздно, ошеломлённая и растерянная.

Андрей без слов протянул ей полный бокал.

Маргарита отставила его в сторону.

– Я была у врача, – сказала она. – Я жду ребёнка...

* * *

Они не стали дожидаться следующего мая. Вот явится к ним в один прекрасный весенний день кто-нибудь из свиты Мессира – и что они станут делать? Желание Маргариты уже исполнилось, а желание Андрея перестало быть единственным условием, при котором его жизнь могла снова обрести смысл. Получается, не так уж им сильно и нужна стала теперь эта встреча. Ведь рядом с сатаной – как рядом с молнией; вспыхивает, конечно, ярко, но страху не оберёшься. Когда терять нечего – можно и побояться, а когда есть...

Однако точная копия дома 302-бис на Большой Садовой по-прежнему оставалась местом, где творилась разная чертовщина и где когда-то давал бал Мессир. И однажды *он* мог захотеть сюда вернуться – не зря ведь Андрей так старательно восстановил здание и заселил его самым репрезентативным ассорти современного общества.

И чтобы свести вероятность такой встречи к минимуму, Понырев выстроил им с Маргаритой новый дом за городом, а квартиру N50 выставил на продажу.

Андрей Семёнович и его бывшая квартирантка Маргарита съехали, и жильцы их больше не видели. Говорили, что у них родился мальчик, и его назвали Иваном – в честь прадеда Понырева, известного профессора института истории и философии и, по совместительству, малоизвестного поэта.

Шестикомнатную квартиру вскоре купил Николай Никанорович Загребав, ректор частного коммерческого университета, предлагающего прогрессивное образование нового образца – дистанционное, ускоренное; диплом психолога за всего за год, диплом юриста – за два, диплом врача – за три, и всё это – не отрываясь от компьютера. Слухи о творящейся чертовщине его не волновали. Главным образом потому, что он ещё не успел их услышать до вселения.

К весне из дома 302а исчез ещё один земляк Хусана, и снова его пропаша осталась незамеченной, а на его место поселился новый работник, приехавший в Москву в поисках лучшей доли и взятый под заботливое крыло Хусан-джана.

В начале апреля за одним из айгишников явился наряд полиции и забрал лохматого парня с собой. Больше того не видели.

В другой апрельский вечер пропал и рядовой налоговый инспектор Артур Бычко. Позже говорили, что его якобы видели на Кубе, что он купил в Гаване старинный дом и открыл в нём *Каса Партикуляре* для туристов. Говорили ещё, что он оброс чёрной бородой, похудел и загорел, и вообще стал совсем не похож на себя, так что может и не Бычко это был вовсе, а сам Бычко всё-таки сгинул, став жертвой творящейся в доме чертовщины.

А как-то ранним маем, примерно за неделю до полнолуния, к дому Андрея Поньрева и Маргариты подъехало такси. Внутри сидел субъект в тесном клетчатом пиджачке, жокейской шапочке и с усиками, как куриные перья. Он поглядел на задёрнутые прозрачными шторами окна, за которыми виднелись два силуэта, склонившиеся над детской кроваткой, весело прищурился и сказал водителю:

– А теперь на Большую Садовую, триста два-бис... который триста два-а.

Через некоторое время клетчатый субъект уже стучал в дверь квартиры № 50. Он сунул под нос удивлённому ректору красные корочки, при виде которых Загребав мгновенно побледнел, сладко улыбнулся и задумчиво проскрипел:

– Ну здравствуйте, Николай Никанорович!

Затем клетчатый протиснулся внутрь квартиры, легко отодвинув онемевшего ректора, уверенно прошёл на кухню, достал из шкафа графинчик с водкой и две стопки, из холодильника – «Осетринку президентскую», высший сорт. Срок годности на упаковке был аккуратно замазан чьей-то заботливой рукой. Принохался, чуть скривился, уселся за стол.

– Алмаз вы наш небесный, драгоценнейший господин ректор, что ж вы стоите, как не родной? Садитесь! Выпьем, закусим. Без церемоний, а? Нам много есть о чём поговорить...

Александр Левинтов

СТРЕЛОК

Из серии "Судьбы"

(продолжение. Начало в №9-10/2013 и сл.)

Что же меня всего так ломает? И во рту сухость. И весь шейно-плечевой пояс. И руки — как из ватного свинца. Я уже давно заметил — у меня всегда перед соревнованиями такое состояние: жить не хочется, а хочется все бросить, уйти из спорта, заняться чем-нибудь безобидным и безопасным. Потому что я не боец и мне плевать и на победы, и на медали, и на все это вытягивание жил из живого человека — ведь это мои жилы и это я сам.

Днем была мандатная, потом — техническая комиссия. Во время пристрелки. Нас по одному снимали с рубежа, осматривали лук, противовесы на нем, чтоб не было скрытых прицелов, стрелы, особенно хвостовики и наконечники. К моему «Хойгу», к сожалению, никаких претензий. Придется, значит, выступать, хочешь-не хочешь. Завтра, перед самым стартом — последняя комиссия, медицинская. Будут брать тесты на допинги. Так что — хоть сдохни, а даже аспирин нельзя, ничего нельзя, только клизму. Для желающих. Я не желаю. Я лучше сдохну. И тогда не придется выходить на старт.

Первые два дня — М-1, все четыре дистанции, сто сорок четыре стрелы, не считая пристрелочных. Кто бы знал, как мне надоело все это. Одно и то же, одно и то же. Уже почти три тысячи лет — ведь стрельба из лука входила в олимпийские игры, установленные еще Гераклом.

И самое трудное — первая дистанция, самая дальняя. 90 метров.

Ветер уносит стрелы в непредсказуемых направлениях. Кто знает, что там может налететь ежесекундно на высоте полета стрел к мишеням? И эти порывы — непременно, когда ты выпустил стрелу, не раньше и не позже, и только в твоём коридоре: попробуй потом докажи тренеру, что это был порыв ветра, а не техническая ошибка.

Моя задача пока — попасть во второй круг, туда, где с выбыванием. Сейчас нас более сотни. Во второй круг попадают 24. Только. Глупо ехать в такую даль, чтобы вылететь в первом же круге, но таких дураков здесь явное большинство — 90 против 24 умников. Меня всегда интересовало и привлекало только меньшинство.

Все три пристрелочные разлетелись веером — одна шестерка, все остальное в молоко. Надо собраться. Черт с ним, с ветром и с этой болью в спине и плечах. Черт с ними. И хватит хныкать. Сконцентрировался. Я спокоен. Руки, глаз, стрела, мишень — все в одной тончайшей линии. Крест в центре десятки на таком расстоянии не виден, но я обязан увидеть его, разглядеть, впиться в него руками, взглядом, стрелой, впаяться в это перекрестье, сделать его упершимся в наконечник моей стрелы — и выпустить ее.

Она улетает с визжанием. Смотрю в бинокль. Есть! Теперь вторую — также. И третью. Все три стрелы первого подхода кучно ложатся в красном круге. Потом, неожиданно, сбой в четвертом и седьмом подходах. К двенадцатой, последней серии я просто выдохся: с таким результатом мог бы и не стрелять вовсе.

90 метров я заканчиваю 57-ым. Какой дурак! Не просто дурак — дурак-средняк. Серая бездарь.

На 70-ти метрах я занял 14-е место, ведь это моя любимая дистанция. В общем зачете — 35-ый. Повеситься, что ли? И еще этот мелкий дождик, от которого и без стрельбы-то знобит.

После стрельб тренер долго и тщательно мылит нам шеи. Пока мы идем первыми. Я — третий зачетник, четвертый номер бесконечно отстал. Но тренер мне ничего не говорит и упорно не замечает меня. Ну, и пусть. Это даже хорошо. Мне сейчас два слова — и я всю стрельбу завтра сорву, у меня резьба хрупкая. На мне ездить нельзя и погонять меня никто не смеет. Как отстреляюсь, так и отстреляюсь. Кажется, он это понимает, поэтому даже не косится в мою сторону, а костерит первых два номера: у них есть шанс оказаться в пятерке.

Весь вечер от ужина до отбоя я валяюсь в койке зубами к стенке. Я валяюсь и после отбоя. Вместо мыслей — какие-то коротенькие, наподобие мотыля, обрывки. Они корячатся, повторяются, множатся, вспоминается такая чепуха и чушь, что я нестерпимо краснею. Сейчас бы шмайсер и перестрелять всех, включая себя — к чертовой матери. Хочется вспомнить хоть что-нибудь хорошее и успокоительное, но вместо этого — ... И снилась тоже всякая дрянь. Я падал откуда-то сверху в жуткий колодец, но не разбился, а медленно падал, расставив руки и ноги, ошупывая взглядом пустоту и неясные конструкции колодца. Я чувствовал, что медленно, но падаю, теряю высоту, и внизу меня ждет что-то ужасное и отвратительное. Мне кажется, я падал пол-ночи, но так и не достиг дна — то ли проснулся, то ли повернулся на другой бок.

Под самое утро, наконец, приснилось что-то глубоко детское, жалкое до слез, безвозвратное. Я понял, что что-то наиважнейшее ушло из меня, и я прежний окончательно пропал. С тем и проснулся. Это кончилась моя болезнь. Резкая яростная ясность, я весь слился в один комок решимости, цельный, как гипсовый пионер с горном.

На полтиннике я был третьим. Но мне и этого показалось мало. В командном зачете мы безнадежно оторвались от остальных. Безнадежно для них. Там началась грызня за призовые места — без нас. Тридцатка — это почти стрельба из пистолета. С той разницей, что стрела ранить не может, только убить. Наповал. И я бил наповал. На нашем щите трое из четверых — в лидерах. Мишень разнесли в клочья. Пришлось менять после шестого подхода, в середине дистанции. Меня это уже не могло остановить. Я закончил дистанцию первым, а в общем зачете вышел на шестнадцатое место. Если б не три завала на 90 метров!

Это смешно, но меня церемония награждения трогает почти до слез.

И расслабляет.

Ночь я спал, распустив детские юни, как убитый, в розовых соплих командной победы.

Тем более, что тренер опять почти ничего не сказал мне, лишь: «В плей офф попал и это главное, остальное — как сложится. Ты свое сделал.» Для него командный зачет — главный. Значит: не уволят и продлят контракт еще на год. А личный зачет — это уже поверх бутерброда колбасу класть.

От первого круга должно остаться 12. Я — шестнадцатый. Но шансы есть. Тем более, что я выснулся. И таких сладких снуей за ночь наглотался. А главное — вчерашний настрой гипсового пионера остался, только теперь я уже не гипсовый — я бронзовый, с барабаном и голыми коленками.

Так и стрелял — и видел себя со стороны бронзовым пионером с голыми коленками, из Артека, где я так никогда не был и уже не буду. Ну, и пусть!

Стрельбы закончились, но не для меня. 7-ое место. Совсем неплохо. От нашей команды осталось двое. Жаль, что не все трое.

От следующей серии должно остаться восемь. Я никого не боюсь!

А вот этого уже не ожидал никто.

Я попал в восьмерку. Под вторым номером. Один из нашей команды. Наш лидер сломался. Мне очень жаль его. Он очень хороший. И это — не его результат. Он шел на первое место, в крайнем случае — на призовое.

Никакого вечернего собрания не было. И тренер со мной ни о чем не говорил. И я никого не хотел видеть. И спать не хотел. Всю ночь шастал по мокрому парку, тупо сидел в холле. Иногда меня пробивала нервная дрожь, очень похожая на электрический разряд. Кажется, я так и не заснул — все пылало и искрилось во мне.

Пятое место. Я пошел к себе и с наслаждением смывал с себя накопившуюся энергию и возбуждение. Потом рухнул в бесконечном усталом сне.

Через час меня разбудили: лидера сняли с соревнований — на его оружии нашли незаконные дополнительные прицелы. Скандал, апелляция, но я должен быть готов к стрельбам немедленно.

Апелляцию отклонили.

Теперь нас на линии стрельбы четверо: три призера и один неудачник. Наверно, все считают, что неудачник — это я. Ну, и пусть. Если им так хочется. Мне так не хочется. И тридцать шесть стрел — вовсе не так уж трудно выпустить, если стрелять правильно и спокойно. Тут теперь самое важное темп: выдох-выцел-выпуск-вдох. Отдыхаем!, выдох-выцел-выпуск-вдох. Отдыхаем!, выдох-выцел-выпуск-вдох.

И не смотреть на табло: что там и кто там впереди. Это там, на табло. А здесь я один, передо мною мишень и никого рядом, до самого края света и обрыва глобуса в космос. Нет никого. И надо лишь соблюдать темп.

После стрельб — медкомиссия. До ее приговора никто ни во что не верит, ни в какие результаты.

У третьего места тест оказался положительным. Вот и неудачник. Но меня это уже не касается. Никак.

Меня вообще теперь ничего не касается, потому что очень хочу спать и почти засыпаю на руках тренера. Что было потом — не помню. Мне кажется, я все-таки спал во время награждения, что все — всего лишь мучительный и сладкий сон.

И, чтобы опровергнуть себя, я трогаю свою золотую медаль.

Владимир Матлин

ЭВРИДИКА, ЖЕНА ПОЭТА

– Не мешай, женщина. Не видишь, я занят?

Старик сидел на бревне, вынесенном на берег речным течением. Прямо на песке у его ног на куске ткани лежали несколько оливок, сыр, лепёшка и стоял глиняный кувшин. Старик явно собирался обедать.

– Прошу прощения, дедушка. Я хотела с вами поговорить... после, когда вы закончите еду. Ладно?

Старик поднял кувшин и сделал несколько глотков:

– О чём это нам с тобой говорить? – проворчал он, утирая рот тыльной стороной ладони. – Какие у нас дела могут быть?

Она присела на корточки рядом с кувшином и, понизив голос, быстро заговорила:

– Я знаю, что нельзя, но мне очень нужно, совсем необходимо! Я могу хорошо заплатить, у меня много денег. Я готова на всё. Очень прошу, умоляю!

Старик тяжело вздохнул и покачал головой.

– Чего ты спешишь? Ведь, в конце концов, ты там будешь, это уж наверняка. Все там будут. Чего спешить? Молодая – живи себе, радуйся.

– Не могу. Нет у меня в жизни радости без него. С тех пор, как он умер... – она в отчаянии схватилась за голову. – Пожалуйста, прошу вас, дедушка, окажите милость!

– Кто? Муж, что ли?

Она молча кивнула.

Он задумчиво пожевал лепёшку.

– Ты не понимаешь, на что идёшь. Они ведь сразу увидят, что ты к их миру не принадлежишь – и никто говорить с тобой не станет. Как ты его найдёшь, мужа своего?

– Это моё дело. Вы только сделайте своё – отвезите меня туда. А дальше я сама как-нибудь.

– «Как-нибудь»... – он усмехнулся. – Ну вот что. Ты сказала, что на всё готова? – Он вдруг взглянул на неё молодым пронзительным взглядом. – Ну тогда приходи попозже ко мне в хибару. Позабавь старика, а то вот живу какой год в одиночестве без женской ласки. А я, так и быть, возьму тебя за это с собой в ладью. Отвезу, куда просишься.

Она резко поднялась в полный рост, повернулась к нему, словно хотела что-то сказать, но сдержалась и обратила пылающее лицо в сторону, к реке.

– Что, не нравится моё предложение? – спросил старик, – Ну, как хочешь. Только ведь кроме меня на тот остров никто не плавает. Это ты понимаешь?

Она молчала, будто разглядывала тяжёлую поверхность реки. Чёрные волны медленно вздыхали, набегаая на песок. Не поворачиваясь к нему, она сказала:

– Ладно, приду.

Прямая натопанная дорога начиналась от реки и терялась где-то в глубине острова. Эвридика стремительно шагала вперёд, хотя не знала точно, куда ведёт эта дорога. Попасть на остров было со дня смерти мужа её главной целью, идеей фикс, целиком завладевшей всеми помыслами. А что будет там – об этом она не думала.

Да и думать не стоило: всё равно никто из живых людей понятия не имеет, что это такое – Остров Мёртвых.

Не укорачивая шага, Эвридика шла и озиралась вокруг. По обе стороны дороги высились голые скалы, напоминавшие формой гигантские кристаллы. Нигде ни деревца, ни травинки – сплошные камни. Лишь изредка попадались проросшие каким-то чудом без солнца и воды безжизненные белые цветы асфоделы – печальный символ грусти и траура. Но страшнее всего было посмотреть вверх. Небо отсутствовало, не существовало ни солнца, ни луны, ни звёзд. Вместо неба взгляд мог с трудом различить темно-серый свод земли, который отражал скудный мертвенно бледный свет, исходящий от белых скал.

Эвридика чутко прислушивалась, не прозвучит ли где-нибудь вдали знакомый прекрасный голос, не зазвонят ли струны золотой кифары.

Первых обитателей острова она увидела на дороге. Они медленно двигались в ту же сторону, что и она, вглубь острова. Завидев её, они, как ей показалось, с удивлением переглянулись. Она поняла, что имел в виду старый перевозчик: действительно, они сильно отличались от живых. Не люди, а тени людей. Их было пятеро или шестеро. Эвридика обратила внимание на то, что все они были одеты в одежду разных эпох: кто в хитоны и сандалии, кто в камзолы, кто в деловые костюмы европейских офисов. Они с нескрываемым удивлением смотрели на неё, и она не могла понять, какие чувства кроются за их удивлением. На всякий случай она поздоровалась. Они снова переглянулись и не ответили. Она прошла мимо.

Но ведь с кем-то из островитян придётся говорить, думала Эвридика, не сбавляя скорости. И вот она увидела тени двух мужчин. Они стояли на валуне у самой дороги и молча смотрели вдаль. По белым парикам и камзолам она определила XVII-XVIII век. Какая удача! Это время огромной популярности её мужа, да собственно говоря, и её тоже: об их любви было написано несколько опер.

Эвридика решительно приблизилась к ним.

– Прошу прощения. Не могу ли я обратиться с вопросом к почтенным господам? – спросила она с поклоном. В её культуре и в её время не были приняты поклоны с приседаниями, «книксен», но она училась в юности в институте благородных девиц и кое-что ещё помнила.

– С готовностью. Постараемся быть полезными, – ответил тот, что постарше. На латыни он говорил свободно, хотя и с сильным немецким акцентом.

– Я пришла в подземное царство, чтобы разыскать своего мужа. Он был знаменитый поэт, певец и музыкант, его имя Орфей.

– Орфей? Великий певец и философ? – не спросил, а вскрикнул тот, что моложе. – Орфей ваш муж? Значит вы Эвридика? Но тогда... позвольте, как это возможно? Ведь Эвридика умерла от укуса змеи, а её муж, Орфей, разыскивал её среди мёртвых.

– Мой коллега написал оперу на этот сюжет, – учтиво пояснил старший.

Эвридика кивнула головой и улыбнулась:

– Уважаемый композитор видимо использовал сюжет римского поэта Овидия. Но ведь римляне пересказывали греческие мифы на свой лад, как хотели. Да и почти каждый греческий миф существует в разных вариантах...

– Миф это миф, а перед нами живая женщина, которая разыскивает мужа, – вмешался джентльмен постарше. – Не будем же её убеждать, что она умерла, а можем, чем можем. Не так ли, дорогой Виллибальд?

Тот пожал плечами:

– Но чем мы можем помочь, дорогой Себастиан? Я ни разу не слышал, что Орфей находится здесь. То есть он конечно же здесь, раз его нет среди живых. Но я его не видел и не слышал его пения.

– О, пение его здесь неуместно, – вздохнул Себастиан. – Ведь он пел о радостях жизни, о любви. Здесь это не в моде.

– Но как же его разыскать? – со слезами в голосе спросила Эвридика. – Я ни за что не вернусь к живым людям без него!

Себастиан задумался:

– Ну, наверняка его может найти Аид, владыка царства мёртвых. Он всемогущ. Но захочет ли Аид помочь? Он ведь добротой не отличается, особенно по отношению к живым людям.

– Может быть, лучше обратиться к его жене, Персефоне. Она всё же богиня, и скорее захочет помочь живой женщине.

– Хорошая мысль, Виллибальд. – И Эвридике: – Их дворец отыскать просто: идите прямо и прямо, и наткнётесь на него. Здесь один дворец, не ошибётесь. Да, вот ещё что: когда будете говорить с Аидом, не называйте его Плутоном. Так его зовут римляне, а он недолюбливает римлян.

Эвридика продолжила путь. Неизвестно, как долго она шла: ведь время определяется по солнцу – утро, полдень, вечер – а солнца здесь не было. Вид дворца открылся неожиданно, за поворотом дороги. Эвридика остановилась, потрясённая его мрачной красотой. Кубической формы здание было сложено из огромных кристаллов горного хрусталя, тогда как архитектурные детали – башни, колонны, фронтоны, портал – сделаны из черного нефрита.

Во дворе и при входе никого не было, и Эвридика беспрепятственно вошла во дворец. Она сразу же оказалась в огромном полутёмном зале. Несмелые световые блики проникали внутрь помещения через полупрозрачные стены и потолок. Эвридика стояла, подавленная размерами зала, не смея сделать ни шагу.

– Кто такая? Зачем ты здесь? – донёсся до неё громовой голос. Ему вторило эхо в дальних углах дворца. Эвридика напрягла зрение и с трудом разглядела в середине зала возвышение, вроде сцены, и что-то черное на этом возвышении.

– Ты почему не отвечаешь? – снова прогремел голос. – Подойди ближе, чтобы мог тебя разглядеть.

Она подошла к возвышению и сделала самый глубокий «книксен», которому её научили в институте благородных девиц. Подняв глаза, она разглядела некое существо в кресле. Существо было одето в чёрную мантию, усыпанную изображениями черепов. Такой же череп существо держало в руке в виде скипетра.

– Моё имя Эвридика. Я родом из Фракии. Я пришла к тебе...

– Постой! Так ты, я вижу, живая? Живая? Как ты попала в моё царство, если ты ещё жива?

– О великий и могучий Аид! Я пришла, умолять тебя о милости...

Смех, подобный грому, потряс каменный дворец от нефритовых башен до основания.

– Что? Милость?.. Ха-ха-ха... У меня – милость?.. Ты не туда обратилась, за милостью тебе на небо... или куда там... Ты ошиблась этажом.

И он снова разразился громоподобным хохотом. Когда, наконец, раскаты смеха под крышей улеглись, она сказала:

– Я не призываю тебя к доброте и милосердию: я знаю, что тебя это только насмешит. Но подумай о своей выгоде. Я хочу предложить тебе отпустить со мной

моего мужа Орфея в мир живых. Ты, конечно, знаешь, что это он первый из всех поэтов и философов заговорил о превосходстве человеческой души над грубой плотью. Это он осудил вакханалию как разгул плотских вожделений

– Ну а мне-то что от того? Почему я должен его отпустить к живым? – донеслось с возвышения.

– Да потому что души без тела – это и есть твои подданные, обитатели твоего царства. Орфей восславил их в своих гимнах, и теперь миллионы его последователей, орфиков, совсем иначе относятся к смерти. Для них смерть это избавление от гнёта плоти и плотских желаний. Отправив Орфея в мир живых людей, ты дашь ему возможность и дальше распространять свои идеи. Что скажешь на это, великий и могучий?

Наступила долгая глухая пауза. Эвридика терпеливо ждала ответа, но вместо ответа до неё донёлся свистящий шёпот, явно обращённый не к ней:

– Что ты думаешь об этом?

Эвридика приподнялась на цыпочки и разглядела на возвышении рядов с тронном Аида другой трон, поменьше размером, на котором восседала необыкновенно красивой женщина, прекрасная, как богиня. Она и была богиня по имени Персефона, дочь Зевса. Тихим голосом богиня сказала:

– Осмелюсь заметить, мой дорогой муж, я вижу в этом смысл. Во всяком случае, стоит подумать.

Аид посопел, повертел в руках скипетр-череп и с натугой прохрипел:

– Эй ты, жена Орфея. Я должен подумать. Приходи позже, скажу тебе своё решение. А сейчас уходи.

Покинув дворец, усталая и голодная Эвридика присела отдохнуть, прислонясь спиной к огромному валуну, и сразу же уснула. Пробудилась она от лёгкого прикосновения – будто свежий ветерок прошёл по её волосам. Открыв глаза, она увидела Персефону. Богиня присела рядом и с улыбкой гладила Эвридику по голове.

– Ты, наверное, голодна, – сказала она, – ведь ты живая женщина и тебе нужно есть. А здесь, в подземном царстве, еды не найдёшь. Вот разве что корни асфodelы. Я их никогда не пробовала, говорят ужасная гадость, но у тебя выбора нет.

– А сама ты что ешь?

Персефона засмеялась:

– Мне есть не обязательно, я ведь богиня, а не человек. Я бессмертна по определению. Но тебе недолго здесь мучаться. Я убедилАиду отправить тебя с Орфеем обратно, наверх, к людям.

Со слезами на глазах Эвридика бросилась к ногам богини.

– О вседобрейшая! О богиня! Нет слов, чтобы...

– Да будет тебе!

– Недаром сказано, что ты владеешь вратами Аида.

– Кем сказано?

– Орфеем, кем же ещё! Он сочинил гимн богине Парсефоне. Ты не слышала?

Богиня покраснела и отвела взгляд:

– Знаешь, мы тут в такой глуши, так далеки от культурной жизни... Мне бы хотелось когда-нибудь услышать или прочесть этот гимн.

– Хоть сейчас, – воскликнула Эвридика. От её усталости не осталось и следа.

– Ты знаешь гимн наизусть?

– Конечно, как всё, что сочинил Орфей. Таков долг писательской жены. Вот слушай:

О, гряди, Персефона, рожденная Зевсом великим,
Единородная, жертвы прими благосклонно, богиня
Ты, животворная, мудрая, ты, о супруга Плутона,
Ты под путями земными владеешь вратами Аида,
О вседержащая дева, плодами обильная щедро
Смертным одна ты желанна в блеске прекрасном.

(Фрагмент. Перевод О.В. Смыки)

– Очень мило, – похвалила Персефона. – Впрочем, не мне судить: я здесь как бы заинтересованная сторона.

– Так где он, мой Орфей? Я хочу скорее обнять его! – от нетерпения она вскопчила на ноги.

Персефона вздохнула и отвела взор. Эвридика насторожилась:

– Ты что – не можешь его найти? Или ты передумала?

– Я не могу передумать, я профессиональная богиня, дочь Зевса, и должна выполнять свои обещания. А вот ты... ты уверена, что хочешь его видеть? Ты хорошо всё обдумала?

– Если бы ты, богиня, знала, чего мне стоило попасть сюда! Через что я прошла! Дрожь омерзения меня бьёт, когда я вспоминаю старика перевозчика... с его смрадным дыханием, его дряблым животом, его трясущимися от похоти руками... И я, ничуть не колеблясь, пошла бы на это опять, лишь бы увидеть моего любимого мужа.

– Садись, давай спокойно поговорим. – Персефона снова вздохнула и сочувственно посмотрела на Эвридику. – Ты говоришь: «хочу скорей его обнять». Но ведь это невозможно: он больше не человек, а тень. Обнять тень физически невозможно, поскольку тень не имеет плоти, понимаешь?

Поражённая Эвридика сидела молча с широко раскрытыми глазами, пытаясь осознать услышанное. Наконец, она проговорила:

– Всё равно я хочу встретиться с ним. Пусть я не смогу его обнять, но я буду слышать его пение. Это такое же наслаждение, как лежать в его объятиях.

– А ты уверена, что он будет петь? Здесь никто не поёт, не играет на кифаре, не сочиняет стихов. Почему? Я попробую тебе объяснить. – Она уселась поудобнее. – Как известно, человек есть соединение двух начал: материального и духовного. С давних пор философы связывали с духовным началом всё возвышенное и прекрасное в человеке, тогда как с материальным, физическим началом связывалось всё плотское, низменное. В основном, так оно и есть, но главное при этом понимать, что человеческая личность рождается и существует в единстве этих двух начал. Если их разделить, человеческая личность гибнет. Вот именно это и происходит в мире теней. Лишенная плоти тень перестаёт быть тем существом, которое мы именуем человеком. Без страсти, без темперамента, без бурных желаний – какое может быть творчество? Поэтому я сомневаюсь, что Орфей будет тебе петь, как в годы вашей счастливой жизни.

Эвридика какое-то время напряжённо думала, потом возбуждённо заговорила:

– Я уверена, богиня, что всё это правда. Однако вот что нужно принять во внимание. Аид отпускает Орфея со мной наверх, и там, в солнечном мире, он снова станет живым человеком, каким был раньше. Ведь так?

Персефона усмехнулась и пожала плечами:

– Так, если только он захочет вернуться в верхний мир. Впрочем, зачем нам спорить и гадать, давай его спросим.

С этими словами она хлопнула в ладони и приказала кому-то невидимому: «Орфея ко мне!»

И Орфей появился...

Боги Олимпа! Эвридика едва не лишилась чувств, когда в этой тени распознала постепенно проступающие черты своего мужа.

– Орфей! Мой любимый, мой единственный! Ты меня не забыл?

Он ответил ровным глухим голосом:

– Я тебя узнаю: ты была моей женой в прежней жизни. Тебя зовут Эвридика.

– Да, мы были супругами и мы были счастливы. Ты помнишь, сколько сладостных мгновений мы провели в объятиях друг друга? Ты помнишь пленительные песни, которые ты пел мне? Вспомни хоть одну, спой. Где твоя золотая кифара?

– Я давно перестал петь. Это бессмысленное занятие. Если человеку нужно что-то сказать, то он может говорить нормально, зачем петь? А кифару я где-то оставил, уже не помню где. Там наверняка и лежит, – кто её возьмёт, кому она нужна?

– Как ты можешь так говорить! Твоё пение дарило радость всей Греции. Люди тебя помнят, твои гимны распевают по всей стране. Пойдём со мной в верхний мир, там ты снова будешь счастлив и знаменит.

Ни один мускул не дрогнул на лице Орфея. Всё тем же бесстрастным голосом он ответил:

– Нет, я туда не хочу. Опять петь, надрыватьсья, опять сочинять стихи и гимны, всё время волнуясь, что кто-то это сделает лучше тебя. А известность, слава... не знаю. По-моему, быть знаменитым некрасиво, не это цель творчества. Да и встречаться с людьми небезопасно. Ты наверное знаешь, как я погиб.

– Много разных слухов ходит, не знаю, чему верить.

– Меня убили, да как жестоко...

– Кто? Кто посмел?

– Вакханки. Они всегда приходили слушать, когда я пел. А потом раздевались и танцевали вокруг меня обнажённые. Всё было как будто хорошо, но на самом деле их злило, что я не обращаю на них внимания. А я так любил свою прекрасную жену, что остальные женщины для меня как бы не существовали. Но вакханки такого довода не принимали, их ревность всё нарастала, и однажды они набросились на меня с криком «Женоненавистник! Женоненавистник!» И растерзали. Да, растерзали, как дикие звери. Вот к чему приводят людские страсти. Нет, я не хочу встречаться с эмоциональными детьми солнца, мне гораздо спокойнее здесь, в мире мёртвых, среди теней. А если ты хочешь жить под солнцем, возвращайся наверх. Но без меня.

И Эвридика вернулась в мир живых людей. Она ещё прожила много лет, сохраняя красоту и привлекательность, но замуж больше не выходила. Историю своего путешествия в царство Аида она никому не рассказывала: боялась, что её ославят лгунейей. Потому и остались в литературе несколько противоречащих друг другу мифов об Орфее и Эвридике.

Изабелла Мизрахи
ШЕЙМАС ХИНИ и ДЕРЕК УОЛКОТТ
В ПЕРЕВОДАХ
ИЗАБЕЛЛЫ МИЗРАХИ

ШЕЙМАС ХИНИ

Шеймас Хини родился в 1939 году в Северной Ирландии. Изучал английский язык и литературу в университете Квинс в Белфасте, преподавал в педагогическом колледже Сент-Джозеф. Позже, уже став знаменитым поэтом, читал лекции в Гарварде и Оксфорде. В 2003 году в университете Квинс открылся центр по изучению поэзии имени Шеймаса Хини.

Шеймас Хини был лауреатом многих литературных наград, в 1995 году был удостоен Нобелевской премии. Умер 30 августа 2013 года в Дублине.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРЕСЕЧЕНИЯ»

XXXIII

Стань на мгновение педантом и припомни,
как опустевший после смерти дом
ты обошел, спустился и уехал.

Полы в то утро были тверже, окна
прозрачнее и холодней, трава –
послушной ветру.

Или так казалось. И дом, что он построил,
еще устойчивей – «простой, просторный»,
как воплощенье строгости и меры,

упрек причудам вычурным, капризам,
как аргумент
рентгеновского снимка – телу.

ИЗ ЦИКЛА «ИЗМЕРЕНИЯ»

XLV

Для некоторых то, что написано, может сбыться.
Им следует селиться в отдалении,
возле устьев рек.

Таким, как мы, – не нужно. Им предстоит опять
вернуться в засуху, в их земной рай,
и счастливо есть лепешки, выпеченные из глины.

Другим, вероятно, тростник в дельте
и яркие морские птицы указывают путь.
Нам же – свечной нагар,

очертанья копоти и жар золы.
И судья, что ходит между нами.
И солнце – в столбе светящейся пыли.

XLVIII

Не странно ли, как все только что увиденное
кажется заранее известным;
и как все только что происшедшее

проявляется в лучах уже пережитого.
Быть может, на седьмом небе
обретешь, наконец, шестой орган чувств.

И если свет забрезжит предо мной,
как тогда, за Колераном,
посреди залива между двумя маяками,

когда ветер стал солоней, облака заторопились
и серебряная парча затрепетала на мачте,
в тот день я настигну всё, что от меня ускользнуло.

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ОСТРОВ

Однажды мы останемся здесь навсегда,
меж холмов голубых, берегов без песка,
где мы провели ту безумную ночь в молитвах.

Вот собрали мы хворост, сложили очаг,
и подвесили котелок, как небесную твердь,
а остров под нами качало волнами.

Земля, державшая нас, казалась устойчивой
только, если вцепиться в неё руками.
Я верю, что все это было пророчеством.

ВОСКРЕСЕНИЕ СУИНИ

Суини – герой саги XII века, король, потерявший
разум и странствовавший по Ирландии. Потеря
разума в древнеирландском языке обозначается
тем же словом, что и поэтическое вдохновение.

Разворошив ногой сырой песок,
собрал все силы, я полез наверх,
скользя по склону, на крутой курган.
И голова, как мокрый ком веревок,

раскручиваться стала, а с реки
сырой задувший ветер вдруг донес
какой-то новый горький аромат –
так пахнут по ночам прядильни льна.
Деревьев старых не было. Кусты,
казалось, нарисованы, и всё
терялось за изгибами тропы,
среди застывших островерхих крыш.

И вот теперь, опомнившись, стою
в толпе, поверившей моим словам –
случись им даже оказаться правдой.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛЛАНДА

В музее университета Аархуса выставлена голова
человека из Толланда, одной из мумий периода
раннего христианства, найденных в торфяных бо-
лотах. Благодаря особым свойствам почвенных
кислот, тела хорошо сохранились. Существует
предположение, что эти люди были принесены в
жертву каким-то богам.

I

Однажды приеду в Аархус
взглянуть на коричневый торф
его головы со стручками
набухших век и шпиль шапки.

В соседней равнинной стране,
где тело его откопали
с последней горстью семян,
запекшейся кашей в желудке,

нагим – только шапка и пояс,
петля, затянувшая шею.
Я буду там долго стоять.
Жених для богини,

в болото его на аркане
втащили –
гостить во владеньях её.
И соки впитав, его тело

хранилось как тело святого,
трофей собирателей торфа.
Теперь же лицо его в пятнах
покоится в нише музейной.

II

Я бы стал еретиком
и священную землю
называть рискнул болото
и молился бы ему,

чтобы воскресить смогло
мертвые тела рабочих
и старух, в чулках лежащих,
по дворам умолкших ферм,

да четверку младших братьев
с перебитыми костями,
чьи тела в ночных рубахах
волочили по земле.

ДЕРЕК УОЛКОТТ

Дерек Уолкотт, тринидадский поэт и драматург, родился 23 января 1930 года в Кастри на острове Сент-Люсия в семье учителей. В 1953 г. семья поэта переезжает на Тринидад, где Уолкотт учится сначала в колледже Санта Марии, а потом – в университете Вест-Индии в Кингстоне на Ямайке (1953), студентом начинает печататься. Получив литературную стипендию Рокфеллеровского фонда, работал в Нью-Йорке. Позднее стажировался и работал в Англии, впоследствии стал профессором Бостонского университета, где преподавал литературу и писательское мастерство.

Первые стихи Уолкотт напечатал собственноручно в 1948 и продавал на улицах Кастри. Первая книга «Посреди зеленой ночи: Стихотворения 1948...1960» (In a Green Night: Poems 1948...1960) вышла в 1962. Она засвидетельствовала, что житель архипелага стал вровень с наилучшими поэтами бывшей метрополии. Поэт пишет преимущественно на английском языке, а иногда прибегает к диалекту креолов.

Затем появились сборник «Отверженный» (The Castaway, 1965), автобиографическая поэма «Другая жизнь» (Another Life, 1973), книги стихов «Звёздно-яблочное царство» (The Star-Apple Kingdom, 1979), «Удачливый путник» (The Fortunate Traveller, 1981), «Середина лета» (Midsummer, 1984), Собрание стихотворений (Collected Poems, 1986), «Арканзасское завещание» (The Arkansas Testament, 1987).

В 1981 г. Д. Уолкотт получил грант «для гениев» (\$250 000) от Фонда Джона Д. и Кетрин Макартур.

В 1992 г. Дерек Уолкотту была присуждена Нобелевская премия «за блестящий образец карибского эпоса в 64 разделах». «Новый Омир» – величественное стихотворное произведение, путешествие по временам и пространствам, своего рода лирическое обозрение истории Вест-Индии в течение нескольких веков.

БЛЮЗ

Сгрудившись на крыльце –
ночь, как нагретый котёл –
пять или шесть парней,

свистнув, позвали меня.
Дружески. Я подошёл.
Кристофер или Мак-Дугал
стриг, вся в цепочке огней.

Летний парад. Или в честь
кого-то из святых. Я был здесь
в общем-то дома,
но мог бы быть «посветлей»
для негра. Не слишком и чёрен.
Я думал, мы все заодно:
кореец, ниггер, еврей,
ведь здесь же не Централ-парк.
Что, перебор? Наверно.
В игоге, жёлтому негру
наставили синяков.

Ох, в этой возне, испугавшись,
что кто-нибудь вытащит нож,
я бросил мой, купленный нынче,
цвета оливок пиджак
на столбик гидранга, и так
стоял и смотрел на стычку.
Друг друга они молотили.
Немало досталось им всё ж
от жизни, и чаще безвинно –
и чёрным, и этим латино.

Лицо в крови, зато пиджак –
оливковая ветвь – спасён
от пятен и от слёз.
По лестнице я еле вполз
и, растянувшись, вспомнил,
как болевщички подзуживали их
и чья-то мать кричала: «Терри!»,
а может: «Джекки, хватиг, дурачьё!»
Ну, что ты. Будет. В самом деле.
Любви им недодали. Вот и всё.

Знаешь ведь – не убьют,
просто играют так
дети Америки. Крут
норов их. А любовь –
запомни-ка впредь поверней:
если с этим туго, то и чёрт с ней!

ОКОНЧАНИЯ

Не взрываются вещи –
лишь сохнут и блекнут,
так свет выцветает на плоти,
так пену мгновенно вбирает песок,
даже молния страсти
не раздражается громом,

а с беззвучьем цветов
увядает, как кожа,

снятая пемзой.
Всё так и будет,

пока не услышим ту тишину,
что слышал оглохший Бетховен.

МОРСКОЙ ВИНОГРАД

Этот льнувший к свету парус
устал от островов,
блуждая в Карибах

в поисках пристанища, а может Одиссей
ищет свой дом в Эгейском море;
этот отец и муж

под сенью корявых ветвей кислого винограда
томится, как любовник, слышащий «Навсикая»
в каждом крике чаек.

И нет покоя. Древняя война
между страстью и долгом
не кончается, она всё та же

и для морского скитальца, и для тех
кто сейчас, отряхнув с сандалий песок, собрался домой,
ведь Троя уже отрыдала своё сожжение

и ослепший циклоп запустил валуном в залив,
подняв мощный гексаметра вал, дошедший до нас
мелким плеском уставшей волны.

Классики могут утешить. Но не слишком.

ТЕМНЫЙ АВГУСТ

Столько дождя, столько жизни, как в распухом небе
этого черного августа. Сестра моя, мое солнце, высиживает
что-то в своей желтой комнате и не показывается.

Все валится в преисподнюю, горы кипят,
словно чайник, реки выходят из берегов,
а она не поднимется, чтобы выключить дождь.

Она в своей комнате ласково перебирает старые вещи,
мой стихи, перелистывает альбом. Даже, когда гром
обрушивается грудой тарелок с неба,

она не выходит.

Разве ты не знаешь, что я люблю тебя, но не в силах
остановить дождь? Но я постепенно учусь

любить темные дни, дымящиеся холмы,
воздух, наполненный сплетнями комаров,
и потягивать микстуру горечи,

так что, когда ты появишься, сестра,
раздвигая бусины дождя –
цветы на лбу и прощенье в глазах –

все уже не так, но по-прежнему истинно
(видишь, они не позволят мне любить тебя, как хочу),
потому что тогда, моя сестра

я уже научусь любить темные дни так же, как ясные,
и черный дождь, и белые холмы,
как когда-то любил тебя и свою безмятежность.

ИТОГИ

Я живу у воды.
Один. Без жены и детей.
Я плутал по многим дорогам,
чтобы выйти сюда:

низкий домик у серой воды,
окна всегда распахнуты
на привычное море.

Не вольны выбирать себя,
мы – плоды наших дел.
Годы проходят, мы страхиваем страх,

но жажда преодоления остается.
Любовь – это камень,
лежащий на морском дне.

И теперь я не требую от поэзии
ничего, кроме искренности, –
ни жалости, ни славы, ни исцеления.

Молчаливая жена – с ней можно сидеть у серой воды
и оставаться скалой среди волн,
выносящих на песок мусор бездарности.

Мне следует разучиться чувствовать,
забыть свой дар.
А это труднее того, что называют жизнью.

Владимир Фромер ТОЛЯ

Я писал свои воспоминания об Анатолии Якобсоне вскоре после его трагической смерти. С тех пор прошло почти сорок лет. Но из глубинных недр памяти всплывает вдруг то, что казалось ушедшим навсегда. Все, что вспомнилось, я включил в эти старые записки о моем покойном друге.

ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ...

Исайя Берлин взял эпиграфом к своему эссе «Встречи с русскими писателями» слова Ахматовой: «Всякая попытка связных мемуаров – это фальшивка. Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы помнить все подряд. Письма и дневники часто оказываются плохими помощниками».

К этому я бы добавил, что мемуары вообще ущербный жанр, ибо человеку свойственно преувеличивать свою роль не только в жизни других людей, но и в мироздании.

Мои же воспоминания об Анатолии Якобсоне – не связные. Это субъективные заметки, писавшиеся в разные годы с единственной целью продолжить общение с ним, прервавшееся так внезапно из-за его преждевременной смерти...

Жалею, что не записывал его импровизаций. Лишь обрывки чего-то наплывут вдруг со дна памяти – и исчезнут, – как те огненные буквы, начертанные на стене невидимой рукой. Толины дневники, опубликованные через десять лет после его

смерти, оживили то, что укрыто в потаенных нишах памяти. Лишь тогда смутные обрывки стали более четкими и обрели хоть и расплывчатые, но все же устойчивые контуры.

* * *

Он был воспитан на русской литературе. Любил ее до полного самозабвения. Весь строй его души был сформирован ею. Но литература была для него не абстрактным понятием, а тем, чем является для растений чернозем, пропитанный влагой и питательными солями. Она включала весь окружающий мир, и вырванный из него, утративший точку опоры, он шел уже не прежней твердой походкой, а прерывистой и неровной, как Агасфер, гонимый непреодолимой силой. В том повинен презираемый им режим, лишивший его единственно возможной для него среды...

Он принадлежал к поколению, сформировавшемуся уже после сталинского «ледникового» периода и сумевшему избавиться и от гнета страха, и от равнодушия к творящимся вокруг мерзостям. Далось это нелегко и не сразу, и не все избавились. Но точка отсчета идет от лучших, а не от худших.

Общаться с ним было легко, ибо он никогда не злоупотреблял своим интеллектуальным превосходством. Даже люди, страдающие от душевной скудости или непоправимо обойденные жизнью, соприкасаясь с ним, забывали о своих комплексах. И хоть жил он на запредельных скоростях, ему до конца хватило взятого в России разгона. До конца сохранил он и способность интуитивно-безошибочного постижения сути вещей, часто встречающуюся там, – в покинутой им среде особого духовного накала, и столь редкую здесь. Но нигде не обрел он покоя, – состояния одинаково далекого и от радости и от горя.

Его книге «Конец трагедии» суждена долгая жизнь. Это книга о судьбе русской интеллигенции, о трагедии, постигшей русскую культуру. И одновременно – это одна из лучших литературоведческих работ о Блоке. Прочнейший сплав филологии и писательства, который не столь уж многим удавался до него. Шаг за шагом проследил Якобсон последствия обрушившейся на Россию катастрофы, и показал, что человеческая трагедия Блока как матрица накладывается на духовную трагедию русской интеллигенции.

И все же книга Якобсона не оставляет впечатления безысходности. Надежда для него и для нас, замороженных словесной магией и логическими построениями автора, кроется в предсмертных словах Блока: «Мы умираем, а искусство остается. Его конечные цели нам неизвестны, и не могут быть известны. Оно единосущно и нераздельно».

* * *

«Конец трагедии» я прочел в 1973 году, вскоре после выхода книги в издательстве имени Чехова. Слушал я тогда курс университетских лекций по теории литературы у Омри Ронена. С годами Ронен стал профессором Мичиганского университета, одним из лучших исследователей русского модернизма.

Маленький, рыжий, похожий на Азazelло, Омри как-то сказал:

– Якобсон приезжает в Израиль и будет преподавать на нашем факультете.

Мы с Сегалом все уже устроили.

Я удивился и обрадовался. И тут же спросил:

– А как тебе его книга?

– Литературоведческая часть безупречна, – ответил Омри.

А потом грянула война Судного дня. Две с половиной недели длились военные действия, но полгода еще Израиль и Египет, как два ковбоя, уже вложившие в кобуру пистолеты, зорко следили друг за другом, опасаясь пропустить зловещий блеск в глазах противника.

Первый отпуск мне удалось получить лишь весной 1974 года. Приехав в Иерусалим, уже не помню, где, кажется у Сегала, встретился с Омри Роненом. От него узнал, что Якобсон приехал, живет в центре абсорбции.

И вот мы поднимаемся по крутой лестнице. Я волнуюсь. Для меня Якобсон был не только автором замечательной книги, но и одним из творцов легендарной «Хроники».

Открыла Майя. Познакомились. Сидевший в кресле человек даже не повернул головы. Темные, аккуратно зачесанные назад волосы. Тяжелые, усталые губы. Неправильные броские черты лица. Но нет блеска в глазах, и веет от него холодной угрюмостью. Пили чай. Майя расспрашивала о войне. Толя не произнес ни одного слова, и я подумал, что он просто замкнутый человек, который не терпит контактов с людьми случайными.

Прошло три месяца. Был вечер. Я брел куда-то по одной из центральных иерусалимских улиц. Закатное небо зажигало крохотные малиновые искорки на матовой скорлупе фонарей. Вдруг ко мне, как сорвавшийся с привязи медведь, бросился какой-то человек и схватил за руку. Уходящее солнце било в глаза, и я не сразу разглядел его лицо.

– Ты тот самый солдат, который приходил ко мне и рассказывал о войне, – сказал он, и я узнал его. – Я был болен тогда. Не мог говорить. Но я все помню. А теперь я совсем здоров. Смотри!

И, чтобы продемонстрировать свое здоровье, он тут же попытался поднять за рессоры одну из стоящих у обочины машин.

Через пять минут я чувствовал себя так, словно мы были знакомы всю жизнь. Почти до рассвета пробродили мы по узким иерусалимским улицам, размахивая руками, перебывая друг друга. И почему-то значительной и важной кажется мне та наша встреча, хоть я и не помню уже, о чем мы тогда говорили. Может быть, потому, что в тот вечер почувствовал я в нем человека огромного дарования, любящего и страдающего.

Потом он приходил к нам чуть ли не каждый день. Дверь у нас обычно не запиралась, и он сразу врвался в комнату, заполнял ее собой, огромный, грузный и одновременно изящный и быстрый, как кавалер Глюк. К радости моего сына Амира, пушистым белым шаром вкатывался вслед за ним пес «Том с хвостом», всюду сопровождавший тогда хозяина. Осваиваясь, Толя ни минуты не сидел спокойно. Подходил к полке, снимал какую-то книгу. Читал вслух, тут же комментируя прочитанное. О чем-то рассказывал рокошущим громким голосом, одновременно разыгрывал со мной партию в шахматы. Наконец, надолго устраивался в своем любимом кресле, как путник, дождавшийся желанного отдыха.

Чувство юмора, без которого не существует полноценного человека, было у него отменное. Хвастался, что ему однажды удалось перешутить знаменитого московского острошлова Зяму Паперного, одарившего присутствующих свежеспеченным афоризмом: «Ум хорошо, а х... лучше». Толя мгновенно откликнулся: «Кто с умом да с х..., – два угодя в нем».

Любил острое словцо, хорошую шутку, соленый, но не скабрзный анекдот. Его шутки часто носили характер стихотворных экспромтов. Он даже изобрел новый жанр: – двустишие, в котором первая строка русская, а вторая ивритская. Как-то выдал, печально глядя на пустой фиал за накрытым столом: «Глаза косит, *нигмера косит*» – т.е. опустела рюмка.

Был добрым, тонко чувствовал чужую боль, чужое страдание. Но мог и вспылить, и нагрубить. Сам же страдал от этого, и мирился потом бурно, радостно.

Любил делать друзьям подарки. Ему нравился сам процесс дарения, приятно было доставлять людям радость. У меня висит подаренный им портретный силуэт Ахматовой. Ее медальный горбоносый профиль четко вырисовывается на фоне Невы и Петропавловской крепости.

К детям и женщинам относился бережно, по-рыцарски. Они это чувствовали и одаривали его привязанностью и любовью.

Когда я пересказал пятилетнему Амиру басню «Стрекоза и муравей», он спросил: «Папа, а правда, муравей был плохой?».

Якобсон сказал по этому поводу: «Как сильно развито в детях чувство справедливости и как жаль, что у большинства из них оно проходит, когда они вырастают».

Пил он много. Но в его пристрастии к алкоголю не было патологии. И в последние годы в России, когда он ходил по лезвию, и здесь, в Израиле, выпивка взбадривала его, помогала держаться. На самом же деле застолье ценил он больше опьянения. Однажды обронил, задумчиво вертя в руке только что опорожненную рюмку:

– Сколько я встречал людей угрюмых, неразговорчивых, которые, опрокинув стопку-другую, превращались вдруг из собутыльников в интересных собеседников.

Толя часто приходил ко мне с бутылкой арака, на этикетке которой были изображены два оленя. Он научился избавляться от невыносимого анисового запаха, выжимая в бутылку лимон. Попивая арак и двигая шахматные фигуры, мы обычно говорили о поэзии. Толя, разумеется, доминировал. Как же любил я ослепительные его импровизации. Однажды он застал меня за чтением Луговского.

– Тебе нравятся его стихи? – спросил Толя

– Нет, – честно ответил я, – разве что некоторые лирические, ну и «Середина века. Там есть гениальные фрагменты.

– Ну, это ты загнул.

– А вот послушай:

*Я знаю, ты хитришь, ты бедных греков
Кидал вперед, блистая медным шлемом,
А сам, с колена холодно прицелясь,
Метал в троянцев бешеные стрелы.
Я знаю, ты один видал Елену
Без покрывала, голую, как рыба,
Когда ворвался вместе с храбрецами
В Приамов польхающий дворец.
И ты хитро не взял ее с собою,
И ты хитро уйдешь в мою Итаку,
В свою Итаку, царь наш непорочный,
Единственный из мертвых нас свидетель,
Жестоких битв и горестных невзгод.*

– «Середина века», – сказал Толя, устроившись в своем любимом кресле-качалке и закуривая, – действительно вершина его творчества. Там есть, хоть и не

гениальные, но весьма яркие страницы, изумительные находки. Но все это ослаблено напыщенной риторикой, дешевым пафосом, мелкостью мысли, страхом поднаться над временем и эпохой и высказать о них опережающее суждение. Знаешь, я ведь был однажды у него в гостях, и он меня угощал не такой дрянью, – кивнул Толя на арак, – а французским коньяком.

– Ты никогда об этом не рассказывал.

– Да, как-то к слову не пришлось. Дело в том, что у меня был непродолжительный роман с его дочерью Милой. Она и пригласила меня в гости в дом, где жила вместе с отцом. Это был дом был почище иного музея. На стенках потрясающая коллекция оружия. Дамасские клинки, гурда и золинген. Старинные пистолеты. Какие –то удивительные маски и идолы Востока. Гравюры в палисандре и ампире. Мила привела меня в огромный отцовский кабинет, где находились штук десять шкафов с редкими книгами. Хозяин встретил нас радушно. Угостил отменным коньяком. Ну а разговор оказался коротким, незначительным. Я ведь был не первым ухажером его дочери, с которым ему приходилось знакомиться. Но вот внешность Луговского меня поразила.

– А правда, что у него были брови побольше чем у Брежнева.

– Брежневу такие и не снились. Не зря ведь Луговского называли «бровеносцем советской поэзии». Да и вообще внешность у него была по – былинному героической. Рост – под стать Маяковскому. Плечи – косая сажень. Голос – посуда в буфете дрожит. Героем же он конечно не был. Перед советской властью стоял в позе чего изволите. Ну и хватит о нем. Давай лучше Мандельштама почитаем.

* * *

– Толя, – сказал я как-то, – хочешь свежий литературный анекдот?

– Валяй, – оживился он.

– Два интеллигента входят в московский книжный магазин. Первый спрашивает: Может ли один человек нажить себе брюшко на дистрофии другого? – Ты о чем? – удивляется второй. – А вот, – и первый указал на толстенную книгу на прилавке: «Лева Задов. Жизнь и творчество Александра Блока».

Толя усмехнулся, раскуривая трубку:

– Ну, какой же это анекдот? Знал бы ты сколько этих трупоедов я перелопатил, работая над книгой о Блоке.

И тогда я задал вопрос, давно вертевшийся на языке:

– Толя, а почему ты в «Конце трагедии» полемизируешь с этими трупоедами? По-моему, это единственный недостаток твоей книги.

Он ответил сразу, не задумываясь:

– Я не мог этого избежать. И не с ними я полемизировал, а с силой, стоявшей за их спиной.

Его монументальной чеканки статья «О романтической идеологии» в первоначальном виде была лекцией, прочитанной в Москве, в школе для одаренных детей. Это о том, как поэты-романтики двадцатых годов взалхлеб славили карающий меч революции, ибо верили, что возвышенные ее цели оправдывают любые средства. Якобсон доказал, что психологическая атмосфера, без которой великий террор был бы невозможен, создавалась при активном участии «поэтов хороших и разных», «ваятелей красных человеческих статуй». Его работа, блистательная по глу-

бине анализа, выигрывает еще и благодаря мастерски подобранным цитатам из Багрицкого и Голодного, Ангольского, Тихонова и прочих.

– Толя, – сказала, – жаль только, что ты не упомянул вот эти строфы веселого, добродушного поэта, не имеющие, на мой взгляд, аналога в мировой литературе:

*В такие дни таков закон:
Со мной, товарищ, рядом
Родную мать встречай штыком,
Глуши ее прикладом.*

*Нам баловаться сотни лет
Любовью надоело.
Пусть штык проложит новый след
Сквозь маленькое тело.*

Он взерошил волосы и сказал с видимым сожалением:

– Забыл! Ну и черт с ним! Светлов, – и как человек, и как поэт, – был славным малым. К тому же стихотворение, которое ты цитируешь, называется «Песня». Он там признается в конце, – написал, мол, все это для того, чтоб песня получилась. – И помолчав, добавил: – Впрочем, другие тоже с самыми благими намерениями писали. А что вышло?

* * *

Анну Андреевну Ахматову он боготворил. Охотно говорил о ее поэзии, но не любил рассказывать о своих встречах с ней, считая это почему-то чуть ли не кощунством.

– Толя, – прошу, – расскажи про Анну Андреевну.

– Ну, что там рассказывать, – отвечает неохотно. – Разве можно описать, какой она была? Ну, любила хорошее вино. Я приходил к ней с бутылочкой, которую мы потихоньку распивали. Но так, чтобы нашего «загула» не видела Лидия Корнеевна Чуковская. Анна Андреевна побаивалась своего «капитана». Часто я просил: «Анна Андреевна, давайте почитаем стихи. Вы мне – Ахматову, а я вам – Мандельштама».

Впрочем, бывали у нас и «ахматовские вечера», когда мы говорили только о ней. Вернее, говорил Толя, а я благодарно слушал. Это он за год до своей смерти подарил мне ее книгу «О Пушкине».

Пушкинистские работы Ахматовой Якобсон расценивал по гамбургскому счету. Считал, что, полностью сохранив научность мышления, обязательную для исследователя, она с великолепной непринужденностью перешла грань, отделяющую литературоведение от литературы. Так возникла ахматовская проза, уникальная, как ее стихи, со скользящей ахматовской иронией, с победительным ритмом, величественным лаконизмом, обжигающей пристрастностью.

– Пушкин для нее никогда не умирал, – говорил Толя, – она знала его биографию со всеми ее причудливыми изгибами так же хорошо, как и его творчество. Она переживала пушкинские горести и печали, как свои собственные. Она остро, по-бабьи, жалела его за то, что он совершил роковую ошибку, женившись на предавшей его Наталье Николаевне. Анна Андреевна сама выбрала Пушкину жену. По ее мнению, идеально подходила ему Екатерина Ушакова, которая его любила, понимала и не предала бы никогда.

Как-то я спросил, как он относится к бытовавшей одно время версии о том, что в день дуэли у Дангеса под сюртуком была кольчуга, спасающая ему жизнь.

– Чепуха, – сказал Толя резко. – Анна Андреевна версию эту решительно отвергала, хоть и ненавидела Дангеса всей душой. Дангес подлец, конечно, но не трус. Дворянин, шуан, кавалергард и помыслить не мог ни о чем подобном. И дело не только в кодексе дворянской чести. Риск был слишком велик. А если бы об этом узнали? Дангес был бы тогда конченным человеком. Не только в России – везде.

Запись в дневнике 15.8.1974: *Ее последняя – и самая страстная в жизни – любовь: Исайя Берлин. Роман начался (и тут же кончился, он вернулся в Британию), когда ей было примерно 56 лет. Она считала, что он причина распятий 46 года.*

*За тебя я заплатила чистоганом.
Ровно десять лет ходила под наганом.
Ни налево, ни направо не глядела,
А за мной худая слава шелестела.*

Вся поздняя лирика Ахматовой посвящена И.Б. Она увиделась с ним в Лондоне за год до смерти. Что было за свидание? Что за разговор? Тайна. И останется тайной. Она любила его до последней секунды... Писала о своем тайном браке с ним, о браке, скрытом и от людей, и от Бога.

Судьба к человеку равнодушна. Она для него не делает абсолютно ничего. Человек же готов на все, чтобы его судьба выглядела величественнее, роскошнее, благороднее, чем это есть на самом деле. Сэр Исайя Берлин в этом смысле редчайшее исключение, ибо судьба сама добровольно пошла к нему в служанки. Он ради этого и пальцем не пошевелил. Она же до конца его долгой жизни продолжала осыпать его своими дарами. Берлин и кавалер самых почетных орденов, и лауреат всех мыслимых наград и премий. В коллекции его только Нобеля не хватает.

Принимая премию Иерусалима из рук мэра Тедди Колека, Берлин сказал: «По крови я еврей. По воспитанию англичанин. А по неистово-пристрастному отношению к культуре – русский».

Встреча Берлина с Ахматовой в ноябре 1945 года в Ленинграде стала самым пронзительным событием его жизни, и, как он сам отметил, навсегда изменила его внутренний кругозор. Именно эту встречу считал он ценнейшим даром судьбы. Посвящением же ему шедевров ахматовской лирики дорожил чрезвычайно, ибо знал, что из всех пропусков в бессмертие – этот самый надежный.

* * *

– Толя, – говорю после очередной партии в шахматы, – роман Анны Андреевны с «гостем из будущего» носил, разумеется, платонический характер. Он ведь запоздал с рождением. Был на целых двадцать лет моложе. И это досадное несоответствие...

– Ровным счетом ничего не значит, – перебивает Толя и надолго замолкает. Раскуривает трубку. Колеблется, продолжать ли разговор на столь щекотливую тему. Но продолжает. – Анна Андреевна из тех женщин, что не имеют возраста. Те, кто знали ее в те годы, говорят, что она все еще была очень хороша. Но мы не имеем права рассуждать об этом. Скажу только, что возникновение Берлина среди «мрака и ужаса» тех дней она восприняла как настоящее чудо. Он же сразу понял, насколько

она неповторима и замечательна, и этого ничто не могло изменить. Стерлись грани между мыслимым и немислимым. Оба всю жизнь ждали чего-то невыразимого, какого-то невероятного потрясения. В царстве, которым правил всемогущий упырь, Берлин встретил гонимую, преследуемую королеву. Прекрасную Даму, олицетворявшую скорбь и гордость. Ту самую, которую всю жизнь искал Владимир Соловьев и воспел Блок. Это не они нашли друг друга, а их души, вступившие в небесный брак... Анна Андреевна не пожелала встретиться с ним, когда он вновь приехал в Россию в 1956 году, потому что Берлин к тому времени успел жениться. Для нее это было равнозначно осквернению тайнства их отношений. А, может, потому с ним не встретились, что стала уже грузной, расплывшейся, и не хотела, чтобы он такой ее запомнил. Факт, что женитьба Берлина не помешала их встрече в Лондоне за год до ее смерти...

В той же дневниковой записи 15.8.1974: *Мария Петровых не оценила Мандельштама как поэта только потому, что он за ней так энергично ухаживал, а она его – как мужчину – не воспринимала. Был у нее роман с Пастернаком в Чистополе. А потом насмерть полюбила Фадеева.*

Марию Сергеевну Петровых Яacobсон высоко ценил и как человека, и как поэта. От него я узнал, что стихотворение Мандельштама «Мастерица виноватых взоров» – шедевр русской лирики всех времен – посвящено ей. На мой недоуменный вопрос: как же она могла не отдать должное такому поэту, Толя, усмехнувшись, ответил именно так, как записано в его дневнике:

– Могла, потому что не воспринимала его как мужчину. И до лампочки ей была вся его гениальность. Женщины ведь любят не за что-то, а почему-то.

Запись в дневнике 12.8.1974: *Эпизод с чемоданом (пусть немец несет) – «А. Солженицын. Архипелаг Гулаг». Нечего валить на офицерскую школу, нечего валить на советскую власть. Вы по природе своей – танк, но очеловечиваетесь постепенно. Желаю дальнейших успехов на этом поприще.*

А.А. рассказывала мне. Исачик пришел и прочел свои стихи (она мне: «вириши»). Она: «Не кажется ли вам, что в поэзии должна быть какая-то тайна?». Он: «А не кажется ли вам, что в вашей поэзии чересчур много тайны?»

– Лишь советский жлоб мог сказать А. А. такое, – негодовал Толя, вспоминая этот эпизод. – Солженицын не понимал, что поэзия и проза абсолютно разные вещи. Толстой в юности тоже писал стихи, но ведь Фету их не показывал.

Прозаическая «продукция» Солженицына тоже оставляла Толю равнодушным. Безоговорочно принимал он только «Архипелаг Гулаг».

– Тебе не кажется, – спросил я как-то, – что получи Солженицын Ленинскую премию за «Ивана Денисовича», – и стал бы он преуспевающим, слегка фрондирующим советским писателем? И не было бы ни «Архипелага», ни Нобеля, ни высылки.

– Нет, – с ходу отмел Яacobсон. – Солженицын еще с лагерных времен ощущал в себе пророческий зуд. Он все равно попытался бы влиять на режим. А поскольку любая эволюция с этим режимом несовместима, то и конфронтация его с Солженицыным была неизбежной. Он обронил где-то в «Теленке»: «Я – меч в руках божьих». Кредо – жутковатое, освобождающее человека от нравственного самоконтроля...

С Лидией Корнеевной Толя дружил, переписывался, часто звонил ей в Москву. Иногда из моего дома. На моих глазах пробежала между ними «черная кошка»:

– Прощайте, Лидия Корнеевна, – сказал он сдавленным голосом, бросил трубку и, даже не взглянув на меня, выскочил из дома с такой быстротой, словно за ним гнались фурии.

Толя, как оказалось, пытался убедить Лидию Корнеевну в том, что человек, пользующийся ее безусловным уважением и доверием, этого не стоит. Но разве можно добиться такого на разделяющем расстоянии в тысячи километров?

Из современных поэтов Якобсон выше всех ставил Давида Самойлова, близкого своего друга, и сердился на меня из-за прохладного отношения к его музе. Пытаясь меня переубедить, Толя часами читал влух его стихи. Слушал я охотно, но оставался при своем.

Как, впрочем, и Якобсон в оценке Бродского. Его стихов после 1968 года не любил. Не принимал. Я спорил до хрипоты, убеждал, доказывал.

– Ну, прочти влух стихи, которые тебя особенно впечатляют, – предлагал он. Я читал. Он морщился:

– Вместо поэтики движения – риторика, ораторство. У него форма управляет воображением, а дело ведь не в технике, пусть даже восхитительной. Нет у него прозрений, без которых не может быть великой поэзии. Ну-ка прочти еще раз это вот, любимое твое: «На смерть друга».

Стихи он всегда слушал внимательно, даже если они ему не нравились. С чуть насмешливой улыбкой сказал:

– Ритмическое облачение великолепно. Стих течет, переливается, искрится, держится на одном дыхании. Но, скажи на милость, как понимать вот эти строчки: «где на ощупь и слух наколол ты свои полюса / в мокром космосе злых королюков и визгливых сиповок»? Что такое королек, знаешь? А сиповка? Нет? Я так и думал. Женские гениталии на блатном жаргоне. Так к чему вся эта риторика?

Дневниковая запись 21.12.1977: Пастернак и Мандельштам – вершины метафорического письма и его преодоление. Ахматова – сплошное преодоление. Бродский – его декаданс. Поначалу в ярко талантливом проявлении; чем дальше, тем больше в виде собственного упадка. По слабющим следам Бродского, зверя сильного, идут шакалы, пожирющие его отбросы, отходы, затем извергающие их в виде собственного творчества (не такова ли вся ленинградская молодая плеяда? И молодая Москва небось не чище. Стервятники.)

Незадолго до смерти он, продолжая наш незавершенный спор, прочитал мне отрывок из последнего письма Лидии Корнеевны. Цитирую по памяти, но за смысл – ручаюсь: «Не понимаю, что сделало Бродского первым поэтом своего поколения. Почему во многих интеллигентных домах Москвы и Ленинграда висят его портреты. Передо мной лежат четыре его сборника. Мне его стихи кажутся на грани гениальности и графомании. Разъясните, пожалуйста, в чем тут дело».

– Ну, – спрашиваю, – и что же ты ей напишешь?

– А то и напишу, что грань перейдена, только не в ту сторону, – сердито ответил Толя.

* * *

Поэтом-переводчиком он был превосходным. Стихи Лорки, Эрнандеса, Готье, Верлена в его переводах равнозначны подлиннику. Якобсон изумительно чувствовал взаимосвязи между звуковым обликом и тематикой, между пульсирующим движением стиха и смыслом, и воспроизводил их с блистательной виртуозностью.

Он находил точные языковые эквиваленты для передачи тончайших особенностей оригинала: тональности, регистра речи, образности, ритма, колорита и т. д.

Как-то рассказал я ему, как искал Апта, – великолепного переводчика европейской прозы. Дело в том, что роман Томаса Манна «Иосиф и его братья» поразил меня не только сам по себе, но еще и мастерством перевода.

Апт добился настоящего чуда. Воссоздал до мельчайших деталей величественный собор Манна, используя совсем иной строительный материал. Вот я и решил, что тот, кто так владеет языковыми ресурсами, обязательно должен сам творить. Занялся поисками – и нашел аптовское оригинальное «творение». В библиотеке Иерусалимского университета оказалась его книжка «Жизнь и творчество Томаса Манна». Уже одно название не сулило ничего хорошего. Так и оказалось. Я открыл ее – и похолодел. Мертвые слова не давали ни малейшего понятия об истинных возможностях этого человека.

– Да, – сказал Толя, – есть люди, которые могут творить, лишь когда ими руководит чужая воля, помноженная на талант и воображение. А я в поэзии – чем не Апт? Ты, например, в восторге от моих переводов. И не только ты. А вот собственного поэтического голоса у меня нет. Хорошо хоть, что это не главное занятие в моей жизни...

В Израиле Якобсон только один раз вернулся к любимой когда-то работе. По моему подстрочнику перевел он стихотворение Мицкевича «К русским друзьям». И как перевел!

С риском быть обвиненным в тщеславии, отмечу, что эта Толина работа посвящена мне. На переводах посвящение не ставится. Это – невидимый орден. Носить нельзя, а гордиться можно.

К РУССКИМ ДРУЗЬЯМ

*Вы – помните ль меня? Когда о братьях кровных,
Тех, чей удел – погост, изгнание и темница,
Скорблю – тогда в моих видениях укромных,
В родимой череде встают и ваши лица.*

*Где вы? Рылеев, ты? Тебя по приговоре
За шею не обнять, как до кромешных сроков, –
Она взята позорною пенькою. Горе
Народам, убивающим своих пророков!*

*Бестужев! Руку мне ты протянул когда-то.
Царь к тачке приковал кисть, что была открыта
Для шпаги и пера. И к ней, к ладони брата,
Пленённая рука поляка вплоть прибита.*

*А кто поруган злей? Кого из вас горчайший
Из жребиев постиг, карая неуклонно
И срамом орденов, и лаской высочайшей,
И сластью у крыльца царёва бить поклоны?*

*А может, кто триумф жестокости монаршей
В холопском рвении восславить ныне тщится?*

*Иль топчет польский край, умывшись кровью нашей,
И, будто похвалой, проклятьями кичится?*

*Из дальней стороны в полночный мир суровый
Пусть голос мой предвестьем воскресенья
Домчится и звучит. Да рухнет льда покровы!
Так трубы журавлей вещают пир весенний.*

*Мой голос вам знаком! Как все,дохнуть не смея,
Когда-то ползал я под царскою дубиной,
Обманывал его я наподобье змея –
Но вам распахнут был душою голубиной.*

*Когда же горечь слёз прожгла мою отчизну
И в речь мою влилась – что может быть нелепей
Молчанья моего? Я кубок весь разбрызну:
Пусть разъедает желчь – не вас, но ваши цети.*

*А если кто-нибудь из вас ответит бранью –
Что ж, вспомню лишний раз холопства образ жуткий:
Несчастный пес цепной клыками руку ранит,
Решившую извлечь его из подлой будки.*

Тут опять не избежать отступления.

Якобсон не был пушкинистом. Сфера его литературоведческих интересов ограничивалась двадцатым веком. Но любовь к Пушкину – та самая лакмусовая бумажка, по которой безошибочно узнаешь российского интеллигента, – была у него в крови.

Все пушкинское знал превосходно. Читал его всю жизнь, говорил, что никогда не надоедает. Однажды я пожаловался, что не могу разгадать цензурную загадку в стихотворении «П.Б. Мансурову».

Павел Мансуров, приятель Пушкина еще с лицейских времен, офицер конноегерского полка, был влюблен в воспитанницу школы благородных девиц Крылову. Строгие нравы этого заведения препятствовали интимной близости, и Пушкин утешает приятеля:

*Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
И раздвинет.*

– Толя, говорю, не могу найти выброшенного цензурой слова. Что раздвинет? Тут какое-то ритмическое прокрустово ложе. Мое скудное воображение бессильно.

– Ты не там ищешь, – засмеялся Якобсон. – Не что, а чем. Цензура выбросила невиннейшее слово «пальчиком», потому что оно придавало концовке стихотворного послания совсем уж неприличный смысл.

Наши литературные разговоры часто шли по пушкинской орбите.

Меня же тогда интересовали сложные отношения Пушкина с Мицкевичем. Я даже написал довольно обширную работу на эту тему, затерявшуюся в кутерьме и неустроенности последующей моей жизни. А жаль, потому что запечатлелся в ней

отголосок тогдашних наших бесед. После стольких лет я могу лишь весьма отдаленно восстановить их содержание и тональность: дружба двух великих славянских поэтов – сказочка, придуманная советскими литературоведами.

Пушкин ставил Мицкевича как поэта выше себя, восхищался его импровизаторским даром. Импровизатор не творит, а растворяется в неземной силе, говорящей его устами, что воспринималось Пушкиным как высшая и чистейшая форма поэзии.

Но к 1828 году, на который выпадает их основное общение, Пушкин еще не распрощался с безумствами своей юности, цеплялся за нее – уходящую. Его тяготила нравственная безупречность Мицкевича, его мрачная духовная мощь. В польском поэте было что-то от пророка, а пророки мрачны, ибо души их улавливают из будущего тревожные импульсы.

Импровизатору в «Египетских ночах» Пушкин придал черты Мицкевича, – и какой же он там неприятный. К тому же Мицкевич, всецело поглощенный национальной идеей, отличался особой цельностью, основанной на единой внутренней системе виденья. Пушкину подобная цельность была чужда. В его светлом даровании, настезь распахнутом перед многоголосием мира, нет ничего пророческого. И если Мицкевич – воплощение эпичности, то Пушкин – гармонии. Сфера первого – мысль. Сфера второго – чувство.

Чувство и сблизило поэтов. Оба увлеклись польской красавицей Каролиной Собаньской, – женщиной с «огненными глазами». Друзья называли ее «демоном». Друг Пушкина Соболевский говорил, что была в ней какая-то странная томительная истома, превращавшая мысль о возможности обладания этой женщиной почти в наваждение. Собаньская не упустила случая увенчать список своих побед именами двух великих поэтов. Оба обессмертили ее своими стихами. Оба чувствовали в ней какую-то тайну, которую им не суждено было разгадать.

Тайна раскрылась после революции, когда стали доступными для исследователей архивы царской охранки. Выяснилось, что Собаньская была штатным агентом Бенкендорфа и снабжала третье отделение доносами на своих ближайших друзей, в том числе и на Пушкина с Мицкевичем.

Общение славянских поэтов шло в двух плоскостях: поэтической, – Пушкин даже перевел несколько стихотворений Мицкевича, и чувственной, – страсть обоих к «демону».

В 1829 году Мицкевича выпустили из позолоченной петербургской клетки, и он уехал за границу. Потом грянуло польское восстание, жестоко подавленное. Пушкин, вообразивший на какое-то время, что поэт обязан быть «рупором народным», лягул падшую Польшу в двух стихотворениях: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Для Мицкевича не прошло незамеченным это глумление над его отчизной, что и отразилось в стихотворном послании «К русским друзьям».

Мицкевич прямо имени Пушкина не упоминает, но тот имел все основания отнестись на свой счет хотя бы вот эти две строчки: *«А может, кто триумф жестокости монаршей / В холмоком рвении восславить ныне тщится?»*

Никто и не тщился, кроме Пушкина...

Общение Пушкина с Мицкевичем перешло в дальнейшем в сферу политическую, хоть и выражалось поэтическими средствами.

Концовка стихотворения Мицкевича исключала возможность прямого ответа, и Пушкин отвечает ему косвенно, в «Медном всаднике», где полемизирует с оценкой исторических перспектив России, содержащейся в «Дядях».

Нравственная позиция Мицкевича была неуязвима. Пушкин это понимал. Но упрек Мицкевича сидел в нем, как заноза, от которой следовало избавиться. Это произошло лишь в 1834 году, когда Пушкин создал стихотворный набросок «Он между нами жил», завершающийся так: «– *Но теперь / Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом / Стихи свои, в угоду черни буйной, / Он напоет. – Издали до нас / Доходит голос злобного поэта, / Знакомый голос! Боже! Освятит / В нем сердце правдою твоею и миром / И возвратит ему.*»

– Как жаль, что стихотворение осталось незаконченным, – сказал я. – Что «возврати»? Что имел в виду Пушкин? Тут – обрыв.

– Оно закончено, – возразил Толя. – Пушкин просто не хотел повторять то, что уже написал в «Борисе Годунове»: «*Да ниспошлет Господь любовь и мир / Его душе страдающей и бурной.*» Пушкин, конечно же, понимал правоту Мицкевича, и, упрекая его, на самом деле упрекал себя. Ведь это он, в «угоду черни буйной», «ядом напоил» свои антипольские стихи. Ты знаешь мое отношение к Пушкину, но в их споре я целиком на стороне Мицкевича. Да и Пушкин, по сути, был на его стороне, – быть может, сам того не сознавая.

«Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» – далеко не лучшие пушкинские творения. А вот «К русским друзьям» – шедевр европейской лирики. И я обязательно переведу Мицкевича, как только получу от тебя подстрочник. Не оставлять же в хрестоматиях перевод Левика.

Перевод, о котором упоминает Якобсон, действительно считался хрестоматийным в Советском Союзе, хоть Левик и не удалось воспроизвести ритмическую поступь и интонационную динамику оригинала. Местами он даже умудрился исказить ход мысли автора. У Мицкевича сказано: «...*katwa ludom, co swoje morduja progoki...*». (Дословно: «...проклятье народам, убивающим своих пророков»). А Левик переводит: «проклятье палачам твоим, пророк народный», не только упрощая, но и искажая Мицкевича. Перевод же Якобсона – не слепок с оригинала, а живое воспроизведение, пусть и не воссоздающее в мельчайших деталях каждую подробность подлинника, зато обладающее теми же качествами.

Завершив работу над переводом Мицкевича, Якобсон еще успел отправить его в Москву Лидии Корнеевне, мнение которой ценил чрезвычайно. Оценка Л.К. его обрадовала, хотя ее критических замечаний – не принял, и продолжал считать строфы о Рылееве и Бестужеве своей творческой находкой.

Чуковская писала: «Итак, о Мицкевиче: прочла Ваш перевод. Он замечателен богатством словаря академического и переводческого; такие словесные находки, как «погост», «череда», и «срам орденов» (браво!), «вещают пир». Да и кроме словесного богатства – поступь стиха передает величие, грозность. Но и недостатки представляются мне существенными. Две ударные строфы: о Рылееве и Бестужеве, не ударны, не убедительны, потому что синтаксически сбивчивы. «Рылеев, ты?» Найдено очень сердечно, интимно, а дальше – «она (шея) взята позорною пенькою» – сбивчиво, и вся строфа искусственна. То же и Бестужев. Даже до смысла я добралась не сразу, запутавшись в руке и кисти, тут синтаксис нарушен, то есть дыхание. ...Перевод Левика ремесленная мертвечина, механическая. Вы его кладете на обе лопатки. Рядом с Вашим он похож на подстрочник».

23 февраля 1842 года друг Пушкина Александр Тургенев, брат «хромого Тургенева» из декабристских строф «Онегина», записал в своем дневнике: «На последней лекции я положил на его (Мицкевича) кафедру стихи Пушкина к нему, назвав их “Голос с того света”».

Этот список стихотворения «Он между нами жил» с надписью Тургенева хранится сегодня в музее Мицкевича в Париже.

Так уж получилось, что надпись эту, – «Голос с того света» – можно отнести и к переводу стихотворения «К русским друзьям», сделанному Анатолием Якобсоном незадолго до смерти.

* * *

Знакомых у него была уйма. А вот друзей близких здесь, в Израиле, не так уж много. До конца близким человеком была его первая жена Майя. Привязан он был к Володе Гершовичу, которого знал еще по той, московской жизни.

Был у него «медовый месяц» с Эли (Ильей) Люксембургом. Помню, пришел – и с порога:

– Илья написал крепкий рассказ «Боксерская поляна». – В глазах светилась радость за товарища.

А однажды явился какой-то странный:

– Я сейчас с Ильей дрался, – говорит.

– Как – дрался?

– А так. Предложил ему подержать меня на лапах. Побоксировать. Ну, надели перчатки. Работаем в салоне. Все нормально. Вдруг Илья – бац, бац – наносит несколько молниеносных ударов поверх моих перчаток. И смотрит с любопытством. Как, мол, прореагирую? Кровь бросилась мне в голову. Ладно, думаю, минуты две продержусь. И ринулся в рубку. Картины полетели. Ханка завизжала.

– Ну и дальше что? – спрашиваю. Мне уже интересно.

– Илья, конечно, не провел знаменитого своего апперкота, – с каким-то даже сожалением говорит Толя. – Прекратил бой.

Так рассказывал московский боксер-второразрядник Анатолий Якобсон о единственном своем бое в Израиле. И не с кем-нибудь, а с самим Ильей Люксембургом, мастером спорта, полуфиналистом Союза, встречавшемся когда-то на ринге со знаменитым Агеевым.

Потом их дружба пошла по ухабам, опрокинулась, разбилась. Но пусть лучше об этом скажет сам Эли Люксембург:

«Первый серьезный разрыв у нас вышел из-за «Прогулки в Раму». Он был первым читателем этой вещи. Я вообще отдавал на его суд – последний и первый, все, что шло у меня в ту пору.

Меня удивила его оценка. Абсолютное неприятие, я бы сказал – генетическая ко мне враждебность: «Ты этот рассказ не должен печатать, ты лучше его порви. Вся идея его антигуманная, фашистская. Я только не понимаю, как ты его написал, именно ты!»

Я что-то ему возражал. Что выразил этой вещью многую муку, многую боль, что схоронил этим многих своих чертей, мучавших совесть – изгнал их и выдрал. Что больше там нет ничего. Больше там нечего ему искать. ...Уже тогда я все понимал: моя духовная биография, возвращенная на повелениях и предсказаниях наших пророков, чье исполнение состоялось на мне, на нашем с ним поколении, моя мораль столкнулась с его моралью – русского демократа, всосавшего в себя чуждые мне соки православной религии, и вот на этом стыке возникла искра, яркая вспышка. И эта вспышка доводила нас обоих впоследствии до бешеной ярости».

Толя не принял узловую идею рассказа «Прогулка в Раму». Автор размышляет там о последствиях непослушания царя Саула воле Господней, возвещенной

ему пророком Самуилом: «Иди и порази Амалека и истреби все, что у него – от мужа до жены, от отрока до младенца, от вола до овцы». Саул же и народ пощадили Агага, царя амалекитян. А тот, прежде чем убил его Саул по настоянию Самуила, успел познать женщину, и от семени его пошли зачатые враги Израиля. Злокозненный Аман, например.

По Люксембургу, все наши беды – от своеволия, оттого, что киклойой скептицизма нашего мы волю Господа проверяем, – а это грех наказуемый. Ибо ведает Он, что творит, а мы – не ведаем.

Якобсон же размышлял подобно Саулу, который, согласно Агаде, воззвал к Вседержителю: «Господи! Если погрешил человек, чем повинно животное? Если грешны взрослые люди, чем дети виновны?»

Люксембург, однако, не прав, утверждая, что Якобсон «всосал» чуждые соки православной религии. Христианство Толо интересовало лишь как компонент европейского культурного мегаполиса. Иудаизм был ему несравненно ближе.

Запись в дневнике от 28.3.1978: *Католическая церковь: нет спасения вне церкви. Талмуд: у праведников народов мира есть доля в загробном мире. Отмечу, что благородно – демократическая традиция в иудаизме, безусловно, фундаментальна: «любви труд и ненавись барство» (Талмуд, Поучения отцов, гл. I. 10).*

Иное дело, что Толя был сомневающимся атеистом.

Запись в дневнике 21.8.1974: *Бог. Сперва: нет; потом: может быть, есть; теперь: «может быть» еще сильнее. Но верующим не стал и не стану.*

Для истинно верующего еврея каждое слово в Библии священо. Неверующий же найдет сколько угодно поводов, дабы усомниться в ее божественном происхождении. И действительно, чего там только нет: и истребление младенцев, и уничтожение под корень целых племен, и ложь, и клятвопреступления, и прелюбодеяния, и братоубийство. Но все грубое, плотское, земное растворяется в небесном свете, пронизывающем священную книгу. Для того, чтобы это почувствовать, совсем не обязательно быть верующим.

Якобсон высказывался на эту тему примерно так:

– Если Бог существует, то Он абсолютно непостижим для человеческого разума, ибо ущербное не может постичь совершенства. Люди в состоянии мыслить о Нем только в категориях персонификации. Он должен восприниматься как личность, чтобы к Нему можно было возносить молитвы. Пусть всеобъемлющая, всеблагая, совершенная, вечная, бесконечная, – но личность. Ведь если это не так, то и молиться некому. С другой стороны, и Он, вступая в общение с нами, должен снижаться до примитивных наших понятий и представлений. Иначе как Его поймут?

Ну а личности, будь она даже первоосновой всего сущего, можно противопоставить другую личность.

Запись в дневнике 20.12.1977: *Мне бы мимо Господа Бога как-нибудь стороной пройти. Я его не знаю, не ведаю – и ему бы, благодетелю, про меня забыть: не казнить, не жаловать. Он сам по себе, я сам по себе. Так бы всего душевнее.*

Любил он и Гришу Люксембурга, брата Эли, барда и поэта, за по-детски чистое восприятие мира и жизни. Гриша, когда его призывали на сборы, брал Толо с собой. Никаких проблем не возникало, потому что его и там все любили. Толя возвращался посвежевший, поздоровевший. С гордостью рассказывал всем, что был в армии. ЦАХАЛ считал удивительным инструментом, созданным еврейским гением.

* * *

Дурное предчувствие сбывается, когда причина его – тревожный сигнал из будущего, случайно воспринятый душой.

Летом 1976 года на военных учениях в Негеве странное чувство обреченности вдруг овладело мной. Это длилось несколько дней и было похоже на смертную истому. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного. Мне было до жути ясно, что моя смерть – здесь, за ближайшим барханом, в том уже подступающем будущем, которое вот-вот исчезнет для меня.

Помню порывистый ход бронетранспортера, свирепое солнце, звон жары и онемевшие мои пальцы на рукоятке пулемета. Потом удар – и провал – в небытие.

Очнулся я уже в больнице. Левая рука, прикрывшая бок, и принявшая на себя всю силу удара, висела на коже. Перерубленные ее кости спасли мне жизнь. Операцию сделали сразу, хоть я все еще был в болевом шоке. А когда отошел наркоз, то первое, что увидел, было встревоженное Толино лицо. В палату никого не пускали, но он прорвался.

– Тебе сейчас нельзя, – сказал он торопливо. – Потом подлечишься. – И неловко сунул мне под подушку бутылку бренди.

* * *

«К предательству таинственная страсть, друзья мои, туманит ваши очи», – процитировал я Ахмадулину, когда мы говорили о Сергее Хмельницком. Меня интересовала эмбриология предательства. Этот бывший Толин товарищ, археолог и поэт, оказался стукачом, посадившим нескольких своих друзей.

– Да ничто ему глаза не туманило, – сказал Толя с явной неохотой. – Просто не было в нем такого стержня, на котором держится душа.

– Но все же, – не уступал я, – как пошел на такое человек умный, талантливейший? Ради чего загубил он и свою жизнь?

– Да ни ради чего, – Толя уже стал раздражаться. Он не любил говорить на эту тему. – В юности, еще в школе, поймали его на крючок. Вызвали куда надо, запугали, взяли подписку. Вот он и стал стучать. А вырваться из капкана – души не хватило. Вот и все.

Для Толи Хмельницкий был похоронен и залит бетоном.

Но иногда, засидевшись за бутылкой, Толя читал по моей просьбе одно стихотворение Хмельницкого, которое я, находясь под воздействием алкоголя, тщетно пытался запомнить:

*Все мы, граждане, твердо знаем,
Что в начале седьмого века
Под веселым зеленым знаменем
Шел пророк из Медины в Мекку*

*И неслись на рысях номады,
По степям, дорогой короткой,
За посланником Мохаммадом,
Молодым, с подбритой бородкой.*

И так далее. Трезвым Толя никогда Хмельницкого не читал, и просить его об этом было бесполезно.

* * *

Я благодарен Диме Сегалу, выбившему Толе ставку в университете, избавившую от нужды. Но, боясь чего-то, вероятно, его болезни, Толе наглухо закрыли общение с аудиторией, не дали читать лекции. А ему, так любившему живое слово, это было жизненно необходимо.

И он «ушел в подполье», стал организовывать научные семинары у себя дома. Но получать даром университетские деньги – не хотел. Не из тех Толя был людей, что довольствуются синекурой. Он, не выносивший новые литературоведческие школы, – структурализм, прочие «измы», и вообще всяческие попытки «поверить алгеброй гармонию», в последний год жизни дал оппонентам сражение на их поле – и выиграл. Изначальной силой своей природы преодолевая болезнь, написал Толя совсем не «якобсоновскую» работу «Вакханалия» в контексте позднего Пастернака.

Вот она лежит передо мной с надписью автора:

*Когда я, изгнанный со службы,
Пойду в запое по миру,
Припомню, как во имя дружбы
Дарил такое Фромеру.*

Работа эта отличается академичностью и холодным отточенным мастерством. Смотрите, – как бы говорит Якобсон своим оппонентам, – я могу делать то же, что и вы. Только лучше.

В «Вакханалии» Якобсон вскрыл один из существеннейших мотивов широкого многоголосия поэзии Пастернака, составляющего живую ткань его поэтической вселенной.

* * *

В последний год жизни Толя женился на Лене Каган. Дней ему оставалось уже не много, и она внесла в них радость, пусть печальную, похожую на тонкий луч, скользящий по стылой глади пруда. Ей, а иногда и Глебу, огромному сенбернару, к неудовольствию Тома появившемуся в их маленькой квартире, писал Толя шуточные стихи, составившие целый сборник.

Впрочем, не такие уж шуточные. Помню, меня поразило и заставило задуматься одно из стихотворений, написанное за три месяца до смерти:

ДИАЛОГ

*Не жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
А поскорей хочу концы отдать.
Горька, сладка ли – чарочка испита.
Откинуть бы, не суетясь, копыта.
Но кто-то востроглазенький и злой
Подмигивает: «Значит – с плеч долой?
Определим сюжетец: дезертиру
Приспичило в отдельную квартиру».*

В последние свои месяцы он все чаще возвращался к мыслям о смерти. Говорил, что смерть – это естественное прекращение слепого движения жизни. А как и когда это происходит – не столь уж существенно. В какой-то момент мы исчезаем вместе со всей Вселенной. Вот и все.

Он не только не верил в загробное существование, – он этого смертельно боялся. А что если человек тащит за собой *туда* время не только грехов своих, но и страданий?

Запись в дневнике 28.6.1978: *Койка – покой – покойник. От – дых. Отдыхался – окончательно отмаялся, отмучился. Подлинная полнота – полнота небытия. Нет ничего страшнее мысли о загробном инобытии. Ужас, если не в ничто, не в никуда, не в никогда.*

* * *

Болезнь прогрессирует, причиняя ему ужасные, почти непрерывные мучения. Его болезнь – это физическая боль души.

Запись в дневнике 10.8.1978: *Очень жалко, что у меня нет души, а то бы я вынул ее, как зубы, и положил в воду, и у меня бы ничего не болело. Почему это ничто так болит?*

Уже не освежает короткий сон, похожий на забытье. Страдания непрерывны, пронзительны. Но безмерному страданию соответствует неизмеримая сопротивляемость. Постепенно она начинает ослабевать.

Близится роковой день 28 сентября.

Периоды депрессии становятся все тяжелее. Все реже сменяет ее иллюзорная, не дающая душе отдыха эйфория.

В тот последний день я работал с двенадцати. В 11 позвонил Толя. «Вовка», – произнес он – и замолчал. Через пять минут я был у него. Он открыл спокойный, побритый, с ясными глазами. С обрадовавшей меня убежденностью сказал:

– Мне уже намного лучше. Зачем ты приехал. Тебе ведь – на работу. Заходи вечером.

– Да ладно, – говорю. – А Ленка где?

– На базаре.

– Я, пожалуй, ее дождусь.

– Не стоит. Ну, если хочешь, подвигаем шахматшки.

Сели к столу, и он прибил меня быстро, в блестящем стиле, с жертвой коня. И я успокоился. И ушел. Не насторожило и то, что в дверях, прощаясь, он вдруг обнял меня...

Потом мы вычислили, что повесился он в тот короткий период в 40 минут между моим уходом и возвращением Лены. Поздно вечером Майя нашла его в подвале, висящим на поводке Глеба.

По Москве долго кружила версия, что в свой последний день Толя играл в шахматы с товарищем, проиграл, потом долго искал его, чтобы взять реванш, и, не найдя нигде, – повесился.

Свидетельствую, что последнюю шахматную партию в своей жизни он выиграл.

* * *

Приблизительно через месяц после его смерти поздно вечером приехал ко мне Гриша Люксембург.

– Пойдем навестим Толю.

Вижу, в кармане у него бутылка.

– А не поздно? – спрашиваю. Гриша пожал плечами.

Кладбище на Масличной горе под ночным небом, похожим на опрокинутую черную чашу, расцветенную равнодушными далекими огоньками. Угрожающие бесформенные очертания надгробий, напоминающих серых животных. Ищем могилу на ощупь. Нашли вроде. А вдруг не она? Темно, жутковато.

– Гриша, – говорю бодрым голосом, – тут же Толя. Он нас в обиду не даст.

– Да, – подхватывает Гриша, – пусть только попробуют. Он их так причешет.

Гриша разлил и выплеснул остаток на сухую, каменистую, давно остывшую землю.

* * *

Он пришел ко мне через полгода. Во сне.

Квартира, в которой полно народу. Какая-то вечеринка. Вдруг входит Толя – быстро, по-бычьи нагнув голову. Он в синей курточке. Ворот рубахи расстегнут. На шее – багровый рубец. Все его радостно приветствуют, никто не удивляется. Завязывается оживленный разговор. Он медленно, с наслаждением набивает трубку. Закуривает. Я не могу глаз оторвать от его лица. Молчу. А он меня как бы и не видит.

Вдруг все исчезают. Мы одни. Он взглядывает на меня исподлобья – и спрашивает:

– Ты ведь знаешь, что я умер?

– Знаю, – говорю, – я ведь тебя хоронил. – Делаю движение к нему, пытаюсь обнять, но он знаком показал, что этого – нельзя. Тогда я тихо произношу:

– Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть. И, значит, есть загробная жизнь?

– Есть, – отвечает сразу, словно ждал этого вопроса, – но совсем не такая, какой ее представляют люди.

– Хорошо ли тебе там?

Он медлит с ответом.

– Фигово. Нельзя ни выпить, ни бабу поиметь.

– А их ты видишь?

– Кого?

– Анну Андреевну. Маму.

Он не ответил, наклонившись, раскурил трубку – и вдруг исчез.

Трубочный дымок еще долго поднимался к потолку, но его уже не было. Вскоре началась самая тяжелая полоса в моей жизни. Думаю, он приходил предупредить меня.

Ася Лapidус

ЧТО С ВОЗУ УПАЛО – ТО ПРОПАЛО

Упущенная глава

Иерархическое общество возможно только на основе бедности и невежества.

Орвелл

Вещи – предметы – цены им нету

...люди как люди. Любят деньги, но это всегда так было ..Ну, легкомысленны... ну, что же... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их.

М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Под детской кроваткой моей проживали два чемодана – один черно-глянцевый красавец, а второй так себе – ничего особенного – коричневый скучно-поношенный ветеран. Из открытых чемоданов шел старинный пыльный запах, по которому резво катались белые снежные шарики – их хотелось хотя бы разок лизнуть, но на то был строжайший запрет – потому что смертельный яд. От риска наполам с интересом лизнуть хотелось еще больше – но ничего не поделаешь – приходилось сдерживаться.

Однажды у чемоданов случился заморский гость – как снег на голову – из страны под названием Бессарабия. Большой и толстый – он под кроваткой помещался с трудом. Его привезли к нам на хранение какие-то полужнакомцы – мужчина и женщина – сами-то они куда-то уехали и пропали. Я их запомнила – молодые и веселые – он загорелый, высокий – с кудрявой непослушной шевелюрой и синими, хотя и бритыми щеками, она тоже мажорно-черноволосяя и кудрявая с громким ярко-красным напомаженным ртом и быстрыми движениями.

Уехали они, и все не приезжают да не приезжают, уж мама сердится – надо убираться – пол мыть, пыль стирать – наши-то чемоданы легкие, а чужой – недаром, что тяжеловес – застрял – не вытащить никак. Мама тянет-потянет, вытянуть не может, ну прямо, как в сказке про репку – вот я и тут как тут – вдвоем и вытянули.

Оказавшись на свободе, чужеземный чемодан возьми да и раскройся – сам по себе. Ужас какой-то – он был битком набит деньгами – прямо до отказа. Мама испугалась – ни в сказке сказать – ни пером описать – давай скорей закрывать-запирать – да никак. Пришлось мне усестись на округлившуюся крышку – заперли.

В конце концов забрали они этот проклятый чемодан. А мама потом все вспоминала:

– Дура – я дура. Надо было хоть одну купюру да взять. Они бы и не заметили – а заметили бы – так им и надо. Разве можно без предупреждения такое. Мы были в такой бедности – а они даже конфетку ребенку не принесли...

Наши-то чемоданы, хотя иногда и проветривались, тоже были почти всегда закрыты, – там была память – старые фотографии и всякие старательно оберегаемые – хранимые забытые вещи – у которых была и история и география. По тем временам памяти избегали, как только могли, и чемоданы открывались довольно редко. В унылом изрядно подержанном – обитал привезенный из заграничного пу-

тешества в незапамятные довоенные доисторические времена папин аккуратно сложенный парадный черный костюм-тройка – можно сказать, так и не ношенный – папа давно из него вырос, к тому же парадных случаев совершенно не случилось. А в чернокожем красавце на фоне старых фотографий скучал-прозябал мамин тоже ни разу не надеванный свитер – подарок ее старшего брата дяди Арона.

Этот тоненький, шелковистый на ощупь свитерок – довольно муторного колера, который мама называла горчичным цветом – мамин старший брат дядя Арон привез из Германии, откуда приехал, как только после войны освободился из плена. Появление дяди Арона в Москве было настоящим чудом, потому что пленные солдаты-евреи в Германии не выживали. А ему повезло – он совершенно не был похож на еврея, и никто его не выдал, чем он и спасся – но ненадолго – от советской власти не уберечься – был в плену – ступай в тюрьму, точнее в лагерь. Вот у мамы и не поднималась рука на эту нарядность, да и времена были – не до щегольства. Но когда Елка – дочь папиной расстрелянной сестры приехала повидаться с нами после тюремных мытарств и собралась на свидание с молодым человеком, мама дала ей этот береженный свитер. Мне об этом Елка рассказала по телефону уже сейчас – рассказывая, смеялась – отправляя ее на свидание, родители мои волновались:

– Повстречались-то мы с ним в поезде Куйбышев-Москва, когда я ехала к вам в гости знакомиться. Откуда и что он – неизвестно. Я, конечно, вижу, что хороший парень, но они куда как всполошились – забеспокоились – ну, да мне чудно – я ведь детдомовская, не привыкла я – в первый раз обо мне такая забота. Собирали меня на свидание – хлопотали, будто на свадьбу снаряжали, а тревожились, ну, чисто как о ребенке...

А дядя Арон все-таки вернулся из советских лагерей-отсидок – деталей не знаю – никто меня в них не посвящал. Умер он от инфаркта очень скоро по возвращении. Был он высоким, худощавым и какое-то время жил неженатым с толстой, похожей на сдобный калач Прасковьей – кремлевской поварихой, которая нет-нет, да и проговаривалась – то о демократичном добродушии Калинина-Ворошилова, то о неразговорчивой мрачности *самого*, заметно сторонившегося дворни.

Надо сказать, несмотря на известную недозволённость, папа часто и с удовольствием вспоминал о загранице. Пожалуй, больше всего о Сорренто – о встрече с Горьким, удивившем его слезливостью, барским домашним укладом и патетически высокопарным двоедушием речи, не говоря уже об упакованном в кожу мотоциклетном сыне его Максиме. Между тем, и это, пожалуй, для меня было самым главным – встреча с пролетарским писателем происходила на фоне волшебного средиземноморского лукоморья – в неизвестной мне и как бы не существующей части света под географическим названием Европа.

Папа рассказывал о пестром и удивительном – потустороннем мире, где в Германии вручную моют тротуары и пахнет незнакомым благополучием – кофе и сигарами, где неугомонные живописно оборванные неаполитанские мальчишки-сорванцы беззаботно шныряют по улицам, казалось, навсегда провонявшим чесноком, где на самой границе Европы с Азией в легендарном городе Константинополе (как и на юге Италии, там полно инвалидов и горбунов) есть православный храм-мечеть под звучным – совершенно нездешним названием – Айя-София, и в ленивых кофейнях подают лучший в мире кофе, такой вкусный, что и гущу можно есть.

В конце 80-ых – больше 50-ти лет спустя – мы с Джоном по папиным стопам побывали в Стамбуле-Константинополе и пили кофе в местной кофейне, куда нас привел владелец магазина арабского каллиграфического письма, у которого мы ку-

пили 2 работы – одну современную, другую старинную. Работы были красоты необыкновенной – завораживающей, а вот кофе подкачал – я даже спросила – почему слабоват (на мой вкус, впрочем).

– Вы американцы – богатые и покупаете лучшие сорта кофе, – соперничать с вами хоть на кофейном рынке, хоть на каком – пустое дело – у бедной Турции кишка тонка.

Между тем ангураж был самый экзотический. Во дворе, под сенью прохладительной зелени – май месяц, а солнце шпарит. Заведение было еще и курильней.

Из европейских неведомых краев, а точнее из довоенной Германии, папа тогда привез не только проживающий в чемодане воображальский костюм, но еще и фотоаппарат цейсовской оптики. Костюм остался так и ненадеванным (какие там костюмы – вскорости папу посадили), а фотоаппарат он по приезде из заграницы, как и предназначалось-задумывалось, тут же подарил мальчику Юре Давыдову – пасынку Мора – своего товарища и коллеги-сотрудника по канувшей в лету газете под боевым названием-лозунгом "За индустриализацию".

Давным-давно, когда Мора только что поженились, они оставили маленького Юру на папино попечение – тогда они с Юрой и подружились. Потом Юра вырос и стал известным писателем-документалистом – Юрием Давыдовым, и я не знаю – продолжали ли они дружить – в доме у нас он не бывал. Знаю только, что мой папа его любил и гордился его успехами. Так что когда на его сорокалетие родители мои были в отъезде и не смогли пойти на Юрино рождение, они поручили мне – купить букет цветов и пойти к Морам на семейный этот праздник – поздравить именинника. Что я и сделала – впрочем, без особого желания-энтузиазма – находилась в том возрасте, когда идти в ползнакомый дом – а у Моров я практически не бывала – мне, прямо скажем, было не с руки. Но все-таки пошла – а куда денешься?

Сам Мор работал когда-то в почетной Правде, и хотя в те поры он там не сотрудничал, возможно, даже уже пенсионерствовал, но так или сяк жили они в большой трехкомнатной квартире – в правдинских домах, как сейчас помню – отчетливо кубически-конструктивистской постройки невнятно-серого цвета.

Было время, когда в послевоенное лихолетье, в 49-м недобром году Юру арестовали. Папу тогда только поперли с работы – а посадить не посадили – обрели на вечную безработицу – и на том спасибо. Между тем Морам грозило уплотнение-переселение, как семье политического заключенного, да и из Правды аккурат в это время Н.М. Мора тоже выгнали как космополита безродного – Мордковича Наума Моисеевича – такие о ту пору порядки были – могло быть и хуже. Но – слава тебе, господи – обошлось – даже работу ему удалось найти. Однако животрепещущий квартирный вопрос продолжал стоять ребром. Не знаю, как теперь, а тогда – по крайней мере, формально – все жилищные проблемы решал Моссовет, вот папа и обратился к своему самому близкому другу – еще со времен Самары – моему любимому дяде Андронику Осипьяну, работавшему именно там – в Моссовете – в надежде, что тот хоть как-то поспособствует, и квартиру у Моров не отберут.

Эту квартирную историю мне недавно рассказал Витя Мор – сводный Юрин младший брат, я-то ничего об этом не знала. Между прочим, Витя стал физиком и работал в Черногловке в институте с длинным названием, и как я выяснила по интернету, расположенном на улице имени академика Осипьяна – тоже Юры – сына дяди Андроника. Мир тесен и полон дурацких совпадений.

За себя папа никогда не просил, хотя мы жили в подвале – в условиях, мало напоминающих человеческое жилье – он ни за что никому не хотел докучать,

сколько мама не настаивала – отказывался наотрез, а для Мора хлопотал и добился – оставили им квартиру. Вот туда-то я и отправилась с цветами.

Ну, что сказать – дальше кухни Вера Самойловна – жена Мора и мама Юры с Витей – меня не пустила. Год – между тем, стоял 64-й, бояться им опальной семьи нашей уже было нечего, а вот в 49-ом для давешнего сидельца суета вокруг сидельца недавнего создавала известный не очень уютный микроклимат. Но дело было не в застарелом страхе – просто мы не принадлежали номенклатурному комильфо. Папы с мамой она скорее всего постеснялась бы – а со мной не церемонилась. А я, честно говоря – я тогда даже обрадовалась – не надо было сидеть в гостях, отвечать на вопросы и улыбаться.

Когда приехали родители и спросили о Юрином дне рождения, тут-то мне пришлось рассказать все, как оно было – мама тогда заметно расстроилась – и за меня и за папу. Сама-то она и в грош не ставила пресловутый табель о рангах, как не уважала писанину писательского бомонда советского разлива. Но промолчала. Прорвало ее спустя много лет, когда мы с ней вспомнили об этом. Папы уже давно на свете не было.

– Элига советская – в просторечии накипь – это тебе не фунг изюма – бульон-то помойный с соответствующим ароматом. Ну, известное дело – подголоски – они еще почище голосов. Вперед забегали-упреждали. А писали... Белиберда – чистейшей воды белиберда – беспардонная агитка – брехня и скупа. У папы хотя бы живой ум был – любознательный, ему то, о чем он писал, интересно было, ему все было интересно. А им было интересно только собственное благополучие. Вот и Мор писал – набор канцелярских слов – лозунгов да и только – сказала, как отрезала.

Это она так потом говорила, а тогда за наше с папой унижение мама огорчилась безмерно – хотя из жалости к нам виду как бы и не подала – проглотила, вроде, обиду, а на лбу-то все равно написано было – не скроешь. Папа – тот только посмеялся добродушно. Он умел не заострять внимания на всякую ерунду и был прав – эпизод был дурацкий и к нам отношения не имел. Только позже я поняла, какая умная порядочность стояла за этим его отношением к событиям и людям. Впрочем, откровенно говоря, теперь-то я думаю, они оба были правы.

...И плачет по-французски...

На фоне всеобщей подозрительности, и что греха таить – окружающей враждебности – дом – жалкое жилище наше о шести квадратных метрах – ограждал нас от злокачественности повальной опасности. В нашем доме мы друг от друга совершенно не таились – недоверие в доме – последнее дело – нет, этого не было никогда, чистосердечие и взаимность – были подлинными – груза скрытной настороженности оставался за порогом. Но за малого-то ребенка боялись – щадили, оберегали – и помалкивали, так что хотя жили в немислимой тесноте – на глазах друг у друга – не укроешься – все равно, многое осталось за рамками моего поля зрения, а уж о понимании и говорить не приходится. Оно осталось за кадром.

Когда собирались в эмиграцию – и все писаное – бумажное подлежало уничтожению – весь наш семейный архив – вот тут мне кое-что и приотворилось. Тогда-то – в горькой суматохе предотъездных сборов – ускользающее внимание мое споткнулось о связку старых французских газет. Недоученного моего французского только и хватило, чтобы прочитать папино имя в качестве автора довольно многочисленных и обширных статей. Мне бы посидеть, разобраться, а то и просто

поплакать над пожелтевшими газетными страницами, но не могла я позволить себе этого – вот я и увязала иностранные, непривычного формата листы вместе с другими бумагами, чтобы кремировать – и в топку – в безжалостный огонь. А спросить у мамы об этих статьях – так и не спросила.

Я много чего так и не успела у нее спросить. Вот и не знаю, кто приносил нам в тяжелые времена деньги, когда нам жить было просто не на что. То, что деньги приносили – я сама видела – но как-то так секретно, что было непонятно от кого. Было заметно, что это мучительно – приниженно горько для обоих бедных родителей моих – как тут было вникать – вот я и не заостряла внимания. Уже потом, когда папы не стало, мама кое о чем проговаривалась, но вскользь и как бы на другую тему.

...По-немецки и по-русски...

Не сказать, что в доме у нас иностранные языки были в ходу. Отнюдь. Идиш – конечно, но идиш был не в счет. Тогда он официально именовался еврейским языком, а о еврейском я не знала ничего – для меня – идиш был просто повседневной данностью сугубо домашнего происхождения – засекреченным наречием, на которое родители переходили, когда вели разговоры, не предназначенные для моего детского уха. Ну, а я – даром что необученная – быстро освоилась со всеми их тайными секретностями, дети – они такие – от них не скроешься – незаметно я начала понимать все свободно – трудно сейчас поверить – вплоть до идиом – досконально, совершенно не вникая, что это за язык такой. Не понимала я, что для родителей идиш был – первородным – родным. Для меня он был просто неофициально домашним и еще – негласным. Самые же секретные слова были на иврите – языке древнем и потому почитаемом – вроде латыни – о нем я знала, как знала, что и мама и папа изучали его еще до всяких школ-гимназий. А про идиш ничего не понимала. Позже, когда мы с мамой остались совсем одни на божьем свете – мы иногда говорили между собой на идише – это давало дополнительное ощущение доверительной родственной близости.

Однажды, в Коктебеле, отправилась я на прогулку с молодым человеком. Мне он очень нравился, в я ему – как мне казалось – вряд ли. Но на прогулку пригласил. Там в безлюдье горного пейзажа – он запел – громко – во весь голос – знакомую мне песню на идише – меня отшатнуло – он без спросу бесцеремонно ступил на непредназначенную для него бесшумную территорию интимной домашности.

А иностранные языки все-таки случались на нашем домашнем небосклоне. Иностранные американские Сказки дядюшки Римуса, которые попали к нам по наследству из библиотеки дедушки Лapidуса – были почему-то по-немецки. Папа мне читал их прямо с листа – уже на русском языке. Зато спустя годы, когда пришлось ему сдавать кандидатский экзамен по тому же самому немецкому языку, он его едва не провалил – сдал со скрипом на троечку – с большим трудом.

Между тем, для меня, бывало, и русский звучал непонятней иностранного. Малахитовая шкатулка Бажова пестрела загадочными фольклорно-архаичными и словами-оборотами – недоступными для ребенка – малолетней дошкольнице читать это самой было трудно – и папа милосердно приходил на помощь – с листа вслух перелагал в уже адаптированный текст – чтобы было и мне понятно.

Много-много позже я так же пыталась читать внучке Щелкунчика Гофмана – ничего не получилось – ей было не интересно, ну ни капельки – хотя мы только что

вернулись из театра, где она совершенно потерялась в волшебной сказочности балета – но для нее мое чтение-перевод – обернулось скукой – похоже, у них теперь другие сказки, тем более, что она давно сама читает, а может, это моя вина – не знаю.

Красота – в решетке

– Иду себе по улице. Смотрю народ толпой – не, сказать, что густой, но все-таки – да и знакомые все лица. Ну, я за ними. Когда сообразил, что это демонстрация в защиту Троцкого, было уже поздно, к тому же любопытство – никуда не денешься – пересилило чувство опасности – это потом я боялся даже и вспоминать об этом – но тогда пронесло – дуракам счастье.

Папа – светлая головушка – был талантливым до чертиков, и к тому же энциклопедическим, но совершенно необстоятельным, вдобавок – несерьезно-ироничным – редкостного разлива – интровертного. Страх в нем, конечно, по тем временам жил–проживал за мое почтение – но самоирония родилась раньше и по праву первородства брала верх, и когда он рассказывал всякое-разное, иногда – хотя и очень редко, прорывалось и небезопасное – скажем прямо, эта история не была предназначена для моих ушей – подслушена была эта история, потому и запомнилась до копейки – никуда не денешься – одна комнатуха – а малый ребенок начеку – ухо остро – все видит, все слышит, на ус наматывает – запоминает. Впрочем разговоры, предназначенные для меня, были политически безобидными, хотя, возможно, педагогически отнюдь не благочестивыми – уж очень он неавторитетно смеялся над собой:

– Да, что говорить, я и впрямь дураком был – первостатейным – впрочем, услужливым – из тех, кто опаснее врага. Как-то раз – молодой был и холостой – шел на день рожденья – вижу в окне кондитерской торт – великан, я такого никогда не видел – изображал этот торт замок с башенками – прямо как из Щелкунчика. Я в кондитерскую. Они ни в какую – непроданный продукт – у нас такой только на витрине. Давайте с витрины – говорю. Едва уприсил. Неподъемный торт, но – принес. Успех имел огромный. А назавтра –

*– Пришлите, пожалуйста, капли:
Мы лягушками нынче обжелсь,
И у нас животы разболелсь!*

Не первой свежести оказался торт. Отравились и животами маялись все, кроме меня – я его и не попробовал в суматохе – да и крем всякий – ты знаешь – терпеть не могу – зато любоваться сколько угодно. Хотелось произвести впечатление, вот и произвел. Так мне и надо, ну, а остальным-то за что? Держаться от меня надо было подальше.

Подальше и держались. По небызвестным временам – просто из страха – политическая неблагонадежность – заразная болезнь, а бережного, как известно, и бог бережет. А по новым-то временам – не таким уж, кстати, и новым – не сказать, что властвовала инерция страха – просто номенклатурная и всякая другая – научная там или художественная элита – как бы она не называлась – все равно была номенклатурной – такой уж ее вождь сделал да и сами, скажем прямо – не промах – чиновопочитанием жила элита – самым что ни на есть лакейским и – никуда не денешься – по-лакейски была хамовата. Главное – не выходить из круга – ох, и крепко они держалась друг друга – потерять статус – боже упаси – прочь-прочь нечистая сила.

Папа от этого отворачивался, просто не замечал. А мама все понимала – она была трезвой – житейской – горечь этого ее понимания навсегда застряла в воспоминаниях о моих детских годах –ничегошеньки не зная – не соображая – я всего лишь чувствовала – чутким испуганным сердцем. Страх и бесправие –такое вот случилось домашнее воспитание. Бедная натруженная мама – всегда в тревоге и самоограничении по необходимости защищать беззащитное гнездо наше – ограждала меня, как только могла, вот и я вслед за ней, толком-то ничего ни в чем и не смысла– никогда ни о чем не просила – мне, вроде, даже как будто и не хотелось – не знала я, что может чего-то хотеться – мне и так хорошо было.

Это теперь уже в Америке – прорвалось – бывают со мной случаи. В деликатесном магазине в *Little Italy* заприметила я однажды в витрине две гигантские бутылки со всякой разноцветной разнокалиберной зеленью –в одной залитой уксусом, а в другой – оливковым маслом – изумрудно-золотистым калейдоскопом. Каждая бутылка была снабжена краником-крантиком и ярлыком-описанием – загляденье да и только. В прежние-то детские времена я бы созерцала-лицезрела витрину, украдкой наслаждаясь ее красотой совершенно платонически-бескорыстно. А тут увидела и потеряла покой, пока не выпросила у продавца – чтобы продал он мне это несусветно редкостное чудо. Как доперли бутылки до дому – хоть и в такси – все равно непонятно – взгромоздили на кухне – и сразу стало тесно. Тут я возми да и открой крошечный крантик – вот он и он остался в руках, зато из дырочки быстро потекла остро пахнущая жидкость – убирались мы целый день, но запах остался надолго – в наказание – так мне и надо – барахольщице безголовой.

Все это, конечно, от детской неизбалованности. Время такое было – не до баловства. Джон мой тоже рос, хоть и в благословенной Америке, но отнюдь не в райских куцах. Как и все поколение наше – военно-послевоенное, недополучил он витаминозных детских радостей, так что и с ним случаются оказии того же самого вполне курьезного свойства. В тому же мы с мамой после многолетнего одиночества-сиротства наперебой давай его баловать – вот он с непривычки и расслабился и возмечтал... С детства мечтал он о большом-огромном именинном пироге-торте – чтоб во весь стол. Заказали торт – ну, просто необъятный. Джон млел – а гость – не в пример нам, гость толк в жизни понимал, и торт есть не стал – в доказательство того, что качество с количеством могут вступить в противодействие – более того, убедились мы, что внешняя красота может скрывать глубокие внутренние недостатки, а детские мечты – они такие – разлетаются вдрызг в повзрослевшей яви.

Бедные родственники

Оказывается, и у нас были бедные родственники, а мы об этом и не знали, то есть, конечно, мы их знали – это была семья папиной двоюродной сестры – школьной учительницы математики в подмосковном городе Веряе. Знали мы и о том, что муж ее погиб на фронте, и она одна растила двоих детей – мальчика Валу и девочку Надю и жалели их, как жалели тетю Груню – вдову папиного брата – без вести пропавшего в ополчении, так и не вернувшегося с войны – тоже растившую двоих – на вполне грошовую зарплату врача-педиатра. Жалеть-то жалели, а помощи от нас никакой – сами-то не лучше – безработные да вполне бесправные. Но юному Вале казалось несправедливым, что они жили в крайней подмосковной нужде на фоне нашего столичного благополучия – о чем уже сейчас он с горечью проинформировал меня – состарившийся троюродный брат мой, ныне живущий в солнечной Калифорнии.

Прав старик Эйнштейн. Все в мире относительно и зависит от системы отсчета. Вот если бы могли двигаться со скоростью, превышающей скорость света, то жили бы в другом, возможно, лучшем мире, а так – живем, как живется, впрочем, и на том спасибо.

Кстати, у меня на письменном столе стоит-обитаёт белый фаянсовый бюстик Эйнштейна. В голове у него дырка – потому что это копилка. И на великого физика он похож только в профиль, а в фас – чистый Марк Твен. Но на постаменте написано честь по чести: $E=mc^2$ – Эйнштейн – никуда не денешься. Сделано, как водится, в Китае. А купила я его в сувенирной лавке чуть в стороне от 42-ой улицы – увидела в витрине, а магазин закрыт – выходной. На следующий день – бегом – за Эйнштейном. В поисках сходства с оригиналом мы на пару с улыбочивым толстяком-гигантом – молодым чернокожим продавцом перебрали-перелопали целую груду Эйнштейнов, тщательно упакованных в белые картонные коробки – открывали и смеялись от души – выбирай – не выбирай – все на одно лицо – по весьма приблизительному образу и подобию – но не более того.

Туда и обратно

Говорят, Палашевский рынок эмигрировал – уехал в Тушино – а в прежние времена моего детства пребывал он на своем месторождении – в Палашах – через арку от улицы Горького. Мы частенько туда с мамой навевывались – она что-то покупала, а может, и меняла ненужные карточки на еду – в этом я не уверена – потому что совсем кроха была и мало что понимала из происходящего. Зато – невозможно поверить – я помню продуктовые карточки – пастельно-разноцветные, похожие на марки – только без картинок.

Мы с мамой долго петляли по рынку – как теперь я понимаю – мама старалась отovarиться, чтобы числом поболее, ценою подешевле – но ни словом, ни жестом – слова *дорого-дешево* исключались из лексикона, как неприличные – про деньги никаких разговоров. Это потом она рассказывала, как это все было безысходно – выгадывать каждую копейку и – чего греха таить – разгребать отходы – с брачком-бочком да с червоточинкой. Надо сказать – талантом – особым женским талантом самопожертвования она владела в совершенстве.

От базарной колготни-сутолки мама заметно уставала – бледнела, а я – я наслаждалась – никогда еще ведь не бывала за городом на природе, а здесь – на фоне просторных – светлых, как бы оструганных деревянных столов под темно-крашенными навесами – незнакомый и прелестный – настоящий сад-огород – плодовоошной удел вперемешку с цветочными кущами-зарослями. Всего непочатый край и все разное – да еще в полной путанице – не чета магазинной скуке, где мы с мамой простаивали часами в унылой очереди, и где на руках нам записывали номера послушенным серым карандашом, чтобы получалось несмыываемо-чернильно.

А здесь – под летним щедрым солнцем в яркой суматошной кутерьме я просто млела, впитывая праздничную зеленую свежесть. К тому же непременно находилась добрая душа, которая награждала меня каким-нибудь особенным подарком – то еще не расцветшей, но уже поникшей нежной скромницей-фиалкой –

- На холодке в темноте обязательно оживет, –
- то роскошным бархатным георгином без цветоножки –
- Нальешь водички в блюдечко – и будет тебе красота.

Я куда как счастлива – глаз не оторвать – это же настоящее Дюймовочкино царство.

Нету там теперь Палашевского рынка – зато есть, как называлась по-старому – Тверская, а привычной улицы Горького тоже вроде как нету – не угодил, видно, властям пролетарский писатель, впрочем, не он один.

Интересно, что случилось с Палашевскими переулками и куда девались Палашевские бани. Новый-то русский любит попариться с чувством – куда нам с мамой до них – мы-то старались поскорее – кое-как поплескаемся-пополоскаемся и прочь – все силы уходят на бесконечное стояние в очередях, а очереди в бани были несусветными – народ московский проживал больше по коммуналкам с ограниченными удобствами и мылся не чаще раза в неделю – в общественных банях. Кроме Палашевских, были еще поблизости Оружейные бани – мы туда тоже ходили – там очередь шла быстрее – банное помещение было значительно больше, зато Палаша в двух шагах от дома, а Оружейные все-таки подальше будут – место – не сказать, что приглядное – трубы какие-то, еще там трамвай ходил, и трамвайные рельсы закруглялись-изгибались по утопанному нечистому снегу – скучное место.

Не помню – в которой из бань – может, в обеих – в предбаннике стояли тяжелые кожаные коричневые диваны с тусклыми зеркальными оконцами по самому верху высоких прямых спинок. Диваны были длинными и щедро-поместительно подразделялись деревянными рамами на отдельные широкие сидения. На это сидение мама, когда помоемся, набрасывала свежую простыню – крахмально кипельно-белую, едва гнущуюся – хрустящую – на ней мы одевались во все чистое, а раздевались на ногах, если нужно, подстилая на сидение снятое-ношеное белье. Мама мне, конечно, помогала – руки подкладывала – как и всегда во всем.

В банном помещении шум стоял грохотом – оглушающе-оглушительный, и пар клубился столбом-коромыслом. И так дышать нечем, а тут еще мама наберет в таз крутого кипятка, оттолкнет-заслонит меня, чтобы не ошпарить, и давай ополаскивать кипятком этим – и каменный топчан, на котором сидеть, и цинковые тазы-шайки, из которых мыться. Это, чтобы не подцепить – не ровен час – никакой заразы. Еще бы – женских тел – столпотворение вавилонское, и болячек всяких разных полным-полно – можно сказать, не счесть – я сама видела. Но самые страшные – это, конечно, банщицы – старые, бледные, как тени, и худущие – кости прямо наружу выпирают, зато зубов нет – обязательно все они без зубов. А тетки, которых они моют, наоборот, сочные – мясистые, краснокожие и зубастые, у них даже лишние зубы случаются – бывает, серебряные, а бывает – золотые. Впечатлений через край. Жарко только очень.

С днем рожденья, милый город!

А тут еще случилось – 800-летие Москвы. Кого ни спрошу – никто не помнит. И я не помню – правда, отрывками – кое-что припоминаю. Мне тогда папина редакция подарила красивую стихотворную книжку в ледериновом переплете, шелковистом на ощупь – желто-золотого цвета – Наша древняя столица называется, Наталья Кончаловская ее сочинила, а проиллюстрировал, по-моему, Фаворский. На развороте – подарочная надпись на всю страницу наискосок – Асе – В этот день Москве исполнилось 800 лет – Во как!

Стихи как-то очень быстро уложились в голове – я и сейчас их помню, но все равно подарочную эту книжку хотелось и читать, и рассматривать. У меня нынче ее нет – она – до 48-го года – в эмиграцию ей было нельзя. Папа, видно, тогда еще работал в Труде, прогнали-то его оттуда позже – в 48-ом – а то был еще только 47-ой год. Сейчас вот пишу и сдурю давай перечитывать книжку в интернете – господи, помилуй! – с момента первоиздания Кончаловская все перепортила, как могла – из исторической – книга стала ура-патриотической – просто стыд.

Вот и по поводу московского юбилея – Пушкинскую площадь тогда изукрашили всякими лозунгами-портретами вождей и обязательными бумажно-картонными украшениями – арками разными – послевоенная, измученная пережитым Москва – стала вдруг натужно пряничной – слащаво-сусальной – казенный декор этот на скучный канцелярский манер ей оказался совершенно не к лицу. То ли дело 150-летию Пушкина. Зима – а по лукоморью Пушкинской площади – ходит по цепи кот ученый – ворожит-завораживает. Так и меня – завораживают детские воспоминания – баснословной сказочностью-небылицей, и впрямь – неужели было?

Журнал «Семь искусств» № 8 (77) /2016 — Ганновер:
Семь искусств. 2020. — 320 с., 22,0 а.л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
Компьютерная верстка Марины Жуковой

Семь искусств
Ганновер 2020

Семь свободных искусств - основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно.

Аристотель. "Политика"

9 781716 933547